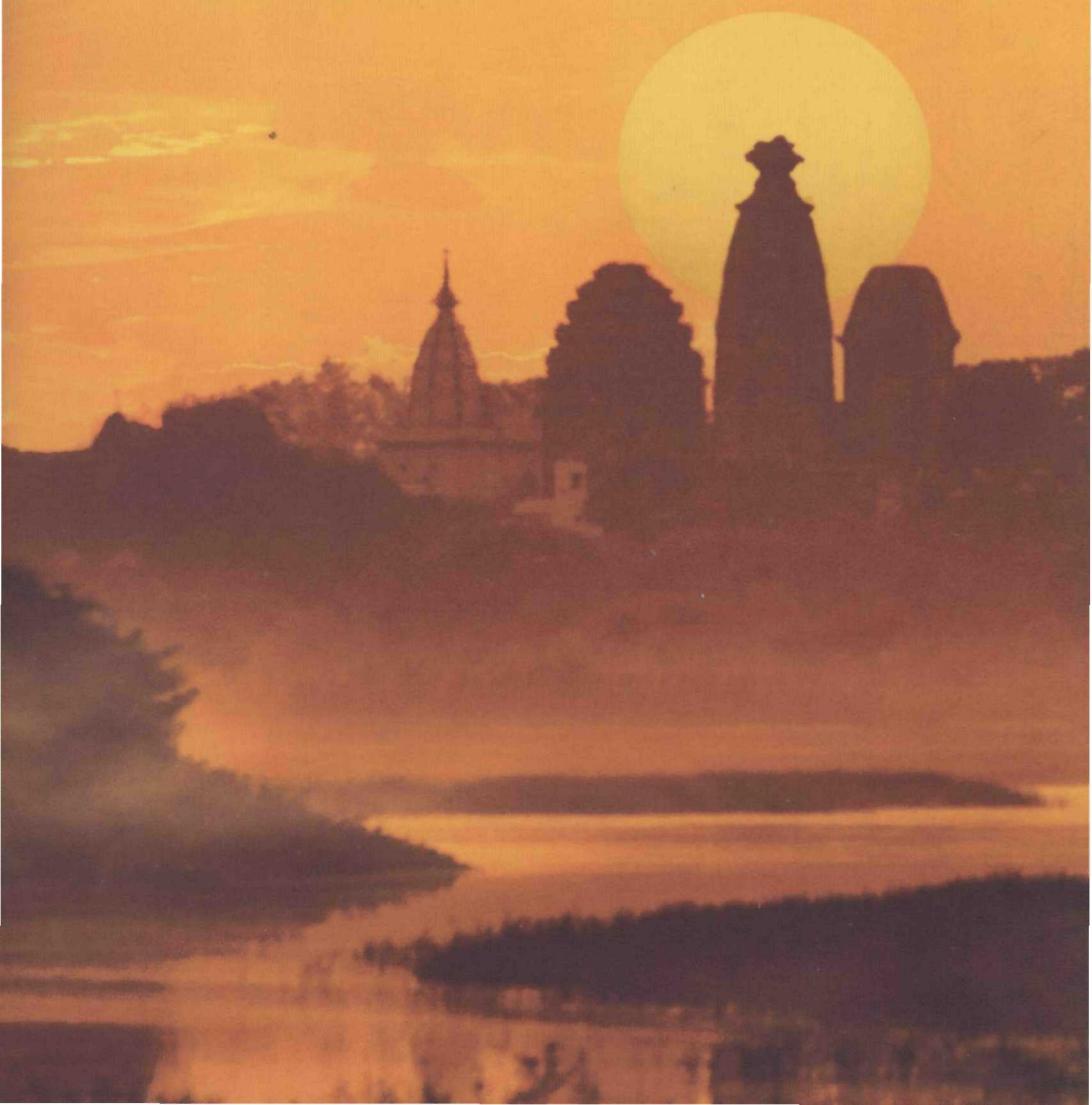

Тысячи миль. Сотни учителей, йогов и мистиков. Одна истина

РАДХАНАТХА СВАМИ

Путешествие Домой

АВТОБИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЙОГА

Необычная автобиография Радханатхи Свами — словно ковер, сотканный из приключений, мистики и духовного опыта. Читатель следует за Ричардом Славиным из пригорода Чикаго через Европу и Ближний Восток в гималайские пещеры и становится свидетелем того, как юный искатель истины превращается в признанного духовного лидера. Пройдя через смертельные опасности и впитав в себя мудрость могущественных йогов и знаменитых учителей, автор попадает в самое святое место Индии, где находит истину, ради которой проделал столь долгий путь.

«Путешествие домой» — это серьезный, но не лишенный юмора и сердечной теплоты рассказ о тех испытаниях, с которыми может столкнуться каждый из нас на пути к внутренней гармонии и единению с Божественным. Это яркий урок самопознания и, одновременно с этим, глубокий взгляд на мистические традиции Востока.

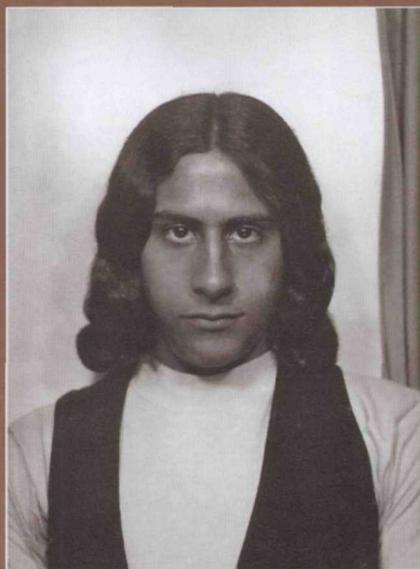
«Вы не пожалеете, прочитав эту ошеломляющую книгу. Путешествие Радханатхи Свами из мира обыденного в мир потаенный вызывает благоговейный трепет. Он с такой решимостью искал истину, что в конце концов встретился лицом к лицу со своей душой. „Путешествие домой“ — это повесть о духовном прозрении. Пусть же как можно больше людей захотят испытать то, что испытал автор».

*Б. К. С. Айенгар,
всемирно известный учитель йоги*

ISBN 978-5-9902090-2-2

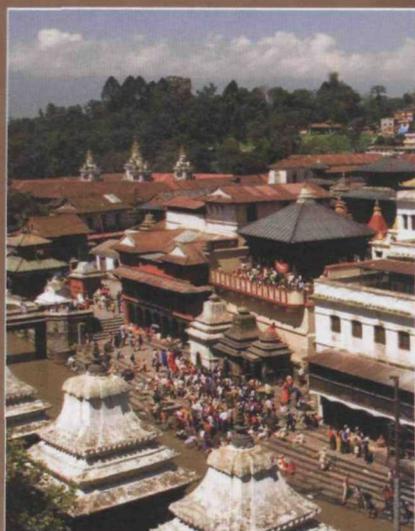
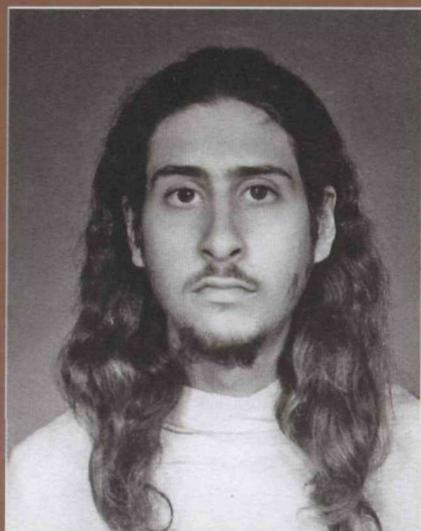
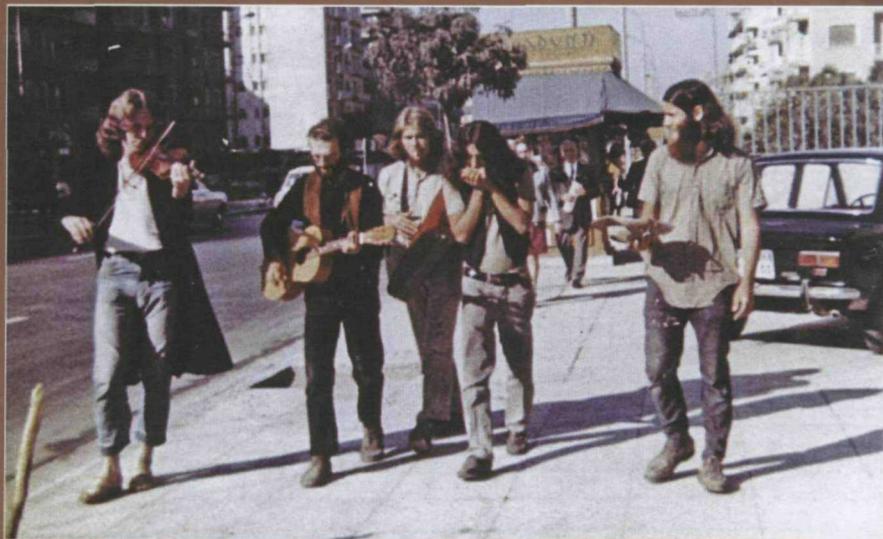

вверху Адель и Джерри Славины, родители автора.

внизу слева Маленький Ричи, будущий Радханатха Свами, в восьмилетнем возрасте.

внизу справа В 1970 году, девятнадцатилетним юношей, автор отправился на поиски истины.

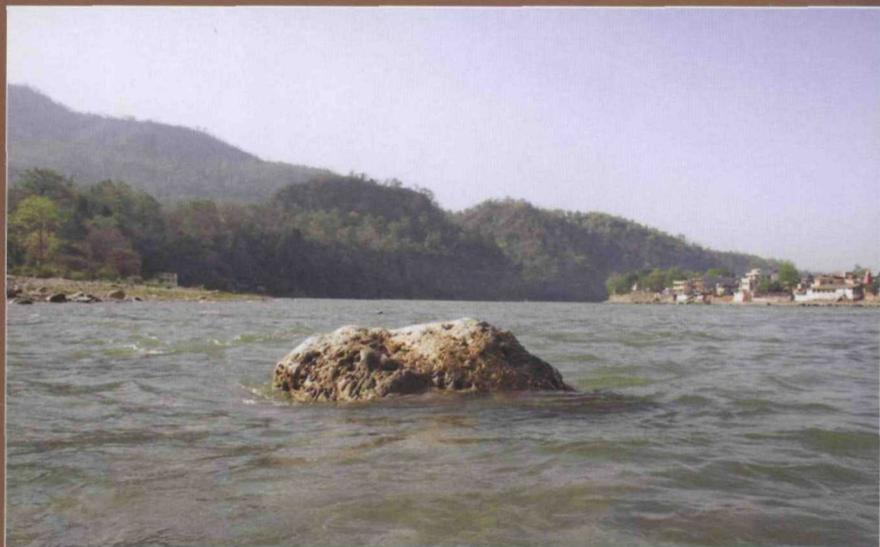

вверху На улицах греческого города. Автор играет на губной гармонике. Справа, со шляпой в руке, — Гэри, самый близкий друг автора.

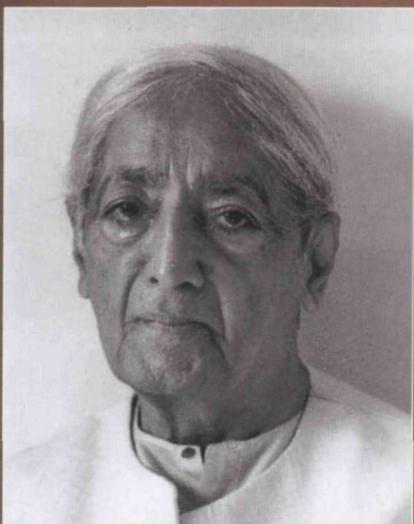
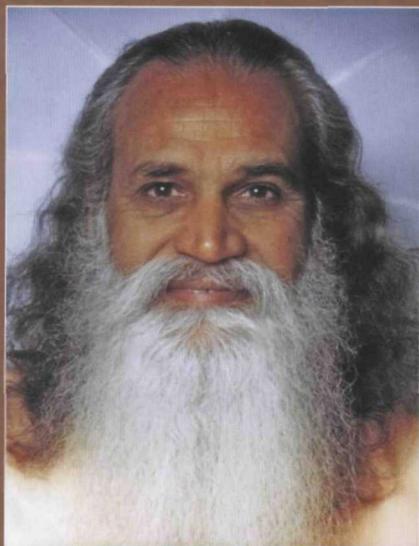
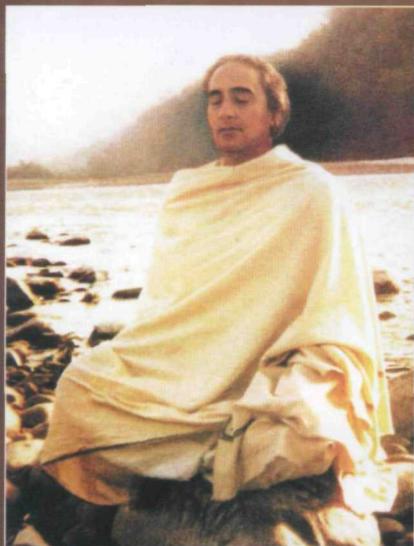
внизу слева Автор в 1970 году. Фотография сделана в то время, когда он жил отшельником в Гималаях.

внизу справа Пашупатинатх, святое место в Непале. Та самая загадочная картинка, которую автор купил в Дели.

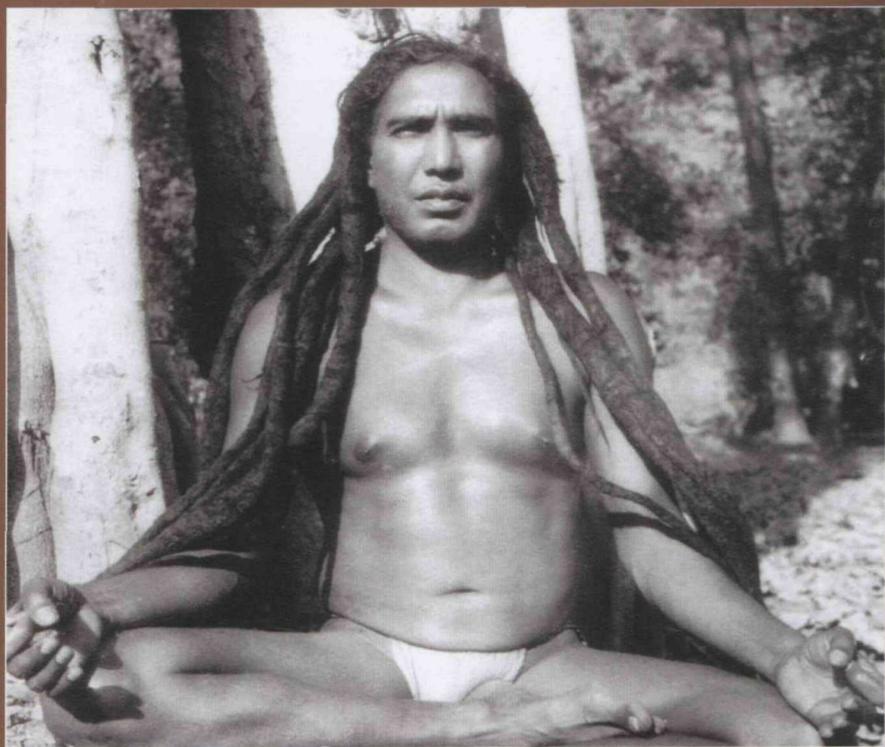
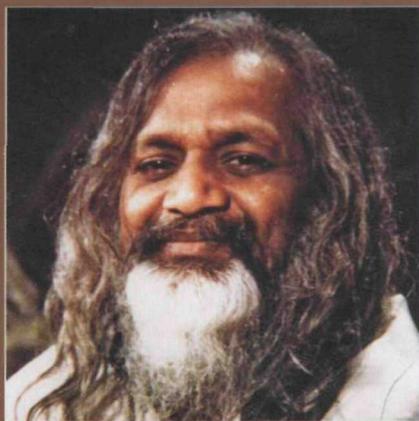

вверху Камень в Ганге, на котором месяц медитировал автор.
внизу Одна из тех гималайских пещер, в которых жил автор.

СВЯТЫЕ И ЙОГИ, КОТОРЫЕ ВОДХНОВАЛЯЛИ АВТОРА В ЕГО ПУТЕШЕСТВИИ

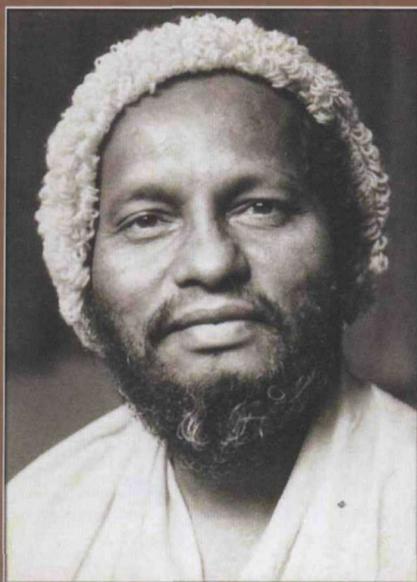
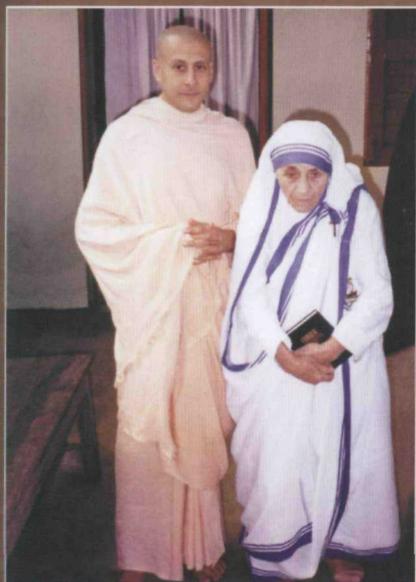
- вверху слева* Свами Рама, основатель Гималайского института.
- вверху справа* Свами Сатчидананда, основатель Института интегральной йоги.
- внизу слева* Джиду Кришнамурти, популярный в свое время писатель и философ.
- внизу справа* Свами Чидананда Сарасвати, преемник Свами Шивананды, основателя Миссии божественной жизни.

вверху слева Махариши Махеш Йоги, основатель программы
«Трансцендентальная медитация».

вверху справа Анандамои Ма, прославленная подвижница и гуру.

внизу Тат Валла Баба́, гималайский йог.

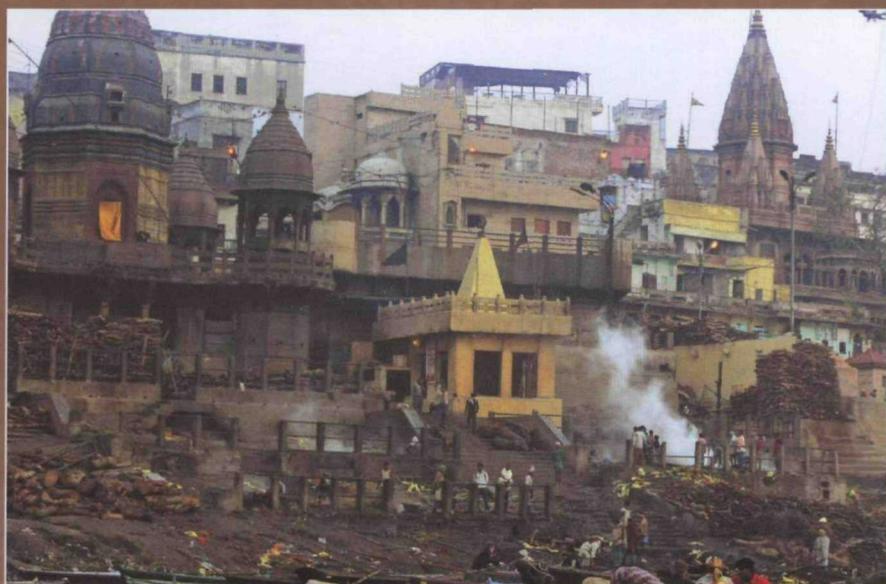
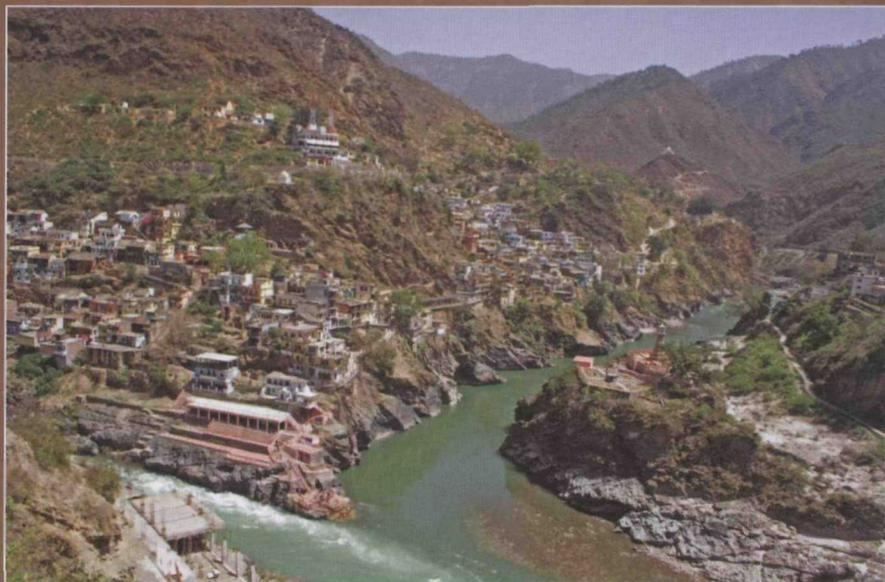

вверху слева Мать Тереза и автор.

вверху справа Свами Муктананда, учитель пути Сиддха-йоги.

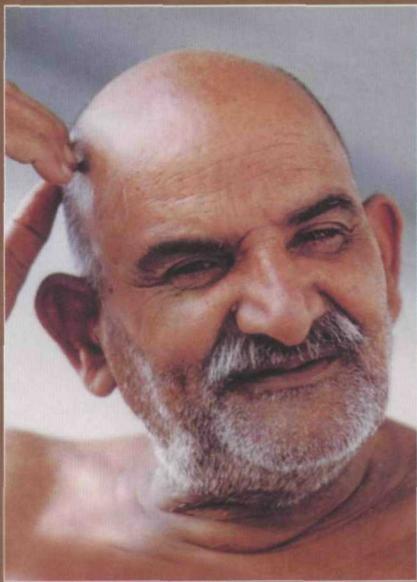
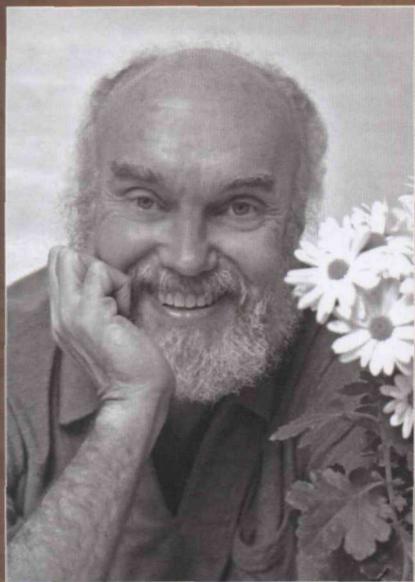
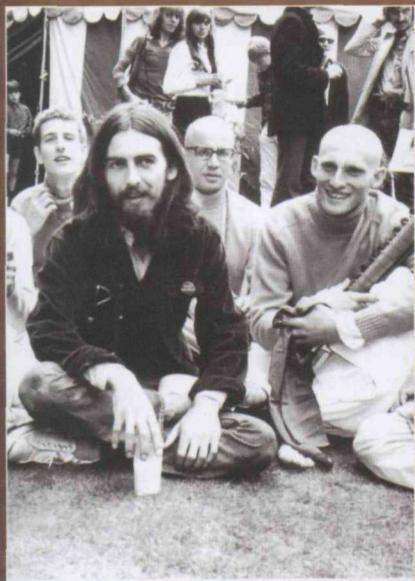
внизу слева С.Н. Гоэнкаджи, учитель буддистской медитации.

внизу справа Далай-лама и автор.

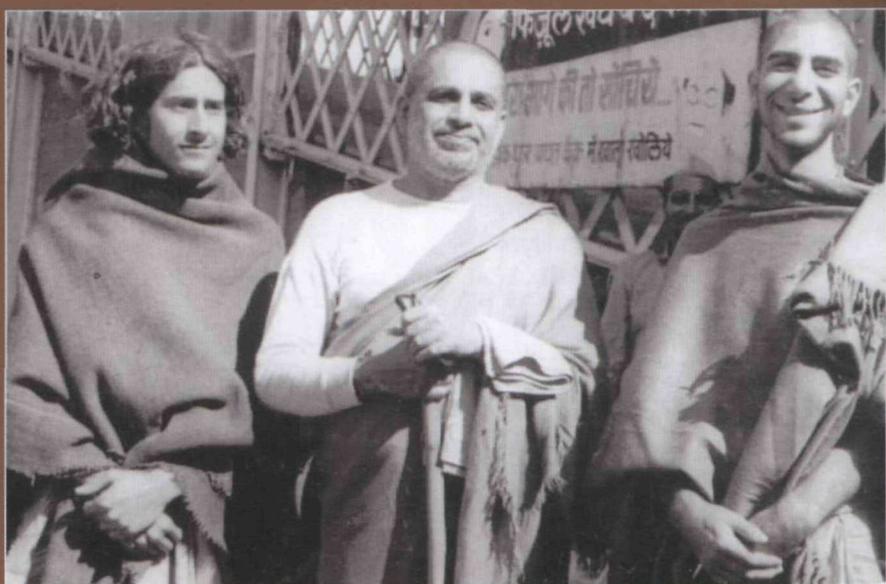

вверху Дев-Праяг. Здесь автор повстречал Кайлаш-бабу́, который научил его, как выживать в джунглях.

внизу Набережная в Варанаси, где проводятся погребальные обряды.

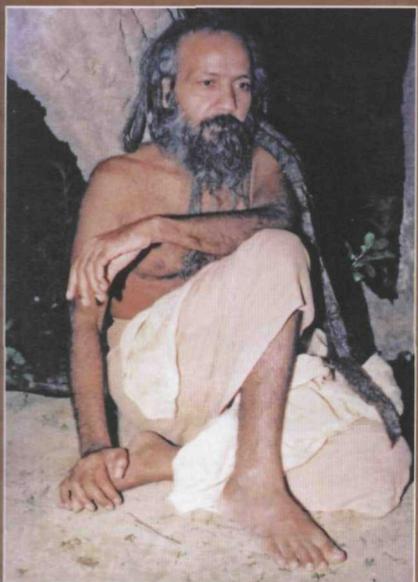

- вверху слева* Джордж Харрисон вместе со своим другом Шьямасундарой.
вверху справа Гэри (сидит справа) вместе с Хэкеттом.
внизу слева Бабá Рам Дасс, автор знаменитой книги «Будь здесь и сейчас».
внизу справа Ним Кароли Бабá, прославленный мистик и гуру.

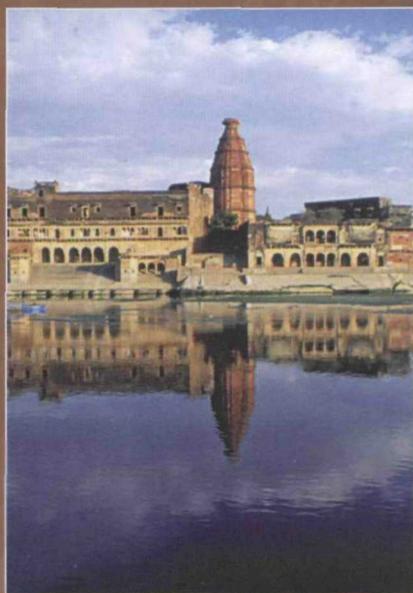
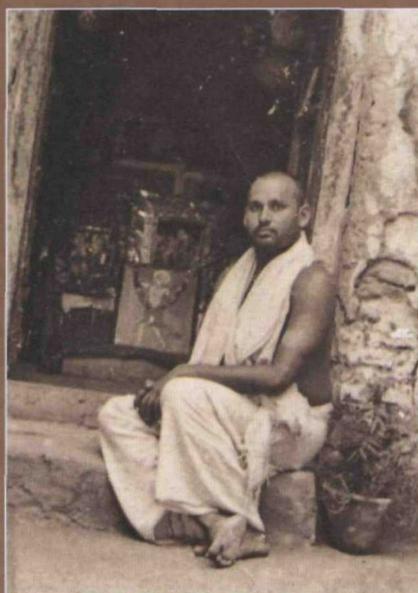
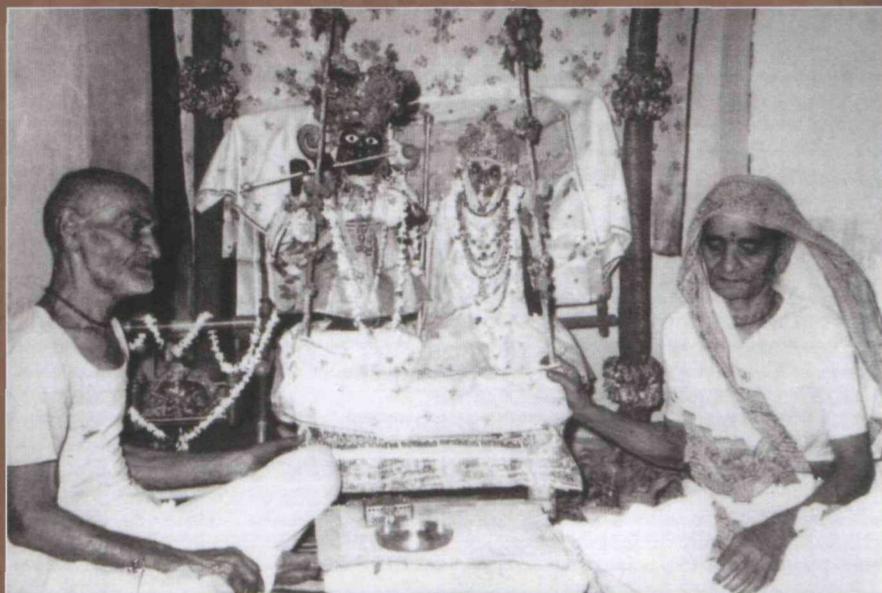

вверху Храм Мадана-Мохана во Вриндаване.

внизу Асим Кришна Дас (справа) и автор (слева) сразу после той незабываемой стрижки.

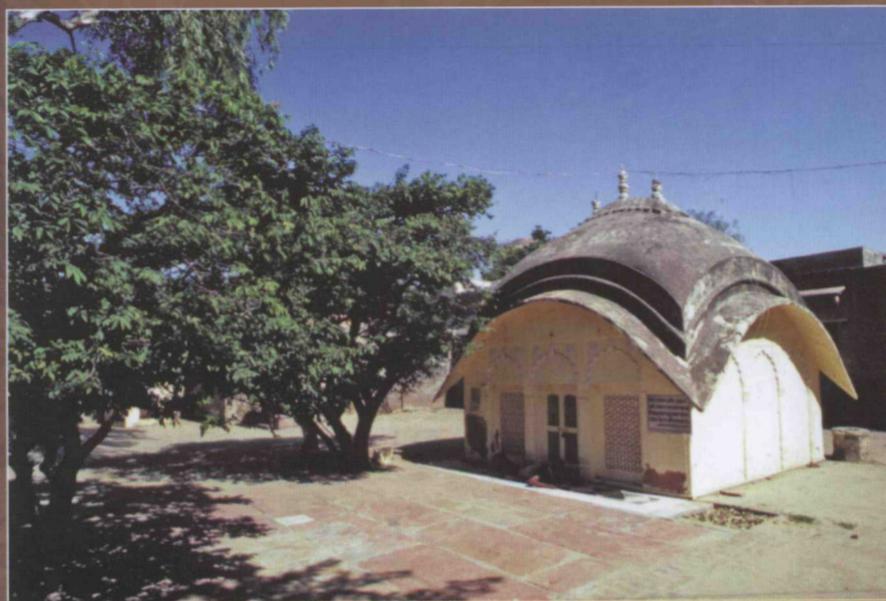
- вверху слева* Свами Бон Махарадж, основатель Института восточной философии.
вверху справа Кришнада́с Бабаджи, знаменитый вриндаванский святой.
внизу слева Шрипад Баба́, основатель Академии Враджа.
внизу справа Вишакха Шаран, один из величайших знатоков священных писаний.

вверху Ганашьям возле алтаря в храме-чуланчике.

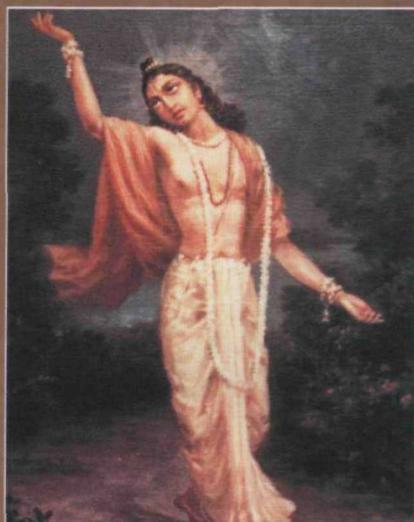
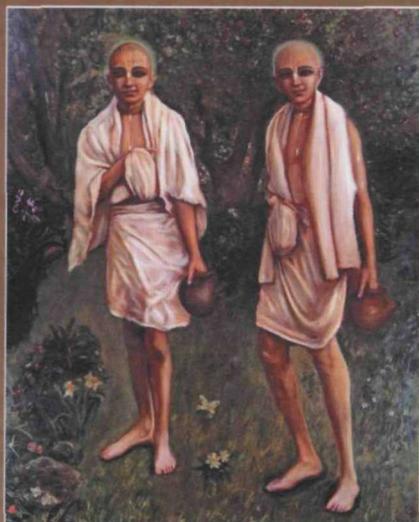
внизу слева Рамеш Баба, отшельник, живший на Варшане, обители Шри Радхи.

внизу справа Река Ямуна, набережная Кеши-гхата (Вриндаван).

вверху Храм Шри Радхи на Варшане.

внизу Усыпальница Рупы Госвами, великого святого XVI века.

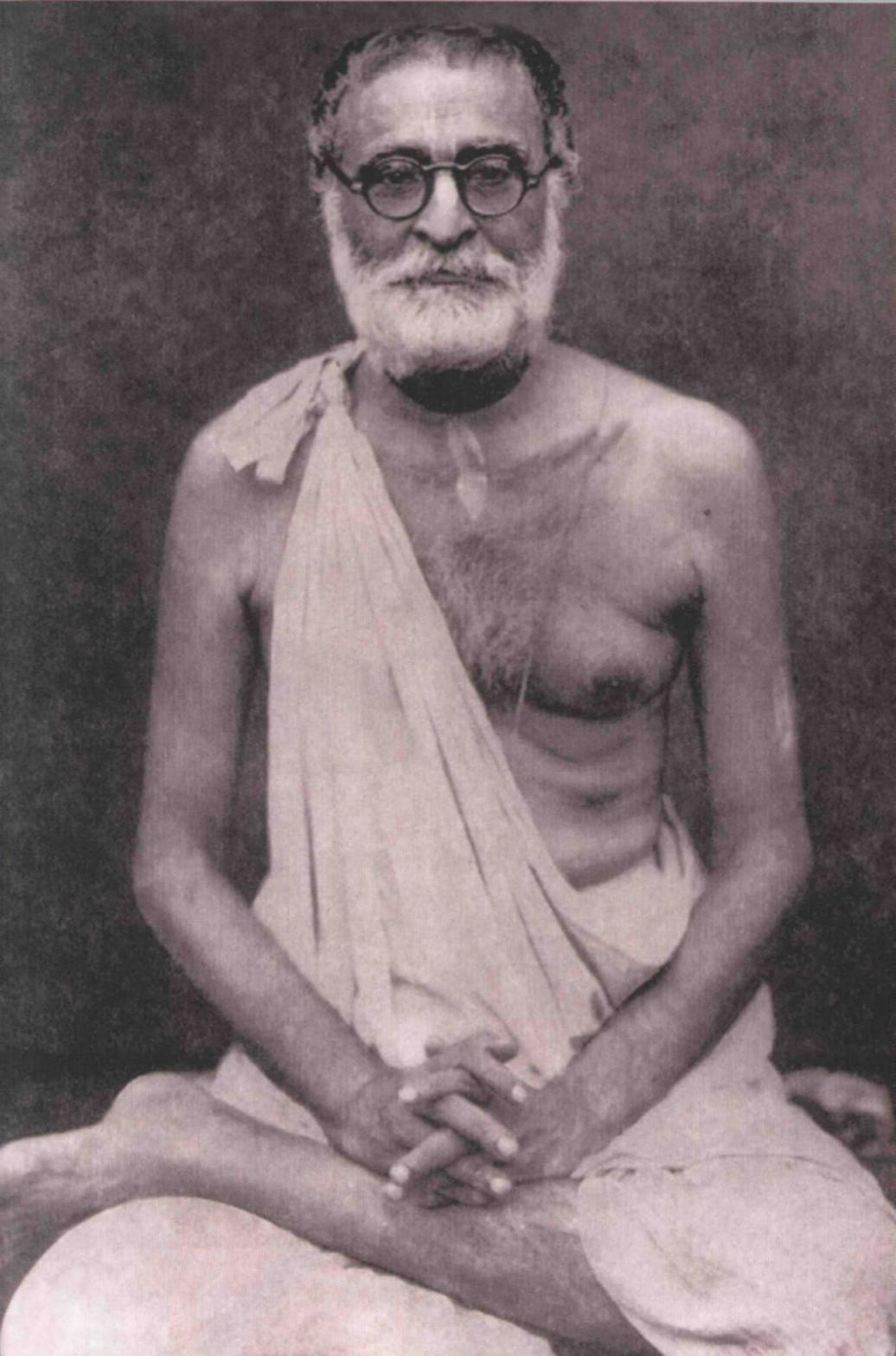

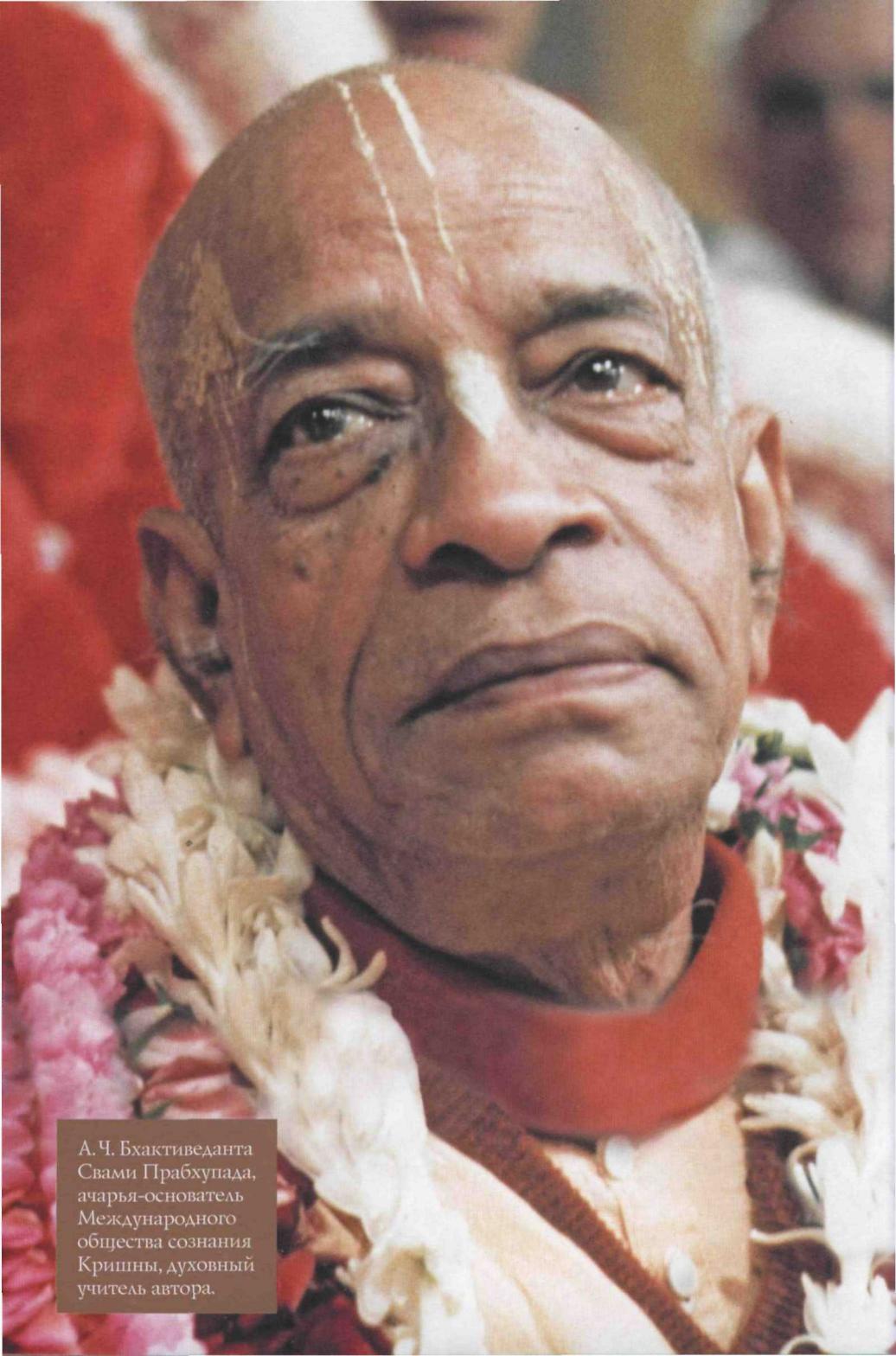
вверху Изображение Радхи и Кришны в окружении гопи (пастушек) во Вриндаване.

внизу слева Великие учителя бхакти, Рупа Госвами и Санатана Госвами.

внизу справа Чайтанья Махапрабху (1486–1533), Верховный Господь, воплотившийся на Земле, чтобы показать людям, как достичь высшего совершенства.

на следующей странице Бхактисидханта Сарасвати Тхакур, ачарья-основатель Гаудия-матха.

А. Ч. Бхактиведанта
Свами Прабхупада,
ачарья-основатель
Международного
общества сознания
Кришны, духовный
учитель автора.

RADHANATH SWAMI

The Journey Home
AUTOBIOGRAPHY OF AN AMERICAN SWAMI

Mandala Publishing
San Rafael, California, 2008

РАДХАНАТХА СВАМИ

Путешествие Домой
АВТОБИОГРАФИЯ АМЕРИКАНСКОГО ЙОГА

Издательство
ЗАО «Арт Дизайн +»
Москва, 2011

УДК 1/14
ББК 87
P15

Перевод с английского

Переводчики: Людмила Гончарова, Николай Кравцов, Борис Москвитин
Корректор: Наталья Агафонова

Под общей редакцией Шрилы Бхакти Вигьяны Госвами

Радханатха Свами

P15 Путешествие домой. Автобиография американского йога / Радханатха Свами; пер. с англ. – М. : Арт Дизайн +, 2011. – 432 с.

ISBN 978-5-9902090-2-2

Автобиографическая повесть Радханатхи Свами, учителя бхакти-йоги, о необычном путешествии, которое он совершил, когда ему было девятнадцать лет. Следуя зову своего сердца, он отправился через Европу и Ближний Восток в Индию, где его ждали опасные приключения, встречи с йогами, святыми и ламами и где он в конце концов отыскал сокровище своего сердца. Для широкого круга читателей.

**УДК 1/14
ББК 87**

ISBN 978-5-9902090-2-2

© 2008 Mandala Publishing.
All rights reserved
© 2011, ЗАО «Арт Дизайн +»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 8

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Путешествие на Восток 13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мать Индия 117

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Гималайское паломничество 211

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Лес милости 287

Послесловие 411

Заключительное слово автора 422

Благодарность 423

От издателей русского перевода 425

*Всем последователям различных духовных путей —
всем тем, кто своей мудростью, верой и состраданием
помогал мне в моем путешествии домой.*

*Моим родителям, которые самозабвенно заботились
обо мне и никогда не отвергали своего странного сына.*

*Моему гуру, который своей бескорыстной
любовью преобразил мою жизнь.*

*Искренним людям, моим вечным братьям и сестрам,
которые тоже ищут забытое сокровище своих сердец.*

*твайи ме нанйа-вишайа
матир мадху-пате сакрит
ратим удвахатад аддха
гангеваугхам уданвати*

«О Господь! Как Ганга вечно течет к океану, не зная препятствий, так и я всегда хочу стремиться к Тебе, не отвлекаясь ни на кого другого».

*Молитва царицы Кунти,
Шримад-Бхагаватам, 1.8.42*

ПРОЛОГ

Едва я выбрался из студеных вод реки Багмати, берущей начало в гималайских ледниках, как взгляд мой упал на две груды пепла: одну — из кремационной ямы, другую — из жертвенного костра. На мне была только набедренная повязка, и холодный ветер пробирал до самых костей. Сильная тоска охватила меня. Что делал здесь я — дрожащий, одинокий, истощенный, голодный — в такой дали от дома? Неужели все мои поиски были напрасными? Я вглядывался в звезды, мерцавшие сквозь ветви старого *баньяна*. Печально перекликались ночные птицы. Вдоль берега ярко горели жертвенные костры, в пламя которых святые люди с сосульками спутанных волос, свисавших ниже колен, бросали подношения из пряных горных трав. Когда огонь догорал, они полными пригоршнями зачерпывали пепел от тлеющих углей и обмазывали им свои тела. Завершив ритуал, они направлялись к священному месту — храму, куда я мечтал попасть.

Это происходило весной 1971 года в Пашупатинатхе, в Непале. В эту ночь здесь собралось великое множество паломников. Мне едва минуло двадцать лет, и я, чтобы попасть в это святое место, прошел полмира, в конце концов добравшись сюда из своего родного дома в пригороде Чикаго. Здесь, в этом святом месте, в атмосфере умиротворения, я намеревался молить Бога указать мне мой путь. Часом раньше я с замирающим сердцем подошел к высоким каменным воротам древнего храма, украшенным резными изображениями мифических львов, змеев, богов и богинь. Но, как только я взобрался наверх по каменным ступеням, привратник с размаха ударил меня в грудь дубинкой. Я повалился на колени, хватая воздух ртом, а привратник, по обе стороны которого стояли полицейские, преградил мне путь и крикнул: «Ты — иностранец! Прочь отсюда!» Их начальник, облаченный в тюрбан и военную форму, выскочил вперед с горящим взглядом и ткнул своим жезлом в табличку с надписью: «Иностранцам вход запрещен».

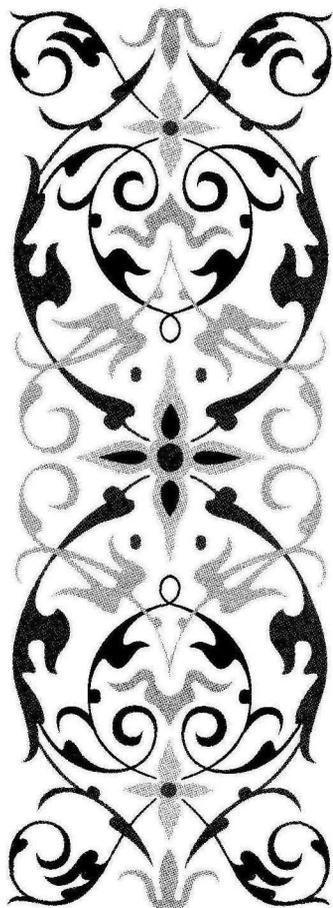
«Убирайся! — гаркнул он, — сунешься еще раз — от тебя живого места не останется. Тебя бросят в тюрьму, и уж не знаю, что там сделают с тобой уголовники». Он распорядился, чтобы его подчиненные были более бдительны. Упавший духом, я побрел на берег реки. Поиски смысла жизни привели меня в этот отдаленный уголок земли. Дороги назад не было.

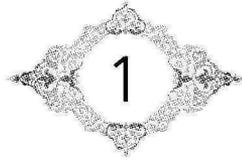
Пока я глядел на то, что делают святые люди, на ум мне пришла идея. Я опустился на колени возле ямы с тлеющей золой, где догорал жертвенный костер, и погрузил ладони в теплый рассыпчатый пепел, отгребая в сторону еще тлеющие угли. Брезгливо поморщась, я принялся натирать этой золой открытые участки моего тела — от спутанных волос до мозолистых, огрубевших босых ступней. Едкая пыль обжигала ноздри, забивалась в горло и сушила рот. Потом я обмотался двумя кусками старой ткани, выцветшей от многочисленных омовений в реке, и с бешено колотящимся сердцем снова медленно побрел к воротам.

На страже стояли все те же охранники с дубинками, но меня не узнали и позволили пройти. Попав в просторный внутренний двор с древним святилищем посередине, я подумал: *Если меня схватят здесь, то непременно убьют.* Несколько тысяч паломников стояло в очереди, чтобы взглянуть на алтарь. Пропускали только по одному. Терпеливо встав в самом конце, я медленно продвигался вперед. Неожиданно мимо прошел тот самый полицейский начальник, который показывал жезлом на табличку. От страха у меня перехватило дыхание, и я стал смотреть в сторону. Однако он повернулся и направился прямо ко мне, внимательно разглядывая мое вымазанное пеплом лицо, а затем что-то спросил у меня на местном диалекте. Я, разумеется, ничего не понял. Произнеси я в тот момент одно-единственное слово по-английски, и всему пришел бы конец. Не дождавшись никакого ответа, он продолжал пристально вглядываться в меня, а затем, на сей раз уже гораздо громче, разразился целым залпом вопросов. В мозгу у меня стали прокручиваться мысли о безвозвратно потерянных годах в омерзительной непальской тюрьме, а то и где-нибудь похуже. Я неподвижно стоял с непроницаемым видом, понимая, что он обучен замечать любые подозрительные детали в поведении людей. Узнал ли он меня? Я терялся в догадках.

I

Путешествие на Восток

Мы с моим лучшим другом Дэнни спускались по скрипучей лестнице в прохладный и сырой подвал его дома. Неожиданно для себя я подумал: *Зря я туда иду*. Мое сердце бешено заколотилось. Посреди подвала на стальных крюках висела штанга с увесистыми гириями. Дэнни похвастался:

«Отец поднимает ее каждый день».

Мне было всего семь лет, я был худощавый и невысокий, с короткими темными волосами, смуглый и кареглазый. Прикоснувшись к огромной холодной штанге, я ощутил себя совсем ничтожным.

Дэнни повернулся ко мне и, приложив палец к губам, прошептал:

«Ричи, я хочу тебе кое-что показать. Только никому не рассказывай, хорошо?»

Он забрался на полку, дотянулся до перекрытия и спустился вниз с бронзовым ключом. Потом, подведя меня к деревянному секретеру, в котором мы могли бы свободно поместиться вдвоем, отпер его ключом и распахнул дверцы. Дэнни указал мне на кипу журналов.

«Давай, — улыбнулся он, — смотри».

И я стал смотреть. В журнале было много фотографий обнаженных женщин в непристойных позах. Мое маленькое тельце пробрал озноб. Никогда прежде я не видел, что находится у девочек под одеждой. От неожиданности я оторопел.

«Здорово, да?» — спросил Дэнни.

Не зная, что ответить, я просто кивнул. Захлопнув журнал, я положил его обратно в шкаф.

«Подожди, ты еще не видел, что в ящике! — Дэнни выдвинул ящик, и моему взору предстали два пистолета и несколько ручных

гранат. — Отец хранит их заряженными, и гранаты тоже настоящие». Дэнни дал мне одну:

«На, подержи».

Ощувив в руке тяжесть холодного металла, я поежился.

«Да, хорошенькая штучка», — пробормотал я. Стараясь не выдать своего страха, я бережно вернул гранату в ящик.

«Постой, Ричи, я покажу тебе еще кое-что!» — с этими словами Дэнни распахнул дверцы внутри секретера, за которыми обнаружился своего рода алтарь. На нем стояла фотография в рамке. С фотографии на меня в упор смотрели чьи-то недобрые глаза. Ужаснувшись, я понял, что нахожусь лицом к лицу с Адольфом Гитлером. С обеих сторон портрет был торжественно задрапирован двумя нарукавными повязками с нацистскими свастиками, а ниже висел клинок со свастикой на рукоятке, выпуклой и блестящей. Сердце мое дрогнуло, и в сознании пронеслись жуткие образы. Мне часто приходилось слышать от старших о массовом уничтожении евреев, устроенном нацистами, во время которого погибли наши родственники. Воспоминания об этом были еще свежи. С 1941 года, когда нацисты захватили нашу родную Литву, мы больше не получали от семьи моего деда никаких вестей.

Дэнни шепнул:

«Это тайна, но мои родители тебя ненавидят».

Жаркая волна давила мне горло.

«Почему? Что я такого сделал?»

«Потому что ты — еврей. Родители считают, что это вы убили Иисуса».

«Что?!» — я стоял, оцепенев. Эти слова показались мне полной бессмыслицей.

«Отец говорит, что даже Бог вас ненавидит».

Вдруг под тяжелыми шагами родителей Дэнни закрипел потолок над нашими головами. Я не знал, что мне делать: убежать, прятаться или плакать.

«Дэнни, и ты ненавидишь меня?»

«Нет, ты — мой лучший друг. Но, поскольку ты все-таки еврей, — кто знает — может быть, когда-нибудь я тоже возненавижу тебя. Хотя мне бы этого не хотелось».

Мне казалось, что еще немного, и я потеряю сознание.

Заперев секретер, Дэнни повел меня наверх, на кухню, где нас ждала его мать с двумя тарелками домашнего ванильного печенья и двумя стаканами холодного молока. Она натянуто улыбнулась мне. Громкий скрип половиц возвестил о появлении отца Дэнни — приземистого мужчины с квадратной челюстью, коротко стриженным ежиком седеющих волос, маленькими глазками-буравчиками и ледяной полуулыбкой. В его присутствии я ощутил себя совершенно незащищенным.

А вдруг печенье отравленное? — подумал я. Но что мне оставалось? Я побоялся отказаться от угощения.

«Ешь, Ричи. Да что с тобой?» — прервала мои размышления мать Дэнни.

Я принялся за печенье, изо всех сил стараясь не выдать своего страха. С каждым откушенным кусочком я молил Бога о защите.

Домой я вернулся бледный, как привидение. Я был еще совсем ребенком и не понимал, что происходит. Я осознавал только одно — мне сделали очень больно.

Мама встретила меня нежной улыбкой. Когда я вошел, она была в фартуке и раскатывала тесто на круглом обеденном столе.

«Готовлю тебе яблочный штрудель, Ричи. Твой любимый».

«Мам, — спросил я, — а правда, что Бог меня ненавидит?»

«Конечно же, нет! Бог тебя любит, — нахмурившись, мама положила скалку на стол. — А почему ты об этом спрашиваешь?»

Я не решился сказать ей правду:

«Не знаю. Просто так, интересно».

Чтобы избежать расспросов, я бегом поднялся по лестнице к себе в спальню.

Я верил маме. Я знал, что Бог меня любит. Лежа в кровати и уставившись в потолок, я изо всех сил пытался понять, как в одном Боге могут ужиться столь несовместимые чувства — любовь и ненависть.

С детской непосредственностью я тайком молился Богу — мысленно или шепотом. Обычно я делал это перед сном, в постели. Во время молитвы я чувствовал, что Бог защищает меня.

Я не сомневался, что Бог меня слышит, и что Он со мной. И все же у меня было много вопросов о Нем.

Кто такой Бог? Какой Он — как огромное облако или как едва заметная тень? Или Бог — это друг, который слышит все мои молитвы и при этом настолько реален, что в мыслях я могу чуть ли не прикоснуться к Нему?

Мои родители, Джеральд и Адель Славины, не были религиозными в обычном смысле этого слова. Скорее, их вера в Бога выражалась в благодарности, великодушии, сердечной привязанности и самоотверженной преданности семье. Они выросли во времена Великой депрессии и с самого раннего детства вынуждены были трудиться не покладая рук, дабы прокормить семью. Желая для нас, своих детей, всего самого лучшего, они заботились еще и о том, чтобы не избаловать нас. Родители всячески поощряли в нас чувство благодарности за все, что мы имеем. В 1955 году, когда мне исполнилось четыре года, наша семья переехала из Чикаго в деревню Шервудский лес, что в Хайленд-Парке, штат Иллинойс. Там я с двумя братьями рос на природе, вдали от опасностей и соблазнов большого города. Наша тихая деревня стояла на равнине, и ее окружали пастбища и леса. Вместе с другими детьми мы играли на пустырях и на немногочисленных деревенских улочках между рядами похожих друг на друга домов.

«Наш Ричи — очень милый мальчик, но он совсем не похож на других, — говорили про меня родители. — В кого он такой?» У меня действительно были необычные привычки, и никто не знал, откуда они взялись.

Например, лет до девяти я отказывался во время еды сидеть на стуле, предпочитая есть на полу, хотя мои родители запрещали мне это. В качестве компромисса мне разрешили есть стоя, даже в ресторанах. Обычно в таких случаях официантка предлагала принести для меня стул, на что мать, передергивая плечами, отвечала: «Он не любит стулья».

Мои родители уделяли большое внимание собственному внешнему виду и всегда одевались со вкусом. Что же касалось меня, то я категорически отказывался носить новые вещи, и матери

приходилось по несколько раз стирать их, пока они не начинали выглядеть поношенными. Лишь тогда я соглашался надеть их. Если мне покупали новые ботинки, я специально скреб их камнем, пока они не приобретали потертый вид. Когда у родителей появился новый автомобиль, я первое время отказывался ездить на заднем сиденье, предпочитая сидеть на полу между сиденьями.

Мне было совестно иметь что-то такое, чего нет у других. Моими кумирами были бедные и обездоленные. Однажды отец повез нашу семью в ресторан, и я испортил всем праздник, выбежав из-за стола в самый неподходящий момент. Причина была в том, что официантом оказался мой одноклассник, и я не мог допустить, чтобы он прислуживал мне. Дедушка Билл нашел меня в автомобиле, и мне пришлось объяснить ему свое поведение.

«Все в порядке, Ричи, — ответил он. — Ты поступил правильно. Я горжусь тобой».

Билл Славин, дедушка со стороны отца, сыграл важную роль в моей жизни. Он был глубоко верующим человеком, и это проявлялось в любви, с которой он относился к окружающим. Меня восхищало, с каким спокойствием и кротостью следует он своим старомодным традициям, умудряясь совмещать их с американским образом жизни. Когда вся семья собиралась за столом, я замечал, как дедушка негромко молится, в то время как остальные уже обедают.

Хотя отец не мог позволить себе оплачивать мое обучение в еврейской школе, он постарался дать мне духовное образование. Когда мне исполнилось тринадцать, отец обратился к Ребе Липису с просьбой провести для меня самый простой вариант обряда Бар-мицва*. Величественный раввин с сединой в волосах охотно научил меня основным молитвам, не взяв за это ни цента. Однажды я спросил его:

«Ребе, объясните мне, что означают эти молитвы?»

Его добрые карие глаза наполнились слезами, и он заключил меня в свои объятия с такой любовью, которую я не забуду никогда. Дрожащим от волнения голосом Ребе ответил:

«Ричи, мне нравится твое искреннее желание понять смысл выученных тобой молитв. К сожалению, сейчас такое встречается всё реже и реже».

* Еврейское совершеннолетие (примеч. переводчика).

«Как же я должен молиться, Ребе?»

Его правильное лицо с легкими морщинами вокруг глаз оза-рилось улыбкой, и от нее мне стало тепло и уютно. Как и любой ребенок, я очень нуждался в этом.

«Талмуд, — произнес Ребе, — это книга еврейских законов, написанная раввинами тысячи лет назад. Как учит Талмуд, мы должны молить Бога о том, чтобы Он позволил нам преодолеть соблазны, препятствия и сомнения и выполнить Его волю. Это лучше, чем просить Бога исполнять наши желания».

В день моего тринадцатилетия старший брат Марти подарил мне первый альбом Питера, Пола и Мэри — фолк-трио из Гринвич Виллидж. В своих песнях они протестовали против войны, несправедливости и социального неравенства, но более всего меня тронули их песни на стихи, обращенные к Богу. Откинувшись назад и закрыв глаза, я слушал этот альбом, и каждое слово притягивало меня как магнит. Первая песня на пластинке начиналась такими словами: «Early in the morning, about the break of day — I ask the Lord to help me find my way» («Рано поутру, до зари, я Бога прошу: мой путь озари»). Вновь и вновь слушал я эту незатейливую молитву, даже не подозревая, какую роль она сыграет в моей жизни.

В поисках смысла жизни я слушал таких фолк-певцов, как Пит Сигер и Боб Дилан, и их творчество разжигало во мне бунтарский дух. Если фолк-музыка запала мне в сердце глубоким смыслом текстов, то блюз пробуждал во мне по-юношески бурные чувства. Блюз — это музыка страсти и тоски. С каждой нотой, с каждым словом блюзовый музыкант изливает печаль своего сердца и находит в этом отраду и утешение. Слушая чужой плач о потерянной любви, я и сам начинал рыдать, оплакивая свою утраченную любовь, еще до того, как ее пережил.

В отличие от меня, склонного к самоанализу, застенчивого и чуткого ребенка, мой старший брат Марти обладал феноменальной способностью сердить окружающих. Непоседливый, словно обезьянка, он и прозвище получил соответствующее — Манк*. В 1965 году, когда мне исполнилось четырнадцать,

* Сокр. от monkey, «обезьянка» (примеч. переводчика).

я поступил в среднюю школу, которую только что окончил Марти. Увидев меня, некоторые учителя хватались за сердце: «Только не это! Еще один Манк!» Так с первого дня учебы ко мне приклеилось прозвище «Маленький Манк». Лишь годы спустя понял я иронию, содержавшуюся в этом прозвище*.

В школе меня как новичка определили в борцовскую команду. Не скажу, чтобы у меня были для этого хорошие данные, но если я чем-то увлекался, то посвящал этому увлечению всего себя без остатка. И тренер, и товарищи по команде видели во мне будущего чемпиона. Мне и самому нравилось ставить перед собой сложные цели и достигать их. Например, я мог добиться любой стипендии или гранта, стоило мне захотеть. Но со мной стало твориться что-то странное. Я начал задумываться о смысле жизни, более высоком, чем богатство, положение в обществе и мимолетные увлечения. Как мог я быть счастлив в благополучном Хайленд-Парке, в то время как всего в нескольких километрах, в чикагском гетто влачили жалкое существование негры? Как мог я радоваться борцовским наградам, когда моих старших товарищей призывали на ужасную вьетнамскую войну? Пытаясь найти ответы на эти вопросы, мы с друзьями подвергали сомнению самые основы той жизни, которой мы жили.

Ища свое предназначение, я горячо сочувствовал Мартину Лютеру Кингу-младшему и его движению за гражданские права. Я размышлял над словами Малколма Икса и зачитывался книгами о социальных реформах. Вместе со своими лучшими друзьями Бассуном и Гэри, которых знал с десятилетнего возраста, я устроился на автомойку, где в течение учебного года работал после занятий, а во время летних каникул — полный рабочий день. Работа была тяжелой, но мне она нравилась. С нами трудились взрослые негры из гетто на южной окраине Чикаго — люди из совсем другого мира, лежащего за пределами уютного Хайленд-Парка. Работая с ними, мы очутились как бы за кулисами музыки «соул» — в мире, разительно отличающемся от всего, что мы видели в Хайленд-Парке. Нищета, расовая дискриминация и алкоголизм стянули

* Прозвище оказалось пророческим, ибо слово *Монк* также означает «монах» (примеч. переводчика).

этих людей самое дно жизни, и когда я слушал вместе с ними щемлящие рыдания блюзовых и «соул»-певцов, сердце мое разрывалось. Мне, пятнадцатилетнему подростку, не давали покоя вопросы, на которые я нигде не мог найти ответа.

А потом погиб мой близкий друг. Он был старше меня всего на год. Его автомобиль, слетев с обледеневшей дороги, утонул в холодных водах озера Мичиган. Тогда я всерьез задумался о том, кто я и для чего живу. Мне казалось, будто весь мир катится в пропасть по льду неопределенности.

В поисках уединенного места я перебрался в подвал дома, где оклеил стены свечающимися в темноте психоделическими плакатами. Убранство подвала довершали свисавшие с потолка рыболовные сети. В помещении клубился густой дым жасминовых благовоний, и, когда я включал стробоскоп, реальность отступала и я переносился в мир сновидений.

Уединяясь от всех в подвале, я заслушивался революционной музыкой шестидесятых. Песня «Битлз» «A Day in the Life» только усилила во мне желание обрести истинный смысл жизни, отринув все внешнее и наносное. Лежа с закрытыми глазами и слушая, как Джордж Харрисон поет «Within You, Without You», я рыдал вместе со струнами его ситара и жаждал внутреннего покоя. Снова и снова включал я «Old Man River» Рэя Чарльза и, затаив дыхание, слушал эту скорбную песнь об участи угнетенных. Когда я слушал Би Би Кинга, надрывные звуки его гитары пронзали мое сердце, и я поражался, почему от печальных песен мне становится так хорошо. Однажды поздно вечером, когда я в который раз пытался разобраться в жизни, в наушниках зазвучала песня Джонни Риверза «Look to Your Soul for the Answer» («Загляни за ответом в свою душу»).

Я глубоко вдохнул, открыл глаза и воскликнул: «Да! Это то, что нужно!»

Подстегиваемые новыми веяниями, мы с друзьями окунулись в контркультуру 1960-х. В школе, где учились в основном дети из консервативно настроенных семей, спортсмены и активисты, мы оказались в меньшинстве. Мы отпустили длинные волосы и стали экспериментировать с марихуаной и ЛСД, отвергая ценности наших родителей и их поколения.

При этом я разрывался на части. Я не хотел никого разочаровывать. Я порывался бросить занятия борьбой, но боялся подвести своих товарищей и тренера. Ведь руководство школы рассчитывало, что благодаря мне наша команда начнет выступать на чемпионатах. Однажды тренер заявил при всех:

«Когда маленький Манк настроен на победу, он выскакивает на ковер, словно голодный тигр. Он из породы чемпионов. Жаль, что он не может сосредоточиться на спорте».

Не зная, что мне делать, я стал молить Бога о помощи.

Вскоре, выступая на престижных соревнованиях, я уложил своего соперника на лопатки через пять секунд после начала схватки. Толпа редела, приветствуя меня, а я не поднимался с колен, словно парализованный. Плечевая кость вышла из сустава и пропорола мышцы груди. По всему телу разлилась пронзительная боль. В тот самый миг, когда соперник свернул мне плечо, в моей жизни, наоборот, все встало на свои места. Дрожь сотрясала мое тело, зрители в ужасе смотрели на меня, а я беззвучно благодарил Бога. Теперь я был свободен.

Все, от чего я не решался отказаться сам, волею судьбы оказалось для меня потерянным раз и навсегда.

Гэри Лисс, дружба с которым впоследствии самым чудесным образом повлияла на мою жизнь, был добрым и общительным парнем, неутомимым искателем приключений. Гэри относился к числу тех бунтарей, которые по-настоящему нашли себя в контркультуре. Во время летних каникул после первого года обучения мы отправились с ним путешествовать в Калифорнию. Там мы слаждались полной свободой на Сансет-стрип и в Хэйт-Эшбери. В этом раю для «детей цветов» мы познакомились со многими замечательными людьми — такими же идеалистами, как и мы сами. Встречались нам и другие люди — разрушительные, грубые, развращенные или просто жадные до удовольствий, но от таких мы старались держаться подальше.

В 1969 году вместе с лучшими школьными друзьями: Бассуном, Стивом и Гэри я поступил в колледж Майами-Дейд во Флориде. Как и большинство сверстников, я был юн, строптив и жаждал приключений, но именно тогда я стал замечать в себе желание,

которое затмевало все остальные, — непреодолимую тягу к духовности. С каждым днем она только росла. Кто-то дал мне почитать книгу «Великие религии мира». Я жадно вчитывался в каждое слово и никак не мог утолить жажду духовных знаний. Позже, читая другие книги, я открыл для себя древний индийский метод безмолвной медитации на священный слог «Ом». Путешествуя вглубь себя, я обнаружил иную реальность, настолько удивительную, что мне не терпелось проникнуть в нее еще глубже.

Как-то утром в студенческом городке колледжа я увидел объявление о лекции, посвященной трансцендентальной медитации. На лекции бородатый длинноволосый американец по имени Майк рассказывал о науке сознания, основанной на учении Махариши Махеш Йоги. Меня это очень заинтересовало. Майк пригласил меня во флоридский Голливуд, где я мог, не принимая никаких обязательств, получить индивидуальную *мантру* для медитации. Там я положил на алтарь цветов, шейный платок и тридцать пять долларов, после чего мне на ухо прошептали мантру, состоящую из одного слога. С тех пор ежедневная медитация стала самой важной частью моей жизни.

Семя духовности во мне быстро давало всходы. Но вместе с ними росли и сорняки нетерпимости к ханжеству и фанатизму. Отпустив волосы в знак протеста против общепринятых норм, я стал мишенью для тех, кто ненавидел хиппи, в частности для полицейских. Они регулярно задерживали меня, обыскивали и всячески донимали. Сталкиваясь с неприязнью, которую вызывали мои длинные волосы, вероисповедание и взгляды, я ощущал себя мучеником и немного гордился этим. Я почитал за честь подвергаться гонениям за благородные идеалы. Это было куда лучше, чем разделять мнения толпы и гоняться за модой. Одновременно я стал понимать, что ненавидеть тех, кто ненавидел меня, — значит болеть тем же недугом. Поэтому я стремился разрушить преграды, разделявшие людей, и открыть для себя потаенную суть всех религий, познать единство Бога.

В колледже я увлекся психологией и другими гуманитарными науками, но медитация и музыка всегда оставались для меня на первом месте. В городке Опа-Лока, недалеко от колледжа, в доме, который все называли «Пепельницей», жил музыкант

Джеймс Хармон по прозвищу Джимми-Медведь. Он был высок, носил длинные волосы и бороду. Медведь играл на губной гармонике и был солистом «Burning Waters Blues Band».

Медведь полюбил меня, словно младшего брата. Однажды он с гордой улыбкой вручил мне одну из своих гармоник:

«Братишка, буду учить тебя игре на губной гармошке».

«Но я не знаю нот», — застенчиво ответил я.

«Да это неважно. Ты знаешь, что такое глубокие чувства, а в блюзе это главное».

С тех пор гармоника стала моим постоянным спутником.

В колледже я подружился с чернокожими студентами и через одного из них свел знакомство с соратницей Мартина Лютера Кинга-младшего. Хрупкая, но очень волевая женщина, она возглавляла движение за гражданские права. Ей было далеко за сорок, а мне — всего восемнадцать, поэтому я называл ее матерью, а она меня — сыном. Мы часто беседовали с ней о проповедях доктора Кинга и вместе скорбели о его трагической гибели. Как и подобает баптистке, она была добра и милосердна, но при этом решительна и бесстрашна. Однажды она пригласила меня на организованный ею марш в защиту гражданских прав чернокожих. Каково же было ее удивление и радость, когда я действительно пришел — белый юноша участвовал в негритянском марше, проходящем во Флориде, одном из штатов «Дальнего Юга»*. Взяв меня за руку, она горделиво возглавила шествие.

Зеваки были потрясены, видя меня там. Белые расисты выкрикивали угрозы и свистели, когда мы проходили мимо. Полицейские демонстративно отворачивались в другую сторону, и в нас летели камни и бутылки. Мать улыбнулась, когда три с лишним сотни человек затянули песни Сэма Кука «A Change Is Gonna Come» и «We Shall Overcome». Кульминацией марша стал митинг в парке. Все расселись на складных стульчиках, и я сел рядом с матерью. Потом она подошла к микрофону, стоявшему под кокосовой пальмой, и произнесла речь. Обличая несправедливость белых к чернокожим, она призывала к «восстанию, свободному от насилия».

* Семь штатов, в которых до 60-х годов девятнадцатого века рабский труд негров получил наибольшее распространение (примеч. переводчика).

Ее уверенный голос гремел над парком:

«Насилие приведет нас на путь зла, избранный нашими гонителями. Мы должны быть бесстрашными и вместе отстаивать наши права, но не огнем и оружием, а единством и верой во Всемогущего Господа. Бойкотируйте всё, от чего веет расовой нетерпимостью. Противостоя нашим угнетателям, мы не должны сами отступить от правды». Голос ее дрожал и в глазах у нее стояли слезы, когда она повторяла слова своего учителя:

«Америка — это страна свободы. Мы не отступим, пока окovy рабства не спадут навсегда. И тогда мы закричим, обратившись к небесам: *Свободны, наконец! Свободны, наконец!* У преподобного Кинга была мечта. За эту мечту он заплатился жизнью. И мы будем жить ради этой мечты. Аминь».

Парк взорвался аплодисментами. Вернувшись на свое место, мать, наклонившись ко мне, прошептала:

«Тебе понравилось?»

Я энергично закивал.

Следующий оратор неожиданно вступил с ней в полемику — его речь откровенно призывала к восстанию:

«Надежда на то, что мы можем победить расистов ненасильственным путем, умерла вместе с преподобным Кингом! — произнес он голосом, полным негодования и ярости. — Братья и сестры, очнитесь! С огнем борются огнем. Америка завоевала свободу с оружием в руках. Поэтому мы должны поклясться, что будем преследовать белых эксплуататоров и жечь их города».

Половина собравшихся одобрительно закричала, а остальные смущенно понурили головы. Взмокший от пота, оратор продолжал свою речь, сотрясая кулаками:

«Белые думают, что мы вечно будем довольствоваться задней площадкой автобусов и жить в гетто, как в тюрьме, — ненависть вспыхнула в его глазах, когда он, показав пальцем на меня, закричал. — Братья и сестры, только посмотрите! Даже сегодня, на нашем марше, белый человек бесстыдно возглавляет шествие, оставив нас, чернокожих, позади!» Странники оратора взревели от бешенства.

Оратор продолжал обличать меня как символ всего того, что они презирали и ненавидели. Он рвал и метал, призывая к отмщению.

Мать вскочила, чтобы сказать что-то в мою защиту, но ее слова утонули в яростных криках оратора. К тому же у него был микрофон и поддержка большей части демонстрантов. Нежно взяв меня за руку, мать удрученно покачала головой:

«Сынок, прости меня, пожалуйста. Видит Бог, это я поставила тебя во главе марша. Ты доверился мне, а теперь оказался в опасности, — она сжала мою ладонь и вздохнула. — А теперь иди. Да пребудет с тобой Господь».

Стараясь не привлекать к себе внимание, я потихоньку ушел с митинга. Мать внимательно наблюдала за мной, готовая при необходимости встать на мою защиту. Меня поразил тот факт, что люди, стремящиеся к равенству и справедливости, готовы были не задумываясь уничтожить тех, кто отличался от них. Выбравшись из парка, я вздохнул с облегчением. Несмотря на события этого дня, я стал еще больше уважать преподобного Кинга и его последователей. Верные своим идеалам, они безжалостно боролись как с внешними, так и с внутренними врагами. Бредя в одиночестве под палящим южным солнцем, я вспомнил одно высказывание, проливающее свет на случившееся со мной: *Если у человека нет идеала, ради которого он готов умереть, ему незачем жить*. И тогда я все понял. У Мартина Лютера Кинга-младшего была мечта, ради которой он жил и за которую он умер. Его мечта изменила мир. Не каждый ли из нас способен добиться того же, если будет сохранять верность своему призванию?

Учебный год в колледже закончился, и наступили каникулы. Душным летним днем я стоял на обочине шоссе где-то в Пенсильвании, пытаясь поймать попутку, и ветер трепал мои длинные волнистые волосы. Я направлялся в Нью-Йорк к своему другу. Мне было девятнадцать, и при росте 168 см я весил чуть больше пятидесяти килограмм. Надо признаться, что с таким телосложением я ощущал себя довольно беззащитным всякий раз, когда мне приходилось ловить попутку. Спустя три часа рядом со мной затормозил ржавый «Плимут» модели 59-го года. Я подбежал к автомобилю и принялся благодарить водителя:

«Спасибо! Спасибо Вам огромное, сэр!»

Высунув в окно средний палец, взмокший от пота водитель злобно взглянул на меня:

«Лучше бы устроился на работу, бездельник!» — внезапно он толстой ручищей схватил меня за прядь волос и рывком притянул к открытому окну. Меня обдало запахом перегара и табака. Спянув на землю, водитель грязно выругался и добавил:

«Эй, бродяга! Будь у меня ружье — я бы пристрелил тебя не раздумывая!»

Пронзительно взвизгнув шинами, автомобиль сорвался с места.

Прокашлявшись от черного дыма из выхлопной трубы автомобиля, я почувствовал, как во мне вспыхнула обида, но тут же постарался подавить ее. Ведь моей целью была духовная жизнь. Путешествуя автостопом, я нередко становился мишенью для тех, кто искал, на ком выместить свою злобу и раздражение. Но я надеялся, что эти испытания помогут моему духовному росту. Я знал, что мне нужно научиться терпению, стойкости и молиться о преодолении препятствий.

В семидесятые годы длинные волосы были не просто данью моде, это был открытый вызов всему обществу с господствующим в нем культом денег и власти. Длинные волосы в те годы были своего рода символом веры. Мы с друзьями не просто верили в свои идеалы, но и претворяли их в жизнь. Годом раньше, когда на Демократической конвенции в Чикаго мы протестовали против войны, нас разогнали слезоточивым газом. Недолюбливающие нас полицейские нередко отлавливали нас в студенческом городке. И все это лишь за то, что мы искали смысл жизни и верили в идеалы, ради которых можно не только жить, но и умереть. И хотя сам я никому не желал зла, мой внешний вид порой вызывал у окружающих недобрые чувства.

Прошло еще несколько часов ожидания попутной машины, пока один дружелюбный молодой человек не согласился подбросить меня до своего дома под Геттисбургом. Там я в одиночестве сел на берегу лесного ручья. Журчание воды, струящейся меж камней и деревьев, действовало на меня успокаивающе. Казалось, ручей знает что-то, что откроет мне дверь к тайнам бытия.

Если, как этот ручей, просто следовать призванию, — размышляя я, — то, возможно, природа сама откроет мне свои секреты и приведет меня к высшей цели.

Через несколько дней, в Нью-Йорке, мой друг Хэкет взял меня с собой на рок-фестиваль Randall's Island. На сцене друг за другом выступали самые разные группы и исполнители — от Джими Хендрикса до «Mountain». В перерыве я вышел побродить, и ко мне подошел молодой американец с обритой головой. Он был во всем белом, и я принял его за какого-то необычного монаха. Без лишних слов он протянул мне тоненькую брошюру и попросил пожертвование. Я ответил, что у меня нет денег, и, пока мы разговаривали, к нам подошел барыга и предложил мне купить гашиш. Я повторил, что мне нечем платить, и эти двое, споря между собой, отошли в сторону. Монах забыл забрать у меня брошюру, а я, даже не взглянув на нее, спрятал ее к себе в сумку.

На следующий день, когда я был у Хэкета в Бруклине, мне позвонил Гэри и пригласил в гости к нашему общему другу Фрэнку. Тот жил в Черри-Хилл в штате Нью-Джерси. Приехав туда, я застал Гэри и Фрэнка стоявшими на коленях над большой картой, расстеленной на ковре в гостиной.

«Через несколько дней мы собираемся в Европу, — сказал мне Гэри, — и ты едешь с нами».

Вообще-то у меня не были ни цента, и я планировал вернуться в Чикаго, чтобы устроиться на работу на все лето. Но Фрэнк заверил меня, что у него хватит денег на троих.

«Хорошо, — ответил я, — тогда я поеду».

Мне осталось съездить в Хайленд-Парк и как-то объяснить свой отъезд родителям. До сих пор еще никто из нашей семьи не покидал пределов Америки. Как к этому отнесутся отец и мать? За ответом на этот вопрос я отправился в дом, где прошло мое детство.

Сидя за круглым обеденным столом, я рассматривал расставленные на нем кушанья. Мать готова была делать для нас праздничные обеды каждый день. На моей тарелке красовалась сочная лазанья, ломтики хрустящего итальянского хлеба с чесночным соусом и артишоки, приправленные сливочным маслом. В воздухе витал аромат обжаренных трав и специй.

«Я решил съездить с Гэри в Европу», — объявил я. Лица сидевших за столом окаменели. Под их взглядами я нервно тряс солонкой и перемешивал салат над своей тарелкой.

«Это расширит мой кругозор, как вы считаете?»

Ответа не последовало. Я окинул взглядом кухню: обои с цветочными узорами, электрическая плита и холодильник одной фирмы. И то и другое — розового цвета. Это любимый цвет моей матери.

«Зато мы узнаем много нового. Не беспокойтесь, я вернусь в сентябре, когда закончатся каникулы. Мы уезжаем через три дня».

Молчание. Мать выглядела так, словно получила известие о смерти близкого родственника.

«Ричи, — разрыдалась она неожиданно, — ну зачем тебе это надо? Что ты там будешь есть? И где ты будешь спать?» Она встревоженно покачала головой и стала нежно утешать меня: «Ты ведь еще совсем ребенок. Кто будет тебя защищать?»

Отец произнес:

«Сынок, в своем ли ты уме? Этот мир — опасное место. А ты юн и неопытен. С тобой может случиться все что угодно».

Глубоко вздохнув, он добавил:

«Я запретил бы тебе ехать, но ты все равно не послушаешь меня». Отец смотрел на меня, не отводя глаз, в надежде, что я передумаю, но я старался не замечать этого. Тогда дрожащим от волнения голосом он сказал:

«Я буду волноваться за тебя день и ночь, пока ты не вернешься».

А мой брат Ларри воскликнул:

«Здорово! Я бы и сам поехал! — но, увидев, как расстроены родители, он вдруг стал серьезным. — Ричи, хотя бы изредка пиши нам письма».

Наступил день моего отъезда. Я пробирался между рядами кресел в салоне самолета, стараясь никого не задеть по голове спортивной сумкой.

«Простите, мэм, – обратился я к даме с пышной прической, – позвольте мне пройти, мое место у иллюминатора».

Она вскинула голову и, увидев мои длинные волосы, нахмурилась. На лице у нее отчетливо читалось: «Поищи себе другое место». Я бы так и поступил, но свободного места рядом не было, а за спиной у меня нетерпеливо роптали другие пассажиры, которым я перегородил проход. Я осторожно пробрался мимо дамы к своему креслу и демонстративно уставился в иллюминатор.

Через пару минут я украдкой посмотрел на свою соседку, но снова натолкнулся на ее враждебный взгляд и опять отвернулся. Вылет задерживался. Позже я еще раз покосился на даму, но к своему удивлению обнаружил на ее месте молодого человека в черных джинсах, черной майке без рукавов и черных ботинках. Серебряные браслеты охватывали его тонкие изящные руки. Длинные прямые волосы были белыми, как снег, и такой же белоснежной была его кожа. Глаза его были розоватыми, что часто встречается у альбиносов, а на губах играла озорная улыбка, от которой у меня сразу повеселело на сердце. Хотя мой попутчик выглядел очень необычно, в нем было что-то знакомое. Где-то я его уже видел. И тут меня осенило: да это же Джонни Уинтер, один из моих любимых музыкантов, легендарная звезда рок-н-ролла!

«Здорово, приятель! Меня зовут Джонни».

«А меня друзья называют Маленький Манк».

Джонни пожал мне руку, словно лучшему другу.

«Как ты здесь очутился? — спросил я. — Минуту назад здесь сидела какая-то женщина».

Джонни усмехнулся и, растягивая слова в характерной техасской манере, ответил:

«Ты о тетке, которой так не понравилось соседство с тобой? Она убралась отсюда, отыскала стюардессу и закатила ей истерику, требуя себе другое место! Ну не нравимся мы ей, хоть убей. Но это и к лучшему. Стюардесса пересадила меня сюда, и теперь мы с тобой легим вместе, братишка!»

У нас было достаточно времени для разговоров. Я поведал Джонни о своих духовных поисках, а он рассказал несколько откровенных историй из собственной жизни. Я упомянул, что был недавно на его грандиозном шоу во Флориде, где он выступал вместе с Дженис Джоуплин.

Стоило мне произнести ее имя, как тело Джонни, худое, словно щепка, затряслось от хохота:

«Никогда еще на берегах Миссисипи не было такой психопатки!»

Джонни рассказал, что Дженис — неуравновешенная, распущенная, вечно пьяная, но очень добрая девчонка. Он любит ее, как сестру, и очень переживает за нее:

«Малышка Дженис бездумно прожигает свою жизнь. Она — как свеча, подоженная с двух сторон. Не знаю, надолго ли ее хватит».

Джонни вдруг стал серьезным и пристально посмотрел на меня.

«Ты знаешь, Манк, деньги и слава могут погубить любого. Помолись как-нибудь за Дженис».

Двигатели взревели, самолет разогнался по взлетной полосе и взмыл к облакам. Мы беседовали с Джонни о легендах блюза из Чикаго и Миссисипи, и наши сердца, казалось, тоже парили в небесах. Лучшего собеседника, чем он, было не найти.

«Братишка, я готов говорить с тобой хоть целую вечность. Я не расстроюсь, если этот старый самолет вообще никогда не приземлится». Заметив у меня на ремне гармонику, Джонни воскликнул:

«Давай сыграем вместе! — и достал свою гармонику. — Выбирай песню».

«Знаешь „Mother-In-Law Blues“ Джуниора Паркера?» — спросил я.

«То, что надо!» — показал он большим пальцем.

И вот, в десяти тысячах метров от земли, к величайшему моему изумлению, знаменитый Джонни Уинтер составил мне дуэт. Пассажиры старшего возраста смотрели на нас с осуждением, а молодежь весело улыбалась. Молодая стюардесса остановилась в проходе послушать бесплатный концерт и стала раскачиваться в такт музыке. Но мы с Джонни, увлеченные блюзом, ни на кого не обращали внимания.

Самолет приземлился в Нью-Йоркском аэропорту имени Кеннеди, и мы с Джонни направились в здание аэропорта. У выхода Джонни ждала его подруга — эффектная модель-датчанка. Окружающие рассматривали их с нескрываемым интересом. Фрэнк и Гэри, потрясенные тем, что видят меня в обществе Джонни Уинтера, не переставали удивляться моей удаче. Гэри улыбался в усы, поглаживая при этом волнистую бороду.

«Слушай, Манк, — кивнул он в сторону девушки, встречавшей Джонни, — признайся, ты бы предпочел видеть ее на нашем месте, а?»

«Сегодня вечером, — ответил я, пожимая друзьям руки, — начинаются наши духовные приключения. Думаю, ребята, что ваше общество лучше подходит для этого».

Свою первую ночь в Европе мы провели в палаточном городке в Люксембурге. Лежа в спальных мешках в тесной одноместной палатке, мы думали о том, что нам готовит грядущий день. Наконец, кукареканье петухов возвестило о наступлении рассвета. Выбравшись из палатки на свежий утренний воздух, мы с Гэри потянулись, вдыхая аромат цветущих деревьев и трав и радуясь выпавшей нам удаче.

Вдруг раздался вопль:

«Нет! Только не это!»

Из палатки выглянул Фрэнк, бледный как смерть.

«Нас обокрали! Пропали все мои деньги!»

Мы с Гэри бросились в палатку и стали перерывать вещи.

«Бесполезно, — вздохнул Фрэнк. — Я уже все обыскал».

Положив руку Фрэнку на плечо, Гэри прошептал:

«Держись, мы с тобой».

«Мы разделим с тобой все, что у нас осталось, — пытаюсь я утешить Фрэнка. — Забудь про деньги. Главное, что мы вместе».

Фрэнк, покачивая головой, заявил, что оставшихся денег на всех не хватит. Поэтому он возвращается домой, причем немедленно.

«Вы едете, ребята?»

Своих денег у меня было менее двадцати долларов. Мы переглянулись с Гэри, и он понял, что я намерен остаться. Гэри одобрительно кивнул, и мы с болью в сердце распрощались с Фрэнком, который провел в Европе всего одну ночь. Он забросил за плечо свой рюкзак и отправился в обратный путь, а мы, глядя Фрэнку вслед, размышляли о том, что ждет нас впереди.

Позже в тот же день мы набрали на ручей и сели отдохнуть на берегу. Ветер раскачивал кроны деревьев, а внизу беспечно текла вода. С отъездом Фрэнка я остался почти без средств к существованию. Странно, но при этом я ощущал полную свободу.

Позавтракали мы с Гэри у голландских хиппи, которых звали Космос и Чуч. Накормив нас мюсли, они предложили подбросить нас до Голландии на своем стареньком «Фольксвагене». Вскоре, под пение Донована, «Битлз» и «Роллинг Стоунз», мы уже ехали по Бельгии и Голландии, любуясь бескрайними полями тюльпанов. Красные и желтые, белые, розовые и фиолетовые, они росли аккуратными ровными рядами, радуя глаз.

После остановки в Эбкауде, идиллическом местечке, где жил один из наших новых друзей, мы прибыли в Амстердам. Там нас проводили на заброшенный склад, в котором несколько десятков хиппи лежали на полу, покуривая марихуану. Тусклые лампочки еле светили. То здесь, то там пробегали крысы. На импровизированной сцене из прогнивших листов фанеры, положенных на ящики из-под молока, играли лохматые музыканты.

С гашишной трубкой в руке и отсутствующей улыбкой на лице Чуч произнес:

«Бог даст, увидимся на Хэйт-Эшбери — этой Мекке для хиппи». Махнув нам на прощание, он исчез в клубах дыма.

Мы с Гэри научились выживать почти без денег. Рано утром мы покупали за несколько центов буханку горячего, только что выпеченного хлеба. Сев под деревом, мы разрезали буханку пополам и с большим аппетитом съедали ее. Где бы мы ни оказались, буханка хлеба на двоих стала для нас ежедневной трапезой. По особым случаям мы позволяли себе еще и кусок сыра. Ночевали мы обычно у своих новых знакомых, а иногда под деревьями, в заброшенных зданиях или в ночлежках. Те небольшие деньги, которые у нас оставались, мы экономили, как могли.

Столицей европейской контркультуры в то время считался Амстердам. А центром общественной жизни в Амстердаме была площадь Дам. Сотни искателей приключений стекались в такие клубы, как «Фантазио», «Парадизио» и «Мелквег», чтобы потусоваться и послушать музыку. Другим популярным местом был духовный ночной клуб «Космос». Однажды вечером я встретил там высокого американца в белых одеждах, с бритой головой и пучком волос на макушке.

«Хочешь отведать духовной пищи?» — предложил он.

Я застенчиво кивнул.

«Тогда подставляй руки».

Я сложил руки, как мне велели, и в моих ладонях оказался целый половник фруктового салата. Я стоял в растерянности, а йогурт тек у меня сквозь пальцы.

«Что мне с этим делать?» — спросил я.

«Ешь!» — рассмеялся, уходя, американец.

Если бы я знал тогда, что мне будет суждено встретиться с ним снова — за тысячи километров отсюда и в ситуации, которую я даже не мог себе вообразить!

У нас с Гэри появились друзья со всего света, мне все нравилось, но сердце мое все равно не ведало покоя. Я слышал внутренний зов, но не понимал, чей это голос и куда он меня зовет. Я стал проводить много времени в музеях, рассматривая картины религиозного содержания, и в Вондель-парке, где занимался медитацией и изучал духовные книги. Но больше всего мне нравилось сидеть в уединенном местечке над каналом. Атмосфера любого большого города

пронизана жаждой власти, богатства и удовольствий; в большом городе мода меняется так же часто, как времена года, но каналы, неподвластные бурным городским страстям, несли свои прохладные воды через весь город, распространяя умиротворение и покой. Я часами просиживал на берегу канала, любуясь водой и размышляя о том, куда несут меня волны моей судьбы.

Наше путешествие продолжалось. Мы добрались на попутках до Голландского Крюка и на остаток денег купили билеты на паром до Великобритании. Свинцовые тучи затянули небо. Моросил дождь. Послушный движению волн, паром то вздымался, то опускался. Наблюдая, как он плывет через беспокойный пролив, я думал о том, куда держу курс я сам. Мне в мои девятнадцать лет пора уже задуматься о карьере, однако карьера меня нисколько не интересовала. Чего я ищу? Почему я не могу сосредоточиться ни на чем, кроме идеалов, которыми забита моя голова? И если о духовности я еще имел какое-то представление, то мое собственное будущее оставалось для меня тайной за семью печатями. Взгляд мой упал на вывешенные на борту парома спасательные жилеты, и я стал молиться о собственном спасении из моря неопределенности. Если у человека нет идеала, ради которого он готов умереть, — вспомнил я, — это означает, что ему незачем жить. Я покинул родину в поисках такого идеала и теперь, словно гонимый ветром осенний лист, летел в неизвестном направлении.

Наконец из тумана показались белые скалы Дувра. Паром причалил к британскому берегу, и пассажиры выстроились в очередь, чтобы пройти паспортный контроль. Иммиграционные чиновники поглядывали на нас с подозрением. Гэри был невысок и худощав. Длинные каштановые волосы, борода и выразительное лицо делали его похожим на Христа. На Гэри были синие джинсы, зеленая футболка и парусиновые туфли. За плечами у него болтался поношенный армейский ранец с привязанным к нему спальным мешком. Что касается меня, то, несмотря на длинные волосы, на моем юношеском лице не было даже намека на бороду или усы. На мне были серые джинсы в тонкую полоску, серая водолазка и черный жилет. Для тех, кто знал меня, этот простой черный жилет был моей визитной карточкой — уже более года я носил его

каждый день. Обут я был в мокасины, а довершали мою экипировку переброшенная через плечо выцветшая коричневая спортивная сумка и спальный мешок.

Стоя в очереди, мы ловили на себе недобрые взгляды инспекторов иммиграционной службы и слышали их комментарии в наш адрес. Когда мы, подойдя к стойке, робко предъявили свои американские паспорта, нас попросили пройти в какую-то комнату. Спустя несколько минут там появились два иммиграционных инспектора в сопровождении полицейского. Старший инспектор в сером костюме с коричневым галстуком приказал своему помощнику:

«Поищи у них наркотики».

Вывалив содержимое моей сумки на стол, помощник не нашел там ничего, кроме зеленой футболки и смены нижнего белья, зубной щетки, расчески и куска мыла, а также Библии и маленькой брошюры с рок-фестиваля Randall's Island.

Инспектор скривился:

«И это всё?»

Я смиренно ответил:

«Да, сэр. Если не считать гармоники». С этими словами я протянул ее инспектору.

Гэри тоже обыскали. Затем последовал провокационный вопрос:

«Сколько у вас с собой денег?» Когда мы показали свои скудные сбережения, раздражение иммиграционных служащих переросло в гнев. Лицо старшего инспектора побагровело.

«Нам не нужны оборванцы и попрошайки, вроде вас, — заорал он. — Сейчас мы обрежем ваши длинные патлы и посадим вас в тюрьму!»

Повернувшись к полицейскому, старший инспектор приказал:

«Найди ножницы и остриги этих двоих наголо».

У нас забрали всю одежду и тщательно обследовали ее. Затем начался долгий выматывающий допрос, после которого мы уже ничего не соображали. Наконец, пригрозив нам большими неприятностями, инспекторы и полицейский покинули комнату.

От страха мы с Гэри не могли вымолвить ни слова. Сидя взаперти, мы с волнением ожидали своей участи. Через час дверь распахнулась, два полицейских взяли нас под руки и повели по коридору к посту иммиграционного контроля. Там в наших паспортах поставили печати и с напутствием: «Одно неверное движение — и вы в тюрьме!» отпустили на свободу.

Все еще под впечатлением от случившегося, мы стояли на обочине дороги и, с благодарностью глядя на идиллический английский пейзаж, голосовали проезжавшим машинам. В конце концов какая-то машина притормозила. Сидевшая за рулем девушка и ее парень приветливо улыбнулись нам, а их скотч-терьер радостно прыгнул нам на ноги.

«Куда путь держите?» — спросила девушка.

«Да мы сами пока не знаем», — ответил Гэри.

Парень приложился к бутылке пива и предложил:

«Мы едем на рок-фестиваль на острове Уайт. Там будет весело. Поехали с нами?»

Мы с Гэри с радостью согласились. Так мы отправились в путь в компании молодой пары и лающего терьера, то и дело норовившего лизнуть нас в лицо. Мы переправились на остров на пароме и влились в бурлящую толпу неформальной молодежи. Место, выбранное для проведения фестиваля, было со всех сторон окружено зелеными холмами и лесом. Вдоль ограждений стояли озлобленные полицейские со служебными собаками и под звуки музыки, доносившиеся со сцены, отлавливали безбилетников. Трехдневный фестиваль был в самом разгаре. В воздухе клубился дым марихуаны. Многие принимали «кислоту». Мужчины и женщины развлекались как могли — в обнимку скатывались по грязи со склонов холмов полуобнаженные, извивались в такт музыке.

В последний вечер фестиваля пошел проливной дождь. Мы с Гэри были возле сцены, когда на нее вышел Джими Хендрикс в экстравагантном наряде — оранжевом вельветовом костюме с расклешенными рукавами. Но, несмотря на яркий наряд, Джими выглядел очень грустным. Он был мало похож на того бесшабашного шоумена, которого я видел раньше и который шокировал публику сжиганием собственной гитары. В тот вечер он был, как никогда, серьезен и сосредоточен на своей музыке.

Джими играл «The Star Spangled Banner» — психоделическую инструментальную версию гимна США. Хендрикс был одним из кумиров нашего поколения, пророком контркультуры. Он проповедовал свободу самовыражения и протест против истеблишмента. Для меня его послание заключалось в том, чтобы следовать велению сердца без оглядки на мнение окружающих.

Казалось, что доносящаяся со сцены оглушающая музыка сотрясает холмы, волнует море и разгоняет облака. Но безмолвный зов внутри меня, принадлежавший неизвестно кому, звучал еще громче.

После концерта нас с Гэри подобрал направлявшийся в сторону Лондона фургончик, набитый буйной молодежью. Чтобы как-то отвлечься от назойливых попутчиков, я, порывшись в сумке, достал из нее брошюрку, которую дал мне необычный монах на фестивале Randall's Island. На задней обложке брошюрки была фотография пожилого человека, сидящего под деревом. Его большие миндалевидные глаза лучились духовным экстазом. Несмотря на преклонный возраст, лицо его было невинным, как у младенца. На нем была водолазка с высоким воротником, и на устах его играла умиротворенная улыбка. Я не знал, кто он и откуда, но его вид поразил меня. *Если и есть в этом мире кто-то, изведавший духовное блаженство, — подумал я, — то это он.*

Мы остановились в маленькой квартирке в пригороде Лондона у двух братьев, с которыми познакомились на острове Уайт. Несколько дней спустя один из братьев, читавший газету, вдруг побледнел и издал протяжный стон.

«Что случилось?» — воскликнули мы.

«У меня для вас плохие новости, ребята. Умер Джими Хендрикс».

«Не может быть! Как это произошло?»

Медленно отложив газету в сторону, наш собеседник произнес:

«Тут пишут, что минувшей ночью он скончался от передозировки снотворного — захлебнулся собственной рвотой».

Гэри уронил голову на руки, а у меня от волнения сперло дыхание.

В моей голове навязчиво крутился один-единственный вопрос: *Какой урок я должен из этого извлечь?* Джими Хендрикс был молод

и имел всё, о чем только можно мечтать, — богатство, славу и поразительный талант. Но все это не принесло ему счастья. Наш кумир пал жертвой собственных излишеств. Тысячи людей были уверены, что секс, наркотики и рок-н-ролл — единственно верный путь в жизни. Для таких людей свобода являлась высшей ценностью, но были ли они по-настоящему свободны? Я стал вспоминать своих знакомых из числа приверженцев контркультуры. Большинство из них были по-своему красивы, но и среди них попадались бескультурные, неблагодарные люди. Я чувствовал признательность родителям за то, что они привили мне и моим братьям самое ценное — чувство благодарности. Действительно ли я хочу быть частью контркультуры? Совершенно очевидно, что я не вписывался в ту среду, к которой принадлежало поколение моих родителей. Но где мне найти таких людей, с которыми я чувствовал бы себя на своем месте? *О Боже, вразуми меня*, — с такими мыслями я стал молиться за Джими.

Уже до этого я чувствовал некоторое разочарование в контркультурном движении. Ради того чтобы принадлежать к нему, я пожертвовал теми законами и обычаями, по которым жила моя семья. Раньше я надеялся, что контркультура сможет создать просвещенный мир. Но теперь я видел, что в контркультуре возобладали деструктивные идеи, типа «бунт ради бунта» или «живи в свое удовольствие». Нелепая, трагическая смерть Джими Хендрикса убила во мне последнюю надежду. И все же с отчаянием утопающего, хватающегося за соломинку, я готов был с головой окунуться в излишества, присущие моему поколению.

В Лондоне мы с Гэри любили гулять по площади Пикадилли, среди вызывающе одетых пацифистов, «кислотников» и курильщицков марихуаны. Хиппи пели песни, барыги предлагали наркотики, проститутки зазывали клиентов, а скинхеды задирали прохожих. Полицейские внимательно следили за ними всеми, а туристы с удовольствием фотографировали происходящее.

На Ламбет-роуд, на берегу Темзы, прямо напротив здания Парламента, стояла католическая церковь. Ее настоятель симпатизировал молодым путешественникам. Каждый вечер в девять часов он открывал подвал церкви, предоставляя молодежи бесплатный

ночлег. В подвале не было ничего, кроме холодного каменного пола, но мы радовались и этому, тем более что у всех путешественников имелись спальные мешки. Каждый вечер я в поисках свободного места пробирался между лежащими на полу. В воздухе стоял запах гашиша и немых тел. Когда гас свет, с разных сторон слышались стоны и возня совокуплявшихся парочек. Несколько раз я видел, как в углу подвала при свете свечи наркоманы, перетянув руку выше локтя, кололи в вену героин.

Под влиянием окружения я стал гораздо чаще курить гашиш и марихуану. Благодаря этому внешне я уже почти не отличался от остальных. Но если окружающие активно общались друг с другом, то я, наоборот, все больше замыкался в себе. Снова и снова задавался я вопросом, зачем я вообще принимаю наркотики? Иногда, по вечерам, дождавшись возвращения Гэри, я шел на берег Темзы и проводил там несколько часов кряду. Могучий поток воды оказывал на меня гипнотическое воздействие, и я начинал размышлять о жизни. Глядя на неумолимо движущиеся стрелки Биг-Бена, я спрашивал себя, не растрачиваю ли я попусту свое время?

Вместе с тем я очень хотел доказать самому себе, что могу преодолеть стеснительность и, как все, наслаждаться жизнью. В девятнадцать лет у меня еще не было девушки. Будучи очень застенчивым, я не ходил на свидания, а вместо этого слушал дома музыку или гулял с друзьями. Многие девушки проявляли ко мне интерес, но я избегал отношений с ними, боясь потерять свободу или, что еще хуже, разбить чье-то сердце. Мои знакомые постоянно хвастались своими любовными похождениями, и я страдал от сознания того, что я не такой, как все. Я стал встречаться с девушками и пытался завязать с ними серьезные отношения, но все было напрасно. Какая-то сила мешала мне. Борясь с этой силой, я был полон решимости вкусить не ограниченных ничем наслаждений, столь превозносимых в обществе. С кем боролся я в своем сердце? Не с самим ли Богом? *Победа уже не за горами*, — внушал себе я, но вечером, возвращаясь к реке и глядя на ее плавно текущие воды, испытывал угрызения совести. Я выигрывал сражение за сражением, но чувствовал себя потеряннным.

Однажды вечером я с закрытыми глазами сидел на Трафальгарской площади, погруженный в безмолвную медитацию.

Вокруг меня деловито ходили голуби, кричали дети, о чем-то переговаривались между собой туристы и сигналили автомобили. Вдруг я почувствовал, что моя связь с миром внутри меня намного сильнее, чем с миром, который меня окружал. Глубоко вздохнув, я улыбнулся. На мгновение я перестал отождествлять себя с собственным телом и ощутил, как ум мой погружается в океан спокойствия. По сравнению с этим ощущением все мои попытки наслаждений и внутренняя борьба за то, чтобы отучить себя от постоянного самоанализа, показались мне жалкими и ничтожными. Открыв глаза, я вдруг увидел, что мраморные львы, памятник Нельсону, голуби, туристы, нищие, продавцы и покупатели — одна большая семья, связанная тесными узами родства. Я перешел на другую сторону площади, к церковной благотворительной столовой. Там я получил тарелку супа с перловкой и ломоть хлеба и с аппетитом съел их в компании бездомных. Затем я с искренним благоговением переступил порог церкви Св. Мартина в Полях, сел на деревянную скамью и погрузился в чтение Библии. Глаза мои наткнулись на фразу, поразившую меня. Иисус наставлял своих учеников: «И потому выйдите из среды их и отделитесь». Я стал размышлять над этой фразой: *Чего ради я должен растрачивать свою жизнь на то, чтобы подражать своим сверстникам? Почему я не могу жить по собственным правилам? И, может быть, когда-нибудь — по заповедям Бога?*

Переправившись на пароме через Ла-Манш, мы с Гэри сошли на берег во французском порту Кале. Был солнечный день. В аккуратных кронах деревьев щебетали птицы, и легкий ветерок ласкал сочные луговые травы. Мы наслаждались свободой. Теперь мы могли отправиться куда угодно.

«Куда дальше, Манк? Я готов исполнить любое твоё желание! — мы с Гэри стояли на обочине проселочной дороги на западе Франции, и зеленые глаза моего друга блестели от предвкушения новых приключений. — Весь мир в твоём распоряжении».

Гэри достал из заднего кармана джинсов потрепанную карту Европы и стал предлагать:

«Марокко, Испания, Париж, Рим, Швейцария, Германия. Куда?»

«А сам ты где хочешь побывать, Гэри?»

«Везде! Вопрос лишь в том, в каком порядке».

Мне вдруг вспомнились ручки, за которыми я так любил наблюдать. Подняв руки к небесам, я ответил:

«Мы должны верить свои судьбы воле Бога».

Гэри засмеялся, сбросил с плеч рюкзак и уселся на него. Передразнив мой жест, он спросил:

«Это как?»

«А ты как хотел?»

Гэри насмешливо сложил ладони, будто собрался молиться.

«Пока я развлекаюсь, ты целыми днями изучаешь священные книги и медитируешь, — снова воздев руки к небу, Гэри с иронией добавил: — Тебе и решать, как мы будем вверять свои судьбы воле Бога».

Сорвав желтый полевой цветок, я ответил:

«Как этот цветок».

«Ты хочешь, чтобы мы, как этот цветок, торчали здесь всю жизнь?!»

«Смотри, Гэри. Из маленького семечка, упавшего в землю, вырос прекрасный цветок, купающийся в солнечных лучах. Как такое могло произойти? Только потому, что он вверил себя воле Бога».

«Ну ладно, считай, что ты меня уговорил. Но как перевести твой поэтический язык в суровую прозу автостопа?»

Я понюхал цветок, и тут меня осенило:

«Когда возле нас останавливается машина, какой первый вопрос нам задают? Давай, ты будешь водителем, а я буду изображать нас».

Гэри пожал плечами:

«Привет, куда путь держите?»

«А вы куда едете?»

«В Касабланку», — ответил Гэри, делая вид, что крутит руль.

Я захолопал в ладоши:

«Замечательно! Нам как раз туда и надо».

Вручив Гэри цветок, я спросил:

«Что скажешь, Гэри? Теперь каждая машина, остановившаяся, чтобы подвезти нас, будет ключом к разгадке нашей судьбы».

Вскочив на ноги, Гэри хлопнул меня по спине.

«Точно! Куда едут они, туда и будет лежать наш путь!» — и бросил сорванный цветок по ветру.

Через несколько дней, оставив позади несколько городов и множество деревень, мы были уже у окраин Парижа. По мере нашего приближения к городу возрастало предвкушение встречи с ним. Лувр, Эйфелева башня, величественные памятники, дворцы и кафе — от них нас отделяли считанные километры. Однако судьба распорядилась иначе. Следующая попутка ехала в Швейцарию. Несколько часов спустя мы уже медитировали на берегу безмятежно спокойного, изогнутого полумесяцем Женевского озера.

Кроме нас, в молодежном общежитии было еще человек двадцать пять. С нами в комнате жил парень по имени Джим, недавно демобилизовавшийся из американской армии. Джим увлекался мистикой Востока, и мы часами разговаривали с ним на эту тему. Джим был сухощав и силен. После нескольких лет однообразной армейской службы он жаждал приключений.

Как-то раз, из любопытства, Джим спросил меня:

«Слушай, Манк, как тебе удалось откосить от армии в самый разгар вьетнамской войны?»

Я рассказал ему, что призывная комиссия случайно ошиблась и неправильно записала дату моего рождения. Потом началась общенациональная призывная лотерея. Вся страна с замиранием сердца следила за тем, как одна за другой выпадают даты рождения призывников. Моя настоящая дата выпала одной из первых, но из-за ошибки призывной комиссии я оказался почти в самом конце списка, так что очередь до меня так и не дошла.

Джим задумчиво посмотрел на небо, почесал подбородок и, покачав головой, ответил:

«Может, это никакая не ошибка? Может, у Бога на тебя совсем другие планы?»

Джим направлялся в Марокко и предложил подвезти нас с Гэри до Италии. Мы сделали остановку в Генуе — на родине Христофора Колумба. Там мы погрузили в «Фольксваген» Джима ценности, накопленные им за время службы в армии, а также электронику, которую он намеревался выгодно продать в Штатах. Покончив с делами, мы продолжили путь. Вскоре холмы, террасами спускавшиеся к Средиземному морю, расступились, и нашему взору предстала

темно-синяя водная гладь, на которой играли блики вечернего солнца. Мы решили остановиться и искупаться. А когда мы вернулись к машине, то обнаружили, что все имущество Джима украли.

Мы направились в полицейский участок, чтобы написать заявление о краже, но лучше бы мы этого не делали. К нашему изумлению, полицейские, крича и размахивая руками у нас перед носом, посадили нас за решетку. Тяжелая металлическая дверь с грохотом захлопнулась, и у меня по спине пробежал неприятный холодок.

Некоторое время спустя к нам пришел начальник полицейского участка.

«Я предлагаю вам выбор, — прорычал он. — Либо вы навсегда убираетесь из нашего города, либо будете сидеть в тюрьме!»

Естественно, мы выбрали первое. В ночной тьме мы в сопровождении полицейских машин добрались до окраины города. Так завершился наш первый день в Италии.

Мы ехали без остановки до самого утра, пока не добрались до телеграфа. Джим связался со своими товарищами из Германии, и они телеграммой выслали ему денег, чтобы Джим мог добраться до своей военной базы.

Так мы с Гэри снова оказались предоставлены сами себе. Стоя на обочине дороги, мы гадали, что нас ждет дальше.

«Слушай, Манк, почему нам так не везет? Сначала обокрали Фрэнка, а теперь — Джима. Каждый, кто пытается нам помочь, сам теряет все».

«Даже не знаю, Гэри. Может, и этому есть какое-то объяснение».

Гэри обернулся и окинул взглядом часть дороги, оставшуюся позади.

«Ты действительно полагаешь, что ничего не бывает просто так?»

«Да. Я считаю, что за всем, что с нами происходит, стоит какой-то прекрасный замысел».

Гэри кивнул:

«Я тоже так думаю».

Мы подняли руки, ловя попутку, и стали ждать, что еще приготовила нам судьба.

В самом центре Флоренции, как драгоценный камень в роскошной оправе, возвышается кафедральный собор Санта-Мария-дель-Фьоре. Завершенный в 1436 году, он неизменно привлекает к себе толпы туристов, которые приезжают со всего мира, чтобы посмотреть на украшающие его скульптуры и гигантский купол. В то время как шумные группы фотографировались на ступенях собора, я сидел внутри, на церковной скамье. Во время путешествия по Европе я побывал во многих соборах и везде чувствовал себя как дома. Сейчас, сидя перед самым алтарем, я молился о том, чтобы Господь указал мне путь. Вереницы верующих, богатые и бедные, аристократы и крестьяне, вместе преклоняли колени и возносили молитвы Всевышнему. Я задумался, о чем они молятся. Об успехе в делах или избавлении от страданий? О богатстве, славе или отмщении своим врагам? А может быть, они молятся о чистой и бескорыстной любви? Сам я пришел в храм для того, чтобы разобраться в своих мотивах. Почему я не мог остаться дома и устроиться на работу? Что это — безответственность или внутренняя слабость?

В поисках ответа на эти вопросы я заглянул в собственное сердце. Отправляясь в Европу, я надеялся выйти из своей скорлупы, порвать со всеми внушенными мне запретами и познать радости, которые сулит этот мир. Мне казалось, что так я смогу приблизиться к Богу. Но сейчас я видел, что это только отвлекает меня от истинной цели моей поездки. Мое сердце жаждало духовности. Взглянув на огромный купол храма, я благоговейно сложил ладони и стал молиться: *Я не знаю, кто ты, но я уверен, что ты слышишь мои молитвы. Мне очень хочется быть с тобой.*

Ощущая себя крошечной пылинкой, я рассматривал огромные каменные своды и высокие стены собора. Сквозь витражи пробивались солнечные лучи, освещая огромный восьмигранный купол

и отбрасывая блики на мраморные изваяния святых. Алтарь, освещенный пламенем множества свечей и лучами солнца, искрился и сиял. На алтаре на деревянном распятии висела выполненная почти в человеческий рост бронзовая фигура Иисуса. Она служила напоминанием о том, что подлинная любовь и милосердие неразрывно связаны с готовностью терпеть страдания за тех, кого мы любим. Огромные фрески на куполе изображали картины наказаний в аду и величие рая, а выше был изображен воскресший Господь в окружении ангелов. Когда я посмотрел на распятие, у меня в сердце прозвучали слова Иисуса, которые я помнил еще с детства: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам... ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше».

Холодок пробежал у меня по спине. Руки и ноги перестали повиноваться мне, лицо исказила гримаса страдания, а голова стала пустой и легкой. Охваченный одновременно стыдом и отчаянием, я вдруг ощутил себя потерянным и одиноким, словно сирота. Мне казалось, что паломники вокруг меня застыли, как изваяния, а мраморные статуи, сиявшие в солнечных лучах, наоборот, ожили.

Затем мне на ум пришел еще один евангельский отрывок: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Божие. Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю». В этих словах я ощутил безграничное всепрощение, возрождающее меня к жизни. Неожиданно тишина храма прервалась звуками органа, и с ними мое сердце воспарило к небесам. Чувствуя себя одиноким и нагим перед Господом, я разрыдался. Я ощущал полную свободу. Внутренней борьбе, которая разрывала меня в Лондоне, пришел конец, метания прекратились. Раз и навсегда я выбрал для себя дорогу, ведущую к духовной цели, и знал, что уже никогда не поверну вспять.

Тем же вечером, бродя в одиночестве по лесу, я присел на развалины старинного каменного забора и заиграл на гармонике. Этому инструменту я поверял свои самые сокровенные чувства. Словно близкий друг, моя гармоника была неутомимым слушателем и собеседником. Она откликалась мне песней и помогала погрузиться вглубь себя, чтобы обрести там мудрость и утешение. В звуках блюза находили выражение все мои радости, горести и порывы моего сердца. Я рыдал о любви, утраченной мною — любви к Богу.

Время шло, а я все играл и играл. Вдруг в серебристом лунном свете я заметил девушку. Она робко шагнула мне навстречу.

«Меня зовут Ирэн, — проронила девушка. — Я здесь уже несколько часов, и твоя музыка тронула меня до глубины души. Можно, я посижу рядом?»

«Как хочешь», — смутившись, ответил я ей. Я снова стал играть, но музыка была уже не та. Украдкой я взглянул на свою новую знакомую. Ирэн была неотразима. Каждый ее жест был исполнен и невинности, и изящества.

Откинув с лица длинные светло-каштановые волосы дрожащей от волнения рукой, Ирэн тихо произнесла:

«Я приехала сюда на каникулы из швейцарской деревушки, чтобы найти друзей по духу», — и ее карие глаза наполнились слезами.

Моя собеседница стала жаловаться, какое разочарование у нее вызывают люди, интересующиеся лишь собственными наслаждениями. Она упомянула о своем неутолимом желании стать ближе к Богу.

«Судя по тому, как ты играешь, ты тоже ищешь Бога. Расскажи мне о своих поисках».

Несколько часов кряду мы рассказывали друг другу о своей жизни и стремлениях. Я был очень взволнован тем, как много у нас оказалось общего. Вдруг нежные щеки Ирэн заблестели от слез. Она глубоко вздохнула, что подчеркнуло изящество и хрупкость ее фигуры.

«Я молила Бога, чтобы Он послал мне спутника. Пожалуйста, возьми меня с собой». Я с благоговением выслушал ее искреннее предложение любить друг друга и вместе искать смысл жизни. Нежно взглянув на меня, Ирэн прошептала:

«Прошу тебя, подумай над моей просьбой».

Весь следующий день мы провели вместе — ходили по музеям, гуляли в парках и беседовали. Ирэн не была похожа на девушек, которых я встречал раньше. Я был очарован ею. Вечером, когда мы с Гэри ужинали на вершине поросшего травой холма, к нам поднялась какая-то незнакомая девушка. Она оценивающе взглянула на меня и вручила мне письмо. Спустившись с холма, я уединился с письмом в лесу. Это было послание от Ирэн. Она писала, что если

я не приму ее предложение, то для нее будет невыносимо видеть меня вновь.

«Если ты не ответишь мне, — завершила она свое послание, — я все пойму».

Всю эту ночь я в одиночестве бродил по лесу. Я размышлял, что это: искушение, грозящее увести меня с духовного пути, или редчайшая возможность связать свою судьбу с прекрасным и нежным ангелом — возможность, которая выпадает только один раз в жизни? Как странно... Перед алтарем в соборе, всего за несколько часов до встречи с Ирэн, я пережил глубочайший в моей жизни духовный опыт, вручив себя Господу. Появись она всего днем раньше, разве смог бы я устоять перед ней? В этой девушке было всё, о чем только можно мечтать, и я питал к ней самые нежные чувства. Она стала бы мне идеальной спутницей жизни. Конечно, мы еще не были достаточно знакомы, но в одном я был уверен: ответить ей отказом — значит разбить и ее сердце, и мое.

Я снова оказался на перепутье. Передо мной простирались две дороги к просветлению. По одной я мог идти вместе с прекрасной спутницей, а вторую мне предстояло пройти одному, посвятив Всевышнему всего себя без остатка. Я бродил по лесу всю ночь, погруженный в размышления и молитвы. Способен ли я отказаться от земной любви? Глядя на звезды, я думал о католических святых, тибетских ламах и индийских *йогах*. Все они отрекались от мира ради просветления. Они отказались от всех радостей жизни во имя безраздельной преданности Богу. Я страстно желал последовать их примеру, хотя понимал, что для меня это будет очень нелегко. И все же, уповая на Божью помощь, я решил попробовать, хотя бы какое-то время.

Слеза скатилась на страницу моей записной книжки, когда я вычеркивал из нее имя Ирэн. Я не стал рассказывать Гэри о ней, а сам бы он вряд ли догадался. Единственное, что могло выдать ему мои чувства, — это песнь моей гармонике.

Лето заканчивалось, близился новый учебный год, и нам пора было возвращаться к родителям и друзьям. Но мы с Гэри поняли, что не можем сейчас ехать домой — наши духовные поиски только начинались.

Спустя несколько дней мы были уже в Риме. Заночевали мы под открытым небом в лесу позади дешевой ночлежки.

Большую часть дня мы проводили порознь — мне хотелось побыть наедине со своими мыслями. Однажды я набрел на древний монастырь. Я зашел внутрь маленькой часовни и опустился на колени, приготовившись к молитве, но вдруг кто-то тронул меня за плечо.

«Я могу тебе как-то помочь?» — раздался голос у меня за спиной. Я обернулся и увидел седовласого монаха. Его голову украшала тонзура. Он был высок и одет в коричневую сутану. Чистая, но довольно ветхая, она ниспадала до самых его стоп. Монах был подпоясан веревкой и обут в стоптанные кожаные сандалии.

Его вид вызвал у меня благоговение. Взвешивая каждое слово, я обратился к нему с просьбой:

«Ваше Преподобие, если сочтете возможным, пожалуйста, расскажите мне о своем духовном пути».

Монах присел рядом на скамью и безмятежно улыбнулся.

«Я родился в аристократической семье, — негромко начал он свой рассказ. — В молодости у меня не было недостатка в деньгах, но дурное влияние сверстников испортило меня. Добываясь их признания, я совершил много грехов: пил вино, волочился за женщинами и одевался в красивые одежды». В его голосе послышалось горькое сожаление, и он на мгновение замолчал.

«Я учился в университете, когда трагически погибла вся моя семья. Мои родные отдыхали на яхте, и яхта утонула вместе со всеми пассажирами. Потеряв всех близких, я осознал бессмысленность своей прежней жизни, проведенной в погоне за удовольствиями. Это подтолкнуло меня к духовным поискам, которые привели меня к одному монаху-францисканцу. Под его руководством я начал изучать священные писания, — монах простер руки к алтарю, и на глазах у него выступили слезы. — В жизни и проповедях Иисуса Христа я нашел источник вечной жизни и обрел искупление грехов. Вдохновленный примером святого Франциска, я принял монашеские обеты. С тех пор прошло уже более пятидесяти лет».

Склонив голову, я поблагодарил монаха и спросил, могу ли я задать ему вопрос, который не дает мне покоя. Близилось время службы, и молебельня постепенно наполнялась людьми. Монах

пристально посмотрел мне в глаза. Его добрые голубые глаза, казалось, заглянули в мое сердце. Глубокие морщины на его лице свидетельствовали о тяготах жизни в отречении, но беззубая улыбка излучала таинственную внутреннюю радость.

«Здесь скоро начнется служба. Иди за мной».

Мы прошли по узкому коридору и в крошечной тьме спустились по каменной лестнице. Монах зажег светильник, и мы медленно двинулись по подземному ходу шириной чуть более метра. Каменные стены и низкий потолок старинного тоннеля были покрыты плесенью и пахли сыростью. Вдруг у самого моего лица пронзительно закричала летучая мышь. В полумраке раздался негромкий голос монаха:

«Я веду тебя в келью, туда, где я обычно молюсь», — эхо его слов потонуло в звуках наших шагов. Мы вошли в укромную келью. Пляшущее пламя светильника осветило тесную комнату, в которой не было ничего, кроме деревянного распятия на стене и деревянной скамьи. С улыбкой монах спросил меня:

«Ну как, здесь достаточно тихо?»

Я признался ему, что мне очень нравится это место. Мы сели на скамью, и монах поставил светильник между нами. Я стал рассказывать ему о том, что беспокоило меня с тех самых пор, как я приехал в Европу:

«Я происхожу из еврейской семьи и чту традиции своих предков. Мой дедушка был очень религиозен, и это оказало на меня большое влияние. Во время своих странствий я черпал вдохновение и мудрость в Торе и Каббале. Вместе с тем меня до слез тронуло учение Иисуса. Его мудрость, сострадание и любовь к Богу поразили меня до глубины души».

Я заметно нервничал, поскольку открыто говорил на эти темы впервые, но монах взглядом приободрил меня, и я продолжил:

«Мы знаем из истории о гонениях, которым христиане подвергали евреев. Некоторые христиане ненавидят евреев и обвиняют их в том, что они убили Иисуса. Мне и самому доводилось слышать подобные обвинения. А некоторые евреи, в свою очередь, презирают христиан и не признают Иисуса».

Нахлынувшие воспоминания заставили меня ненадолго замолчать. Всматриваясь в тусклое пламя светильника, я спросил монаха:

«И евреи, и христиане любят одного и того же Бога. Откуда у них столько ненависти друг к другу? И не предаю ли я иудейскую веру своих предков, искренне чтя Иисуса?»

Монах положил свою ладонь поверх моей. Он возвел свой взор к небесам, как бы ища нужные слова, а потом закрыл глаза. Через мгновение он повернулся ко мне и произнес:

«Сын мой, есть только один Бог. Все религии учат, как любить Его и повиноваться Ему. Лишь маловерие, эгоизм или борьба за власть и влияние вынуждают людей ссориться друг с другом из-за поверхностных теологических различий. За пятьдесят лет, посвященных молитве, размышлениям и заботе о страждущих, я осознал, что разным людям любовь к Богу открывается по-разному. В каждой религии есть святые, которые не жалели своей жизни ради обретения любви к Богу и жертвовали собой ради блага других».

Монах задумался. Поглаживая подбородок, он произнес дрожащим от волнения голосом:

«Я верую в Иисуса Христа — Сына Божия, моего Спасителя. Должно быть, таков Божий промысел — вдохновлять набожных иудеев следовать религии, отличной от моей».

Он говорил о том, что Моисей и пророки учили нас возлюбить Бога всем сердцем, душой и помыслами своими. Тому же учил и Иисус. Он пришел, чтобы исполнить эту заповедь, а не менять ее.

«Чего ради тогда верующим враждовать друг с другом? — продолжал монах. — Нам может казаться, что путей много, но цель у них, в любом случае, одна — Царство Божье. Лишь скудоумные люди станут искать здесь противоречия». Он отпустил мою ладонь и с любовью потрепал меня по голове: «Не тревожься, сын мой. Главное, что ты искренен. Господь Сам направит тебя на истинный путь».

Эти слова тронули мое сердце.

На следующий день мы с Гэри побывали в монастыре, в подвалах которого монахи медитировали среди останков своих предшественников. В одних помещениях подземелья вдоль стен возвышались горы черепов и скелетов, а в других мы обнаружили

мебель и подсвечники из человеческих костей, а также искусно выложенные из останков цветочные орнаменты. Мы попросили сопровождавшего нас монаха объяснить увиденное.

«Мы размышляем здесь о бренности тела и тщетности привязанностей. Это помогает нам преодолевать соблазны плоти и находить прибежище в Царствии Божьем», — ответил монах.

Мы внимательно слушали нашего гида. Спустившись еще глубже, мы увидели целую группу скелетов в монашеских сутанах. Они указывали на надпись: «Когда-то мы были такими же, как вы. Теперь, придет срок, и вы станете такими же, как мы».

Несмотря на полученный мною духовный опыт, материальный мир по-прежнему притягивал меня. Однажды в Риме мы с Гэри зашли в книжную лавку. Мы часто заходили в книжные магазины в поисках чего-нибудь интересного. В этот раз мое внимание привлекла книга «Как играть блюз на гармонике». Полистав ее, я обнаружил уроки игры на гармонике в стилях величайших мастеров этого жанра, а также песни из репертуара моих любимых исполнителей: «Сонни Боя» Уильямсона, Литтл Уолтера, Хаулин Вульфа, Джимми Рида, Слима Харпо, Сонни Терри, Джуниора Уэллса, Джона Мэйалла, Пола Баттерфилда и других. Этот самоучитель очень пригодился бы мне в поездках, но я не мог позволить себе такую покупку. «С другой стороны, когда еще я найду такую книгу?» — засомневался я.

И тут моя низменная природа взяла верх. Озираясь по сторонам, я спрятал книгу под жилет и вышел из магазина. Когда мы вернулись в наш лагерь, я показал свою добычу Гэри. Тот одобрительно улыбнулся.

Несколько дней спустя мы посетили базилику Святого Петра и попали на проповедь, которую читал сам Папа. Весь день мы гуляли по Риму, пока не набрали на красивую церковь. Округлые своды, освещаемые только мягким светом свечей, придавали церкви сходство с пещерой. Расположившись на старинных резных скамьях, мы провели в этой церкви благодарный час, посвященный медитации и молитве. Позже, когда мы добрались на попутках до какого-то оживленного перекрестка, Гэри с гордостью продемонстрировал мне деревянное распятие, покрытое тонкой резьбой. Я взял распятие в руки и изумился его красоте.

«Откуда оно у тебя?» — спросил я.

«Из исповедальной кабинки той церкви», — весело ответил Гэри.

«Что?! — я с возмущением вернул ему распятие. — Ты украл его из храма Божьего? Как ты мог? Мне стыдно за тебя!»

Глаза Гэри вспыхнули от возмущения:

«Манк, не тебе говорить об этом! Разве не ты украл самоучитель игры на гармонике? Хорош лицемерить!»

Он был прав. Пристыженный, я не знал, что возразить. Я был не вправе осуждать Гэри, но мне нужно было высказаться:

«Да, я украл самоучитель. Но украл я его не из святого места, а из лавки, где продают товар и получают прибыль».

От этих слов Гэри возмутился еще больше. Он стал яростно возражать, перекрикивая шум улицы:

«К твоему сведению, церковь — одно из самых прибыльных предприятий в мире, зарабатывающее миллиарды долларов! А книжная лавка наверняка принадлежит верующему человеку, едва сводящему концы с концами».

Пока мы спорили, вокруг нас собралась толпа зевак и начали останавливаться автомобили.

Напрягая голос, я пытался перекрыть шум проезжавших мимо автобусов:

«Может, ты и прав. Но в этой церкви мы молились Богу, и я не могу смириться с тем, что ты украл отсюда распятие. Прошу тебя, верни его на место, хотя бы ради меня».

Гэри перестал сердиться и примирительно улыбнулся. Он обнял меня, попросил прощения и согласился вернуть распятие.

«И ты меня прости, Гэри. Я знаю, что был не прав, но я очень благодарен тебе».

Мы с Гэри возвратились на попутке в церковь и положили на место украденное распятие. Когда мы добрались до своего лесного лагеря, уже была ночь. Мы посмеялись, вспомнив о нашем споре, и пришли к выводу, что он лишь укрепил нашу дружбу и показал нашу преданность друг другу. Лежа на спине в спальном мешке, я смотрел на звезды и ворочался с боку на бок, не в силах уснуть. *Я лицемер. И Иисуса распяли такие же лицемеры, как я. Как это подло — проповедовать, но самому не следовать тому,*

о чем говоришь. Вдруг тишину нарушил голос Гэри. Он как будто прочитал мои мысли:

«Манк, я прошу тебя, не возвращай самоучитель игры на гармонике. Всем очень нравится, когда ты играешь новые песни».

Я пользовался этой книгой столько, сколько потребовалось, чтобы разучить все новые песни. В день нашего отъезда из Рима я зашел в книжную лавку и незаметно подложил самоучитель обратно на полку, откуда его взял.

В Риме, как и в других городах, я облюбовал местечко на набережной. Глядя на другой берег Тибра, я размышлял о том, что эта река была свидетельницей взлета и падения Римской империи. Проходили поколения, цивилизации сменяли друг друга, и величественные строения Рима превращались в руины, а Тибр продолжал невозмутимо нести свои воды. Я жаждал приобщиться к его мудрости. Наблюдая за течением реки, я вспоминал радости и невзгоды, которые пережил в Италии. В моей памяти всплыло ограбление бедолаги Джима и бесценное благословение, полученное мной в соборе Санта-Мария-дель-Фьоре. А потом мои мысли вернулись к нежному ангелу, Ирэн, которую я счел помехой на своем духовном пути. В плеске волн Тибра мне слышались мудрые слова монаха-францисканца, произнесенные им в темной подземной келье. Затем, к своему стыду, я вспомнил, как украл книгу, а потом лицемерно обвинил в воровстве своего лучшего друга. Во всех этих событиях я ощущал руку Господа, преподававшего мне бесценные уроки жизни. Волны набегали на берег, а я размышлял о жизни святого Франциска. В юности он боялся прокаженных и всеми силами избегал их. Но однажды, встретив прокаженного, Франциск почувствовал перемену в своем сердце. По Божьей милости он проникся глубочайшим состраданием к больному и в порыве раскаяния поцеловал ему руку. С тех пор Франциск стал собственноручно ухаживать за прокаженными и всячески помогать им. Мне очень захотелось побывать в Ассизи, на его родине.

Расставшись с Гэри на несколько дней, я совершил паломничество в Ассизи. Там я ходил по местам, связанным со святым Франциском, и читал его житие. Он был сыном богатого купца

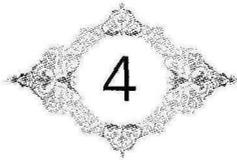
и в юности участвовал в военных походах. Однако в 1205 году, когда Франциск возносил молитвы в церкви святого Дамиана, Иисус обратился к нему с церковного распятия:

«Франциск, разве ты не видишь, что дом Мой рушится? Иди, почини его для Меня!»

Это откровение стало поворотным моментом в его жизни. Франциск жил в нищете и смирении, посвятив себя служению Богу, и множество людей следовали за ним. Я провел несколько дней в церкви святого Дамиана, думая о чудесном преображении, которое произошло с Франциском. Я побывал в доме, где прошло его детство, и видел кладовую, куда его запер отец. Он боялся, что его сын отречется от мира, но мать поддалась на уговоры Франциска и выпустила сына из заточения. Я также посетил церковь Царицы ангелов, в которой он начинал свою проповедь и где испустил последний вздох. В Рим, к Гэри, я вернулся, вдохновленный примером святого Франциска, его самоотречением, состраданием и экстатической любовью к Богу.

Из Рима мы автостопом отправились в Неаполь, а оттуда — в легендарные Помпеи. Меня поразило, что до извержения Везувия это был красивый и процветающий город. Сейчас же, тысячелетия спустя, мы шли по руинам древней цивилизации, с удивлением взирая на археологические находки. В пепле и отвердевшей лаве превосходно сохранились отпечатки тел людей и животных. Потоки лавы законсервировали под собой здания, дороги и предметы быта. Это зрелище погрузило меня в размышления. Чему нас учит трагедия Помпеев? Тому, что беда может случиться в любой момент. В своей самоуспокоенности мы не сознаем бренности материального. Я подумал о бубонной чуме, опустошившей Европу, об атомной бомбе, которая сровняла с землей Хиросиму, о землетрясениях и пожарах, уничтоживших в Америке целые города. На протяжении всей истории человечества силы природы периодически отбирают у нас все. Зачем откладывать поиски смысла жизни на потом? *Сейчас — самое время.*

Подобно извержению Везувия, оставившему в руинах целый город, из глубин моего сердца изверглась твердая решимость следовать духовным путем и погребла все остальное под пеплом моего прошлого.

Из Помпеев мы добрались до портового городка Бриндизи, а оттуда на последние деньги отправились на греческий остров Корфу (Керкиру), упомянутый Гомером в «Одиссее». На Корфу я каждый день в одиночестве бродил между олив и смоковниц, которыми поросли горные склоны над Ионическим морем. Глядя на море, я садился под гранатовое дерево с «Книгой Перемен», Бхагавад-гитой или Библией, пытаюсь взять как можно больше знаний от разных учителей. Свежий морской ветер настраивал меня на философский лад и помогал погружаться в размышления.

Затем мы переправились на материк и поехали автобусом в Афины. По дороге я не переставал удивляться многообразию природы Европы, а также языков и обычаев ее жителей. Для меня, выходяща с американского Среднего Запада, все это было внове. Постоянно меняющийся за окном пейзаж наводил меня на размышления. С детства я привык оценивать все с точки зрения той культуры, в которой был воспитан. Интересно, откуда в нас, людях, эта глубоко укоренившаяся склонность чувствовать свое превосходство над окружающими — национальное, расовое, религиозное или социальное? Себя мы считаем нормальными, а остальных людей странными или уступающими нам. Это презрительное отношение к другим, чувство превосходства над ними, порождает фанатизм и нетерпимость и становится причиной ненависти и страха, эксплуатации и даже войн. Я молился о том, чтобы мои странствия открыли мне глаза на то, как в разных культурах люди по-разному воспринимают жизнь, окружающий мир и Бога, и позволили проникнуться симпатией к этому видению мира.

Из Афин я отправил домой письмо. В нем я рассказывал о том, где сейчас нахожусь, как много дала мне эта поездка и как

я соскучился по своим родным. У меня не хватило смелости признаться, что я не вернусь к началу занятий в колледже и что я вообще не знаю, когда вернусь.

В Афинах нас с Гэри поразило, что улицы патрулируют полицейские с автоматами наперевес. Мы понимали, что при такой обстановке нам лучше переночевать в студенческом общежитии, а не под открытым небом. Но, к сожалению, денег у нас не было. Хотя ночлег в общежитии стоил недорого, мы не могли себе позволить такую роскошь. Поэтому мы решили немного подзаработать, сдав кровь в государственном донорском пункте. Путешественники, вроде нас, нередко пользовались такой возможностью. В то время применялась примитивная и очень болезненная процедура взятия крови: донора пристегивали ремнями к кровати и большим шприцем откачивали кровь из вены. Когда это сделали с нами, мы чуть не потеряли сознание. После сдачи крови донор получал стакан апельсинового сока и должен был провести полчаса в приемном покое под наблюдением врача. И только после того, как врач убеждался в хорошем самочувствии донора, ему выплачивали деньги. Вот и мы с Гэри, выжидая положенное время в приемном покое, сидели и мучились от ноющей боли в руке. С гримасой страдания на лице Гэри выдавил из себя:

«В следующий раз давай поищем какой-нибудь другой источник заработка».

Мы огляделись и увидели француза с гитарой в футляре, страдающего от боли, так же, как и мы. Чуть дальше сидел паренек из Швейцарии с футляром для скрипки. Он тоже потирал больную руку. Я же, как обычно, на ремне брюк носил гармонику. Взгляды наши встретились, и мы улыбнулись, прочитав мысли друг друга.

Выяснилось, что швейцарец с детства учился игре на классической скрипке, но в подростковом возрасте увлекся роком и блюзом. Француз сначала учился классическому фламенко, а потом стал играть фолк. Получив деньги, мы вместе вышли на улицу. Ансамбль был готов, и сразу за воротами донорского пункта мы принялись исполнять дикие блюзовые импровизации. Привлеченные музыкой, к нам стали подходить прохожие, и уже скоро нас окружала целая толпа. Гэри попросил у одного из прохожих шляпу и, бросив туда

несколько монет, стал трясти ею, изображая ритм-группу. Людям так понравилось наше выступление, что драхмы (греческие монеты) одна за другой посыпались в шляпу. Окрыленные успехом, мы двинулись по улице процессией, играя одну длинную песню. Толпа, приплясывая, шла за нами. Когда мы остановились на перекрестке, монеты уже не помещались в шляпу.

Мы разделили между собой свой первый заработок и пошли устраиваться в общежитие. На следующее утро мы проснулись знаменитыми. Куда бы мы ни шли, нас сразу окружали улыбающиеся и рукоплещущие греки. Они полюбили нас всем сердцем. Мы играли и играли, не веря, что такое бывает. Остановившись на какой-то площади, мы играли одну композицию за другой. В собравшейся вокруг нас толпе старики стали хлопать в ладоши, подростки пустились в пляс, дети помладше принялись прыгать, а матери — раскачивать младенцев в такт музыке. Все улыбались в этот солнечный день, шляпа вновь переполнилась драхмами, как вдруг толпа рассеялась и нам в лицо уткнулись стволы автоматов. Музыка оборвалась, и под конвоем полицейских мы побрели в участок. Там у нас отобрали все деньги, которые были в шляпе, и предупредили, чтобы мы больше никогда не преступали закон. Так, не успев начаться, завершилась моя карьера профессионального музыканта.

Нам удалось утаить от полиции небольшую сумму, и в поисках более спокойного места для духовной практики мы решили отправиться на Крит. На пароме мы переправились на знаменитый остров. Сойдя в порту Ираклион, мы добрались до южной оконечности острова на автобусе. Там мы нашли живописное место, поразившее нас своей суровой и дикой красотой. Залитая солнечным светом скалистая береговая линия, неприступная для кораблей, изобиловала быстрыми ручьями, глубокими ущельями и песчаными пляжами. Под ярким солнцем по горным склонам бродили козы. Никогда прежде я не видел столько пещер. В одной из них, с видом на Средиземное море, мы и обосновались. Это райское место идеально подходило для медитации, молитв и поста. Каждое утро, еще до рассвета, я взбирался на гору, где медитировал и молился, и так продолжалось до самого вечера. Я смотрел вниз, на прозрачную морскую воду, и мое желание обрести просветление становилось все сильнее и настойчивее. Гэри тоже медитировал —

только внизу, у моря. Вечером мы возвращались в пещеру и ломтем хлеба прерывали пост, длившийся целый день. Лежа на каменном полу пещеры, мы делились друг с другом опытом, полученным в этот день.

Так, в созерцании, проходили недели. За это время медитация и молитвы раздули искру моих духовных устремлений в ярко горящее пламя. Сидя на вершине горы, я наблюдал, как в этом пламени сгорает мое прошлое. Мне казалось, что стремление к Богу сжигает меня изнутри, превращая в одержимого.

Судьбе было угодно снова привести меня на перепутье. Я мог остаться тем, кем был, — американским юношей из благополучной семьи, который должен был окончить колледж и получить диплом, но вместо этого увлекся контркультурой, — а мог выбрать другой путь, ведущий в неизвестность и сулящий большие перемены.

Мне было страшно. Я понимал, что делаю выбор, который полностью изменит мою жизнь, но меня уже было не остановить. Я понятия не имел, куда ведет меня судьба, но твердо знал: если я буду все время двигаться вперед, то обрету иную жизнь и стану совсем другим человеком. А для этого нужно оставить все, что у меня было, в прошлом.

День близился к концу. Краснеющий диск солнца опускался в море, отбрасывая янтарные блики на танцующие волны. Прибрежные горы сияли, словно золотые, и небо переливалось желто-розовыми, оранжевыми и лиловыми красками. Вдруг в глубине моего сердца раздался голос, мягкий, но не допускающий возражений:

«Отправляйся в Индию!»

Почему в Индию? — подумал я. — *Это так далеко отсюда. Я же почти ничего не знаю об Индии. И потом, у меня не было денег, и я даже не представлял себе, чего ждать от такого путешествия. Однако я был уверен, что голос, прозвучавший внутри, был голосом Бога. У меня и раньше были ситуации, когда я ощущал присутствие Бога или же чувствовал угрызения совести, если мои поступки отдаляли меня от Него. Но то, что произошло сейчас, было совершенно иным. Я услышал в собственном сердце беззвучный голос, причем, это не был голос моего ума. Я понял, что Бог ответил на мои молитвы, в которых я просил Его указать мне путь.*

Наступили сумерки. Погруженный в размышления, я спускался с горы, и мне казалось, что каждый мой шаг приближает меня к заветной цели. Забравшись в нашу пещеру, я обнаружил там медитирующего Гэри. Пламя свечи, одиноко стоявшей перед ним, трепетало и отбрасывало желтый свет на стены и потолок нашего убежища.

Я сел на каменный пол у входа в пещеру и стал смотреть на смеркающееся небо. Несколько минут спустя я прервал молчание:

«Гэри, сегодня со мной случилось что-то необыкновенное».

Гэри изумленно раскрыл глаза и воскликнул:

«Правда? И со мной тоже».

«Расскажешь?»

На небе начали зажигаться первые звезды. Глядя на них, Гэри ответил:

«На закате я услышал голос».

«Невероятно! И что же он сказал?»

«Он сказал, — прошептал Гэри, — „Отправляйся в Израиль“».

У меня даже рот открылся от удивления:

«Что?» — дрожа от возбуждения, я придвинулся поближе к Гэри. Услышанное не укладывалось у меня в голове. «Отправляйся куда?!»

«В Израиль. Ты что, не веришь мне?»

Я постарался взять себя в руки.

«Дело в том, что на закате я тоже услышал голос».

Гэри радостно воскликнул:

«Как здорово! Значит, мы поедем в Израиль вместе!»

«Нет, Гэри, — запинаясь, прошептал я, — мне голос сказал: „Отправляйся в Индию“».

«В Индию?!» — воскликнул Гэри.

Наступила тишина. Никто из нас не мог произнести ни слова.

Наконец, глядя на звездное небо, усыпанное мириадами звезд, я прошептал: «Я готов».

В пещере стало совсем темно, только мерцало пламя единственной свечи. Я повернулся к своему самому близкому другу:

«Завтра я уезжаю. Может быть, мы расстанемся навсегда».

Мы долго сидели молча, затем Гэри прервал наступившую тишину:

«Отсюда до Индии тысячи километров, и путь лежит через пустыни Ближнего Востока».

На стенах плясали беспокойные тени от пламени свечи.

«Дорога туда очень опасна. Это не шутки. У тебя ничего нет с собой, Манк. Это уже не поиски смысла жизни — это самоубийство. Прошу тебя, не торопись. Давай сначала поедем в Израиль, заработаем денег, а потом вместе отправимся в Индию».

Тянулись минуты. Я думал над словами Гэри, но внутренний зов не ослабевал.

«Гэри, я уверен, что это Господь зовет меня. Я не могу ждать».

Тревога промелькнула в его глазах.

«А как ты туда доберешься, Манк?»

«Если все время ехать на попутках на восток, то когда-нибудь я доберусь до той страны, где найду ответ на свои молитвы».

Гэри понимал, что творилось у меня на сердце. Слеза скатилась у него по щеке и скрылась в бороде.

«Ты должен следовать своему предназначению, — прошептал он. — Я буду молиться за тебя».

Свеча догорела, и я лег на пол пещеры. От волнения я долго не мог уснуть. В безмолвии ночи я просто смотрел на бесконечные звезды и думал о том, что ждет меня в грядущем.

С рассветом я стал готовился к отъезду. Гэри проводил меня до автобусной остановки. Опечаленные предстоящей разлукой, мы встали на обочине рядом с несколькими крестьянами, ожидающими автобус. С самого детства мы с Гэри питали друг к другу такую братскую любовь, которая редко встречается даже среди близких друзей. Вместе мы проходили через таинственные перемены, уготованные нам жизнью, вместе любовались звездами у себя дома в Хайленд-Парке, в лагерях хиппи в Калифорнии, в нашем колледже во Флориде и во многих других местах по всей Европе. Мы вместе размышляли о том, почему люди ненавидят и убивают друг друга, и вместе протестовали против войны во Вьетнаме и дискриминации негров. Мы мечтали о справедливости и о мире,

свободном от ненависти и наполненном музыкой. За время наших странствий мы стали еще больше зависеть друг от друга. Но сейчас наступил переломный момент. Когда подъехал громыхающий старый автобус, мне захотелось подарить Гэри на память что-то очень дорогое. Я не знал, что делать, и тут меня осенило: я снял с себя старый черный жилет и протянул его Гэри. Последние годы я ни на день не расставался с этим жилетом. Мои знакомые даже представить себе не могли меня без этого жилета. Он стал продолжением меня самого и был самым ценным из всего, что я имел.

«Твой жилет!» – воскликнул Гэри.

В этот момент мы ощущали себя двумя листьями, подхваченными ветром и не знающими, куда и зачем он их несет. Мы пожали друг другу руки, а потом обнялись на прощание. Борясь с собой, чтобы не разрыдаться от переполнявших меня чувств, я сказал:

«Кто знает, даст Бог, мы еще увидимся».

Я сел в автобус. Когда он поехал, трясаясь на выбоинах и рытвинах, я обернулся. Гэри стоял один и смотрел мне вслед. Я знал, что, оставив ему свой жилет, я расстался со своим прошлым и настоящим. Начиналась новая жизнь. С этого дня я решил отказаться от своего прозвища «Манк» и представляться именем, полученным при рождении, – Ричард. Я предчувствовал, что путешествие в загадочную Индию станет путешествием к моему истинному «я».

В Ираклионе, северном порту Крита, я нашел рыбака, который согласился отвезти меня в Афины. Когда лодка отчалила, я, устроившись подальше от рыбака, стал смотреть на волны. Мой ум бушевал, как море в шторм. Я понятия не имел, что ждет меня впереди. В свои девятнадцать лет я никогда не встречал индийцев. Я слышал, что Индия находится где-то на востоке, но где именно и как далеко — я не представлял себе даже приблизительно. Никакой карты у меня не было. Когда я учился в школе, Индия казалась мне страной заклинателей змей, где царит нищета, болезни и перенаселенность. Позже, когда я стал искать ключи к разгадке самых сокровенных тайн жизни, я узнал, что Индия считается родиной религии, йогов и великих святых. Готов ли я встретиться с этими святыми? Причем, не как турист или экскурсант, а как искатель высшей истины?

В Афинах на меня обрушился поток пугающей информации. Оказывается, чтобы попасть в Индию, необходимо пересечь Турцию. Путешественники, побывавшие в Турции, предостерегали меня: «На черном рынке в Стамбуле охотятся за донорской кровью. Тебе пообещают хорошо заплатить за сдачу крови, а потом свяжут, выкачают из тебя всю кровь, а труп выбросят в Черное море».

Другие добавляли: «В стамбульских гетто полно бандитов, которые не раздумывая убьют тебя даже ради одной лиры».

Но поскольку я уже твердо решил ехать, я старался никого не слушать.

Когда я стал спрашивать о сухопутном маршруте в Индию в общежитии, меня вновь попытались отговорить от поездки. Группа европейских туристов окружила меня со словами: «Ты спятил? Ты что, газет не читаешь?»

Кто-то тряс английской газетой у меня перед носом. «Турция охвачена эпидемией холеры», — гласил заголовок.

«В Индию можно попасть только через Турцию».

В Турции и правда свирепствовала холера. Об этом говорили все европейские средства массовой информации. В такой ситуации поездка на попутках через всю страну действительно была сумасшествием.

Среди путешественников, которых я расспрашивал о сухопутном маршруте в Индию, нашлось двое ребят, которые тоже направлялись туда. Одного звали Джефф. Это был американец из Сан-Диего, лет двадцати, высокий и атлетически сложенный, с квадратной челюстью и крупным носом. Белокурые волосы, аккуратно расчесанные на пробор, почти достигали плеч. Из-под очков в черной оправе смотрели голубые глаза. Хотя Джефф выглядел грубоватым, на самом деле он отличался необычайной миролюбивостью. Как и я, он направлялся в Индию на поиски смысла жизни. Скромный и веселый, Джефф был одним из самых приятных людей, с которыми мне когда-либо доводилось встречаться.

Мой другой попутчик, Рэмси, румяный рыжеволосый австралиец лет тридцати пяти, был путешественником, много повидавшим на своем веку. Он уже успел пересечь автостопом всю Европу и Азию. Несмотря на суровый вид, Рэмси отличался добротой и благородством. Он обладал зрелостью и мудростью, которых так недоставало нам. Хотя я представился Ричардом, в кругу путешественников, где все друг друга знали, я уже был известен под именем Манк, поэтому Джефф и Рэмси продолжили называть меня этим именем.

Из нас троих деньги были только у Джеффа. Достав из рюкзака хлеб и кунжутное масло, шпинат, помидоры, маслины и сыр, он сказал нам с широкой улыбкой:

«У меня не так много припасов, но я с удовольствием разделю их с вами».

Радуясь, как ребенок, он на скорую руку приготовил вкусный завтрак и разделил его на три равные порции. Откусив большой кусок бутерброда, Джефф обратился к нам с такими словами:

«А уж после этого нам придется затянуть пояса. Вы готовы, парни?»

Мы с Рэмси, жуя бутерброды, согласно закивали.

Это происходило в вестибюле общежития, где мы втроем отмечали начало нашего путешествия в Индию. Потом мы отправились в посольство Турции, узнать, не закрыта ли граница. В посольстве нас заверили, что граница открыта, и уже на следующий день мы получили визы.

Чтобы попасть в Турцию, мы сначала добрались на попутках до библейского города Салоники на северном побережье Греции, а оттуда отправились в Кипи, городок на самом северо-востоке страны. Проходили дни, а нам так и не удавалось поймать попутку. Поэтому до турецкой границы, которая разделяла Европу и Азию и была основным каналом поставки марихуаны и героина с Ближнего Востока и из Юго-Восточной Азии, нам пришлось добираться пешком. Пропускной пункт стоял далеко от населенных мест. Ведущая к нему дорога обрывалась у пограничного забора, один вид которого не сулил ничего хорошего. Увенчанный кольцами колючей проволоки металлический забор тянулся от горизонта до горизонта. Границу охраняли греческие солдаты, вооруженные автоматами. Подойдя к ближайшему из них, Рэмси спросил, где находится служба иммиграционного контроля. В ответ солдат указал на хижину возле забора. В хижине никого не было, а уже приближался вечер. И что теперь?

Мы решили, что просто так не отступим, но единственным ответом на наши попытки найти иммиграционного служащего было безразличие, раздражение и непонимание солдат. Вдруг один молодой солдат, который все это время наблюдал за нами, куда-то исчез. А через минуту из чайной, которую мы сразу не заметили, вышел представитель греческой иммиграционной службы. Это был тучный мужчина с густыми усами. Форменная одежда была ему явно мала. Вытерев уголок рта салфеткой, он отдал ее молодому солдату и обратил свой взор на нас.

«Что вам надо?» — спросил иммиграционный служащий.

Рэмси невозмутимо ответил:

«Мы хотим пересечь турецкую границу».

Служащий посмотрел на нас с недоверием:

«Это невозможно. Граница закрыта. В Турции свирепствует холера. Ни один человек в здравом уме не поедет сейчас в Турцию».

«А в посольстве нам сказали, что граница открыта, — выпалил Джефф, — мы хотим...»

«Вы представляете себе, что такое эпидемия холеры? — зло закричал на нас служащий. — Если я выпущу вас, то обратно вы уже не вернетесь. Греческая граница закрыта для входа».

Он указал на восток, в сторону темнеющего неба:

«Там — ничья земля, — и, прищуриль глаза, добавил: — Вы знаете, что это такое? Это пустыня, где вас подстерегают ядовитые змеи и голодные волки и где нет ни пищи, ни воды».

Джефф снова оборвал его:

«А почему тогда в турецком посольстве в Афинах нам сказали, что граница открыта? Мы уже все оплатили, и вы обязаны пропустить нас».

От гнева у иммиграционного служащего вздулись вены на шее. Показывая пальцем на пограничные ворота, он закричал:

«Турецкая граница закрыта. Если вы войдете в эти ворота, обратно вас уже не пустят. Вы слышите меня? Я советую вам возвращаться туда, откуда пришли. Я уйду через пару минут. Так что решайте скорее».

Солнце клонилось к горизонту. Наш путь к турецкой границе занял столько дней, что мы не могли позволить себе отступить.

«Мы идем в Турцию», — поспешно ответили мы.

Вне себя от ярости, иммиграционный служащий приказал солдатам открыть ворота. Когда мы прошли их, он прокричал нам вслед:

«Глупцы, вы никогда не вернетесь обратно!»

Миновав солдат с автоматами наперевес, мы услышали, как железные ворота с лязгом захлопнулись у нас за спиной.

Мы медленно двинулись вперед. «Ничья земля» — буферная зона между двумя враждующими странами — действительно оказалась самым пустынным и унылым местом, какое мне только доводилось видеть. Солнце уже садилось. Вдалеке я заметил змею, скользившую по выжженной земле. Деревья с облетевшей листвой стояли, словно безмолвные стражи. Темнело. В обычное время этот отрезок пути не представлял никакой опасности, но сейчас из-за эпидемии холеры и закрытой греческой границы здесь не было ни души. К тому же мы шли пешком, да еще и ночью,

и это делало нас особенно уязвимыми. Сбоку, метрах в десяти, я заметил чей-то скелет, но не решился сказать об этом своим спутникам.

Мое сердце переполняла тревога. А что, если турецкая граница действительно закрыта? В посольстве утверждали обратное, но это было неделю назад. Не окажемся ли мы в смертельной западне на этой «ничьей земле»? Темень и холод становились сильнее. То здесь, то там раздавался волчий вой, но мы не останавливались. Мне вспомнились слова одного афинского лавочника, который предупреждал меня, что со времен гражданской войны в Греции в буферной зоне осталось много неразорвавшихся мин.

«Наступишь на такую мину, и останешься без ног. А обрывки ботинок застрянут у тебя в культях», — говорил он.

Эти воспоминания заставили меня содрогнуться. Я опасливо шел вперед и непрерывно молился. Вслух никто из нас не отважился произнести ни слова.

Наш четырехкилометровый переход через нейтральную полосу напоминал путешествие по долине смерти. Меня била дрожь, и я чувствовал себя беспомощным и подавленным. Когда уже казалось, что эта ночь никогда не кончится, вдалеке тускло забрезжил свет. Устремившись туда, мы вышли к пограничному забору из железных балок с пущенной поверху колючей проволокой. В заборе мы увидели ворота, к которым болтами был прикручен флаг Турции, сделанный из металла. Мы ускорили шаг. За забором стоял вооруженный солдат с папиросой в зубах. Рэмси своим обычным невозмутимым тоном шепнул нам:

«Я поговорю с ним».

Он достал свой паспорт и прокашлялся, чтобы привлечь внимание солдата. Когда тот посмотрел в нашу сторону, Рэмси, держа паспорт в одной руке, другой показал на нас, а потом на территорию за нами.

Солдат равнодушно выкрикнул два слова:

«Граница закрыта».

«Но, сэр, вы должны позволить нам пройти, иначе мы здесь умрем. Греки не пустят нас обратно».

«Граница закрыта», — изо рта солдата вырвалось облачко дыма, словно подчеркивая непреложность его слов.

Нам некуда было податься, и мы ощущали себя узниками, молящими о пощаде. Но от солдата невозможно было добиться снисхождения. Его познания в английском ограничивались двумя словами: *Граница закрыта*. Солдат бросил окурок, загасил его каблуком сапога и скрылся в темноте.

Минут через двадцать он вернулся и увидел, что мы, словно беженцы, все так же стоим у ворот. Солдат разразился гневной тирадой, сопровождаемой жестами:

«Граница закрыта. Граница закрыта. Граница закрыта!»

Я испугался, что он откроет по нам огонь. И в этот момент к воротам подошел офицер. Судя по всему, он изучал английский в той же школе:

«Граница закрыта!»

Мы стояли молча и не двигались с места. В конце концов наше отчаянное упорство подействовало на офицера, и он уступил. Отведя нас в деревянный домик, он забрал у нас все вещи, включая паспорта, деньги и даже одежду, и ушел, заперев нас. Оставшись в одном нижнем белье, в холодном помещении, мы уже начали сомневаться, где нам было лучше — здесь или на «ничьей земле». Что нас ждет дальше? Неужели нас оставят здесь умирать?

Полчаса мы провели в этой импровизированной тюрьме, дрожа от холода и страха. Наконец наш тюремщик вернулся. Он пристально посмотрел на нас, отдал нам одежду, проставил печати в наших паспортах и расплылся в улыбке:

«Добро пожаловать в великую Турцию!»

В шоке от всего случившегося, мы пересекли турецкую границу и вступили в совершенно новый для нас мир.

Мы спросили у пограничника, как добраться до Стамбула, и тот указал на безлюдную проселочную дорогу, которая терялась из вида в темноте между холмов. Мы пошли по этой дороге, пролежавшей по плодородной земле Восточной Фракии, и вскоре я заметил каменную мечеть и минарет. Это была первая мечеть, которую я видел в своей жизни. Восхищенный красотой ее купола и очертаниями минарета, я испытывал радостное волнение от встречи с храмом Бога.

На дороге не было ни одного автомобиля, а нам предстояло преодолеть почти две с половиной сотни километров. Что делать? Пока мы думали, как добраться до Стамбула, показался старый громыхающий грузовик. Поравнявшись с нами, он остановился. К нашему удивлению, в кузове стояли деревянные скамьи, на которых сидело около десятка угрюмых полицейских в потертых мундирах. Мы забрались к ним. Полицейские не проронили ни слова. И только один, в штатском, шепнул мне на ухо:

«Я хочу купить у тебя гашиш. Продашь мне? Не бойся, я не полицейский».

«У меня нет гашиша», — ответил я ему, но он не отставал от меня. Позже он спрыгнул с грузовика, надел полицейскую фуражку и с важным видом зашагал прочь.

В Стамбул мы приехали уже за полночь. Когда командир отряда полицейских спросил нас, где мы хотим остановиться, Рэмси ответил, что нам нужен ночлег подешевле. Командир внимательно оглядел нас поверх очков, а затем отошел в сторону и стал о чем-то совещаться со своим заместителем. Вернувшись, он велел нам следовать за заместителем.

У заместителя, одетого в рваный выцветший мундир, было совершенно непроницаемое лицо. Он не проронил ни слова и даже

не взглянул в нашу сторону. Мы шли за ним по пустынным улицам Стамбула, и с каждым кварталом бедность все больше бросалась нам в глаза. До нас дошло, что заместитель ведет нас в трущобы, где свирепствует холера. Увиденные нами картины нищеты и эпидемии подействовали на нас очень удручающе.

Дрожащим голосом Джефф произнес:

«Мы сделали большую ошибку. На „ничьей земле“ и то было безопаснее, чем здесь».

Даже Рэмси, и тот тяжело вздохнул:

«Ребята, за годы своих странствий я еще ни разу не видел такого гиблого места».

Я пытался молиться, но никак не мог успокоиться. Куда нас ведут?

Пугающая ночная тьма оглашалась воплями и стонами умирающих. В этих грязных трущобах эпидемия собирала богатую жатву. Я даже боялся дышать. Холеру очень легко подхватить. Потом начинаются кишечные колики, и человек умирает в ужасных муках. Нам было страшно и одиноко, но, ведомые странным полицейским, мы не осмеливались повернуть назад.

Вдруг впереди показалось средневековое каменное строение. Выглядело оно довольно злое. Мрачные предчувствия охватили меня. Интуиция подсказывала мне, что отсюда нужно бежать, пока не поздно. Но наш провожатый, чему-то улыбнувшись, повел нас внутрь. Мы вошли в тускло освещенную комнату, служившую бильярдной. В ней находилось человек десять. Попыхивая сигаретами, они играли в бильярд. Эти игроки выглядели как самые отъявленные гангстеры. Они окинули нас ледяным взглядом, от которого меня бросило в дрожь. В голову сама собой пришла мысль о том, что эти люди не остановятся перед тем, чтобы убить кого-нибудь за карточный долг. Их главарь, низкорослый, но очень крепко сложенный мужчина, стоял, прислонившись к стене. Он вычищал грязь из-под ногтей выкидным ножом, и его мышцы выпирали из-под туго обтягивающей тело черной футболки. При виде нашего провожатого главарь сунул нож в карман. Пригладив рукой жирные черные волосы, он подошел к полицейскому и стал о чем-то говорить с ним.

Придя к соглашению, они жестами позвали нас за собой в другой конец бильярдной, где на второй этаж вела неосвещенная лестница из неровных каменных плит. С одной стороны от нее была стена. Перила с другой стороны отсутствовали, и ступени обрывались в глубокий подвал. На лестнице царила кромешная тьма. Лестница оказалась настолько крутой, что от подъема по ней у нас сбилось дыхание. Оказавшись на втором этаже, мы прошли через неосвещенный коридор к комнате, где нам предстояло ночевать.

Ни на какой радушный прием не было даже намека. Более того, хозяева требовали, чтобы мы заплатили за ночлег вперед. При виде их неприкрытой враждебности, мы, наконец, поняли, что совершили непростительную ошибку. Нам стало ясно, что это западня. Мы искали ночлег подешевле, но в наши планы не входило очутиться в бандитском логове. Рэмси заявил хозяевам, что у нас нет турецких лир, и поинтересовался, по какому курсу они примут у нас доллары.

«После этого мы готовы обсуждать стоимость номера. Но только за одну ночь».

Мы остолбенели, когда нам нагло предложили обменный курс вдвое ниже официального банковского. Рэмси было возразил и вежливо попытался выторговать более выгодную цену, но главарь, зная, что у нас нет выбора, не хотел ничего слушать. С перекопшенным от злости лицом он метнул дымящуюся сигарету в стену и, размахивая перед нами выкидным ножом, разразился длинной тирадой. Главарь был невысок, но исходившая от него неумолимая жестокость повергла нас в ужас. Пронзительный взгляд его черных глаз пылал яростью. Губы его дрожали, и он кричал, как сумасшедший, тыкая в нас пальцем. Главарь клокотал, словно олицетворение гнева, а его дружки бесстрастно наблюдали за происходящим. Нам не на кого было рассчитывать. Даже наш провожатый-полицейский, и тот дрожал, побледнев от страха. Взяв у нас деньги, бандиты ушли. Мы остались одни в комнате, больше похожей на тюремную камеру.

А что, если бандиты вернутся, чтобы ограбить или убить нас? Мы стали искать другой выход из комнаты, но ничего не нашли. Кроме двери, оставалось только окно, выходившее на мощный

бульжником переулоч, но оно было слишком высоко, чтобы им можно было воспользоваться.

Мы были в ловушке.

«Джефф, запри дверь, — прошептал Рэмси, — а ты, Манк, помоги мне подпереть дверь двуспальной кроватью. Тогда бандиты не смогут попасть в комнату, пока мы спим».

Меньше всего мы в этот момент думали о сне. Тем не менее предложение Рэмси показалось нам здравым — как-то же нужно было защищаться. Стараясь не шуметь, мы подняли кровать и приставили ее к двери, а потом для большей уверенности привязали металлическую спинку кровати веревкой к дверной ручке. Рэмси и Джефф легли на эту кровать, а я пристроился на кушетке у стены. Наша комната больше напоминала помойку, чем гостиничный номер. В ней было сыро и холодно. Единственным источником света была тусклая электрическая лампочка, свисавшая с потолка прямо на проводе. Зеленая краска и штукатурка на стенах облупились. По углам висела паутина, а стоявший в комнате затхлый запах вызывал приступы тошноты. Задыхаясь от отсутствия свежего воздуха, я решил проветрить комнату. После долгой возни с огромным окном, не менее двух метров в высоту и метра в ширину, я наконец смог его открыть и прилег было на кушетку, но тут меня стали кусать клопы. После этого ни о каком сне уже не могло быть и речи. Мы просто лежали в темноте и ждали.

Через час или около того мы услышали, как в замке медленно поворачивается ключ. Дверь беззвучно приоткрылась и уперлась в кровать. Вначале незваные гости толкнули дверь несильно. Они не знали, что мы втроем находимся по другую сторону кровати, давя на нее всем своим весом. Потом бандиты толкнули дверь сильнее. Поняв, что мы забаррикадировались изнутри, они яростно закричали и стали выламывать дверь. Она было распахнулась, но мы навалились на кровать, и дверь снова захлопнулась. Безумие обуяло всех участников этой смертельной схватки. Стоило мне запрыгнуть на кровать, чтобы опять привязать ее спинку к дверной ручке, как кто-то из нападающих попытался пырнуть меня ножом через щель в двери. Мой ум забился в истерике: *Нас хотят убить!*

Схватка продолжалась. Нападающие раз за разом распахивали дверь, и она сразу же упиралась в кровать. Бандиты выкрикивали угрозы и проклятия, а мы изо всех сил держали кровать. Так и не справившись с дверью, бандиты неожиданно ретировались. Наступила гнетущая тишина.

Я прилег на кишашую клопами кушетку, чтобы отдохнуть перед следующим штурмом. В моей голове роились мысли одна страшнее другой. *Что я делаю здесь, в охваченных холерой стамбульских трущобах, преследуемый бандитами?*

Беспокойно ворочаясь на кушетке, я вспоминал жизнь, которую оставил в Хайленд-Парке.

Я — обычный юноша, у которого есть любящая семья и друзья. Зачем я оставил родительский дом, где мне было так хорошо и спокойно? Теперь я беспомощен и одинок. Меня привели сюда поиски смысла жизни; но неужели, чтобы вручить себя Богу, обязательно проходить через эти испытания? — молился я.

Но как бы сам собой пришел ответ. *Будь что будет. Значит, это нужно. В любом случае, из этой ситуации спасти нас может только Сам Бог.*

Мою молитву прервал сокрушительный удар двери об кровать. Началась вторая попытка штурма. Явно жаждущие нашей крови бандиты яростно кричали, пытаясь выломить дверь. Малейшая невнимательность с нашей стороны грозила гибелью. Несмотря на страшный холод, мы все взмокли от пота.

Мы задыхались, и от изнеможения у нас подкашивались ноги. Руки стали ватными. Нападавшие же, казалось, совсем не чувствовали усталости. Их вопли наводили на нас ужас. К этому времени мой мочевого пузырь был полон, и мне казалось, что он вот-вот лопнет, но единственный туалет находился в коридоре за дверью. Мне приходилось сражаться на трех фронтах одновременно: не пускать ломившихся к нам бандитов, сдерживать позывы мочевого пузыря и пытаться понять смысл происходящего.

Не в силах больше терпеть, я оставил Рэмси и Джеффа одних, забрался на подоконник и стал мочиться прямо на улицу. Вдруг раздался женский визг, да такой громкий, что у меня заложил уши. Ширина переулка не превышала пяти метров, и из окна в доме напротив на меня смотрела старуха-мусульманка

в черной парандже. Охваченный отчаянием, я не заметил ее, хотя она глядела в упор на меня. Оскорбленная моим непристойным поведением, старуха пронзительно визжала от отвращения. Это было уже слишком. Не зная, что делать, я стоял на подоконнике со спущенными штанами, лицом к лицу со старухой, и, извиняясь перед ней, продолжал мочиться.

С проклятиями старуха швырнула мне в лицо туфлю. Бросок оказался метким. Я спрыгнул с подоконника и захлопнул окно, вытирая кровь с разбитого носа и губ. Но я еще не закончил: мой мочевого пузырь был по-прежнему полон. В это время я услышал отчаянный крик Рэмси:

«Манк, скорее иди к нам! Мы больше не можем их сдерживать».

Я проигрывал все три сражения. *Это невыносимо!* — взмолился я, — *Господи, помоги мне!* И тут меня осенило: я помочился в старухину туфлю, спрятал ее в ящик стола и снова вступил в бой. Изо всех сил надавив на кровать, мы отразили очередную атаку бандитов.

Тем не менее без пищи и воды мы бы долго не продержались. Наша капитуляция была лишь вопросом времени. Уже забрезжил рассвет, и мы решили, что единственное спасение для нас — это незаметно выскользнуть через дверь в перерыве между атаками.

Мы поставили на кон свои жизни ради призрачного шанса спастись. Нам было неизвестно, есть ли за дверью охрана. Если есть, то нас ждала верная смерть. Но это был наш единственный шанс. Стараясь не шуметь, мы медленно открыли дверь. В коридоре царила такая тьма, что я не мог разглядеть даже собственной руки. Мы крались на цыпочках, а разохшиеся половицы отзывались на каждый наш шаг предательским скрипом, громким, как крик. Не натолкнемся ли мы в темноте прямо на одного из бандитов? Мое сердце бешено колотилось. Наконец мы добрались до старинной лестницы. Боясь в темноте упасть с нее, мы нашли на ощупь каменную стену и, держась за нее, стали спускаться вниз. К нашему ужасу, посреди тускло освещенной комнаты на бильярдном столе спал стороживший нас бандит. Затаив дыхание, мы прокрались через всю комнату к двери.

Дверь оказалась запертой, и замок никак не хотел поддаваться. Мы никогда прежде не встречали замок такой конструкции и по очереди лихорадочно пытались справиться с ним. В конце концов наша возня разбудила бандита, и он стал звать своих подельников. С другой лестницы на противоположной стороне комнаты послышался ужасающий топот.

«О Господи! — воскликнул я. — Открывай замок, Рэмси! Быстрее открывай замок!»

«Я пытаюсь, я пытаюсь!»

Он вертел замок и так и эдак, но безрезультатно. От топота наших преследователей мне стало дурно. Когда они были уже рядом, замок неожиданно поддался, и мы выскочили на улицу. Подгоняемые воплями бандитов, мы побежали с рюкзаками и другими вещами так, как не бегали никогда в жизни. Мы мчались без оглядки, пока не увидели такси. В Стамбуле нам было известно название только одного места.

«Голубая Мечеть, Голубая Мечеть», — хором закричали мы водителю.

Но тот, заметив бандитов в зеркале заднего вида, даже не думал никуда ехать. Он понял, что ему выпала возможность неплохо заработать.

«Двести долларов», — потребовал водитель.

«Что? Двести долларов?» — воскликнул Джефф.

Водитель громко закричал:

«Двести долларов, двести долларов!»

Мы поспешно согласились:

«Хорошо, двести долларов, двести долларов».

Машина резко тронулась с места. Но действительно ли мы спаслись?

Джефф, наш казначей, выглядел озабоченным.

«Мы не можем дать ему двести долларов, — зашептал он. — Как вы думаете, он убьет нас, если мы не дадим ему денег?»

Нам не хотелось это выяснять, и на первом же светофоре мы выскочили из машины.

«Двести долларов! Двести долларов!» — взвыл нам вслед водитель, но нас уже и след простыл.

Подгоняемые желанием поскорее сбежать из Стамбула, мы купили билеты на паром через Босфор. Уставшие, но довольные, стояли мы на переполненной палубе и смотрели, как на пасмурном небе восходит солнце. Над нами парили птицы, и я благодарно склонил голову. Потом я оглянулся на величественный город, постепенно исчезающий за линией горизонта. Минувшей ночью, подумал я, нам грозила верная гибель, но мы не сдались и предприняли отчаянную попытку бежать. И побег удался, потому что нас не покидала надежда. Надежда на Бога позволяет человеку преодолеть невообразимые препятствия. Мы не утратили ее, оказавшись в ужасном положении, и тем самым призвали к себе на помощь высшие силы, которые направили нас, очистили и в конце концов спасли. У меня все еще дрожали руки, и в крови блуждал адреналин, но в глубине души я был благодарен банде убийц. Став орудием в руках Провидения, они преподнесли мне бесценный урок и подготовили меня к предстоящему паломничеству.

После столь враждебного приема, оказанного нам в Стамбуле, для нас стало полной неожиданностью гостеприимство жителей Восточной Турции. Они нередко приглашали нас к себе в гости и угощали обедом. Обычно трапеза была скромной и состояла из национальных турецких лепешек и чая, но скромность угощения с лихвой возмещалась теплотой и гостеприимством. Еще меня восхищала необычная архитектура многочисленных мечетей, встречавшихся нам по пути, и я при каждой возможности старался посетить эти величественные обители Бога.

Выбранный нами способ путешествия был продиктован, главным образом, безденежьем. Мы либо ловили попутки, либо ехали общественным транспортом — в тесном салоне старенького автобуса

или кузове грузовика рядом с местными жителями, их скарбom и домашними животными. Мы пересекли бесплодные, продуваемые ветрами засушливые нагорья центральной Турции, сделал небольшую остановку в Анкаре, где на пологих голых холмах паслись стада баранов и коз. Проведя в дороге пару недель, мы добрались до высокогорья в восточной части страны. Ночи стали значительно холоднее. Мы были почти в полутора тысячах километров от Стамбула, когда случилась очередная неприятность.

Я заболел дизентерией в очень острой форме. Поскольку я не мог продолжать путешествие, мы сделали вынужденную остановку в городке Эрзерум и стали просить местных жителей, чтобы они помогли нам найти самое дешевое жилье. Нас отвели в чайхану, располагавшуюся на окраине города, и поселили в комнату на третьем этаже обветшалого здания. Самое большое неудобство мне доставляла уборная. Она находилась на первом этаже, и к ней вела крутая каменная лестница из трех десятков ступеней. Уборная представляла собой дыру в полу прихожей слева от лестницы. Некоторое подобие уединенности уборной обеспечивала перегородка из гнилых досок. Когда яма переполнялась, ее чистили лопатой, но, судя по всему, делалось это не часто. Источаемое выгребной ямой зловоние вызывало тошноту, а воздух был настолько спертым, что в нем можно было задохнуться. Тем не менее, на протяжении нескольких дней я практически жил в этой ужасной уборной. После ее посещения я с огромным трудом взбирался на третий этаж, только для того, чтобы тут же бежать вниз. Сильная тошнота, рвота и постоянные спазмы кишечника очень истощили меня. Мои друзья, терпеливо дожидаясь моего выздоровления, целыми дням бродили по городу.

Однажды, когда я был один, к нам в комнату вдруг вошел незнакомец и стал копаться в рюкзаке Джеффа. Обнаружив там швейцарский складной нож, он произнес, ни к кому особенно не обращаясь: «Одна лира!» Затем он бросил на стол монету достоинством в одну лиру и поспешил прочь вместе со своей добычей. «Но ведь нож стоит гораздо дороже», — возмущенно подумал я и решил защитить имущество своего друга. Преодолевая слабость, я с большим трудом поднялся с постели и отправился вслед за непрошеным гостем. Настигнув его уже внизу, я вернул ему

лиру и вежливо настоял, чтобы он отдал мне нож, что тот сделал с большой неохотой.

«Пожалуйста, зайдите попозже и поговорите с Джеффом», — сказал я, еле держась на ногах. Незнакомец молча ушел.

Не прошло и пяти минут, как ко мне в комнату ворвалась целая толпа турок. Страдая от обезвоживания и высокой температуры, я не мог даже сидеть на кровати, не говоря уже о том, чтобы защищаться. Возглавлял незваных гостей тот самый мужчина, который совсем недавно пытался украсть у нас нож. Показав на меня пальцем, он завопил:

«Пакистанец, пакистанец! Это пакистанец!»

Толпа пришла в ярость. Турки окружили мою кровать. Размахивая дубинками и кинжалами, они злобно закричали:

«Смерть пакистанцу! Смерть пакистанцу!»

Я был один, и не знал, что делать. Что мне еще оставалось, кроме как молиться Богу?

Я поспешно достал свой американский паспорт и показал им:

«Смотрите, я — американец!»

Из толпы вышел пожилой турок, который, по-видимому, был у них главным. Взяв у меня паспорт, он стал внимательно изучать его, словно иммиграционный служащий. Затем, подняв на меня глаза, он спокойно спросил:

«Значит, ты не пакистанец?»

«Нет».

«Ты американец?»

«Да», — ответил я.

Пожилой турок наклонился ко мне, чтобы пожать руку.

«Очень хорошо, мы любим американцев. Вы даете Турции оружие».

Выразив мне почтение, турки ушли.

Не успел я опомниться, как снова услышал топот ног по лестнице. Я взмолился о защите. И снова дюжина турок ввалилась в комнату и окружила мою кровать. Но на этот раз они пришли с миром, принеся мне лепешки и чай.

Старик произнес:

«Ты американец. Это очень хорошо. Мы просим прощения. Теперь поешь».

У меня совершенно не было аппетита. Более того, меня тошнило от одного запаха пищи. Я понимал, что, съев лепешку с чаем, я буду вынужден провести в ужасной уборной остаток дня и всю ночь. Но что я мог поделать? Отказ от угощения турки восприняли бы как оскорбление. Их правила гостеприимства не допускали такого. Я выдавил из себя улыбку и к большому удовольствию турок съел все лепешки, которые были на тарелке. Последствия не заставили себя долго ждать.

Мало-помалу я пошел на поправку. Однажды вечером я в одиночестве брел по пыльной дороге, поражаясь нищете окружающих мест. Местные жители, одетые в рубище, ютились целыми семьями в ветхих лачугах, в которых не было почти никакого имущества. Люди, встречавшиеся мне по дороге, выглядели голодными и угрюмыми. На Западе такую нищету даже трудно было себе вообразить. Хотя еще был октябрь, уже начались холодные ночи — признак приближающейся зимы, которая в этой части Турции бывает долгой и суровой.

Чтобы попасть в нашу комнату, нужно было сначала пройти через чайхану, располагавшуюся на первом этаже дома. Этим вечером в чайхане меня неожиданно схватил за руку и насильно усадил рядом крепкий мужчина лет тридцати, с черными лоснящимися волосами и тонкими усиками. Судя по тому, как к нему относились другие посетители, он был очень уважаемым человеком. Придвинув ко мне стакан чая, мужчина устремил на меня испепеляющий взгляд своих черных глаз. Его губы и тело дрожали. Никогда еще я не видел такого сильного выражения эмоций. Мужчина не говорил по-английски. Указав на арабскую надпись, выгравированную у него на золотом перстне, он зарычал, словно разъяренный лев: «Алла-а-ах!» Затем он резко ткнул мне пальцем в лицо, показывая, что требует от меня произнести имя Бога.

Я был не в силах вынести его взгляд и потому уставился на стакан чая, стоявший на столе. Там не было ни молока, ни сливок, лишь кубик сахара медленно таял на дне.

Схватив меня за подбородок, мой собеседник заставил меня смотреть ему прямо в глаза. Мне захотелось исчезнуть и раствориться, как этот кубик сахара. Незнакомец опять ткнул мне пальцем в лицо и прорычал: «Алла-а-ах!»

Очевидно, что в моих интересах было удовлетворить желание этого незнакомца, поэтому я с глубоким почтением пробормотал: «Аллах».

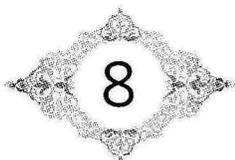
Но моего собеседника буквально затрясло от бешенства. Он посмотрел на меня так, словно хотел своим пронзительным взглядом сжечь меня дотла. Не в силах больше терпеть, он с размаху ударил кулаком по столу: «Нет! Алла-а-ах!» Стаканы попадали на пол, и вокруг нас стали собираться люди. Незнакомец еще больше повысил голос: «Нет! Алла-а-ах!» — и снова ткнул мне в лицо пальцем.

На этот раз я крикнул «Аллах» гораздо громче.

Но незнакомцу этого показалось недостаточно. Он уже дошел до безумия, а я, наоборот, окаменел от ужаса. Мужчина опять грохнул кулаком по столу и в четвертый раз проревел во всю мощь своих легких: «Нет! Алла-а-ах!» При этом посетители чайханы посмотрели на меня так, будто поймали меня за осквернением их святыни. Ткнув могучим пальцем мне в грудь, он придвинул меня к стене вместе со стулом и грозно потребовал, чтобы я произнес имя Господа с таким же рвением, как и он.

Уже в который раз за свое путешествие я отчетливо ощутил, что ангел смерти простер над моей головой свои крылья. Что мне еще оставалось, как не взмолиться Всемогущему Аллаху о спасении? Я встал, воздел руки и от всего сердца крикнул: «Алла-а-а-ах!»

Наступила тишина. Незнакомец долго смотрел мне в глаза, а потом, одобрительно кивнув, вышел из чайханы. Все вернулись за свои столики, а я, потрясенный, опустился на стул и некоторое время приходил в себя. Так мне еще никто не проповедовал.

Когда я выздоровел, мы с Рэмси и Джеффом продолжили свое путешествие на восток. В те времена существовала целая субкультура путешественников, странствующих по миру без гроша в кармане. Большинство из них были обычными искателями приключений, но встречались и те, кто пустился в путь в поисках смысла жизни. Таких людей можно было встретить в самых неожиданных местах. В Эрзеруме Рэмси и Джефф натолкнулись на нескольких таких путешественников, которые уже до этого уговорили водителя автобуса бесплатно довезти их до Тегерана. Мы решили составить им компанию. Одна половина салона автобуса была занята грузом, а в другой оставалось предостаточно места для нескольких пассажиров. Так в обществе собратьев-путешественников мы пересекли турецкую границу и оказались в Иране.

В величественном здании иммиграционного контроля висела фотография шаха размером во всю стену. Но еще более внушительно выглядело написанное крупным шрифтом предупреждение Государственного департамента США о том, что, согласно иранским законам, хранение, транспортировка и сбыт гашиша и опиатов карается смертной казнью. В случае ареста иранскими властями американского гражданина Госдеп был бессилен что-либо сделать.

Водитель задержался, оформляя документы, а мы вернулись в автобус. Был вечер. Вскоре вокруг автобуса поглазеть через окна на иностранцев собралась целая толпа ребятишек. Несмотря на потрепанную одежду, дети были очень красивы. Любуясь ими, я улыбнулся мальчику лет четырех. В ответ он бросил на меня взгляд, исполненный такой лютой ненависти, что у меня перехватило дыхание. Неужели ребенок способен так ненавидеть?

Потом этот взгляд еще долго преследовал меня по ночам. Как страшно видеть такую податливость ребенка! Влияние семьи или стечение обстоятельств может запрограммировать его на любовь, страх или ненависть еще до того, как он научится что-либо понимать.

Мы прибыли в древний город Тебриз. Пока я в одиночестве бродил по улицам, дожидаясь отправления автобуса, меня пригласила в гости одна доброжелательная семья. Эти люди жили в небольшом кирпичном домике, в котором было всего две комнаты. Все женщины в этой семье уже несколько лет кропотливо ткали вручную большой персидский ковер. Сидя на полу своего небогатого жилища, мать и дочери терпеливо создавали неповторимое произведение искусства. Замысловатые узоры ковра состояли из множества завязанных вручную узелков. Их количество на один квадратный сантиметр исчислялось сотнями. Шерстяные нити, покрашенные натуральными красителями, сияли и переливались неповторимыми цветами. Красный и синий, зеленый и оранжевый, желтый, белый и фиолетовый — это лишь малая часть того многоцветья нитей, из которых женщины прилежно ткали узоры ковра.

Хозяева дома были так добродушны и гостеприимны, что я сразу почувствовал себя членом их семьи. Они не знали ни слова по-английски, но это не было помехой. Собравшись ужинать, мужчины устроились на полу и пригласили меня сесть рядом. Перед трапезой, состоявшей из лепешек и чая, они прочитали красивую благодарственную молитву. В разгар ужина в комнату, гордо улыбаясь, вошел десятилетний сын хозяев. Он нес в пригоршне приятный сюрприз — финики, собранные с растущего во дворе дерева. Подойдя ко мне, он положил роскошные финики прямо мне в тарелку. Все засмеялись и принялись поздравлять меня.

Пять раз в день члены семьи оставляли все свои дела, чтобы вознести молитвы Аллаху и священному городу Мекке. Меня глубоко тронуло их смирение и непоказная преданность Богу. Я был благодарен Господу за встречу с такими замечательными людьми и благодарен этим людям за их доброту ко мне — случайному страннику.

Наш автобус продолжил путь, пролежавший по овечьей тайнами древней земле Ирана. Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась ровная бесплодная пустыня. Можно было проехать

несколько часов кряду, и так и не увидать ни одного признака жизни. Иногда вдалеке можно было видеть песчаные холмы или аулы, состоявшие из маленьких глинобитных хижин. Избегая дневной жары, мы ехали, в основном, ночью. Одна из таких ночей выпала на новолуние. Огромное безлунное небо вплоть до горизонта было усыпано мириадами звезд. Завороженные этим зрелищем, мы прильнули к окнам. Мои попутчики попросили меня сыграть на гармонике, и я, не сводя глаз с простершегося над нами океана звезд, неожиданно для себя заиграл о своем искреннем стремлении к Богу. В эту мелодию я вложил все свое сердце. Никто не проронил ни слова, пока звучала моя печальная песнь, а когда я закончил играть, салон автобуса огласился восторженными возгласами. Оглядевшись, я увидел, что глаза моих друзей мокры от слез. Джефф с улыбкой потрепал меня по плечу, перегнувшись с заднего сиденья, а сидевший напротив Рэмси в знак одобрения показал большой палец. Я смутился. Понимая, что на самом деле я толком не умею играть на гармонике, я мысленно поблагодарил Бога и Джимми-Медведя из далекой Опа-Локи.

Пока мы ехали по пустыням Ирана, меня вдруг охватило беспокойство за отца и мать. Я должен был вернуться домой еще несколько недель назад, но после Афин даже не удосужился отправить родителям письмо. Наверняка они очень переживали за меня. Почему я не написал им? Честно говоря, я просто не знал, что писать. Где взять такие слова, чтобы, не разбив им сердце, объяснить свое решение отправиться автостопом в Индию? Но что еще мне оставалось? Духовные поиски стали для меня единственным смыслом жизни. Отказавшись от них, я потерял бы себя.

Отец и мать без остатка посвятили себя нам, своим детям. И отец, и мать происходили из небогатых еврейских семей. Их предки, спасаясь от гонений за веру, эмигрировали в Америку из Литвы, Румынии, России и Польши. Насколько нам было известно, все наши родственники, оставшиеся там, позже погибли от рук нацистов.

У моей матери было тяжелое детство. Она рано потеряла отца, а ее старшая сестра вскоре после этого ночью подверглась нападению на пустынной улице. Травма от этого нападения осталась

у нее на всю жизнь. В подростковом возрасте матери пришлось устроиться на работу, чтобы прокормить двух сестер и больную мать. При этом она оставалась жизнерадостной и благодарила Бога за все, что Он посылал ей. Позже она вышла замуж и целиком посвятила себя служению мужу и детям. Но даже после замужества она не забывала своих родных и, экономя на всем, на чем только можно, регулярно высылала им деньги.

Растя троих сыновей, мать умудрялась при этом одна, без посторонней помощи, вести домашнее хозяйство. Она сама наводила порядок в доме, сама стирала и гладила белье, ходила за покупками и каждый вечер готовила праздничный ужин для всей семьи. Мать была стройной, веселой и сильной женщиной с безукоризненным вкусом. Родители всех моих друзей восхищались ее красотой и изяществом.

Ее желание служить другим не ограничивалось рамками семьи. Сколько я себя помню, мать всегда вызывалась помогать разным благотворительным организациям и с особым удовольствием выступала на благотворительных танцевальных вечерах. Нам с братьями приходилось быть все время начеку, чтобы мать по доброте душевной не отдала наши игрушки или одежду нуждающимся. Воспитывая нас, она все время подчеркивала важность такой добродетели, как благодарность. И когда я обедал у своих друзей, она неизменно спрашивала, поблагодарил ли я их родителей. Для нее было очень важно, чтобы я благодарил всех, кто оказал мне хоть какую-то услугу. Больше всего ее сердили в нас любые проявления неблагодарности. Она очень боялась избаловать нас и потому никогда не потакала нашим капризам. Всякий раз, когда мы получали подарки, мать напоминала: «Дорог не подарок, а внимание». И это были не просто слова: она сама одинаково радовалась как подаренным ей дорогим украшениям, так и простому цветку, и объясняла, что источник счастья заключен не в самом подарке, а в любви, с которой его преподнесли.

Мать очень гордилась нашими достижениями. Если наши старания были искренними, она была счастлива, независимо от полученного результата. Снова и снова она подавала нам пример бескорыстного и самоотверженного служения. В тот день, когда я вывихнула плечо, она сразу же оказалась рядом и отвезла меня

в больницу. Первой, кого я увидел в палате после операции, была моя мать. Я закашлялся и взмолился: «Мама, мне дурно от твоей сигареты». У американских женщин того времени было модно выкуривать в день по две пачки сигарет, и мать делала это уже более пятнадцати лет. Но сама мысль о том, что она причинила мне страдание, оказалась невыносимой для ее любящего сердца. Мать лихорадочно загасила сигарету, и ее карие глаза наполнились слезами. Смущенная, она подошла к больничной койке и ласково погладила меня по щеке: «Ричи, дорогой, если тебе плохо от табачного дыма, я обещаю тебе, что больше никогда не прикаснусь к сигаретам». До конца своих дней она свято хранила это обещание.

У отца было с матерью много общего. В пятнадцатилетнем возрасте ему пришлось оставить школу и помогать родителям на работе, потому что дома было нечего есть. Это случилось во времена Великой депрессии. Позже, когда отец женился, ему приходилось содержать не только собственную семью, но и престарелых родителей с больной тещей. Безденежье следовало за ним по пятам. В 1958 году, когда мне было семь лет, отец вместе с моим дядей Ирвингом вложили все свои сбережения в многообещающее коммерческое предприятие. Они стали крупнейшими в Чикаго дилерами «Эдсел» — нового, самостоятельного подразделения компании «Форд». Но надежды на хорошие продажи автомобилей не оправдались, и компания обанкротилась, что стало одним из величайших провалов в истории автомобилестроения. В результате отец потерял все свои деньги. Я видел, как много ему приходилось работать после этого, чтобы спасти нас от нищеты.

Отец заботился не только о нашем достатке. Он любил играть с нами в спортивные игры и время от времени водил меня на футбольные и бейсбольные матчи. Позже отец открыл собственную автомастерскую и благодаря упорному труду разбогател. Несмотря на это, я с пятнадцатилетнего возраста постоянно подрабатывал после школьных занятий и во время каникул, потому что не хотел быть обузой для родителей. Я научился этому у родителей, просто глядя на них.

Накануне моего отъезда в другой город, где я собрался поступать в колледж, отец выглядел очень взволнованным.

«Ричи, — сказал он, — давай прокатимся».

Мы ехали с ним по тихим улочкам Шервудского леса в Хайленд-Парке. До нас доносились крики и смех играющей детворы.

«Я хочу, чтобы ты знал, сынок, — начал он, — что, пока я жив, ты всегда можешь рассчитывать на меня».

Он остановил машину и сжал мою руку. Голос его задрожал.

«Как твой отец я хочу, чтобы ты стал достойным человеком. Но, независимо от того, чего ты добьешься в жизни и какие поступки совершишь, даже если ты отвернешься от меня, я всегда буду ждать и любить тебя. Я выполню это обещание, даже если мне придется для этого пожертвовать собственной жизнью. Прошу, всегда помни об этом».

Я слушал отца, и чувства переполняли меня. Я знал, что он не бросает слов на ветер. Отец в любом случае выполнит свое обещание, хотя то испытание, которое я ему приготовил, не привиделось бы ему и в страшном сне.

Автобус остановился на вершине холма на окраине деревни, и я очнулся от воспоминаний. Я поднял с пола свою спортивную сумку, расстегнул ее и достал ручку и конверт иранской авиапочты. Пришло время сообщить родителям о своем решении.

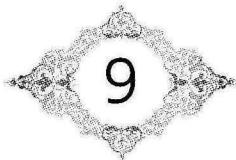
Дорогие мои!

Со мной все в порядке. На дороге жизни иногда попадают ухабы, но она и дорога. Я много размышлял и пришел к выводу, что сейчас самое время осуществить то, к чему я так давно стремился. Тщательно взвесив все за и против, я пришел к выводу о том, что выбрал правильный путь. В разных частях мира люди видят жизнь по-разному. Почти двадцать лет я смотрел на мир глазами западного человека. Я видел и изучал законы, философию, верования, искусства и образ жизни обитателей Запада. Теперь же я хочу увидеть, как живет Восток. Но делаю я это не из желания убежать от прежней жизни, а из желания узнать иную жизнь. В школе невозможно этому научиться, потому что

преподавание в школах носит предвзятый характер. Вот почему я решил сам побывать на Востоке. Где еще можно пройти такую школу жизни? Я не хочу доставлять вам беспокойств, поэтому, пожалуйста, не волнуйтесь и не переживайте за меня. Я не смогу писать вам регулярно. Иногда здесь просто нет почты. Я теперь путешествую без Гэри. Он сейчас в Израиле. Но у меня всегда есть попутчики. Передавайте привет моим друзьям и родственникам, я всех их люблю.

Ричард

На письме без обратного адреса стоял почтовый штемпель Ирана.

Наш автобус ехал по бескрайней пустыне. По пути изредка встречались селения с убогими глинобитными домами и караваны верблюдов. Несмотря на тяжелую ношу, верблюды величавой поступью шли вперед, покачивая длинной шеей в такт шагам. Кочевники в выцветших от солнца и песка чалмах ехали верхом или же шли рядом со своими надежными друзьями — верблюдами. Здесь, под безоблачным небом иранской пустыни, текла своя жизнь, совершенно не похожая на ту, к которой я привык. Меня не покидало ощущение, что я вернулся назад в прошлое. Когда солнце скрылось за горизонтом, на пустыню опустилась звездная персидская ночь — такая тихая и безмятежная, что я задремал.

Открыв глаза через несколько минут, я чуть не ослеп от яркого света. Свет звезд сменился огнями неоновых вывесок Mobil, Shell, Exxon, Техасо. У меня было такое ощущение, что за считанные минуты мы перенеслись на автобусе, словно на машине времени, сквозь века. Кроме меня и водителя, все в автобусе крепко спали. Мы подъезжали к Тегерану, который благодаря политике, проводимой иранским шахом, стал штаб-квартирой целого ряда иностранных нефтяных компаний. Город предстал передо мной как залитый неоновым светом остров в безбрежном море древней пустыни.

В Тегеране наши попутчики отвели нас в гостиницу, где обычно останавливалась западная молодежь. Чем дальше мы шли по коридору, тем явственнее ощущался резкий запах гашиша. Вскоре мы обнаружили его источник: в большой комнате на кроватях лежали хиппи из Англии, Германии и Калифорнии. Из колонок громыхала песня «In-A-Gadda-Da-Vida» группы «Iron Butterfly». Один из хиппи, парень с всклокоченными русыми волосами, падавшими ему на лицо, нетвердой походкой подошел к нам.

«Добро пожаловать домой, братья, — пробормотал он, с трудом продирая покрасневшие глаза. — Присоединяйтесь к нам, у нас есть совершенно улетный гашиш!» Он глубоко затянулся трубкой и протянул ее мне: «На, сам попробуй».

На столе лежало несколько комков гашиша размером с крупное яблоко. Время от времени хиппи отрывали от них по кусочку, чтобы набить трубку или пожевать. Хотя мы сами иногда экспериментировали с наркотиками, но происходящее в номере не вмещалось ни в какие рамки.

Рэмси возмутился:

«Черт возьми! В этой стране грозят смертной казнью даже за грамм гашиша, а у вас здесь в открытую лежит несколько кило!»

«Вы что, спятили? Дым идет по всему коридору. Вас могут за это казнить!» — добавил Джефф.

Один из лежавших на полу хиппи повернулся в нашу сторону и завопил:

«Ты мне весь кайф сломал! Пшел вон отсюда!»

Взбешенная блондинка, жадно поглощавшая чипсы, оторвалась от своего занятия и проворчала:

«Странные вы какие-то. Корчите из себя недотрог. Завязали, что-ли?»

«Хватит пугать народ, — произнес заплетающимся языком вышедший нам навстречу лохматый хиппи и снова затянулся. — Кайфуйте с нами или валите с облака».

Мы переглянулись, не веря своим ушам. Джефф шепнул нам:

«Скорее идемте отсюда, пока не поздно».

Предупреждение Госдепа прочно запечатлелось у нас в памяти. Поспешно спускаясь по лестнице, мы столкнулись с тремя полицейскими, которые поднимались вверх. Я подумал, что эти хиппи действительно витают в облаках, но сейчас на их голову обрушатся гром и молнии.

В Тегеране я стал понемногу присматриваться к мусульманам. Религия занимала важное место в их повседневной жизни и придавала им необычайную внутреннюю красоту. Меня очень вдохновляла духовная цельность простых мусульман и их любовь к Богу,

но при этом меня приводили в ужас те, кто, прикрываясь исламом, исповедовал откровенно экстремистские взгляды. Мне очень хотелось понять, чем живут настоящие мусульмане; я надеялся, что это приблизит меня к пониманию сути всех религий мира.

Мы продолжили свое путешествие по Ирану и приехали в Мешхед — священный город мусульман-шиитов. В Мешхеде я сказал своим друзьям, что хочу остаться здесь на некоторое время, поэтому мы договорились, что Джефф и Рэмси поедут дальше без меня, а я нагоню их в Кабуле.

По иранским меркам я выглядел довольно необычно. Представьте себе длинноволосого молодого американца в водолазке и потертых джинсах, в одиночестве читающего Коран или размышляющего над прочитанным у входа в мечеть. Меня заметил какой-то человек. Он долго наблюдал за мной издалека и в конце концов, заинтригованный, подошел ко мне. Это был высокий светлокожий мужчина лет сорока, с ясными карими глазами. Он был облачен в белоснежно-белые одежды и чалму.

Мужчина почтительно поклонился:

«Позвольте мне представиться. Меня зовут Ибрагим. Я житель священного города Мешхед».

Я в ответ протянул ему руку.

«Похоже, Вас заинтересовала наша религия. Могу я с Вами побеседовать?»

Расспросив меня о моей жизни, Ибрагим согласился рассказать мне об исламе. Мы сели на маленькие коврики возле величественной гробницы какого-то мусульманского святого, и Ибрагим стал меня учить. Обратив взор к небесам, он произнес проникновенным голосом:

«Сам Всемогуший Аллах привел тебя в это святое место, выбрав самое подходящее время. В этой гробнице покоятся мощи великих святых: Имама Резы и Харуна аль-Рашида. Сейчас в Мешхед стекаются тысячи паломников, желающих провести здесь священный месяц Рамадан, девятый месяц мусульманского календаря».

Ибрагим сделал паузу и улыбнулся. Затем он рассказал о том, как в месяц Рамадан пророк Мухаммед получил первое откровение, которое затем легло в основу Корана.

«Всемилоостивый посланник Всемогушего Аллаха ангел Джабраил явился пророку в пещере и на благо всех людей поведал ему священный Коран», — Ибрагим сложил ладони, а потом прикоснулся ко лбу кончиками указательных пальцев.

«Ислам означает вручение себя Аллаху, всемогущему творцу мироздания. Я расскажу тебе о нашем учении и ежедневных обязанностях».

Вскоре вокруг нас собралась целая толпа паломников, удивленно рассматривающих меня. Должно быть, я действительно представлял собой очень необычное зрелище для этих мест.

Чтобы зеваки не мешали нам, Ибрагим пригласил меня к себе домой и провел в домашнюю библиотеку, располагавшуюся в отдельной комнате. Из беседы с ним я понял, что он богослов либерального толка, человек великодушный, добрый и искренне следующий всем заповедям своей религии. С полки, где стояли старые арабские и персидские манускрипты, Ибрагим достал Коран и прочитал отрывок из вступления. Затем, простерев ладонь к небесам, он начал говорить:

«Ислам учит, что нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк Его. Аллах ниспосылал людям свое откровение через Мухаммеда и других пророков, таких как Адам, Ной, Авраам, Моисей и Иисус. Но Мухаммед завершает посланническую миссию и является „печатью пророков“. Его учение будет действенно до аль-Кийама, Судного Дня».

Затем Ибрагим стал объяснять, что всемогущий Аллах отправит на землю ангелов, чтобы те помогли верующим встретить Судный День, в который будет решаться, куда они попадут — в рай или в ад. Он говорил, что мусульмане считают Коран самым главным и последним богооткровенным писанием. Ибрагим также поведал о пяти главных заповедях ислама: считать Аллаха единственным Богом, пять раз в день совершать намаз, поститься в месяце Рамадан, давать милостыню нищим и хотя бы раз в жизни совершить хадж — паломничество в Мекку.

Так на протяжении нескольких часов Ибрагим рассказывал мне об истории и философии своей религии. Он оказался утонченным и благородным человеком и был мало похож на мусульманина, который заставлял меня кричать имя Бога в чайхане Эрзерума.

Ибрагим преподавал мне важный урок. Беседуя с ним, я понял, что в любой религии есть верующие разного уровня, поэтому судить обо всей религии по одному-двум ее последователям, по меньшей мере, глупо.

На закате, когда солнце окутало Мешхед золотой вуалью, Ибрагим подарил мне на прощание узорчатую коробку с сухофруктами, и мы расстались. В Рамадан разрешается есть только после захода солнца, и Ибрагим спешил прервать дневной пост вместе со своей семьей.

До границы с Афганистаном я добрался в кузове грузовика, перевозившего мешки с зерном. Убожество пункта афганского иммиграционного контроля свидетельствовало о бедности этой страны, однако сами иммиграционные служащие были очень приветливы, в отличие от их коллег в других странах. Первым городом, где я остановился, был Герат. Его жители оказались очень милыми и дружелюбными людьми. Суровая жизнь в пустыне наложила на них свой отпечаток: гератцы носили ветхую одежду, покрытую слоем пыли, и ютились в жалких лачугах. За всё свое путешествие я не встречал такой нищеты, но все прохожие улыбались мне, и никто ничего не просил у меня. Напротив, местные жители сами стремились поделиться со мной тем немногим, что имели. Каждый день, пока я жил в Герате, кто-нибудь обязательно приглашал меня к себе домой на обед.

Обычно в маленькой лачуге, состоявшей из одной комнаты, жила целая семья. Хозяева дома с радостью делили со мной свою нехитрую трапезу. Гератцы были неграмотны, но я нередко поражался их смирению и мудрости. Меня восхищало, с каким достоинством встречали они жизненные невзгоды. Хотя никто из них не знал английского, мы понимали друг друга без слов, и эта сердечная теплота согревала меня.

Зимой 1970 года, сидя в небольшой чайхане в Герате, я написал домой следующее письмо.

*Дорогие родные и близкие!
Как у вас дела? Я сейчас нахожусь в городе Герате,
в Афганистане. Это удивительная страна, где живут
очень дружелюбные и скромные люди. Несмотря
на бедность, они умиротворены и счастливы.*

*Я знаю, что опоздал с поздравлениями, но все равно
хочу поздравить отца и Ларри с днем рождения.
Желаю вам всего наилучшего.*

*С любовью,
Ричард*

Как-то раз я отправился на прогулку по городу и случайно набрел на кварталы, совсем не похожие на все то, что я видел до этого. Было позднее утро. Я остановился на пыльной обочине, поначалу просто любуюсь окружающим пейзажем. И вдруг, неожиданно для себя, я как бы перенесся в царство простоты, неподвластной времени. Мое сердце беспечно заколотилось. Мимо меня один за другим шли верблюды. Шум автомобилей смолк, и не было слышно ничего, кроме звука поступи верблюдов. Вокруг стояли одноэтажные глинобитные мазанки, где в тесноте ютились целые семьи. У меня першило во рту от пыли, а в носу стоял едкий запах дыма и верблюжьего навоза. Сидя на корточках на обочине, о чем-то переговаривались между собой афганцы. Их свободные одежды, выцветшие и закопченные, были по-своему красивы. На головах мужчины носили тюрбаны из длинного куска ткани. Лица у многих были испещрены оспой. Их кожа, сухая, как старая замша, огрубела от ветра и солнца, а улыбка обнажала гнилые, а иногда отсутствующие зубы. Одетые в свободные рубахи до колен, мужчины не спеша занимались своими делами. Женщины прятали лица под мелкой сеткой из конского волоса. Синяя либо черная чадра закрывала их фигуру целиком, от головы до пят. У дороги сидел слепой. Высоким голосом он пел песни, обращенные к Богу, подырывая себе на барабане.

Было холодно, и в воздухе витал запах дыма из очагов, на которых готовили еду. Вдруг, совершенно неожиданно, меня охватил шок от встречи с неведомой мне культурой — шок настолько сильный, что у меня в буквальном смысле слова подкосились ноги. Дым разъедал глаза. У меня закружилась голова, и начался приступ тошноты. Животный страх пронзал все мое сознание. От растерянности и страха я в одно мгновение утратил способность отождествлять себя с тем, что воспринимали мои чувства. Полное

отчуждение от всего происходящего, отозвавшись страшной болью, изнутри разорвало мое эго. Покрывшись испариной, я стоял на коленях и изо всех сил пытался отыскать какую-нибудь зацепку, хоть какую-нибудь связь с привычным для меня миром. Но ничего не получалось. Я никак не мог понять, как то, что я видел, связано со мной и как совместить эту реальность с тем миром, в котором я жил прежде. Несмотря на крайнюю бедность, гератуды выглядели самыми счастливыми и беззаботными людьми на свете. Это сюрреалистичное сочетание нищеты и счастья вызвало короткое замыкание в моем уме.

Неподалеку, сидя на обочине дороги, старики курили кальян, и к витавшему в воздухе резкому духу гашиша применялся едкий запах пыли из пустыни. Все эти картины, запахи и звуки были глубоко чужды мне. Я чувствовал себя одиноким и потеряннным в этом странном для меня мире, с которым меня абсолютно ничего не связывало.

Неподвижно сидя на обочине и ощущая себя пришельцем из другой вселенной, я молился о том, чтобы как-то выйти из этого состояния. Что со мной случилось? Что привело меня в такое смятение? И почему это так сильно подействовало на меня? Я отчаянно пытался найти себя. С самого детства я отождествлял себя со своим окружением, и до сих пор я даже не предполагал, насколько глубоко это отождествление сидит во мне. Если смотреть на мир через зеленое стекло, то все вокруг будет казаться зеленым. Подобно этому, у каждого из нас свое восприятие реальности, которое зависит от нашего личного опыта и окружающей среды. Представления, усвоенные моим умом, и ощущения моего тела незаметно подменили мое истинное «я». А теперь, когда от этих привычных для меня представлений ничего не осталось, я оказался в абсолютной пустоте. *Господи, прошу, помоги мне. Кто я? Кто я? Да кто же я, в самом деле, такой?*

Окружающий мир отступил и померк. Молитва привела меня в состояние транса, в котором внутреннее безмолвие перекрыло все звуки внешнего мира. В этом трансе я постиг бесценную истину, которая подарила мне чувство свободы и защищенности. *Я — душа, не имеющая ничего общего с окружающим миром, я — дитя Бога!* Вспышка культурного шока подействовала на меня, как

лучи солнца, рассеявшие густой туман иллюзии. Теперь я ощущал себя полностью свободным. Мое сердце переполнилось чувством благодарности к Богу, и с тех пор Герат навсегда останется священным местом на карте моего сердца.

Мысленно возвращаясь к тому дню, я не перестаю удивляться, насколько неожиданным образом Господь порой отвечает на наши молитвы. Иногда для нашего духовного роста требуется сильная встряска. Пока я сидел на обочине дороги в Герате, что-то умерло во мне, дав жизнь новому пониманию, без которого я не смог бы продолжить свой путь. Верблюду, чтобы сделать шаг вперед, нужно сначала оторвать ногу от земли. А волнам реки, чтобы достичь моря, нужно полностью отдать себя на волю течения. Так и человек, чтобы двигаться вперед, должен оставить позади себя свое прошлое.

По дороге в комнату, где я остановился, мне встретился старик, прилеглий отдохнуть на земле. Его лицо было испещрено глубокими морщинами. Одарив меня беззубой улыбкой, старик жестом пригласил меня присоединиться к нему и покурить гапиша из его кальяна. Улыбнувшись в ответ, я вежливо отказался. Только что пережитое ощущение было круче любого наркотика, и я молился о том, чтобы оно навсегда осталось в моей памяти.

Верхом на верблюде я добрался до стоянки автобуса, отправлявшегося в расположенный в центре страны город Кандагар. Старый автобус был переполнен бедными крестьянами, и, казалось, никого не интересовало, заплатили они за проезд или нет. В проходе стояли мешки с пшеницей. Там же ехал выводок цыплят, две овцы и коза. Надрывный рев двигателя с прогоревшим глушителем, смех мужчин и женщин и плач младенцев создавали неповторимое звуковое сопровождение к этой непривычной для меня сцене. Неожиданно наш автобус остановился прямо посреди пустыни. Пассажиры быстро выбежали наружу. Я подумал: «Наверное, что-то случилось». Оказалось, что нет. Пассажиры аккуратно развернули на песке коврики для молитв и, повернувшись лицом к священному городу Мекке, стали совершать намаз: возносить молитвы и приносить поклоны Аллаху и пророку Мухаммеду. Ритуал этот повторялся несколько раз на дню, где бы афганцы

ни находились. Религия для них была неотъемлемой частью жизни. Это были самые обычные семейные люди — не муллы и не священники, не йоги и не монахи. Но для них не существовало ничего важнее преданности Аллаху, и это производило впечатление.

Кандагар встретил меня очень дружелюбно. Особый интерес ко мне проявил некий господин по имени Хариз. Это был высокий, очень воспитанный и образованный человек, который зарабатывал себе состояние и положение в обществе торговлей. Он часто бывал за границей по коммерческим делам или просто для отдыха. Показав мне достопримечательности Кандагара, Хариз пригласил меня в свой просторный дом. Тихим вечером мы сидели на террасе, расположенной на плоской крыше его дома, и беседовали на философские темы. Вдруг Хариз невозмутимо сказал:

«Мистер Ричард, я ненадолго покину Вас, мне нужно сделать одно важное дело».

С этими словами он резко вскочил со стула, запрокинул голову и принялся выть, словно волк на луну:

«Аааууу, аааууу, аааууу!»

Я не понимал, что происходит. Не сошел ли этот почтенный господин с ума? В этот момент Хариз схватил длинную веревку с петлей на конце, подбежал к краю крыши и сбросил конец веревки вниз, на землю. «Боже мой, что он делает?» — недоумевал я. Хариз же тем временем уже очень осторожно сматывал веревку. Каково же было мое изумление, когда в петле показался извивающийся грызун, похожий на хорька. Это был мангуст. Я с удивлением взирал на происходившее. Выяснилось, что днем мангуст этот бегал по городу, а вечером по зову Хариза влезал в специальную петлю на веревке, после чего его поднимали на крышу, где он проводил ночь. Мы продолжили прерванную беседу, и вдруг я почувствовал, как мангуст карабкается у меня по спине, цепляясь за долазку острыми коготками. Забравшись мне под распушенные волосы, он стал пробираться к моей голове. Там, в моих густых волосах, он уютно устроился и заснул. Ощущая на своей голове теплое тельце мангуста и чувствуя его размеренное дыхание, я опять испытал некое подобие культурного шока.

Я беспомощно посмотрел на Хариза: «Что мне теперь делать?»

Мой новый знакомый рассмеялся:

«Мистер Ричард, похоже, он неплохо устроился у Вас в волосах».

Мне казалось, что под тяжестью мангуста моя шея вот-вот сломается.

«Пожалуйста, снимите его».

Хариз вдруг стал серьезным. Ночь раскинула над нами усталое звездами небо. Отпив из пиалы чая, он слегка прищурился и произнес: «Есть древнее поверье: нельзя будить спящего мангуста».

Хариз поставил пиалу на стол и стал рассказывать про то, как у египтян мангуст считался священным животным.

«Разъяренный мангуст очень опасен. Он способен одолеть в схватке даже кобру, самую ядовитую из змей, символ смерти».

Хариз сделал еще один глоток чая и откинулся назад.

«Если Вы случайно разбудите его, он может разнести на куски Вам всю голову. Мистер Ричард, Вам лучше не двигаться, пока он не уйдет сам».

Проходили часы, а я все сидел неподвижно в страхе за свою жизнь. Время от времени мангуст шевелился во сне, вонзая когти глубже в мою голову. Хариз больше не мог бороться со сном и, принеся мне множество извинений, отправился отдыхать. Я остался один. Казалось, что эта темная бессонная ночь никогда не кончится. Моя шея затекла и очень болела, но я боялся пошевелиться. Мангуст у меня на голове был подобен бомбе с часовым механизмом, которая могла взорваться в любой момент. Моя привязанность к длинным волосам таяла на глазах. О, если бы английские иммиграционные чиновники выполнили свою угрозу и остригли меня наголо, то сегодня моя жизнь не оказалась бы в такой опасности.

Успокаивая себя, я подумал: «По крайней мере, хоть кто-то оценил мои волосы!» Но мангуст оказался далеко не единственным источником моих беспокойств. Какие-то кроважадные насекомые принялись жалить меня в голову. От их укусов все мои возвышенные мысли куда-то улетучились. За что Бог посылает мне эти муки? Страдая от полной беспомощности, я еле сдерживался,

чтобы не разрыдаться. Я попытался разобраться в происходящем, и меня вдруг осенило, что проклятие может превратиться в благословение, а благословение — в проклятие, и зависит это только от нас самих. Да, это звучит нелепо, но мангуст вполне мог быть ниспослан мне свыше, чтобы научить меня великой добродетели — терпению. Способность стойко переносить невзгоды и обращаться к Богу за поддержкой — это поистине бесценное благословение. А умение находить в любой критической ситуации выходы новых возможностей — истинная мудрость.

Остаток ночи я провел в необычном для меня состоянии благодарности. Тогда я даже не подозревал, что преподанный мангустом урок очень пригодится мне в будущем. За шесть часов непрощенный гость, похоже, неплохо выспался у меня на голове. Когда солнце наконец взошло, он проснулся, спустился по моей спине и спрыгнул на пол. Следующий его поступок растрогал меня чуть не до слез: мангуст подошел ко мне и бросил на меня ласковый и совершенно невинный взгляд, словно благодаря за гостеприимство. Затем, отвернувшись, он залез в завязанную на веревке петлю, и только что проснувшийся Хариз опустил его на улицу. Начинался новый день.

Хариз улыбнулся мне:

«Мистер Ричард, прошу извинить меня за доставленное Вам неудобство. Никогда прежде в моем доме не случилось ничего подобного. Но, я думаю, Вам будет приятно узнать, что в нашей культуре служение незваному гостю считается очень благочестивым поступком. Вы оказали очень достойный прием одному из наших мангустов и, похоже, вложили в это свое сердце. Сегодня утром мангуст выглядел очень довольным и хорошо отдохнувшим».

Шея ныла от напряжения, все тело ломило от проведенной без сна ночи, но слова его не пролетели мимо моих ушей. Я не ослышался, он сказал «мангусты» во множественном числе? Тогда я точно не хочу оказаться рядом с Харизом, когда он в следующий раз начнет выть, как волк, задрав голову и глядя на луну. Расчесывая зудящее от укусов лицо и уже собираясь уходить, я выпалил:

«Спасибо вам большое, Хариз. Вы так много сделали для меня. Но, думаю, что мне пора».

Однажды вечером я в одиночестве прогуливался по тихим улочкам Кандагара, и вдруг меня схватил и куда-то потащил за собой одноглазый человек без руки. Подведя меня к винтовой лестнице, ведущей в какой-то подвал, он подтолкнул меня вниз. На лестнице царила крошечная тьма. Пока мы спускались по плохо отесанным каменным ступеням, я пытался угадать, какая тайна ждет меня впереди. Когда спуск закончился, я оказался в холодном, темном подземелье. Глаза мои мало-помалу привыкли к темноте. Невдалеке я увидел тускло мерцавшую ржавую керосиновую лампаду. Блики ее пламени освещали осыпающийся каменный потолок и стены, с которых, помимо паутины, угрожающе свисали железные цепи. В подземелье не было ни окон, ни мебели. На земляном полу на корточках сидело с десяток босых стариков в грязных изорванных одеждах и чалмах. Они копошились вокруг какой-то темной кучи. Что это могло быть? Когда мои глаза окончательно адаптировались, я разглядел, что это куча черного афганского гашиша весом пару сотен килограмм. Еще в Европе я слышал, что это самый дорогой и сильнейший гашиш в мире. Нищие старики отщипывали от этой кучи кусочки и для удобства контрабандистов делали из них лепешки величиной с ладонь. Мой провожатый посадил меня в углу, а сам стал лепить гашиш вместе с другими стариками.

Как это странно, — подумал я. — *Что я здесь делаю?* Вполне может оказаться, что я не смогу отсюда выбраться, даже если попытаюсь. Вдруг один из стариков поднялся на ноги и зажег факел.словно верховный жрец, возглавляющий процессию к алтарю, он прошествовал с факелом в руке в дальний угол подземелья, где располагалась святая святых — огромный кальян. Старик принялся засыпать в гигантскую шахту кальяна килограммы гашиша, а потом торжественно поджег его факелом. Следом за ним поднялся еще один старик. Он подошел к длинному изогнутому мундштуку кальяна и глубоко затянулся, пока легкие его не наполнились дымом. Затем, оторвавшись от мундштука, он выдохнул и тут же сделал еще одну глубокую затяжку. Он делал одну затяжку за другой. Я не верил своим глазам. Вскоре из мундштука повалила плотная струя дыма, но старик не унимался и продолжал затягиваться. Это явно выходило за пределы человеческих возможностей. Когда же

он достиг результата, недостижимого даже для сверхчеловека, легкие его взбунтовались. Повалившись на землю, он забился в приступе такого сильного кашля, что мне показалось, будто сейчас его внутренности полезут наружу через рот.

Между тем остальные продолжали невозмутимо лепить лепешки гашиша. Затем к гигантскому кальяну подошел следующий курильщик и повторил тот же ритуал. Он сделал, наверное, не менее двадцати затяжек, пока из мундштука опять не повалил густой дым. Достигнув апогея, второй старик, так же как и первый, рухнул на земляной пол и, сотрясаясь от кашля, стал извиваться и кататься по земле. По очереди это немыслимое действие совершил каждый из находящихся в подземелье. Совладав с кашлем, курильщики как ни в чем не бывало возвращались к своим товарищам, садились на корточки у кучи гашиша и продолжали изготовление лепешек. Каждый сделал по несколько подходов к этому адскому устройству, поглощавшему гашиш килограмм за килограммом. *Эти афганцы — настоящие специалисты по кайфу*, — подумал я. — *По сравнению с ними гордые своей удачью западные хиппи — просто малые дети.*

В душной темноте подземелья висело плотное облако дыма, от которого нещадно щипало глаза. Просто от того, что я дышал этим воздухом, я поймал такой кайф, какого не испытывал никогда в жизни. Наконец, настала моя очередь, и меня подтолкнули к священной кальяну. Неужели мне суждено стать следующей жертвой их беспощадного бога? Из широкого мундштука валил густой дым. Я не знал, как к нему подступиться. Меня качнуло вперед, и я, еще не успев прикоснуться к мундштуку, почувствовал, как мне в легкие ворвалась струя дыма — стремительно, словно змея, ринувшаяся в мышиную нору. Унав, я стал бешено кататься по полу. От приступа сильнейшего кашля, разрывавшего мои легкие и горло, у меня из глаз брызнули слезы. Глядя на это, старики принялись похлопывать себя по коленям и, трясясь всем телом, хохотать надо мной, молодым американцем, который даже не смог дотянуться до мундштука, хотя был моложе их лет на пятьдесят.

Для стариков это было обычным занятием, чего нельзя было сказать обо мне. Я отполз к себе в угол и привалился к стене. Мощный прилив энергии буквально парализовал меня, и в клубах

дыма мне начали мерещиться странные видения. В голове раздались звуки какой-то необычной музыки, и ум мой закружился, утратив связь с пространством и временем. Я не мог пошевелиться, и мне некуда было бежать. Слезы обжигали глаза. В моих галлюцинациях клубы дыма, поднимавшиеся из кальяна, превращались в призрачных демонов, готовых пожрать меня.

Я вспомнил о том, как раньше искал в наркотическом дурмане избавление от страданий, счастье и даже смысл жизни. Получил ли я то, что искал? В памяти всплыли лица алкоголиков и наркоманов, которых я встречал в американских трущобах. Вспомнились мне и знакомые по колледжу, которые, не устояв перед наркотиками, стали беспомощными рабами этой пагубной привычки. Среди них мне особенно запомнилась одна милая девушка из хорошей семьи, сошедшая с ума от чрезмерного употребления ЛСД. Неожиданно для всех она стала чирикать, как птичка. Окружающих это очень забавляло, до тех пор, пока она не попыталась выпорхнуть из окна третьего этажа. Год спустя она по-прежнему считала себя птичкой, но теперь уже чирикала в психиатрической клинике. Среди молодежи бытовало мнение, будто химические или растительные возбуждающие средства способны расширить способности человека и помочь ему обрести духовный опыт. Мне тоже доводилось пробовать наркотики. Я, как и все, искал в них просветление, но быстро осознал, насколько ограничены их возможности. Вызванное ими искусственное состояние лишь отдаляло меня от той цели, к которой я стремился всем сердцем. Мне надо было двигаться дальше.

Страдая от галлюцинаций, мучивших меня в подземном при-tone кандагарских наркоманов, я дал клятву: *О мой Господь, никогда больше я не буду употреблять одурманивающие вещества.*

Я с трудом выбрался из подземелья и, пошатываясь, побрел по улице.

Свой последний вечер в Кандагаре я провел в маленькой тускло освещенной чайхане, сидя на корточках рядом с местными жителями. Вдруг в чайхану, спотыкаясь, вошел слепой юноша, и все взоры устремились к нему. В руке он держал незамысловатый деревянный музыкальный инструмент. На вид юноше было

лет шестнадцать, и он, как и все вокруг, был одет в грязную одежду, свободно болтавшуюся на его исхудалом теле. У меня содрогнулось сердце — его невидящие, изуродованные глаза не были ничем прикрыты. Несмотря на очевидную нищету, он блаженно улыбался, когда из его горла полились песни, славящие Всемогущего Аллаха. Он пел, аккомпанируя себе на своем однострунном инструменте. Приятный мелодичный голос юноши и его искренность покорили всех посетителей чайханы. Так прошел час. Слепой ударял по струне и взывал к Богу, освещая чайхану спонтанной радостью и наполняя наши сердца необъяснимым восторгом.

Увиденное тронуло меня до глубины души. Бездомный слепой юноша был нищ и безграмотен. Но, несмотря на это, он хранил в своем сердце сокровище любви к Богу и черпал в ней безграничную духовную радость.

Кандагар оказался для меня необычным городом. Здесь мангуст преподавал мне урок терпения, старики в подземелье побудили навсегда отказаться от наркотиков, а слепой музыкант показал мне, что такое духовная радость. Благодарный за все, чему научил меня этот город, я попрощался с ним и отправился дальше.

Я с трудом протиснулся в переполненный автобус, отправляющийся в Кабул. По обе стороны салона на всю его длину стояли две деревянные скамьи, на которых сидели пассажиры. Между скамьями на полу ехала домашняя живность. Курицы громко кудахтали и хлопали крыльями, роняя перья. Рядом, гордо выпятив грудь, кукарекали петухи. Овцы истошно блеяли, сбившись в кучу вокруг своего хозяина. По салону летал рой мух и каких-то других экзотических насекомых. Козы в поисках съестного тыкались в колени пассажиров. Одна особенно общительная коза заискивающе посмотрела мне в глаза и тут же с энтузиазмом принялась жевать мою штанину. Должно быть, мои джинсы действительно были хороши на вкус, поскольку тут же за вторую штанину ухватилась другая коза. На колени ко мне вскочил цыпленок и стал клевать мне ноги.

Для пассажиров автобуса, с улыбкой поглядывавших на меня, этот передвижной скотный двор был обычным делом. Казалось, что они тоже испытывали культурный шок при виде длинноволового иностранца в грязных джинсах и серой водолазке. Автобус остановился. Пассажиры вышли, расстелили в пустыне коврики, повернулись лицом к Мекке и стали молиться. Не считая животных, в салоне остался только я.

Я вычитал где-то, что человек, не развивающийся духовно, подобен двуногому животному. Хотя я находился в духовном поиске и интересовался самыми разными религиями, я, тем не менее, еще не выбрал свой путь. Вот почему, пока правоверные мусульмане молились снаружи, я предпочел остаться среди домашнего скота, от которого я пока, увы, мало чем отличался.

Кабул, расположенный на высокогорном плато и окруженный заснеженными горными вершинами, был очень красив. Бывшая

столица империи Великих Моголов, он до сих пор оставался самым важным городом Афганистана. В Кабуле я снова встретился с Джеффом и Рэмси. Они ждали меня здесь уже почти неделю, и им не терпелось продолжить путешествие в Индию по старинной дороге, проложенной еще англичанами. В Пакистан мы решили добираться через перевал Хайбер. Ранним утром мы пришли на автобусную станцию, и Джефф купил нам всем билеты. У двери автобуса стояли инспекторы иммиграционной службы и проверяли у пассажиров документы. Джефф и Рэмси благополучно прошли все необходимые формальности и сели в автобус. Но, когда очередь дошла до меня, произошло какое-то недоразумение. Инспектор забрал у меня паспорт и повел в отделение иммиграционной службы. И как раз в этот момент автобус, к ужасу моему, завелся и поехал. Мой билет остался у Джеффа и Рэмси, которые даже не заметили моего отсутствия. Оказалось, что чиновники иммиграционной службы неправильно прочитали дату моего выезда из страны. Разобравшись в ситуации, они отпустили меня.

Так я остался в Кабуле один, не зная, что делать дальше. О том, чтобы ехать одному на попутках через перевал Хайбер, снискавший недобрую славу одного из самых опасных мест на Земле, не могло быть и речи. Я слышал немало зловещих рассказов об этой пограничной области между Афганистаном и Пакистаном, где заправляют воинственные племена, не признающие никаких законов. Подобно жителям американского Дикого Запада, они считали заряженную винтовку главным аргументом в любом споре и промышляли убийствами и грабежами. Мне говорили, что они устраивают вооруженные засады на туристические автобусы и грабят, а иногда даже убивают пассажиров. Я слышал, что автобусные компании вынуждены платить дань вождям этих племен, чтобы обезопасить жизнь пассажиров. Трудно было сказать, насколько эти рассказы соответствовали действительности, но выяснять это самому у меня не было никакого желания. Денег на билет не было, и я не представлял себе, что делать дальше. В полном одиночестве я бродил по улицам Кабула, размышляя о неожиданных поворотах в моей судьбе.

Так прошел день. С наступлением ночи заметно похолодало. Теплой одежды у меня не было, и идти мне было некуда.

Взошедшая на небе полная луна казалась глыбой льда. Дрожа от холода, я сел на обочину и достал гармонику. Закрыв глаза в медитативном трансе, я поднес гармонику к губам и стал изливать в песне свое сердце. Когда я открыл глаза, то обнаружил перед собой стройную молодую женщину с растрепавшимися на ветру русыми волосами.

«Ночь на дворе, как ты еще не замерз без теплой одежды?» — она смотрела на меня, поеживаясь от холода. Поймав на себе исполненный сострадания взгляд ее блестящих голубых глаз, я рассказал ей о своих злоключениях.

«Я из Голландии, — сказала в ответ женщина, — но уже несколько лет живу в Кабуле. Почему бы тебе не переночевать у меня дома, в тепле?»

Я с благодарностью последовал за ней. После холодной улицы теплый, хорошо обставленный дом показался мне раем. На окнах висели зеленые и золотистые шторы, в центре комнаты стоял дорогой обеденный стол со стульями, а у стены расположился мягкий белый диван. На него и усадила меня хозяйка этого чудесного жилища. Я не видел ничего подобного с тех самых пор, как покинул свой родной дом в Хайленд-Парке. Мне казалось, что это было сто лет назад. Голландка пригласила меня к столу и стала потчевать свежим хлебом с маслом, запеченными овощами, а на десерт меня ждал шоколадный торт. Я было подумал даже, что ничего не потерял, не попав на автобус.

После непринужденной беседы хозяйка предложила мне отдохнуть:

«Должно быть, ты очень устал, так долго просидев на холоде».

Она отвела меня в спальню, где было две кровати.

«Располагайся здесь, а я буду спать у себя».

Вдруг в спальню вошел высокий, крепкий мужчина. Хозяйка представила его:

«Это мой телохранитель-афганец, из военных. Он беззаветно предан мне».

Я окинул взглядом гиганта, стоявшего передо мной. Он был под два метра ростом. На его огромном, как гора, теле и сильных руках, подобно каменным валунам, бугрились мускулы. Телохранитель

носил большую нечесаную бороду, а его длинные лоснящиеся волосы были черны, как уголь. Я сел на свою кровать, а афганец — на свою. Его черные пронзительные глаза буравили меня недобрим взглядом. Затем он потянулся и громко зевнул. В нос мне ударил резкий запах его пота.

Хозяйка продолжила:

«Он охраняет меня. Я сама видела, как он одним ударом кулака проломил человеку череп. А теперь отдыхай».

Она направилась в смежную комнату и, прежде чем исчезнуть за расшитой бисером занавеской, погасила свет со словами: «Я пойду к себе».

Несмотря на пугающий вид телохранителя-афганца, я, как это ни странно, ощущал себя рядом с ним в безопасности. В доме было так тепло и уютно, что я, удобно устроившись в кровати, почувствовал себя счастливым. Неизвестно, как бы я пережил морозную ночь, если бы эта женщина не сжалась надо мной. С этими мыслями я накрылся мягким одеялом и погрузился в сон.

Не прошло и нескольких минут, как меня разбудил шум занавески, разделявшей две спальни. Передо мной стояла хозяйка в одной полупрозрачной шелковой ночной рубашке. В спальне курились благовония и негромко играла музыка. Хозяйка подошла ко мне и нежно зашептала мне на ухо:

«Ты так молод и красив».

Глаза ее блестели от страсти. Сбросив ночную рубашку, она предстала передо мной совершенно нагой. Обвив руками мою шею, она положила свое надушенное дорогими духами тело рядом со мной, а я, растерявшись, отчаянно пытался сосредоточиться на цели своего путешествия.

«Пожалуйста, не надо! Я хочу спать!» — взмолился я. Но хозяйка была неумолима.

«Прошу Вас, оставьте меня в покое», — это все, что я мог выдать из себя. Пока она ласкала меня, я лежал, словно мертвая холодная рыба.

Охваченная страстью, женщина прошептала мне на ухо:

«Если ты не удовлетворишь мое желание, телохранитель разможжит тебе голову. Тебе не удастся бежать отсюда».

Оскорбленная моим отказом, она стала звать на помощь. Телохранитель вскочил с постели, в мгновение ока пересек комнату и встал перед нами.

«Подчинись! Подчинись или умри», — прорычал он.

Я не знал, что мне делать. Моя соблазнительница не оставляла попыток разжечь во мне страсть, а я лежал под ней и дрожал от страха. Афганец склонился надо мной, схватил меня за волосы и взревел:

«Подчинись или умри! Подчинись или умри!»

Его слова, словно снаряды, взрывались у меня в голове. В моем уме роились вопросы:

«Может, это кошмарный сон? Что мне делать: подчиниться или умереть? И почему это случилось со мной?»

В какой-то момент я собрался с силами и оттолкнул женщину. Схватив в охапку свою сумку и ботинки, я кинулся к двери, даже забыв про спальный мешок. Хозяйка пронзительно завизжала. Телохранитель с криком бросился мне наперерез, но я увернулся. Пинком открыв дверь, я помчался по улице. Афганец с гневными воплями бежал за мной. Чувствуя на себе его дыхание, я не сся без оглядки. Воображение мое рисовало страшные картины того, как его гигантский кулак разбивает мой хрупкий череп. Подгоняемый им, я бежал, бежал и бежал. Сам не знаю как, но в конце концов мне удалось оторваться от погони.

Я снова оказался один. На дворе стояла ночь, и мне некуда было пойти. Блуждая по пустынным улицам Кабула, я почувствовал, что морозная ночь, которой еще недавно я так страшился, в действительности защищает меня. Холодная луна, заморозившая меня до самых костей, теперь согревала мой уставший ум. Я шел куда глаза глядят и ощущал полную свободу. Глядя на звезды, я размышлял о том, как страсть поработает человека. Интимная близость может быть даром Божиим, но, когда стремление к ней превращается в навязчивую идею, человек теряет рассудок и ради удовлетворения собственной похоти готов на самые низменные поступки. Неутоленная страсть сводит человека с ума. Разумеется, думал я, в истории любой религии были праведники, жившие в семье и растившие замечательных детей. Если они и вступали в интимные отношения, то делали это как служение Богу. Но почему же тогда в тех же религиях многие святые,

наоборот, давали обет безбрачия? Чем больше я думал об этом, тем сильнее мне хотелось найти ответ на вопрос о том, почему они это делали. Видимо, эти святые считали, что привязанность к противоположному полу помешает им полностью посвятить себя служению Богу. Или они хотели преобразовать эту мощную энергию, направив ее на молитвы и служение Богу? Кто знает, может быть, это и есть то, что я ищу. Тогда становится понятно, почему тогда, в Италии, я отверг предложение Ирэн. *Полюбить — значит отдать свое сердце*, — думал я. — *Истинная любовь должна быть самоотверженной и бескорыстной*. Глядя на то, как полная луна поднимается над Кабулом все выше и выше, озаряя своим светом горные склоны, я укрепился в своем желании хранить обет безбрачия до конца своих дней. Стоя на пронизывающем до костей холодном ветру, я молил Господа помочь мне сдержать эту клятву.

Когда солнце взошло над горами, окружающими Кабул, я поспешил на автобусную станцию, сам не зная, что ждет меня там. На станции я, к облегчению своему, узнал, что Джефф передал мне с водителем автобуса мой билет и немного денег. Прежде чем сесть в автобус, я оглянулся, бросив на Кабул прощальный взгляд. Здесь, на этом горном афганском плато, я сделал важный шаг на пути к просветлению, и я молился о том, чтобы сдержать простой обет, который дал. При этом я испытывал чувство глубокой благодарности.

Из окна автобуса видны были горные хребты, пересекавшие бесплодные земли. Нищие крестьяне трудились не покладая рук, пытаясь вырастить на этих бесплодных горных склонах хотя бы какой-то урожай. Ландшафт этой местности надежно ограждал ее обитателей от окружающего мира. Местные жители ходили с ружьями за плечами и иногда перепоясывались патронными лентами. По дороге нам то и дело встречались мастерские, изготавливающие примитивные обрезы. Вдали можно было различить длинные караваны верблюдов, везущие грузы по пыльным тропам.

Автобус трясся и громыхал на выбоинах, натужно взбираясь на перевал. Я смотрел в окно и представлял себе, как в четвертом веке до нашей эры здесь по пути в Индию проходили войска Александра Македонского. В тринадцатом веке через перевал

устремилась монгольские орды кровавого завоевателя Чингисхана, а позже — армии Великих Моголов, отправлявшиеся покорять и грабить индийский субконтинент. А в девятнадцатом веке здесь полегло множество солдат британской армии. Сменялись поколения, но кровопролитие и убийства по-прежнему оставались повседневным занятием живших здесь пуштунских племен.

Хотя борьба за существование оставила неизгладимый след на лицах местных жителей, в них сквозило какое-то суровое благородство. Памятуя о том, что мне рассказывали про этих людей, я радовался, что вижу их не лицом к лицу, а из окна автобуса.

Вечером мы прибыли в пакистанский город Пешавар. Когда я вышел из автобуса, мое внимание привлекла сидевшая на обочине невозмутимая старушка в черной парандже. На расстеленном перед старушкой куске мешковины был разложен какой-то товар. Я подошел поближе, чтобы посмотреть, чем она торгует. К моему изумлению, это были бронзовые кастеты. Старушка торговала кастетами!

Кастеты имели острые шипы с зазубринами, предназначенными для того, чтобы рвать плоть. Это жестокое оружие было инкрустировано полудрагоценными камнями. Старушка показала мне скрытую кнопку, и, когда я нажал на нее, из кастета со свистом вылетело лезвие! Я чуть не упал от неожиданности. Старушка стала уговаривать меня купить ее товар, но я вежливо отказался и поспешил прочь.

Чтобы попасть в Индию, мне предстояло пересечь еще одну, последнюю, границу. Предвкушая долгожданную встречу с этой страной, я отправился в старинный город Лахор, чтобы получить индийскую визу. По пути мне встречались добрые и отзывчивые люди, сделавшие все, чтобы я чувствовал себя в Пакистане как дома: они кормили меня и подвозили на грузовиках и автобусах. Рано утром я уже стоял у индийского посольства в Лахоре. В ясном небе надо мной кружили ястребы. Двери посольства, наконец, открылись. Я вошел и робко протянул свой паспорт чиновнику. Когда он поставил в паспорте штампель, сердце мое радостно забилось. У меня было такое ощущение, словно это виза в Царство Бога. Отсюда до Индии было рукой подать. Меня ждала земля йогов, лам и мудрецов.

Стоял ясный зимний день. Я вышел из Лахора еще на рассвете и на попутках и пешком преодолел пятьдесят пять километров по однополосной грунтовой дороге, тянувшейся мимо пшеничных полей, хлопковых плантаций и желтых полей цветущей горчицы. По обочинам дороги и кое-где между полями росла акация. Это были единственные деревья во всей округе. Старые грузовики, изредка проезжавшие по дороге, своим видом приводили меня в радостное возбуждение. Они были раскрашены ярко и затейливо, словно оформленный в психоделическом стиле лимузин какой-нибудь богатой рок-звезды. Не меньшее впечатление на меня производила традиционная одежда и тюрбаны тех, кто ехал в этих машинах. Время от времени мимо со скрипом проезжали запряженные волами повозки. Одни везли зерно, в других крестьяне перевозили домашний скот, а в третьих, сидя на толстом слое сена, ехали они сами всей семьей. На этих попутках, а по большей части пешком, я добрался до города Хуссейнвала на границе Пакистана и Индии.

Когда я шел к пункту иммиграционного контроля, предвкушение долгожданной встречи с Индией переполняло мое сердце. За шесть месяцев, проведенных в Европе и на Ближнем Востоке, я повзрослел лет на тридцать. Но я понимал, что испытания, выпавшие мне за эти полгода, были не чем иным, как очищением, через которое я должен был пройти, чтобы попасть на священную землю Индии. И вот теперь до нее оставалось рукой подать.

От судьбы, уготованной мне, меня отделяла только стойка иммиграционного контроля. За ней под жарким пенджабским солнцем восседала полная дама в зеленой военной форме. По обе стороны от нее стояли два индийских пограничника с винтовками за плечами. Суровый взгляд дамы не сулил ничего хорошего. Я стоял

перед ней, с головы до ног покрытый пылью, но полный надежды. С замиранием сердца я протянул ей паспорт. Пока она внимательно рассматривала каждую его страницу, я погрузился в воспоминания. Мне вспомнился тот миг, когда я медитировал на вершине горы на острове Крит и со мной вдруг произошло нечто, побудившее меня отправиться в Индию. Конечно, я знал, что многие примут это событие за помрачение ума, вызванное многочасовыми молитвами, или за голодную галлюцинацию. Но я был уверен, что Сам Господь появился в моем сердце. Я отчетливо слышал Его слова: «Отправляйся в Индию!» С этого момента я твердо уверовал в то, что в Индию меня позвал Сам Бог.

С начала моего путешествия по Ближнему Востоку миновало три месяца. Я преодолел без малого пять тысяч километров, и каждый миг этого путешествия был совершенно не похож на все то, что я воображал себе в детстве, когда смотрел на мир сквозь призму предрассудков, навязанных мне провинциальной Америкой. С каждым пройденным километром мое сердце все сильнее рвалось к священной земле Индии, без которой я уже не мыслил своего существования.

Я страстно хотел попасть в Индию, ведь именно там, я знал, должно исполниться мое самое сокровенное желание. Душой и сердцем я уже был с йогами в их горных *ашрамах*. Чтобы воссоединиться с ними, я долгие месяцы упорно шел вперед, подвергая себя разным опасностям. И теперь, когда я был всего в шаге от цели, мне пришлось дожидаться, пока неприступная чиновница из иммиграционной службы изучит мой паспорт.

Она несколько минут внимательно рассматривала паспорт, а потом подняла взгляд на меня и безразличным тоном произнесла:

«Покажите, сколько у Вас денег».

Я стал лихорадочно рыться в своей полотняной сумке, и дама, наблюдая за моими действиями, наклонилась ко мне вместе со стулом. Я смог предъявить ей лишь несколько монет.

Гримаса отвращения появилась у нее на лице.

«Для въезда в Индию у Вас должно быть с собой не менее двухсот долларов».

Дама откинулась на спинку стула, скрестила на груди руки и, буравя меня глазами, спросила:

«Где Ваши деньги?»

Уставившись в пол, я пробормотал:

«Это все, что у меня есть».

«В таком случае, Вы не сможете въехать в страну».

Она бросила мой паспорт на стол, который стоял теперь между нами, как непреступная стена:

«Возвращайтесь туда, откуда приехали».

Ее слова пронзили мое сердце, как стрелы.

«Но я несколько месяцев ехал на попутках, я рисковал жизнью, только чтобы увидеть вашу страну. Я хочу, чтобы святые люди помогли мне изучить вашу религию».

Я слышал свой жалобный голос, доносившийся как бы со стороны:

«Из любви к Индии я пожертвовал благами американской жизни. Пожалуйста, дайте мне шанс».

Дама сурово взглянула на меня:

«У нас в Индии и без Вас хватает попрошаек».

Она подала знак одному из пограничников, и тот потянулся к винтовке.

«Вам отказано во въезде в Индию. Возвращайтесь обратно».

«Но...»

«Это решение окончательное. Дальнейшие разговоры ни к чему».

Она поднялась из-за стола, повернулась ко мне спиной и направилась к армейским баракам.

Я попытался пойти за нею и как-то переубедить ее, но она ничего не желала слышать. Ее не подлежащие обжалованию слова «Вам отказано во въезде в Индию» прозвучали для меня, как смертный приговор. Пограничники, которые до этого стояли совершенно безучастно, вскинули винтовки и приказали мне немедленно убираться восвояси. Потрясенный, я отошел в сторону и сел в тени большого дерева *ним*. Я смотрел на зеленые равнины Пенджаба и не мог решить, что мне делать дальше и куда идти.

Не помню, как долго я просидел там, но, когда ко мне вернулась способность сознавать окружающее, я уже твердо знал, что не поверну назад. Если дама из иммиграционной службы не впустит меня в страну моей мечты, то я останусь сидеть здесь, в пыли

под деревом. Мне и в страшном сне не могло привидеться, что меня не пустят в Индию.

Поскольку я совершенно не интересовался политической обстановкой в мире, откуда мне было знать, что Индия и Пакистан находились тогда на пороге третьей войны. И что всего год спустя, в декабре 1971 года, здесь, на этой границе, будет развязана кровавая бойня. Меня никто не предупредил, что это одна из самых напряженных пограничных зон в мире, уступавшая, пожалуй, только контрольно-пропускному пункту «Чарли» в Берлине. В Хуссейнвале по разные стороны границы в полной боевой готовности стояли две армии — индийская и пакистанская.

Тем солнечным зимним днем я ничего этого не знал. Сидя под деревом, я видел в окне барака раздраженное лицо иммиграционной чиновницы.

Может быть, она решила, что поскольку я приехал из Америки, то у меня много денег, и просто вымогала у меня взятку? Понимала ли она, какие трудности мне пришлось преодолеть, чтобы добраться до этого отдаленного пограничного пункта? *Попаду ли я когда-нибудь в Индию?* — думал я. Разве могут меня, добравшегося сюда автостопом из Лондона, развернуть на индийской границе на том лишь основании, что у меня нет денег? Ощущая себя изгнанником, я вспомнил о своем верном друге и спутнике Гэри. Когда мы расставались с ним, он, наверное, тоже чувствовал себя изгнанником. Где он теперь? Что с ним? Добрался ли он до Израиля? Сидя на пыльной земле Пенджаба и наблюдая за рябью, которую ветер поднимал на цветущем горчичном поле, я тосковал по своему лучшему другу.

Время от времени я выходил из своего укрытия под тенью дерева и подходил к пограничному пункту, но чиновница всякий раз игнорировала меня. В отчаянии я предпринял еще одну попытку уговорить ее.

«Вы испытываете мое терпение», — топнула она военным ботинком и, ткнув мне в лицо толстым пальцем, гневно произнесла:

«Вам отказано, Вы меня слышите? Это мое последнее предупреждение. Больше не беспокойте меня». Ее губы дрожали от негодования.

Я вернулся под дерево и остаток дня провел в размышлениях. Бури противоречивых эмоций бушевали в моем сердце. Солнце уже клонилось к горизонту, и я заметил, что на пункт иммиграционного контроля заступает новая смена — высокий пожилой сикх в аккуратном тюрбане такого же зеленого цвета, как и его форма. Чиновница показала сикху на меня, видимо, объясняя, что меня нельзя пускать в Индию, и армейский джип увез ее прочь.

Не зная, что делать, я смиренно подошел к сикху, в глубине души отчаянно молясь, и протянул ему свой паспорт:

«Прошу Вас, позвольте мне въехать в вашу великую страну».

Его голос прозвучал холодно и отстраненно:

«Меня предупредили, что Вы очень надоедливы. Я получил строгие указания не впускать Вас. Предъявите требуемую сумму денег или отправляйтесь обратно».

Со слезами на глазах я стал рассказывать ему о своей жизни и духовных поисках:

«Ради духовных сокровищ Индии я оставил все те блага, которые сулит американский образ жизни. Я, рискуя жизнью, добирался сюда автостопом из Лондона. Я очень хочу найти дорогу к Богу. Прошу Вас, будьте снисходительны ко мне! Я обещаю, что когда-нибудь принесу индийцам пользу. Поверьте, сэр, я еще пригожусь вашей стране. Пожалуйста, дайте мне шанс».

На его глаза навернулись слезы.

«Давай сюда свой паспорт».

Уже темнело, поэтому сикх просмотрел его наскоро, не вчитываясь в то, что там написано. Затем он взглянул мне в глаза и сказал:

«Иногда нужно прислушиваться к голосу сердца. Я верю тебе».

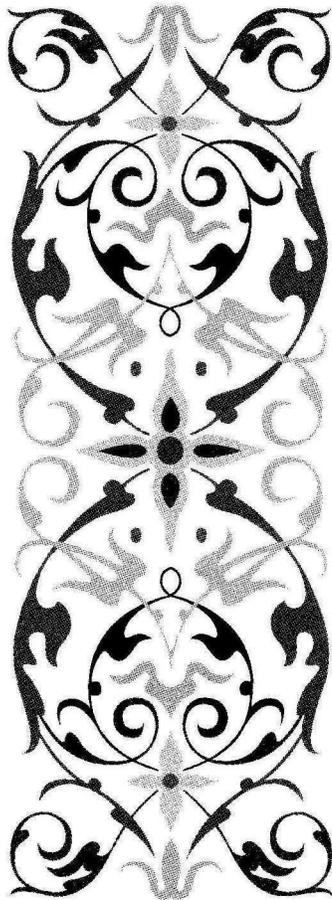
Потянувшись к столу, он взял штампель с деревянной рукояткой, коснулся им чернильной подушечки и сделал в моем паспорте оттиск, подтверждающий мое право на въезд в Индию.

«Готово», — сказал он, закрывая паспорт и возвращая его мне. Ласково улыбнувшись, он положил мне на голову свою руку:

«Сынок, да пребудут с тобой мои благословения. Желаю тебе найти истину, о которой ты плачешь. Добро пожаловать в Индию».

II

Мать Индия

себе, как они кромсают мое тело. Ценой невероятных усилий мне удалось подтянуться и перевалиться через окно внутрь вагона на ходу поезда. Тут же вслед за мной в это окно втиснулись еще двое.

Оказавшись внутри едущего поезда, я стал оглядываться вокруг и увидел, что из каждого окна кто-нибудь залезает или запрыгивает в вагон. Когда поезд остановился, вагон уже был настолько переполнен, что в него невозможно было протиснуться. Свободных сидячих мест, конечно же, не было. На стене нашего отсека висела табличка: «Количество пассажиров не более 60». По самым скромным подсчетам, вокруг меня сгрудилось человек двести. Ни о какой проверке билетов в такой давке не могло быть и речи. Мой знакомый запрыгнул в другой вагон, и больше я его не видел.

Все пассажиры ехали без билетов. Позже я узнал, что в вагонах третьего класса индийских железных дорог это самое обычное дело. Разумеется, за такой проезд тоже приходилось платить свою цену, но исчислялась она не в рупиях. Хотя внутри вагона люди пихтались и толкались, все выглядели на удивление спокойными и миролюбивыми. Видимо, они давно уже привыкли к такому способу передвижения. Когда поезд тронулся, некоторые так и остались наполовину висеть снаружи вагона, но я не видел на их лицах никакого беспокойства. Подняв голову, я заметил сверху металлические полки для багажа. Вместо багажа туда набились десятки людей. Присмотрев себе свободное место шириной около метра, я залез наверх и, немислимым образом изогнувшись, втиснулся между двумя пассажирами. С высоты багажной полки я смотрел на столпотворение людей внизу, и у меня было ощущение, что я еду первым классом. Я был в полном восторге от Индии.

Старый паровоз шипел и гудел всю ночь напролет, и на рассвете мы были уже на вокзале в Старом Дели. Я сошел с поезда и, не зная, что делать дальше, просто прогуливался по платформе.

Вдруг кто-то окликнул меня по имени:

«Манк, Манк! Неужели это ты!»

Я обернулся и увидел двух французов, с которыми познакомился еще в Швейцарии. Там, на берегу Женевского озера, мы обсуждали с ними тибетскую «Книгу мертвых». После радостной встречи ребята пригласили меня к себе принять душ и отдохнуть

с дороги. Поймав *рикшу*, мы поехали в дешевую гостиницу «Новая Корона». Там я смыл с себя дорожную пыль и улегся спать прямо на полу веранды. Проснулся я от того, что лицо мне щекотал чей-то длинный пушистый хвост. Открыв глаза, я увидел рядом бурю обезьяну с розовой мордочкой. Она смотрела на меня зелеными глазами, а я удивленно глядел на нее. Мне даже в голову не могло прийти, что дикие обезьяны могут свободно разгуливать по многолюдному столичному городу. В это время стая из нескольких десятков обезьян скакала по крышам, резвясь и высматривая себе пищу. Внизу уже открывались лавки, и лавочники отгоняли этих обезьян палками.

У своих друзей-французов я гостил недолго, потому что они уезжали в Непал. Попрощавшись с ними, я вышел на улицу.

Радостное волнение переполняло меня. Как сложатся дальше мои духовные поиски? Мне только что исполнилось двадцать, и мать-Индия, о встрече с которой я так долго мечтал, раскрыла мне свои объятия. Выйдя из гостиницы, я оказался на Чанди-Чоук, многолюдной улице, вдоль которой тянулись бесконечные торговые ряды. Громко играла музыка, курились благовония и проказничали обезьяны. Яркие *сари*, тюрбаны и бесконечные украшения радовали глаз. Дети играли в крикет, а мимо величественной походкой шли коровы. Для меня, прошедшего несколько месяцев в суровом мире Ближнего Востока, происходящее вокруг было настоящим праздником жизни. Я шел в толпе, впитывая увиденное, как губка.

Внезапно какой-то человек преградил мне дорогу и стал засыпать меня вопросами:

«Как тебя зовут? Откуда ты? Кто ты по образованию? Для чего ты приехал в Индию? Тебе нравится моя страна?»

Мы разговорились и пошли дальше вместе. Вдруг он спросил:

«Хочешь что-нибудь попить, чтобы утолить жажду?»

«Не откажусь», — радостно согласился я.

Он вывел меня с шумной улицы в пустую лавку и что-то заказал у стоявшего за прилавком обнаженного по пояс человека, обернутого в едва прикрывавшую колени тряпку. Лавочник легким щелчком отбросил в сторону дымящуюся самокрутку, взял

кусочек какой-то смолы и стал тереть ее об камень, пока смола не превратилась в бледно-зеленую пасту. Указательным пальцем он соскреб пасту в железный кувшин, налил туда воды и энергично взболтал ее. Затем он налил из кувшина целый стакан, бросил туда щепотку каких-то специй, размешал их ложкой и со стуком поставил стакан передо мной. Я посмотрел на человека, угощавшего меня. Он многозначительно улыбался.

«Пей, — сказал он. — Это натуральный напиток, безалкогольный и очень полезный».

У меня с утра не было во рту ни росинки, поэтому я осушил стакан одним залпом.

Когда мне предложили второй, я с благодарностью выпил и его, а за ним — третий и четвертый. Напиток имел вязущий вкус, и я никак не мог понять, что он мне напоминает.

«Как называется этот напиток?» — спросил я.

Не переставая загадочно улыбаться, мой новый знакомый ответил:

«Он называется *бханг*».

Я слышал это название впервые.

Мы распрощались, и я пошел дальше по шумной улице. Вдруг, совершенно неожиданно, я начал пьянеть. Странные звуки, краски и лица закружились вокруг меня в пугающем хороводе. Меня била дрожь, и я, теряя ориентацию в пространстве, начал сталкиваться с прохожими. Я стал озираться по сторонам, и мне показалось, что все вокруг смотрят только на меня. Откуда мне было тогда знать, что бханг имеет одурманивающее действие и что готовят его из конопли? Сочтя его обычным прохладительным напитком, я выпил четыре стакана подряд. При мысли о том, что я невольно нарушил свою клятву никогда не употреблять одурманивающих веществ, меня охватил ужас. Находясь в этом странном, неприятном для меня состоянии, я старался как можно скорее дойти до конца улицы, чтобы скрыться от пронзительных взглядов толпы. Но улица никак не кончалась, и я беспомощно натыкался на людей, коров, свиней или сталкивался с рикшами.

В конце концов улица уперлась в массивные каменные стены Красного форта. Сквозь наркотический туман я смотрел на циклопическое строение — крепостные стены, окружавшие гигантский

дворец, который в семнадцатом веке был резиденцией могольского императора Шаха Джохана, и не верил своим глазам. На площади перед дворцом я увидел скопление народа. Все еще находясь под действием наркотика, я решил подойти поближе и посмотреть, что происходит. На земле сидел старик в белом тюрбане и играл на каком-то экзотическом духовом инструменте. Он представлял собой высушенную полую тыкву, в которую были вставлены два полуметровых тростниковых стебля. Старик — а это был заклинатель змей — извлекал заунывную мелодию из своего инструмента, раскачиваясь из стороны в сторону. Вокруг стояла дюжина плетеных корзин с крышками. Большой бородатый человек в черных одеждах и красном тюрбане подошел к корзинам и стал открывать их. Толпа ахнула. Под гипнотическую мелодию, которую играл заклинатель, из корзин, устрояюще раздувая капюшоны, появлялись кобры — одни из самых опасных ядовитых змей. То и дело показывая свои раздвоенные языки, они раскачивались в такт музыке. Бородач открывал одну корзину за другой, показывая публике разные виды змей. Когда очередь дошла до последней корзины, он достал оттуда огромного удава длиной не менее четырех метров и сантиметров восемь толщиной. Толпа в ужасе отпрянула.

Не успел я и глазом моргнуть, как бородач подскочил ко мне и обернул чудовищную змею вокруг моих бедер. Змея медленно поползла выше, обвивая своими мощными холодными кольцами мою талию и грудь и прижимая мои руки к туловищу. Голова змеи находилась всего в нескольких сантиметрах от моего лица, и я уже чувствовал на себе ее дыхание. Ее узкие глаза смотрели прямо в мои глаза, а раздвоенный язык вырывался из пасти, почти касаясь моих щек. Змея сдавливала меня все сильнее, и от этого сердце мое бешено колотилось, а руки и ноги дрожали. Поскольку я все еще находился под действием бханга, у меня продолжались кошмарные галлюцинации, кружилась голова, и липкий страх захлестнул меня с головой. Толпа зевак вокруг меня росла, держась при этом на безопасном расстоянии от змеи.

Вдруг из толпы вышел какой-то мужчина и обратился ко мне по-английски:

«Как Вас зовут, сэр? Откуда Вы? Из какой страны? И как на Вас оказалась эта опасная змея?»

«Прошу Вас, помогите мне», — задыхаясь, ответил я. Но стоило мне открыть рот, как змея сдавила меня еще сильнее, словно ревнуя и требуя внимания только к себе одной.

Высокий бородач в красном тюрбане подошел ко мне и пристально посмотрел мне в глаза. У него было такое выражение лица, словно перед ним стоял иноземный захватчик. Размахивая руками, словно оружием, он стал кричать: «Пятьдесят рупий! Пятьдесят рупий!» Наконец, один из зевак объяснил мне по-английски: «Он согласен снять с тебя змею, но только если ты заплатишь ему пятьдесят рупий».

Собравшись с силами, я выдавил из себя: «У меня нет денег».

«Тогда тебе придется остаться в объятиях змеи», — безучастно констатировал мой переводчик.

Разум мой помутился, и меня захлестнула новая волна страха и унижения. Толпа пялилась на меня, диковинного иностранца, опоясанного змеей. Возможно, все решили, что это часть представления. Змея облизывалась и время от времени заглядывала мне в глаза. А старый заклинатель играл свою гипнотическую мелодию, под которую мерно раскачивались черные кобры. В этих мучениях прошло, наверное, полчаса.

Мой ум отказывался понимать происходящее. Шел всего лишь первый день моего пребывания в Индии. Глядя на зубы змеи, я думал: *И ради этого я рисковал своей жизнью? Что бы сказали мне родители, увидев своего сына вдали от дома, в такой ситуации?* Поскольку мне больше не на кого было рассчитывать, я закрыл глаза и стал молиться: *Господи, если Тебе угодно, чтобы я еще что-то сделал в этом мире, пожалуйста, помоги мне!* Когда я вознес эту нехитрую молитву, мне стало немного легче.

Наконец, из толпы вышел пожилой мужчина с четками в морщинистых руках. Сжалившись надо мной, он подошел к бородачу и, поторговавшись, заплатил десять рупий за мое освобождение. К моему облегчению, бородач пропел какие-то мантры, приглашая змею вернуться к нему в руки. Под одобрителный гул толпы змея медленно сползла с меня. Поблагодарив своего избавителя, я поспешил на другую сторону улицы.

Там я увидел компанию мужчин, сидящих на деревянных стульях. Они посасывали нечто, что я сначала принял за красные леденцы. Мужчины угостили и меня. Поскольку меня все еще очень интересовали индийские обычаи и пища, я взял один «леденец» и раскусил его. Рот обожгло, словно пламенем. На теле проступил пот, а из глаз потекли слезы. Я выпил залпом стакан воды, но она только усилила жжение — это было равносильно тому, чтобы тушить костер керосином.

«Леденец» оказался жгучим красным перцем *чили*. Так состоялось мое знакомство с этой пряностью. И снова вокруг меня собралась толпа любопытных. Я вежливо благодарил мужчин за угощение и пошел дальше. Мне пришло на ум высказывание о том, что пища одного человека — яд для другого. Эта мудрость показалась мне в тот миг очень актуальной — подтверждением ей было сильное жжение во рту. Вспомнив все, что я знал об иудаизме, христианстве и исламе и что вынес из своих экспериментов с буддизмом и поверхностного знакомства с индийской философией, я понял непреложность следующей истины: то, что доставляет удовольствие одному, другому причиняет страдания. Восприятие этого мира весьма относительно и зависит от нашего субъективного опыта. Поэтому Бог, который является Высшим Абсолютом, разным людям являет Себя по-разному. Все еще страдая от жжения во рту, я осознал, что лишь предвзятый и недалекий человек станет утверждать, будто есть только один путь, ведущий к Богу.

Близился вечер, и действие бханга и чили мало-помалу стало проходить. Вернувшись на Чанди-Чоук, я бесцельно бродил по шумному базару. Мне некуда было податься. Вдруг из толпы прохожих вышел человек и с радушной улыбкой направился ко мне. Узнав, что я прибыл издалека, чтобы познакомиться с обычаями его страны, он очень обрадовался и пригласил меня отобедать с ним в придорожном кафе. Наш столик стоял на улице, всего в нескольких сантиметрах от дороги. Пока я слушал рассказ своего собеседника об обычаях его семьи, на улице показалась белая корова. Она шла, то и дело тыкая мордой своего теленка. Их отношения были такими трогательными, а движения — такими величавыми. В их больших красивых глазах было столько невинности, что сердце мое растаяло. Морда коровы уткнулась

в теленка, и пока тот сосал молоко, корова нежно облизывала его. Потом она улеглась на землю прямо напротив нашего столика и принялась ласкать теленка. Мне еще никогда не доводилось видеть коров вблизи. До этого я видел их только издалека, когда проезжал по шоссе мимо пастбищ. И теперь я был поражен тем, насколько отношения этих животных напоминают отношения матери и ребенка.

К нам подбежал официант и шмякнул на стол тарелки с едой. Я был очень голоден, ведь за весь день у меня во рту не было ни крошки, не считая бханга и чили. Особенно истощил меня поединок со змеей. Поэтому я с жадностью набросился на угощение. В самый разгар обеда мой знакомый любезно предложил: «Мистер Ричард, Вы позволите мне рассказать Вам про эти блюда?»

«Да, конечно».

Указывая на каждое из них, он стал объяснять: «Это — *чавал*, рис. Вот эти лепешки называются *роти*. Овощное блюдо мы называем *сабджи*. Вон тот суп готовят из чечевицы, он называется *дал*. Это — соус, или *чатни*». Затем он указал на какие-то маленькие кусочки на блюде из риса: «А это — мясо».

Последние три слова взорвались у меня в голове, как бомба. Я посмотрел на мясо, а потом перевел взгляд на корову с теленком. И в этот момент корова потянулась ко мне и лизнула ногу. Сердце мое обливалось кровью. Как можно просто ради мяса убить такое прекрасное существо? Корова очень любит теленка, а этот невинный теленок любит корову. Получатся, что я, сам того не подозревая, соучаствую в убийстве. Почему мы так слепы и глухи к ужасам, творимым на скотобойнях? Как человечество стало таким жестоким к братьям нашим меньшим? Ведь они тоже дети Бога! Хотя мясо у меня в тарелке не было говядиной, я впервые увидел связь между тем, что я ем, и страданиями других живых существ. От одной мысли о том, что в Америке каждый день забивают тысячи коров, я утратил самообладание и расплакался.

Бедный мой знакомый! Он не знал, что и подумать: «Сэр, что-то случилось? Что так огорчило Вас?»

Но я едва смог вымолвить: «Благодарю Вас за все, сэр». Я встал из-за стола и поставил стул на место: «Прошу прощения, я плохо себя чувствую». Уходя, я погладил корову и теленка, и корова в ответ лизнула мне руку.

Я снова оказался на улице, не зная, куда направиться, и вдруг, посреди многотысячной толпы, я к величайшему своему удивлению увидел Рэмси и Джеффа. Они, еще сами того не замечая, шли прямо на меня. Радости моей не было границ, ведь я не виделся с ними с самого Кабула.

«Манк! Я глазам своим не верю, неужели это ты! — воскликнул Джефф. — Если бы ты знал, как я рад тебя видеть!»

«Приятель, — обрадовался Рэмси, — мы места себе не находили с того самого дня, как ты потерялся».

Мы обменялись рукопожатиями и обнялись. Теперь мы снова были вместе.

Друзья отвели меня на крышу дешевой гостиницы, где они остановились. Когда, лежа под звездным зимним небом на плетеной кровати, я погрузился в сон, мне приснилась та самая корова с теленком. Полными слез глазами они беспомощно смотрели на меня, в то время как мясник прямо передо мной безжалостно зарезал их. При виде этого из глубины моего сердца сама собой всплыла библейская заповедь: «Не убий!» В этот момент я очнулся и, чувствуя непреодолимый позыв к рвоте, бросился в туалет.

Туалет представлял собой простое углубление в крыше. Углубление окружали облупившиеся кирпичные стены, а сверху лежал лист алюминия. Внутри туалета царил крошечный мрак. Поскольку канализация в туалете отсутствовала, время от времени его выгребал *бханги*, уличный ассенизатор. Он перегружал лопатой содержимое ямы в ведро, ставил его на голову и выносил на улицу. Но в этом туалете ассенизатор, похоже, не появлялся уже очень давно. Эскременты возвышались из лужи мочи, как сталагмит. Оказавшись в туалете, словно в западне, я уже больше не мог сдерживать рвоту. Вокруг жужжали мухи, комары набросились на меня, и кто-то ползал у меня по ноге. Но мне не оставалось ничего другого, как, обливаясь холодным потом, судорожно делать рвотные движения. Все время перед моим мысленным взором стояли корова и теленок, глядевшие на меня невинными, добрыми глазами. В темном туалете на крыше гостиницы в Старом Дели я дал Богу еще один обет: я никогда больше не стану есть мясо.

Так завершился мой первый день в Индии.

На следующее утро Джефф и Рэмси предложили:
 «Раньше мы так хорошо путешествовали втроем. Давай и впредь держаться вместе».

«Да, мы вместе прошли через многое, — ответил я. — И стали роднее друг другу, чем братья. Я никогда не смогу отплатить вам за вашу дружбу и заботу. Но сейчас я хочу один отправиться в Гималаи и пожить там как отшельник. Пожалуйста, дайте мне свои благословения».

Первым заговорил Джефф. Он негромко произнес:

«Мы всё понимаем. Признаться, мы ждали от тебя подобного ответа».

Он положил свою могучую ладонь на мое хрупкое плечо: «Я желаю тебе найти то, что ты ищешь. Нам будет не хватать тебя».

По лицу Рэмси пробежала тень тревоги — ведь я был для него как младший брат. Его глаза предательски покраснели: «Как долго ты сможешь вести такую жизнь?» Но, видя мою непреклонность, он заставил себя улыбнуться и воскликнул с австралийским акцентом: «Мы отлично провели время вместе, приятель. Удачи тебе!»

При расставании Джефф протянул мне клочок бумаги. Развернув его, я прочитал: «Немного грустно, что пути наши в поисках себя разошлись. Но, видно, такова судьба. Я уверен, что в конце концов ты найдешь себя».

Холодным декабрьским утром, обдумывая предстоящее путешествие в Гималаи в поисках йогов и мудрецов, я случайно увидел на старинном здании викторианской эпохи объявление, которое сразу привлекло мое внимание. Оно гласило, что сегодня в 9 утра в Нью-Дели открывается «Международная конференция по йоге». В радостном предвкушении, я отправился туда. Организатором этого большого и престижного мероприятия был английский йог Кристофер Хиллз, известный своей любовью к Индии. Четырехдневная конференция проводилась для того, чтобы собрать как можно больше разных гуру и йогов, лам, пандитов и мудрецов и дать им возможность поделиться своей мудростью с людьми. Среди приглашенных на конференцию были даже те, кто провел несколько десятилетий в джунглях, в полном уединении, и теперь собирался выйти к человечеству. С утра до позднего вечера одновременно в семи местах были запланированы даршаны, духовные встречи. Позже я узнал, что на конференции присутствовало около восьмисот йогов. Я не мог поверить своей удаче.

В первый день в большом шатре я впервые встретился с одним из величайших учителей йоги — Шри Б.К.С. Айенгаром. Он очень доступно объяснял науку хатха-йоги, а в это время его ученики демонстрировали разные асаны — позы, помогающие достичь гармонии тела и ума. Один из учеников Б.К.С. Айенгара сидел с закинутыми за шею ногами. Другой держал равновесие, опираясь только на предплечья. Ноги его были брошены назад, а ступни касались головы. Третий неподвижно стоял на голове, а четвертый балансировал на одной ноге, выгнув спину и закинув другую ногу, так что она касалась его головы. Мальчик лет одиннадцати глотал длинную полоску ткани, а потом вытягивал ее обратно, очищая желудок. Другой мальчик чистил носоглотку, протягивая через ноздрю и рот тонкую нить.

Я был поражен, с какой легкостью дети могут выполнять подобные вещи, если опытный учитель обучает их этому с малых лет. В ходе занятия Шри Айенгар объяснял присутствующим пользу каждой из процедур. На меня произвели глубокое впечатление убежденность и сострадание, сквозившие в его речи. Явственно ощущалось его горячее желание поделиться со всем миром даром йоги. Тогда я еще не подозревал о том, что несколько лет спустя Шри Айенгар станет моим близким другом и неизменным доброжелателем.

Когда я выходил из шатра, ко мне подошел невысокий, сухопарый пожилой человек с обритой головой, в ярко-оранжевых одеждах. Это был буддистский монах из Юго-Восточной Азии. Широко улыбнувшись мне, он представился как Бхикку Вивекананда. Его поразило, что я, молодой американец, ишу Бога. С этого момента на протяжении всей конференции мы не расставались. У себя на родине, в Таиланде, Бхикку был духовным учителем нескольких тысяч монахов в одном из монастырей. Чтобы попасть на эту конференцию, он проделал долгий путь. Хотя Бхикку было почти шестьдесят лет, он был жизнерадостен и энергичен, как подросток. В промежутках между посещениями лекций и других событий конференции, он, говоря с приятным тайским акцентом, объяснял мне философию буддизма.

Именно на этой конференции я впервые увидел Свами Раму, который позже прославился как основатель Гималайского института. Это был высокий, облаченный в очень чистые одежды благородный мужчина с величественной походкой. Один его вид вызывал уважение. У него были бездонные черные глаза и зачесанные назад седые волосы, ниспадавшие до плеч. Мне хотелось узнать о нем побольше, впрочем, как и о многих других участниках конференции. Поэтому я не только расспросил его учеников, но и прочитал всю доступную информацию о нем.

Свами Рама родился в 1925 году в гималайской деревне. В раннем детстве он ушел из дома и стал жить в джунглях вместе с *риши*, святыми людьми. Низким голосом Свами Рама рассказывал, как его гуру велел ему нести древнюю мудрость гималайских мудрецов на Запад. «Делай все, что в твоих силах, — сказал ему духовный учитель, — но, если ты станешь тешить свое самолюбие или если у тебя появятся какие-то корыстные мотивы, тебе не видать успеха. Я даю

тебе такое благословение: если ты будешь самоотверженным, любящим и бескорыстным, то высшие силы будут помогать тебе, и всем твоим начинаниям будет сопутствовать успех».

Желая продемонстрировать всем могущество йоги, Свами Рама пригласил несколько американских врачей. Когда он погрузился в йогический транс, врачи подключили к его телу современные диагностические приборы. Свами Рама, в частности, показал, что может на 10 градусов увеличить температуру в заданной точке левой руки, замедлить пульс с семидесяти четырех до пятидесяти двух ударов в минуту всего за 50 секунд, а также по своему желанию генерировать разные формы мозговых волн, сознательно перемещать по комнате физические предметы и даже останавливать свое сердце. Выйдя из транса, Свами Рама пояснил: «Ум пронизывает все наше тело. Власть ума над материей достигается благодаря контролю над сознанием. Для этого не требуется больших знаний, но то, что вы знаете, нужно применять на практике». Сложив ладони, он добавил: «Я продемонстрировал это не для того, чтобы доказать, что я — сверхчеловек. Я просто хотел показать возможности науки йоги». После этого Свами Рама объяснил, что йога уходит корнями в глубокую древность и является величайшей из наук. В йоге нет места суевериям или сектантству, и с ее помощью можно достичь результатов, которые современные ученые не в состоянии объяснить. «Это наука, — сказал он, — благодаря которой человек обретает внутреннее просветление».

Свами Рама произвел на меня сильное впечатление. Когда я попросил у него благословение, он низким голосом произнес: «Главное для тебя на духовном пути — это общение со святыми». Он поднял руку, обратив ко мне раскрытую ладонь: «Благословения мудрецов помогут тебе преодолеть все препятствия на твоём пути».

Ночи я проводил прямо на земле под баньяновым деревом, которое росло возле конференц-центра. Утром меня будил своим клекотом ястреб. Он расправлял крылья в гнезде прямо над моей головой, а затем взмывал высоко в небо. Дожидаясь открытия центра, я медитировал на свежем воздухе, сидя под баньяном. Завершающий день конференции прошел в Вигьян Бхаване, самом крупном концертном зале Нью-Дели. Три тысячи человек собралось там, чтобы услышать наставления йогов и получить их благословения. Кристофер Хиллз,

организатор конференции, напомнил о том, какая это удача — находиться в присутствии стольких духовных учителей. А потом он неожиданно объявил, что программа должна завершиться ровно в семь вечера. (Мы не знали, что Хиллаза предупредили о фанатиках, которые должны были совершить покушение на него и других *свами* в восемь часов.) Но разве может мероприятие с участием стольких йогов и *свами* завершиться вовремя, да еще в Индии?!

Когда стало ясно, что не все успеют выступить со сцены, один из йогов вскочил и стал осыпать организаторов конференции оскорблениями. Кристофер старался успокоить собравшихся, но напряжение нарастало.

За несколько минут до назначенного времени Кристофер Хиллаз нервно взял микрофон, выдержал паузу и объявил, что конференция подошла к концу. Один из *свами*, закрывая конференцию, стал петь мантру «Ом» — божественный слог, помогающий нам привести сознание в гармонию с Богом. Такая пунктуальность возмутила некоторых учителей йоги, которым стало ясно, что они уже не успеют выступить. «Ом» еще звучал в воздухе, когда несколько йогов сцепились друг с другом в борьбе за микрофон. Одному из них удалось вырвать микрофон из рук другого, и он с горящими глазами стал возбужденно говорить что-то, словно политик перед избирателями. Зал ошеломленно наблюдал за схваткой йогов на сцене. И эти люди призваны вести мир к гармонии и согласию? Никто не знал, что делать в подобной ситуации.

Мы с Бхикку Вивеканандой только качали головами. Мои наивные ожидания были обмануты. Кристофер Хиллаз героически отобрал у йогов микрофон, выдернул шнур из розетки и исчез за кулисами. Так закончилась конференция.

Выйдя из бурлящего эмоциями концертного зала в безлюдный вестибюль, я натолкнулся на высокого худощавого человека в шафрановых одеждах. Длинные седые волосы и окладистая борода делали его похожим на древнего мудреца, как будто сопедшего со страниц священных писаний. Это был *Свами Сатчидананда*, ученик известного гималайского святого *Свами Шивананды*. Он поприветствовал меня веселой улыбкой и доброжелательным взглядом. *Свами* проповедовал древнюю науку йоги на Западе, и у него были

последователи по всему миру. Он прилагал много усилий к тому, чтобы объединить людей разных вероисповеданий на основе «общности духа». На первой же встрече с Папой Римским он высоко оценил его труды по объединению христиан во всем мире и тут же добавил: «Почему бы Вам теперь не попытаться объединить весь мир? Ради обретения духовной гармонии сблизиться должны не только христиане, но и люди всей Земли».

Приехав на легендарный рок-фестиваль в Вудстоке, Свами Сатчидананда за один вечер прославился на всю страну и удостоился титула «вудстокского гуру». Организаторы фестиваля попросили его выступить с приветственной речью на открытии фестиваля, рассчитывая, что он создаст атмосферу умиротворения. Прилетев на фестиваль на вертолете, Свами оказался лицом к лицу с сотнями тысяч хиппи и стал говорить им о том, что звук управляет Вселенной и Америка ведет за собой весь мир. Он убеждал американскую молодежь творить с помощью музыки мир и радость. «Чем бороться за мир во всем мире, — предложил он, — давайте сначала обретем мир и гармонию внутри себя».

На конференции я внимательно наблюдал за Свами Сатчиданандой, и меня впечатлило, с какой невозмутимостью и достоинством он вел себя во время описанного выше инцидента. Теперь он ласковым голосом обратился ко мне: «Я сожалею, что тебе пришлось стать свидетелем этой свары. Пожалуйста, постарайся понять одну истину: разные люди находятся на разных ступенях духовного развития. Далеко не все из тех, кто занимается йогой, достигли совершенства. Но если мы будем критиковать их за это, то совершим непростительную ошибку. Самое лучшее, что можно сделать, — это доверять людям с безупречными качествами и в то же время не прекращать самому заниматься йогой».

Свами был очень спокоен и умиротворен, и его неторопливая и уверенная манера говорить не оставила меня равнодушным. Он объяснил мне, что мы созданы для счастья, любви и света, но забыли об этом, потому что чрезмерно отождествляем себя с телом и умом: «Изначально мы были совершенны, но утратили свое совершенство. Так началось наше отождествление себя с несовершенной материей. Суть йоги и религии, — говорил он, — заключается в том, чтобы восстановить свою забытую духовную природу. Йога — это метод

очищения ради возвращения совершенства». Свами подчеркнул, что познать свою вечную природу можно, только преодолев склонность к эгоцентричности: «У всех наших проблем и всех наших беспокойств есть только одна причина — эгоизм». Метод восстановления своей духовной природы, которому он учил, носил название интегральной йоги и представлял собой синтез шести йогических школ. Свами Сатчидананда говорил о духовности очень простым, доступным языком, часто шутил, но при этом чувствовалось, что за его словами стоит глубокий опыт.

Я поблагодарил его и собрался уходить. Встав прямо, Свами сделал величественный жест художавой рукой и произнес: «Занимайся духовной практикой с искренностью и дисциплинированностью. Истинный йог должен являть собой образец безупречного поведения». Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и раскрыл ладонь, благословляя меня: «Ричард, ты уже проделал долгий путь. Я желаю тебе найти сокровище в своем сердце!»

Тем же вечером мы с Бхикку Вивеканандой посетили лекцию всемирно известного писателя и оратора Джидду Кришнамурти. Это было отдельное мероприятие, и оно проходило в большом шатре, *пандале*. Мы вошли туда и сели во втором ряду. Пандал быстро заполнялся людьми, и рядом с нами сел мужчина лет шестидесяти. Его звали Дилип. «Хотите, я расскажу вам о докторе Кришнамурти? — предложил он. — Это мой учитель».

«Конечно же», — ответили мы.

Дилип скрестил ноги, откинулся на спинку стула и начал свой рассказ. Кришнамурти родился в Южной Индии в 1895 году. Когда он был еще ребенком, на него обратил внимание известный ясно-видящий Чарльз Ледбитер. Ледбитер и Анни Безант, возглавлявшая в то время Теософское общество, провозгласили, что этот ребенок — «сосуд» того же Учителя Мира, который обращался к людям через Христа. Анни Безант помогла юноше получить образование в Англии и стала возить его по всему свету. Тысячи людей принимали его как нового Мессию и вступали в организовавшийся вокруг него Орден Звезды. В двадцать семь лет Кришнамурти официально принял титул просветленного учителя. К тому времени ему поклонялось уже более шестидесяти тысяч членов ордена.

Дилип наклонился к нам: «Но в 1929 году он отказался от положения Учителя, распустил свое религиозное движение и...»

Внезапно все поднялись, приветствуя появившегося на сцене Кришнамурти. Это был безукоризненно одетый семидесятипятилетний старец, невысокий и худощавый. На нем был жакет в стиле Неру и широкие брюки. Его чисто выбритое лицо покрывали старческие морщины, а седые волосы делали его похожим на ученого. Он учтиво приветствовал собравшихся на великолепном английском. Глаза его лучились энтузиазмом и доброжелательностью.

Впрочем, довольно скоро он перешел к революционным призывам: «В Индии слишком много гуру. Они диктуют нам, что делать, о чем думать и чем заниматься. Они — диктаторы». Люди затаили дыхание, слушая его. «Истина — это неизведанная страна, а йога, с ее дыхательными и гимнастическими упражнениями, — всего лишь психосоматическая акробатика. Ашрамы и монастыри — концентрационные лагеря для ума». Он сделал паузу и посмотрел прямо на меня: «И если у вас сложилась какая-то система медитации, то это уже не медитация, а полная бессмыслица и напрасная трата времени».

Кришнамурти рассказал такую притчу. Однажды дьявол прогуливался со своим другом. Перед ними по дороге шел человек. Вдруг он нагнулся и подобрал с дороги какой-то блестящий предмет. Друг повернулся к дьяволу и спросил, что это было. Дьявол ответил:

«Он нашел истину».

«Плохи твои дела!»

«Вовсе нет, — спокойно отвечал дьявол. — Я помогу ему привести истину в упорядоченный вид».

Желая подчеркнуть свою следующую мысль, Кришнамурти закрыл глаза и специально стал говорить медленно, делая ударение на каждом слове:

«Мы должны произвести переворот в самих себе. Но как это сделать, когда в нашей жизни столько наносного? Мы проводим годы на работе и влачим бессмысленное, пустое существование...»

Он наклонился вперед: «Никакая организация и никакая религия не принесут вам просветления. Вы не обретете его ни с помощью каких-то догм, ни благодаря священнослужителям или ритуалам, ни изучением философии или психологических практик.

Просветление нужно искать в собственном уме, наблюдая за его работой. Оно приходит благодаря созерцанию, а не благодаря интеллектуальному анализу или логическим умозаключениям».

Я с содроганием думал о том, какое впечатление эта лекция произведет на моего друга Бхикку Вивекананду. Ведь он был гуру для многих тысяч монахов, которые жили в монастыре с четкой структурой и распорядком и учились у него медитации и ритуалам. Я нагнулся к нему и прошептал: «Бхикку, он отрицает все, чему Вы посвятили свою жизнь. Каково Вам слышать это?»

Бхикку удивился моему вопросу, широко раскрыл глаза и воскликнул: «Он все говорит правильно!»

Озадаченный, я спросил: «И что же Вы теперь собираетесь делать, Бхикку?»

Он вдруг стал очень серьезным: «Мне нужно хорошенько обдумать услышанное».

В последующие дни мы посетили еще несколько лекций Кришнамурти, на которых он демонстрировал поразительную убежденность и железную логику. Он славился как человек, который способен ответить на любой вопрос и опровергнуть любой аргумент, но при этом в личном общении оставался мягким, добрым и остроумным человеком. Я задумался над его учением. Писания Востока изобилуют примерами просветленных святых, которые неукоснительно следовали заповедям своей религии и наставлениям своего гуру. Как можно отринуть все это просто потому, что так сказал Кришнамурти? При этом во мне нашла горячий отклик его мысль о том, что духовная жизнь не приемлет поверхностного отношения. Мы должны быть готовы взять на себя ответственность. И если мы чересчур увлечемся внешней стороной духовной жизни, то можем забыть о ее главном предназначении — очищении сердца.

Позже, сидя с Бхикку под тенью дерева *питал*, я спросил, принял ли он решение о том, что делать дальше. Бхикку провел пальцем по краю своей кружки для подаяний.

«Да, Ричард, — ответил он. — Я вернусь в свой монастырь в Таиланде».

«Неужели? — удивился я. — А я думал, Вы станете последователем Кришнамурти».

Бхикку задумчиво посмотрел вдаль, а потом вдруг сказал:

«Да, я последую наставлениям мистера Кришнамурти, — на его губах заиграла озорная мальчишеская улыбка. — Хочешь знать, как?»

«Конечно!»

«Я отвергну учение учителя, который призывает отвергать всех учителей и их учения», — шутливо ответил он со свойственным ему приятным тайским акцентом.

В тот же день я простился с Бхикку Вивеканандой и пошел пешком на Коннот-плейс, деловой центр Дели. Там я сел под деревом *ашока* и написал письмо в Америку своим родным:

*У меня нет слов, чтобы описать, какое
влияние оказывает на меня Индия.
Этим все сказано. Я люблю вас всем сердцем
и молюсь о вашем благополучии.*

*Ричард,
Нью-Дели, Индия,
декабрь 1970 г.*

Коннот-плейс, построенный по английскому проекту, представлял собой улицу в виде кольца, в центре которого был разбит просторный парк. Прогуливаясь по одной из прилегающих улиц, я заметил объявление, написанное от руки: «Религиозная живопись. С. С. Бриджабаси и сыновья». Под ней на тротуаре лежали стопки репродукций размером с лист писчей бумаги. Мне стало интересно, и я решил подойти поближе. Картины, изображающие каких-то неведомых мне божественных персонажей, выглядели необычно, но очень красиво. Они напоминали окна в волшебный мир ярких красок и мистики. Мне захотелось купить какую-нибудь репродукцию для медитации. Заглянув в сумку, я обнаружил, что оставшейся у меня мелочи едва хватит на одну картину. Целый час я сидел на корточках и рассматривал их. Одна изображала восседающую на льве красавицу с восемью руками, в которых она держала меч, секиру, копьё и другие виды оружия. На другой верхом на мыши

ехал какой-то сказочный персонаж с головой слона и большим животом. Перебирая картины, я встретил еще одну, привлекающую мое внимание. На ней был изображен возлежащий на многоголовом змее прекрасный юноша с телом синеватого цвета. Каждая из четырех его рук была украшена драгоценностями. На следующей картине был изображен умиротворенный йог, погруженный в медитацию. Его руки и ноги были обвиты змеями, голову украшал полумесяц, а с волос текла струя воды. Затем моему взору предстал героический юноша с копьем в руке, оседавший павлина. Еще одна картина изображала могучую обезьяну в короне, с глазами, издававшими преданность. Обезьяна с улыбкой летела по небу, легко неся на ладони целую гору. Я рассматривал картины одну за другой, пока не наткнулся на многорукую фигуру с дюжиной голов, каждая из которых была не похожа на другую. Ужасающего вида люди летели в его разверстые пылающие рты и исчезали в них. Стиль этих картин был очень необычен, а изображенные на них персонажи выглядели совершенно невероятно. Откуда они взялись, из каких сказок и мифов? Этого я не знал. Но было очевидно, что художник писал эти картины по вдохновению свыше. Я растерялся, не зная, какую выбрать.

И вдруг в стопке картин попала одна, персонаж которой понравился мне больше всех. У него была кожа голубого цвета, а его корону украшало павлинье перо. Изящно изогнувшись, он стоял в лесу на берегу реки и играл на флейте, и на него с любовью смотрела стоявшая рядом белая корова. Полная луна заливала очарованный лес жемчужным светом. Неожиданно глаза мои наполнились слезами. Неизвестный юноша, изображенный на этой картине, казалось, проник в мою душу. Что случилось со мной? Я чувствовал, как он зовет меня. Но разве такое может быть? Ведь это всего лишь картина, изображающая мифического героя, о котором я ровным счетом ничего не знаю. Его имя было написано внизу древним, незнакомым мне шрифтом.

Я отдал продавцу свои последние деньги. Их оказалось недостаточно, но продавец улыбнулся и протянул мне эту репродукцию, с которой я не расставался до самого конца своего путешествия. Кто же изображен на ней? Ответ на этот вопрос мне суждено было узнать еще нескоро.

Близился к концу 1970 год. Мне только что исполнилось двадцать, и мечты о Гималаях манили меня на север. Я не знал о Гималаях почти ничего, кроме того, что в этих горах живет много великих мудрецов и святых людей. Мне не терпелось встретиться с ними и изучить под их руководством духовную науку. Я был в таком восторге от того, что нахожусь в Индии и стою на пороге великих открытий, что мне даже некогда было скучать по своим родным. Они не знали, куда писать мне, поэтому в Индии я еще не получал от них писем. Тем не менее, прежде чем предпринять путешествие в Гималаи, я отправил домой в далекую Америку такое письмо:

Дорогие мои!

Сегодня я выезжаю из Дели в горы, чтобы погрузиться в изучение духовной науки. Я не знаю, будет ли у меня возможность часто писать оттуда.

Пожалуйста, не волнуйтесь, если от меня какое-то время не будет писем. Разве может со мной что-то случиться, если со мной Бог?

*Люблю вас и помню,
Ричард*

В вагоне третьего класса я бесплатно доехал до Харидвара, откуда намеревался отправиться в Ришикеш, священный город в Гималаях, славящийся своими многочисленными ашрамами. Пока паровоз, натужно пыхтя, полз вперед, оставив позади Дели, скрывшийся из виду в клубах черного дыма, я смотрел из окна вагона на восходящее солнце и молился о том, чтобы паломничество в Гималаи открыло новую страницу моих духовных поисков.

Через несколько часов я прибыл в Харидвар, священный город на берегу Ганги, расположенный приблизительно в двухстах пятидесяти километрах к северо-западу от Нью-Дели. Оставшиеся тридцать километров до Ришикеша я прошел пешком. К тому времени я уже проглотил несколько книг, живописующих духовное величие Гималаев, и мечтал попасть туда. Теперь моя мечта наконец сбылась.

Первая встреча с гималайскими предгорьями взволновала меня до глубины души. Подножье гор покрывал густой лес, и каждое дерево, казалось, излучало умиротворение. В одиночестве шел я по лесной тропинке, охваченный радостным предвкушением. И вдруг моему взору предстала река, один вид которой вызвал у меня целую бурю эмоций. Это была Ганга. Я побежал к ней и опустил ладони в ее прохладные, стремительные голубые воды. Все тело мое трепетало от восторга.

Проведя на берегу Ганги около часа, я пошел вдоль берега и вышел к «Миссии божественной жизни» — ашраму известного гималайского святого Свами Шивананды. Этот ашрам служил его штаб-квартирой и местом медитации. Свами Шивананда был духовным учителем Свами Сатчидананды, того самого «вудстокского гуру», которого я видел на конференции в Дели. Многочисленные книги Шивананды, его гуманитарная деятельность и безукоризненный личный пример принесли ему широкую известность. К этому времени я уже успел прочитать некоторые его труды и потому был очень рад оказаться в его ашраме. Зайдя в ашрам и побеседовав с последователями Свами Шивананды, я узнал, что он, прежде чем покинуть этот мир в 1963 году, оставил своим преемником Свами Чидананду Сарасвати, одного из самых выдающихся своих учеников. В данный момент тот как раз находился здесь. Я провел в ашраме несколько дней, и за это время успел пропитаться царящей там атмосферой умиротворения и покоя. Мне рассказали, что «Миссия божественной жизни» имеет ашрамы по всей Индии и что их содержат состоятельные члены «Миссии» из числа бизнесменов и коммерсантов. На четвертый день пребывания в ашраме я попросил о встрече со Свами Чиданандой, и меня проводили к нему. Его комната была очень простой, а сам Свами оказался необыкновенно дружелюбным, почтительным и скромным. Он пригласил меня сесть рядом с ним на полу.

Свами Чидананда, как рассказали мне его ученики, родился в 1916 году в Южной Индии. Он был старшим сыном очень богатого землевладельца. В двадцатилетнем возрасте Свами почувствовал потребность отречься от мира и отказаться от материальных удобств ради служения Богу. Он стал помогать прокаженным: сам ухаживал за ними и строил для них хижины на просторных лужайках своего имения. В 1943 году он покинул отчий дом и поселился в ашраме Свами Шивананды в Ришикеше, где вскоре прославился как блестящий оратор.

Я посещал его лекции каждое утро. Свами был худощав, ходил с обритой головой и носил одежду шафранового цвета. Он пользовался большим уважением не только среди гималайских аскетов, но и у искателей истины с Запада. Сидя в йоговской позе, Свами читал лекцию на хорошем английском, сопровождая речь выразительными жестами. «Жизнь предназначена для осознания Бога, — подчеркивал он. — Если вы умрете, так и не осознав Бога, это значит, что ваша жизнь прошла впустую, и вы неправильно распорядились полученным от Бога бесценным даром человеческой жизни».

Он затронул распространенную проблему, с которой сталкиваются люди, занимающиеся самыми разными духовными практиками: они медитируют утром и вечером, но днем — в своей повседневной жизни — ведут себя подчас очень мелко и эгоистично. Свами с уверенностью утверждал, что это сводит на нет все результаты их многочасовой медитации.

Он особенно подчеркивал важность развития в себе добродетелей как основы духовного роста. Свами приводил такое сравнение: чтобы сделать почву плодородной и пригодной к возделыванию, надо удалить сорняки, колючки и камни. Он учил нас, что в течение дня мы должны жертвовать собой ради других. Мораль и этика — вот корень древа йоги.

Он подчеркивал, как важна для ученика непоколебимая вера в то, что познать Бога в этот век можно с помощью *джапы* — повторения святых имен Бога. «Вы должны регулярно повторять имя Господа, пока не достигнете такого состояния, когда джапа будет звучать в вашем уме непрерывно, независимо то того, сидите вы или стоите, едите или пьете, гуляете или работаете, бодрствуете или спите».

Я не знал, как повторяют имя Бога, но слова Свами Чидананды запали мне в сердце. Вечером, когда мы сидели с ним на полу его освещенной светильником комнаты, окна которой выходили на Гангу и гималайскую долину, Свами вдруг стал описывать мне подробности моего путешествия. Он делал это с поразительной точностью и даже произнес вслух мои самые сокровенные мысли. Он рассказал мне, как я оставил родительский дом и почувствовал непреодолимое желание попасть в Индию, как в дороге я рисковал жизнью, чтобы добраться до этих мест. Хотя я никогда не рассказывал ему об этом, ему было все известно и так. Он щедро проливал на меня свои благословения, а я просто сидел, не в силах вымолвить ни слова. Я понимал, что очень редко можно встретить человека, обладающего таким могуществом и славой, но при этом остающегося таким простым и сердечным.

Чувствуя потребность побыть одному и заняться собственным очищением, я поблагодарил Свами Чидананду и покинул ашрам. На следующее утро, сидя на берегу Ганги, я написал матери такое письмо.

Любимая мама!

Я пишу тебе из Ришикеша, священного города на берегу Ганги. Мне кажется, что в царящей здесь атмосфере умиротворения и покоя можно научиться очень многому. Я занимаюсь здесь тем, чем и подобает заниматься в святом месте, хотя мне было бы непросто объяснить тебе, что именно я делал все это время. Я приехал сюда не как турист или экскурсант. Здесь я ищущу собственную душу. Жизнь на Востоке разительно отличается от всего, к чему привыкли жители Америки и Европы. Здесь всё другое. Я пока не знаю, когда вернусь, но одно могу сказать точно: я очень скучаю по всем вам и по своим друзьям и с нетерпением жду встречи с вами. Но ты должна понять, что прежде мне нужно выполнить то, ради чего я приехал на Восток, — постичь истинный смысл жизни.

Твой любящий сын,

Ричард

Индия, Гималаи, Ришикеш, январь 1971 г.

Я сел в переполненную лодку, которая переправляла пассажиров на восточный берег Ганги. Рядом с лодкой, в переливающемся на солнце речном потоке, плавало множество крупных рыб. Прохладный ветерок обдувал мне лицо, и я пил его глубокими глотками, вслушиваясь в доносящийся с берега гипнотизирующий речитатив — это ученики в ашрамах декламировали священные гимны Вед. Оказавшись на другом берегу, я в одиночестве побрел вдоль реки на юг в поисках укромного места. Найдя подходящее место, я сел и погрузился в размышления. У меня было такое ощущение, что я оказался не просто в другой стране, а за миллионы километров от того мира, который знал раньше. Через несколько часов меня вывел из медитации звук чьих-то шагов. Я открыл глаза. Ко мне, сосредоточенно глядя перед собой, медленно шел святой человек. Кожа его имела золотистый оттенок, у него была седая борода и волосы до плеч. Он был облачен в развевающиеся на ветру одежды и излучал умиротворение.

Я встал, приветствуя его. Подняв на меня свои большие добрые глаза, он произнес:

«Ты не знаешь, кто я, но я тебя знаю. Я видел, как велика твоя решимость. А сейчас подари свою одежду Ганге, и я вручу тебе одеяние *садху*».

«Что такое *садху*?» — спросил я.

«*Садху* — это странствующий отшельник, отказавшийся от мирских привязанностей ради божественной жизни. Иными словами, *садху* — это монах».

На берегу священной реки он дал мне два куска тонкой белой хлопчатобумажной ткани и показал, как правильно обматывать их вокруг талии (это называлось *лунги*) и торса (эта часть называлась *чадар*).

Еще он дал мне набедренную повязку, или *каутину*, состоящую из двух кусков хлопковой ткани. Польщенный этими дарами, я опустил свою западную одежду в стремительные волны реки и вознес Богу молитву. Моя водолазка и джинсы исчезли в воде навсегда.

На прощание святой прошептал мне на ухо фразу, поразившую меня: «Отныне твоей матерью будет Ганга. В свой срок она сама покажет тебе это». С учетом того, что я только что написал письмо матери, его слова прозвучали как волшебный ответ.

Несколько дней спустя я пришел в Веда-Никетан — небольшой уединенный одноэтажный ашрам с дюжиной простых и скромных комнат. Обитатели ашрама, как и многие из тех, кого я тогда встречал, готовились к Кумбха-меле, самому большому религиозному празднику в Индии. Когда я услышал, что на празднике ожидается двадцать миллионов человек, я решил не участвовать в этом. В лесу недалеко от Веда-Никетана я нашел пещеру и поселился в ней. Каждое утро на рассвете я садился на берегу Ганги и всматривался в ее стремительно текущие воды. Ширина реки в этом месте достигала сотни метров, и берег был усыпан мягким серебристым песком и россыпями гладких камней. Переливаясь разными цветами, камни всевозможных размеров — от мелкой гальки до огромных валунов — напоминали сказочные драгоценные украшения. Понимая, что я недостоин сокровищ, к которым стремлюсь, я ощущал настоящую потребность в очищении. Поэтому я решил каждый день в течение месяца с восхода и до заката молиться и соблюдать обет молчания. Я помолился о том, чтобы Бог указал мне подходящее для этого место и вдруг заметил в реке прямо перед собой гряду камней. Она образовывала нерукотворный мост к большому плоскому валуну, расположенному посреди Ганги метрах в десяти от берега. Этот камень и стал моим местом для медитации. Я садился на него и сидел весь день, окруженный со всех сторон могучим потоком Ганги. Это захватывающее зрелище помогало мне ощутить собственную ничтожность. В сумерках, по дороге в пещеру, я проходил мимо старика, который сидел на земле и продавал мелкую морковь, разложенную на куске старой мешковины. Видя меня, старик протягивал мне одну морковку. Я дал обет, что вода из Ганги и одна морковка в день будут моей единственной пищей в ближайшие тридцать дней.

Всю светлую часть суток я в полном одиночестве проводил на камне, повернувшись лицом навстречу течению. На противоположном берегу, по левую руку от меня, иногда можно было видеть какого-нибудь медитирующего йога. Справа простирались живописные предгорья Гималаев. Вершина ближайшей ко мне горы очертаньями напоминала сердце. Для меня она олицетворяла сердце Бога. Я часами смотрел на нее и думал о том, как безгранично сердце Бога, дарующее прибежище всем живым существам,

как оно величественно и прекрасно. При восхождении на гору мы оставляем позади равнину, и точно так же, если мы хотим совершить восхождение к сердцу Господа, нам нужно оставить позади все мешающие нам мирские привязанности. Искренняя духовная практика — это подъем в гору, и сколько бы трудностей ни возникало на этом пути, мы должны упорно идти вперед и не терять надежду. Гора сама поддерживает того, кто восходит на нее. Так и Господь, если мы искренни, непременно поможет нам достичь Его любящего сердца.

Вокруг меня со всех сторон раскинулась Ганга в своем зимнем наряде из сверкающих волн. Ее воды вздымались и бурлили, словно опьяненные ее же красотой. Ни один художник не в состоянии передать всю красоту хотя бы одного мгновения этого бесконечного великолепия. Река творила шедевр за шедевром и тут же уничтожала их. Я извлек из этого важный урок: все прекрасные явления этого мира преходящи. Здесь нет ничего постоянного. С каждым мгновением окружающая нас природа претерпевает изменения. Мать-Ганга, как и природа в целом, вечна, однако век ее творений недолог. Точно так же неумолимо разрушается все то, чем мы дорожим в этом мире. Нам не удастся ничего сохранить навсегда. Но если мы сумеем оценить красоту глубинного течения истины, то под бушующими на поверхности волнами радости и горя нам откроется совершенно иная реальность. Я сидел посреди реки, словно ее прилежный ученик. Ганга берет начало высоко в Гималаях и неостановимо течет к океану. На пути ей встречаются многочисленные препятствия — поваленные деревья, огромные камни и даже скалы, но ничто не в силах остановить ее течение. Она легко преодолевает все преграды, протекая над ними, под ними или обтекая их. Мать-Ганга учит нас, что, если мы хотим достичь успеха, нам нужно так же упорно стремиться к поставленной цели, невзирая на неизбежные препятствия, которые, как камни, пытаются преградить путь течению реки жизни. Мы должны огибать их и никогда не сдаваться. Бог поможет найти выход из любой ситуации.

Сидя на камне, я представлял себе, что вижу перед собой не просто речной поток, а реку жизни. Когда находишься в водовороте, трудно избежать его влияния, но если сидеть на берегу, то можно наблюдать за течением со стороны. Так мать-Ганга

показала мне, что, если научиться отходить в сторону от своего эго, беспокойного ума, чувств и окружающего мира и вглядываться в поток жизни, можно обрести подлинную мудрость. На закате я возвращался в свою лесную пещеру и там размышлял над открытиями, которые мне подарил этот день.

Однажды я задумался об истории этого края, насчитывающей многие миллионы лет. Когда-то здесь процветала духовная цивилизация *ариев*. Затем эти земли ненадолго покорил Александр Македонский. После него в Северную Индию вторглись мусульманские завоеватели и правили ею несколько столетий, пока их не изгнали англичане. А тех, в свою очередь, изгнало из Индии национально-освободительное движение во главе с Махатмой Ганди и Субхашем Чандрой Боузом. Свобода и рабство, война и мир, политические победы и поражения сменяли друг друга, подобно временам года. Но неподвластная времени мать-Ганга невозмутимо несла свои воды к океану. Истина тоже всегда остается неизменной. Какие бы драматические события ни происходили в этом мире, ничто не может нарушить течения истины.

Мимо меня по реке проплывали листья, цветы, вбурванные с корнями деревья и даже трупы людей и животных. Любой из этих предметов, размышлял я, может достичь океана, если будет держаться стремнины. Однако со временем многие из этих вещей течение выбросит на берег, и их движение вперед прекратится. Духовный путь и духовного учителя можно сравнить с потоком воды в Ганге, а предметы, плывущие по ней, можно уподобить ученикам. Если ученик с верой отдастся потоку духовного учения, его волны принесут ученика в океан духовной истины. Однако на берегах реки ученика подстерегают многочисленные соблазны. В поисках комфорта и счастья некоторые ученики выходят из потока, несущего их к заветной цели. Далеко не все искатели истины остаются верными ей, однако те, кому посчастливится остаться в потоке, в конце концов достигают океана просветления. Снова и снова я задавался вопросом: *Кто мои учителя? Смогу ли я остаться верным истине?*

Ранним утром, за несколько минут до восхода, я смотрел на Гангу, неустанно несущую свои воды, и мысленно рисовал себе весь ее путь от истока до устья. Океан звал, и каждая капля воды в потоке упорно стремилась к нему, своей конечной цели,

находящейся пока еще так далеко. *Мать-Ганга учит меня терпению и настойчивости, которые необходимы мне, чтобы всегда следовать зову своего сердца.*

Ни на мгновение я не переставал думать о том, что же заставило меня отказаться от многообещающего будущего и в одиночестве медитировать на камне посреди Ганги, добровольно соблюдая строгий пост. К чему были эти крайности, присущие разве что одержимым? Но уже в то время мне было ясно, что не я сам сделал этот выбор. Я чувствовал таинственную руку судьбы, незримо подталкивающую меня вперед.

Одним прохладным зимним днем, когда я сидел в медитации, нежные мелодии губной гармонике зазвучали в моей голове, отодвинув все остальное на задний план. Мое внимание полностью переключилось на эту воображаемую музыку. На подмостках моего ума шел концерт за концертом. Вдруг меня охватила тоска по моей любимой гармонике, на которой я не играл с тех самых пор, как приехал в Индию. Каждый день, с восхода солнца и до заката, я проводил на облюбованном мною камне. Но сегодня все было иначе. Повинуясь непреодолимому порыву, я ушел с берега реки в пещеру, чтобы поиграть на гармонике.

Стоило мне поднести ее к губам, как со мной произошло что-то необычное. Неведомая сила заставила меня вернуться к реке. При этом мое желание сыграть на любимом инструменте росло с каждым шагом. Преодолев вброд бурные воды Ганги, я взобрался на свой камень и, как и прежде, сел на его прохладную шероховатую поверхность. Но сегодня у меня в руках была гармоника, и мое сердце переполняло такое сильное чувство любви, что от него трепетало все тело. Разве может обычный музыкальный инструмент из металла и дерева вызвать такие чувства? Эта гармоника была моим самым близким другом, ей я изливал свои самые сокровенные чувства. Мы были так близки, что я шептал ей свои тайны, о которых, кроме меня, знал лишь Господь. А гармоника перекладывала мои радости, печали и мечты на ноты сладостных мелодий. Со временем мы так сыгрались, что наш дуэт звучал как неповторимый диалог исполнителя и инструмента. Во многом мы походили на двух влюбленных.

И теперь, словно ревнуя меня, гармоника требовала к себе внимания. Я задумался, этого ли я хочу от своей жизни? Я посмотрел на далекие горные вершины, и тихая печаль коснулась моего сердца. Я понял, что верная спутница превратилась в препятствие на моем пути. Стоя на камне, я долго всматривался в глубокие синие воды Ганги. Потом я перевел взгляд на свою гармонику, понимая, что другой такой не найду нигде. Расчувствовавшись, я обратился к своей неизменной спутнице, на этот раз со словами: «Дорогая моя, спасибо тебе за то, что ты всегда была со мной. Когда мне было больно и одиноко, в тебе я черпал утешение и отраду. Как терпеливо ты выслушивала мои откровения и слагала из слов, которые я не мог произнести, мелодии, волновавшие сердца людей». Сказав это, я расплакался.

Затем я снова обратил взор к священной реке и взмолился: «О мать-Ганга, отдавая тебе самое дорогое, я хочу тем самым вручить Богу свое недостойное сердце. Пожалуйста, прими мое подношение».

Обеими руками я прижал гармонику к сердцу, а затем с размаху кинул в воду. Описав в воздухе дугу, словно в замедленной съемке, она упала в реку. От прощального всплеска сердце мое сжалось — моя верная спутница навсегда скрылась в водах Ганги.

Свои самые ценные дары жизнь порой преподносит нам весьма неожиданным образом. Одни называют это случайностью, другие — *кармой*, или судьбой, а третьи полагают, что это вмешательство Самого Бога. Однажды днем, когда шум течения Ганги отвлек меня от медитации, мне вдруг показалось, что ее могучие и в то же время ласковые волны поют гимн мудрости и любви. Очарованный этой сладостной песней, я сидел и непроизвольно вслушивался в нее. С тех пор, с утра и до вечера, я просто сидел и слушал песню реки. Это стало моей ежедневной медитацией.

Несколькими днями позже я сидел на прохладном зимнем ветру и смотрел на гималайское небо. По безбрежному сапфировому небосводу плыли ватные молочно-белые облака. А прямо подо мной бурлил и пенился речной поток. Шум реки звучал симфонией, освобождавшей меня из рабства моих мыслей. В песне реки мне слышались тысячи божественных голосов, поющих в унисон священный слог «Ом». Этот звук пленял меня.

На закате следующего дня я наблюдал за золотистыми зимними облаками, плывущими по глубокому синему небу. Багряные горные вершины казались живыми, и я готов был поклясться, что они дышат. Белые журавли, черные стрижи, зеленые попугаи и птицы с ярко-синим, красным и оранжевым оперением парили в небе, и каждая птица пела свою неповторимую сладостную песнь. Не считая птичьих голосов, в тот вечер долина Ганги была погружена в какое-то необыкновенное, мистическое безмолвие. Я размышлял о том, как мало у меня забрал Господь и как много Он дал мне взамен. Я понял, что чем более недостойным Божьей милости считает себя человек, тем больше благодарности он испытывает, обретая эту милость. Именно благодарность подготавливает наше сердце к тому, чтобы получить милость Господа. Закрыв глаза, я вновь погрузился в слушание песни реки — бесконечного звучания слога «Ом». Это было волшебное ощущение. Я вдруг понял, что сейчас должно случиться что-то необычное. И тут я услышал звуки, которые, казалось, доносились из самого сердца матери-Ганги. Многотысячный хор божественных созданий пел медленную чарующую песню, и эхо ее разносилось по всей долине:

*Харе Кришна, Харе Кришна
Кришна Кришна, Харе Харе
Харе Рама, Харе Рама
Рама Рама, Харе Харе.*

Я почувствовал, что голосом реки Сам Бог прошептал мне в ухо эту чудесную мантру. Это напоминало какой-то таинственный ритуал посвящения, который возвысил меня и приблизил меня к цели. Сердце мое преисполнилось благодарности, и я громко подхватил эти слова вслед за рекой, невольно нарушив данный мною обет молчания. Никакие мирские наслаждения не сравнятся с тем, что испытал я тогда. Я не понимал смысл этой песни, но она уже покорила мое сердце. Что она означает? Я рассудил, что, как и в случае с изображением синегокожего юноши, эта тайна сама откроется мне в должный срок. Пожертвовав песней своей гармоникой, я получил взамен песнь Ганги.

Прошел месяц, и я с нетерпением ожидал того момента, когда смогу прервать пост. Вспомнив, что в лавке у рестораника «Чхоти Валла» в Сваргашраме продают арахис, я направился туда с одной рупией, которую мне пожертвовал какой-то паломник. В то время одна рупия была равна примерно двенадцати американским центам, и я рассчитывал купить на эти деньги пригоршню орехов. Но, когда владелец лавки увидел рупию, глаза его заблестели. Он ловко свернул из старых газет огромный кулек и доверху насыпал в него арахиса. «Ну, сегодня у меня будет пир!» — обрадовался я и направился по тропинке через джунгли к себе в пещеру.

Углубившись в лес, я вдруг лицом к лицу столкнулся с огромной коричневой обезьяной, которая грозно преградила мне путь, словно сборщик податей. Страшно рыча и скаля зубы, обезьяна своими пронзительными зелеными глазами оценивающе разглядывала меня, свою жертву. Под ее густой коричневой шерстью угрожающе перекачивались мускулы. У обезьяны была розовая морда, вся в шрамах от схваток, узловатые розовые пальцы и лоснящиеся ярко-розовые ягодичы. Вдруг она прыгнула на меня, одним движением вырвала из моих рук кулек с орехами и, больно пнув в грудь, бросилась наутек. От удара у меня перехватило дыхание. Придя в себя, я стал улыбаться: животное с кульком вожделенного арахиса скрылось в джунглях, унеся с собой мою надежду прервать пост. Впрочем, на земле осталось несколько орехов, просыпавшихся во время схватки. *Ну и ладно, — подумал я, — этого как раз хватит, чтобы выйти из поста.* Но стоило мне наклониться за ними, как еще одна обезьяна спрыгнула с дерева, быстро подобрала все орехи и скрылась. Мне не досталось ни одного ореха.

Я шел к себе в пещеру, и в животе у меня громко урчало. По сравнению с бесценным сокровищем духовного опыта, любые материальные приобретения так же ничтожны, как этот арахис, — думал я по дороге.

*Из-за нескольких жалких орешков люди
обманывают друг друга, плачут и умирают.
Они готовы ссориться и воевать друг с другом
за горстку арахиса. Но чья-то жадность или
неумолимое время в любой момент может, как
эта обезьяна, отобрать у нас вожаделенные орехи.*

На следующее утро я пешком отправился вдоль берега Ганги на другой конец Ришикеша. Поднявшись в гору, я добрался до Шанкарачарья-Нагара — ашрама Махариши Махеш Йоги. Тропинки, проложенные между вековыми деревьями, душистыми кустарниками и цветущими лианами, вели к простым хижинам для занятий медитацией. Пройдя дальше, я оказался на краю высокого утеса, с которого открывался великолепный вид на Гангу. Прямо над обрывом стоял простой домик самого Махариши. Зайдя внутрь, я очутился в комнате с алтарем, украшенным цветами. На алтаре стояла фотография духовного учителя Махариши, Брахмананды Сарасвати, сидящего на тигровой шкуре. У него был высокий лоб, белая борода и зачесанные назад длинные седые волосы. Он был знаменитым йогом и удостоился чести занять пустовавший до него в течение полутора веков пост Шанкарачарья Джьотирматха. С поправкой на местные реалии, это положение можно сравнить с положением Папы Римского.

Каждое утро и вечер жители ашрама собирались в домике Махариши, чтобы петь мантры и проводить ему пуджу, а завершались такие встречи совместной медитацией. Мне сказали, что сам Махариши предпочитает медитировать в подвале дома. Несколько учеников Махариши провели меня в маленькую темную келью под землей. Эта прохладная тихая келья стала моим излюбленным местом для медитации. Царившая в ней атмосфера мира и покоя быстро завладевала мной и позволяла явственно ощущать присутствие Махариши.

Махариши родился в 1917 году в центральной Индии и окончил физический факультет Аллахабадского университета. В течение тринадцати лет он служил своему гуру, Брахмананде Сарасвати, в качестве секретаря. Перед тем как покинуть этот мир, гуру сказал Махариши: «Я научил тебя методу духовного совершенствования, предназначенному для семейных людей. За минувшие века это знание было искажено и вовсе забыто. Не беспокойся о том, где взять деньги для поездок. Ни о чем не волнуйся и не бойся одиночества. Принимайся за дело, и у тебя все получится само». Готовясь к своей миссии, Махариши два года в одиночестве медитировал в пещерах Уттар-Каши, а в 1955 году он начал обучать технике трансцендентальной медитации и основал на холмах Ришикеша ашрам. С 1957 года Махариши стал путешествовать по всему миру.

Махариши Махеш Йоги учил, что занятия трансцендентальной медитацией расширяют наше сознание. Цель данной техники состоит в том, чтобы погрузиться в состояние более тонкое, нежели бодрствование, сон или глубокий сон. Согласно учению Махариши, медитировать — значит выйти из-под тонкого влияния ума и эго. В этом освобожденном состоянии чистого бытия можно ощутить свою вечную душу. Особенно хорошо Махариши удавалось находить точки соприкосновения йоги и современной науки. Хотя самого Махариши в ашраме не было, я, одухотворенный атмосферой ашрама, прочитал две его книги: «Наука бытия» и «Искусство жизни», а также его перевод шести глав Бхагавад-гиты.

Пока я находился в Шанкарачарья-Нагаре, я каждый вечер общался с садху из Австралии по имени Бевин. Он был настоятелем ашрама и одним из ближайших учеников Махариши. Я приходил к нему в хижину, и мы слушали на катушечном магнитофоне записи лекций Махариши и обсуждали их. Мне запомнился фрагмент одной его лекции, где он говорил своим характерным высоким голосом, то и дело посмеиваясь: «Мы не даем пустых обещаний о жизни в раю после смерти. Мы учим тому, как ощутить райское блаженство уже здесь, в этой жизни. Приходите все, кто хочет испытать это».

Сама техника подкупала простотой и доступностью: требовалось потратить всего пятнадцать-двадцать минут на несложную медитацию утром и вечером, и при этом не нужно было менять

свой образ жизни или религиозные и философские убеждения. Махариши учил, что суть жизни в блаженстве и что мы исполнены блаженства по самой своей природе. Трансцендентальная медитация способна погрузить нас в это блаженное состояние бытия, мягко переключая нашу естественную склонность к поискам блаженства с попыток найти его во внешних объектах на источник счастья внутри нас самих. Махариши говорил об этом так: «Хочешь насладиться плодами дерева — поливай его корни».

Стояла зима, и в ашраме было немного людей. Я был здесь едва ли не единственным иностранцем, не считая Бевина. Он рассказал мне, как несколько лет назад сюда приезжали «Битлз», Донован и Миа Фэрроу со своей сестрой Пруденс. Они некоторое время жили в ашраме и общались с Махариши. После этого волна интереса к йоге и медитации стала распространяться по всему миру.

Медитация в этом освященном лесу и ночной сон на вершине горы стали для меня поистине бесценными дарами. Трижды Махариши Махеш Йоги приходил ко мне во сне. Он сидел, скрестив ноги, и держал в руке цветок. Его длинные седые волосы и борода сливались с белыми струящимися одеждами. Округлое лицо его мягко светилось. Хотя на самом деле Махариши был невысокого роста, в моем сне он выглядел как гигант. Его мягкий и одновременно пронзительный взгляд звал меня в царство вечного мира. Махариши ничего не говорил — он просто улыбался мне, а потом закрывал глаза и исчезал.

Какое-то время спустя я вернулся в свою лесную пещеру. Там я задал себе вопрос, почему я ушел из ашрама, ведь мое пребывание в нем было таким вдохновляющим. Я ощущал очевидную силу Махариши и его любовь, да и в ашраме все очень по-доброму относились ко мне. *Что же мне не сиделось там?* В последующие месяцы я снова и снова раздумывал над этим вопросом и каждый раз приходил к выводу о том, что хочу получить знания из разных источников и обучиться у разных учителей, прежде чем окончательно сделаю выбор. *Пока у меня не появится непреклонная вера в то, что я могу посвятить свою жизнь только одному пути и одному учителю, я буду оставаться странствующим искателем истины.*

Однажды утром, когда я прогуливался по тропинке в джунглях, мне преградил дорогу таинственно улыбающийся садху. Он с любопытством рассматривал меня и не давал пройти. Взгляд его миндалевидных глаз был устремлен прямо мне в глаза. У садху было скуластое лицо с маленьким носом, короткие волосы и кожа медно-го оттенка. Кто это и что ему нужно от меня?

«Меня прислали за тобой, — сказал он, — хотя ты меня совсем не знаешь».

Удивленный, я молчал, ожидая продолжения.

Садху взял меня за руку:

«В пещере неподалеку живет величайший святой. Я должен привести тебя к нему».

«Как ты узнал про меня?» — поинтересовался я.

«А это тебе знать незачем. Идем».

Заинтригованный, я последовал за ним вглубь джунглей. Пока мы шли по заросшей тропе вдоль ручья, садху сказал мне, что он родом из Непала. С треском продираясь сквозь заросли и высокую траву, мы спугнули дикого кабана. Он промелькнул слева от нас и скрылся в кустах. Когда мы, наконец, вышли на поляну, мой провожатый указал мне на вершину ближайшей скалы. Там виднелись три пещеры с закопченным входом. Садху повел меня вверх по узким ступеням десятиметровой каменной лестницы, высеченной в крутом склоне скалы. Оказавшись на вершине, мы зашли в одну из пещер. Густой дым, стоявший в ней, щипал глаза.

В пещере в позе лотоса, выпрямив спину, сидел удивительный человек. Его густые, спутанные волосы спускались по спине и стелились по земле. Он был очень высокого роста и крепкого телосложения. Из одежды на нем была лишь обвязанная вокруг пояса веревка и набедренная повязка. Сидя неподвижно, йог медитировал с закрытыми глазами и, казалось, находился где-то в другом мире, вне времени и пространства. Вокруг него распространялась аура абсолютной тишины и спокойствия. Это был Махавирдас Тат Валла Баба́.

Мы сели рядом и стали ждать. Запах тлеющих в жертвенном костре дров смешивался с земляным запахом древней пещеры. На каменной полке лежали священные писания на санскрите. Позади йога находились его нехитрые пожитки, завернутые в старую мешковину. Непальский садху предупредил меня, что йог

нередко проводит в медитации целые ночи. «Нужно набраться терпения, — сказал садху, — и дожидаться, пока он сам выйдет из духовного трансa». В конце концов йог открыл глаза и посмотрел на меня. Под взглядом его блестящих темных глаз мне показалось, что меня сверлят два мощных лазерных луча. Баба́ заговорил глубоким, уверенным голосом, а мой проводник стал переводить.

«Бог один, и все исходит только из Него, и не из кого иного, — Баба́ поднял ладонь, соединив вместе большой и указательный палец — Причина всех наших несчастий в том, что мы забыли о своей тождественности Богу. Это называется *майей*, или иллюзией. Искать Бога не нужно — Он повсюду. Если искренне обратиться к Нему, Он откроет Себя Сам. Бог смотрит на тебя не откуда-то извне, а из твоего же сердца. От Него ничего не скроешь, и притворяться нет никакого смысла. Можно всю жизнь бродить по джунглям, но Господь обитает не в джунглях, а в твоём сердце. И если ты научишься видеть Его там, то сможешь увидеть Его повсюду».

Я был поражен: Баба́ как будто отвечал на незадаанные мной вопросы. Я и был тем странником, ищущим Бога в своём сердце.

Баба́ сидел, положив руки на колени. Его темные глаза излучали невероятную силу. Казалось, он читает мои мысли. «Люди гоняются за преходящим. Разве ты не видишь, что они идут путем, ведущим к смерти? — его слова, как меч, отсекали мои материальные привязанности. — Ты отрекся от мирской жизни. Это хорошо. Не возвращайся обратно. Медитация принесет тебе высшее умиротворение». Я слушал его целый час, а потом попроцался, пообещав прийти на следующий день.

Когда мы спустились по каменной лестнице, нас поприветствовала аскетичного вида женщина с длинной черной косой, одетая в простое белое сари. Женщину звали Мирабаи. Вместе с мужем она жила в джунглях и готовила еду для учеников Тат Валла Баба́. Мирабаи пригласила нас к себе домой. «Хотите, я расскажу вам про Бабу́?» — спросила она по дороге.

«Конечно», — ответил я, а непальский садху просто кивнул.

И Мирабаи начала свой рассказ: «Баба́ родом из штата Пенджаб. С самого детства он искал ответы на свои вопросы. Видя, как англичане угнетают индийцев, он не мог понять, почему страна, давшая миру столько священных писаний и великих святых, не может

найти способ избавиться от власти колонизаторов. Страстно желая обрести просветление, он еще ребенком покинул отчий дом в поисках гуру. Вначале он пришел в Айодхью, где когда-то явился Господь Рама, а оттуда направился в гималайские джунгли, где и встретил своего гуру. У стоп духовного учителя Баба́ постиг путь, ведущий к просветлению». За разговором мы не заметили, как вышли к саманной хижине. Мирабаи радушно распахнула деревянную дверь и пригласила нас войти. Расстелив циновки и подав нам глиняные чашки с водой, она спросила: «Будете слушать дальше?»

«Конечно», — отозвался я, с наслаждением отпив холодной воды из ручья.

«Примерно с шестнадцати лет Баба́ живет здесь, в пещере. Он питается только дикими плодами и травами, а из одежды носит лишь набедренную повязку из старого джутового мешка. Мешковина из джута называется *тат*. От этого слова возникло его имя: Тат Валла Баба́, то есть Баба́ (святой человек) в одежде из мешковины». Мирабаи рассказала также, что Баба́ провел в полном одиночестве пятнадцать лет, совершенствуясь в *аштанга-йоге*. Со временем люди признали в нем просветленного учителя и стали приходить к нему. Баба́ никогда и никому не разрешает прикасаться к нему или готовить для него пищу. Глубоко вздохнув, Мирабаи с благоговейным выражением лица произнесла: «Я была свидетелем того, как он читает чужие мысли, предсказывает будущее и исцеляет больных. Когда у одного йога начались приступы невыносимой головной боли, Баба́ явился ему во сне, с помощью мантр удалил у него из головы какую-то белую жидкость и исцелил его раз и навсегда».

Я подумал, что мне очень повезло. Хозяйка дома показала нам маленький алтарь, на котором стояла фотография Баба́. Молитвенно сложив ладони, она спросила: «Рассказать вам еще?» Мы с энтузиазмом закивали. «Баба́ медитирует по многу часов подряд, а иногда не выходит из медитации по нескольку дней. Перед ним всегда горит священный огонь, и он каждый день изучает священные писания». Затем Мирабаи обратилась ко мне: «Ты проделал долгий путь из Америки, чтобы стать садху. Я преклоняюсь перед твоей храбростью и буду молиться о том, чтобы ты достиг своей цели».

На прощание она дала мне необычное угощение — прозрачный цукат из зеленой тыквы. Он тут же растаял у меня во рту, оставив

очень приятное ощущение. Я никогда не пробовал ничего подобного. Увидев мою реакцию, Мирабаи объяснила: «Тебе понравилось? Это лакомство называется *педа*».

«Педа — первое лакомство, которое я попробовал в Индии, — ответил я. — У него потрясающий вкус. Но разве йоги и аскеты едят сладкое?»

Она улыбнулась, как мать улыбается наивному вопросу своего ребенка: «Ты не поверишь своим глазам, когда увидишь, что способны съесть йоги».

На следующий день я снова пришел в пещеру к Бабé. Он был, как и прежде, погружен в медитацию. Некоторое время спустя мой непальский друг оставил меня с Бабóй наедине. Прошла ночь, а Бабá даже не шелохнулся. Впитывая в себя его умиротворение, я сидел рядом и тоже медитировал. Взошло солнце, заливая золотым сиянием гималайские джунгли и осветив отдаленные горные вершины, почитаемые многими как обитель Бога. Из пещеры мне была видна Ганга, несущая свои воды с горных высот на равнины. Она протекала через леса и долины, и на ее берегах совершали обряды мудрецы и святые. Сидя на соломенной циновке, я смотрел вниз на пышную растительность. Спустя некоторое время я стал различать больших разноцветных змей, скользящих по джунглям в поисках добычи. Я увидел среди деревьев диких слонов и даже пятнистого леопарда, пробирающегося в зарослях.

Вдруг мне вспомнилась моя прежняя жизнь в Хайленд-Парке, в пригороде Чикаго: ровный ухоженный газон, дети, сажающиеся в школьный автобус, и родители, отъезжающие на машине на работу. Это было так не похоже на все, что я видел перед собой сейчас. Мне с трудом верилось, что я нахожусь в Индии, посреди Гималаев. Рядом с пещерой Бабóй было еще несколько пещер. Там жили его ученики-аскеты, и там же на время остановился и я.

Сидя с Бабóй в его пещере и вдыхая терпкий дым священного огня, горящего и днем и ночью, я чувствовал, как происходит мое очищение. Бабá, сидя с идеально прямой спиной, от трех до пяти часов в день читал вслух священные писания, а остальное время медитировал. Бывало, что ночью он спал, однако уже за несколько часов до рассвета он вставал и медитировал, а затем читал писания или делал асаны. Через пару часов после восхода солнца Бабá обматывал

свои длинные, спутанные волосы вокруг головы, и мы шли к ручью омыться и набрать воды в кувшин. На обратном пути он собирал съедобные травы и плоды, а также дрова для костра. Однажды я видел, как он с легкостью поднял огромное бревно и отнес в пещеру.

Как-то вечером, когда в лесу еще не смолкли птицы, Баба́ через непальского переводчика сделал мне неожиданное предложение: «Я приглашаю тебя провести остаток жизни в наших пещерах». Сказав это, он закрыл глаза и погрузился в транс.

Его слова снова и снова звучали в моей голове, пока я размышляла над решением, которое мне предстояло принять. И вот однажды утром, выйдя из медитации, я задумался:

Жизнь здесь, в священном лесу, под руководством такого святого можно считать настоящим благословением. Но, чтобы стать последователем какого-то одного гуру, я должен быть уверен, что никогда не опозорю его, пожалев о своем выборе. Вот почему я хочу найти учителя и духовный путь, которому я смогу посвятить всю свою жизнь.

Я спросил себя, уверен ли я в том, что это — мой учитель и мой путь? Через несколько минут пришел ответ. Медитируя вместе с Тат Валла Бабой, я ощущал глубокую радость и внутреннее просветление. Тем не менее у меня не было никакой уверенности. Мое сердце жаждало встреч с другими индийскими святыми. Я хотел побывать в разных священных местах и познать разнообразие духовных путей. Тогда и только тогда смогу я принять самое важное решение в своей жизни.

Поняв, что это будет честно, я успокоился. Но мне еще предстояло как-то объяснить это Тат Валла Бабé, ведь я имел дело не с обычным человеком, а с йогом, обладающим сверхъестественными силами. Прошло несколько дней. Совместная медитация с Бабой давала опыт, не поддающийся описанию. Когда я наконец решил поговорить с ним, он уже все знал. Не успел я открыть рот, как Баба́ произнес те самые слова, которые я собрался сказать ему. Он серьезно посмотрел мне в глаза и сделал жест рукой, благословляя меня. «Прощай. Да пребудет с тобой Бог. *Ом тат сат*».

Покинув пещеры Махавирдаса Тат Валла Бабы, я снова вернулся к жизни странствующего отшельника. Зима подходила к концу. Начало припекать солнце, день становился длиннее, и на деревьях и кустарниках появились весенние почки. Как-то раз, пройдя через джунгли по тропе, ведущей на север, я вышел к Лакшман Джулану — длинному подвесному мосту, натянутому высоко над Гангой. Стоя посередине покачивающегося моста, я смотрел на Гангу, бегущую с гималайских гор. По обоим ее берегам располагались красивые храмы и уютные ашрамы, йоги сидели, совершая свои ритуалы. Я перешел на другой берег и по лесной тропинке стал углубляться в джунгли. Внезапно лес кончился, и мне открылось жуткое зрелище, от которого мороз пробежал у меня по коже.

Я увидел множество людей с искривленными, обезображенными лицами и проваленными носами. Одни были совершенно нагие, другие — облачены в рубище, и все они стонали от мучительной боли, шевеля гноящимися обрубками пальцев рук и ног. Изнуренные голодом, эти несчастные жили в ямах, присыпая себя на ночь землей, чтобы не замерзнуть. Они смотрели на меня глазами, полными отчаяния и мольбы, и меня охватил ужас: я понял, что набрел на колонию прокаженных.

Десятки прокаженных мгновенно окружили меня, выкрикивая: «Бакшиш! Бакшиш! Бакшиш!» Напирая на меня, они размахивали у меня перед лицом своими руками, покрытыми кровоточащими язвами, и требовали подаяния. Мне нечего было подать им, и я стоял, окруженный плотной стеной заживо гниющих тел, не в силах даже пошевелиться. Прокаженные не отступали: «Бакшиш! Бакшиш! Бакшиш!» Они так напирали на меня со всех сторон, что я начал задыхаться. Мне некуда было спрятаться от их смрадного дыхания

и запаха разлагающейся плоти. «Бакшиш!» – продолжали кричать они. Я не знал, что предпринять. С одной стороны, меня возмущала их бесцеремонность. С другой стороны, мне было до слез жаль этих людей, и я понимал, что их страдания оправдывают такое поведение.

Так продолжалось минут двадцать, которые тянулись для меня, как вечность. Я отчаянно пытался понять, что же мне теперь делать. Обрывочные мысли проносились в моем мозгу: *Проказа заразна. Значит ли это, что я тоже заболею, буду мучиться, как они, а потом умру? Что сделает со мной эта разбушевавшаяся толпа?*

Не переставая кричать: «Бакшиш!» – прокаженные отталкивали друг друга и тянулись ко мне. Их взгляды обжигали меня своей болью. Отчаявшись, они принялись обшаривать меня, чтобы отобрать то, что я не хотел отдавать по доброй воле. Убедившись, что у меня ничего нет, они потеряли ко мне интерес и разошлись.

Переведя дыхание, я сделал несколько шагов и снова остановился как вкопанный. На земле передо мной беспомощно лежала старуха в лохмотьях. Нос ее провалился, сравнявшись с разлагающимся лицом. Наши взгляды встретились. Глаза старухи, наполненные слезами, лучились такой нежной и трепетной материнской любовью, какую редко можно встретить в этом мире. Она ничего не требовала от меня. Она лишь хотела, чтобы я раскрыл свое сердце для любви, которую она жаждала кому-нибудь подарить. Эта любовь делала ее прекрасной. Она почтительно сложила беспальные ладони, а затем сделала жест рукой, показывая, что хочет благословить меня. Ее любовь победила мой страх перед ужасной болезнью. Я склонился перед старухой, подставляя голову под ее ладонь. «Да благословит тебя Господь, дитя мое, – стала молиться она. – Да благословит тебя Господь». Я поднял на нее взгляд и увидел, что лицо ее озарилось неземным счастьем. Я заплакал, понимая, что сегодняшнее испытание было ничтожной ценой за это незабываемое благословение.

Продолжив путь, я нашел укромное место над рекой, сел и стал всматриваться в бушующий внизу поток. Я пытался проникнуть взглядом сквозь толщу вод, но, как ни старался, так и не смог ничего разглядеть в таинственных глубинах реки. Хотя старуху поразила ужасная болезнь, под отталкивающей телесной оболочкой

скрывалась прекрасная душа, жаждавшая любить и быть любимой. Сравнение напрашивалось само собой.

Сегодня река показала мне, что обычно мы судим об окружающих только по внешним признакам и склонны видеть в них одни недостатки. Но если присмотреться повнимательнее, то мы увидим, что природа человека подобна ковру, сотканному из миллионов нитей. Недостатки и изъяны людей зачастую вызваны стечением обстоятельств — психологической реакцией на эмоциональные раны, насилие и отторжение от общества, разочарование, незащищенность, страдания, унижения или болезни.

Я вспомнил о бандитах, которые чуть не убили меня в Стамбуле, о расистах, которые ненавидели негров и движение за гражданские права, а также о тех, кто оскорблял меня и осыпал насмешками за мои длинные волосы. Я вспомнил, как сам легко осуждал старшее поколение американцев, которые казались мне пекущимися только о деньгах и своем будущем. В своем бунте против них я забыл о том, что в период Великой депрессии этому поколению выпали лишения и невзгоды, которых я не мог себе даже представить.

Если мы поймем, чем вызваны качества другого человека, которые нам не нравятся, то вместо ненависти проникнемся к нему состраданием. Говорится же, что каждая душа изначально безгрешна. Святой ненавидит болезнь, но любит больного.

Покинув Ришикеш, я продолжил свое путешествие на север, в Гималаи. В Дев-Праяге я встретил человека, оставившего глубокий след в моей памяти. Ранним холодным утром, когда на пред-рассветном небе уже меркли звезды, я спустился с гор к месту слияния рек Бхагиратхи и Алакананды. Сливаясь, эти две реки дают начало Ганге. Здесь, в месте слияния двух бурных горных рек, песнь Ганги звучала оглушительно. Я вошел в воду совершить омовение, не отдавая себе отчета в том, насколько сильно течение.

Не успел я сделать и шага, как мощный поток оторвал мои ноги от речного дна и уже собрался нести меня на камни. В этот самый миг крепко сложенный человек, который, на мое счастье, омылся рядом, цепко схватил меня за руку и, притянув к себе, вытащил на берег. Здесь мой спаситель возложил мне на голову правую руку и с большим чувством произнес нараспев несколько защитных мантр. Так произошла моя первая встреча с Кайлаш-бабóй.

Хотя этот святой человек давно разменял седьмой десяток, он обладал недюжинной силой. У него было широкое, скуластое лицо и большие карие глаза. Бабá не стригся и не брился уже несколько десятилетий, и свои седеющие космы, которые в распущенном состоянии достигали земли, он обматывал вокруг головы, укладывая их, словно корону. Все зубы у него сохранились, что считалось большой редкостью среди пожилых садху. Шерстяная накидка, единственная одежда Бабóй, закрывала его от плеч до самых пят. В руке он носил железный трезубец, к которому сверху был привязан огромный *дамару* — деревянный барабан с мембранами диаметром тридцать сантиметров каждая, натянутыми по обе стороны полового корпуса. Внутри корпуса на веревке висел шар, и, когда Бабá тряс барабаном, шар отскакивал от мембран, издавая громкий звук. Кроме этого музыкального инструмента, металлической чашки для подаяния и старого пледа, у него ничего не было.

Кайлаш-бабá стал моим учителем в непростой науке выживания странствующего отшельника. Холодными ночами мы зачастую спали на склонах гор, обращенных к реке. Однажды ночью Бабá предложил мне накрыться его одеялом, и, хотя вначале я отказывался, он настоял на своем. С тех пор мы много раз спали с ним под одним одеялом. Он научил меня находить в лесу съедобные и лекарственные корни, плоды и листья.

В деревнях, куда мы приходили с Бабóй, он учил меня, как просить милостыню, не теряя собственного достоинства. В индийских деревнях, в отличие от стран Запада, люди, живущие на подаяние, пользуются большим уважением, потому что те, кто дает им милостыню, служа нищим странникам, получают от них в ответ очень многое. А поскольку Кайлаш-бабá был святым человеком, преисполненным достоинства, то и я проникся пониманием того, что жить на подаяние — очень возвышенный образ жизни. Бабá научил меня,

как обходиться одними рисовыми хлопьями. Рисовые хлопья очень дешевы, поэтому любой бакалейщик с радостью жертвовал их. К тому же они не портятся. В джунглях можно прожить несколько недель, питаясь одними хлопьями. Все, что требовалось, — это залить их водой из ручья. Баба́ также научил меня надлежащим образом поддерживать в чистоте свое тело: чистить зубы веточкой дерева ним и пользоваться речной глиной вместо мыла. Помимо наставлений, касающихся питания и гигиены, он преподавал мне важные уроки о том, как с почтением относиться не только к священным рекам, храмам, деревьям, солнцу, луне и священному огню, но также и к змеям, скорпионам и диким зверям. Баба́ не говорил по-английски, но ему загадочным образом удавалось передавать свои идеи мне, особенно когда он хотел подчеркнуть, что Бог живет в сердцах всех существ. Так, он научил меня видеть душу в сердцах ядовитых змей и уважать змей, не посягая на их жизненное пространство. А когда мы встречались с другими садху, он показывал мне, как следует вести себя с ними в зависимости от их верований и убеждений и как делить с ними трапезу.

Чем больше мы путешествовали вдвоем, тем больше я смотрел на Бабу́ как на родного отца. Он окружил меня любовью и заботой, словно собственного сына. Хотя мы не могли разговаривать друг с другом, языковой барьер не мешал общению наших сердец. Жестами, улыбками, а иногда и хмурыми взглядами он обучал меня всему необходимому. Со стороны он выглядел довольно устрашающе: суровый аскет, обитающий в горах, со спутанными волосами и неизменным железным трезубцем в руке. Но мне он открылся как добрейший и деликатнейший человек — более доброго человека мне еще не доводилось встречать. Когда, собрав в деревне подаяние, мы принимались за свою нехитрую трапезу, Баба́ всегда сначала досьта кормил меня и только потом ел сам. А когда я отказывался есть первым, он бросал на меня такой простодушный и невинный взгляд, что мне поневоле приходилось подчиниться. Всякий раз, когда Баба́ смотрел на меня, глаза его наполнялись слезами любви. Он сам был исполнен любви и заботы и вызывал такие же чувства у меня, словно я знал его всю жизнь.

От Бабу́ и других людей, встреченных мною в ходе странствий, я узнал о разных проявлениях Бога, которые входят в индуистский

пантеон. Я еще не определился в своем отношении к этим многочисленным божествам — все это было довольно непривычно для меня, — но я видел, какую они вызывают любовь и преданность в других людях. У меня не было никаких предрассудков на этот счет, да мне и самому не терпелось во всем этом разобраться.

Кайлаш-баба поклонялся Шиве — воплощению Бога, которое правит материальным миром и в должный срок разрушает его. Баба непрестанно повторял мантру *ом намах шивайа!* Мы шли с ним лесными тропами, и он то и дело взывал к Господу Шиве и его супруге: «Джая Шанкар!», «Хе Вишванантх!», «Хе Кедарнатхаджи!», «Джай Шри Парвати!» и «Хе Ума Мата!» Всякий раз, когда нам встречались другие шиваиты, мы устраивали совместное пение этих мантр. Когда пение достигало апогея, Кайлаш-баба впадал в транс и принимался неистово стучать в свой барабан дамару. Барабан отзывался оглушительными звуками, приводившими всех других садху в неистовство. Они самозабвенно раскачивались, так что тяжелые пряди их спутанных волос начинали двигаться из стороны в сторону. Некоторые хлопали в ладоши, а кто-то вскакивал на ноги и начинал кружиться в мистическом танце.

Кайлаш-баба пользовался непререкаемым авторитетом у странствующих садху. Как сказал мне по секрету один пожилой отшельник, Кайлаш-бабе вполне могло быть несколько сотен лет. Никто точно не знал его возраст. Он обладал сверхъестественными йогическими силами, мог исцелять больных и творить другие чудеса. «Лет тридцать тому назад я сам был свидетелем его удивительных способностей, — поделился со мной этот отшельник. — К нему стекались толпы людей и почитали его как Бога. Но Кайлаш-баба осознал, что власть и слава — помеха в духовной жизни. Он дал обет никому не рассказывать о своих удивительных способностях и никогда больше не демонстрировать их. У него не было ни учеников, ни собственного ашрама, он просто бродил в одиночестве по гималайским лесам». Я несколько не удивился, узнав, что Кайлаш-баба обладает мистическими силами. Гораздо большее впечатление на меня произвели цельность и сила его натуры и верность выбранному пути.

Шло время, и я начал догадываться, что Кайлаш-баба мечтает снова остаться в одиночестве. Я не хотел навязывать ему свое общество, да и сам понимал, что мне тоже пора двигаться дальше.

Поклонившись Бабé в ноги, я попросил у него благословение. Он искренне рассмеялся и со слезами на глазах заключил меня в свои могучие, медвежьи объятия. Потом он благословил меня, прочтя подобающую случаю мантру. Меня очень расстрогали его непритворная отрешенность и, на первый взгляд, несовместимая с ней сердечная доброта. Мы полюбили друг друга, словно отец и сын, но, будучи странствующими садху, понимали, что едва ли увидимся снова.

Сладость новых взаимоотношений и неизбежная горечь расставания с человеком, который стал тебе близок, были неотъемлемой частью той жизни, которую я избрал. Подобные испытания давались мне нелегко, но из-за боли разлуки радость от этих отношений до сих пор жива в моем сердце. Прощаясь с Кайлаш-бабóй, я молился о том, чтобы всегда помнить о нем. Что ж — похоже, что молитва моя была услышана.

Примерно в то же время я написал домой письмо, в котором делился полученным мной опытом.

Мои дорогие!

Лучше жить в нищете, чем продать душу за пустой золотой дворец. Лучше жить в неизвестности, чем продать душу за пустую славу, дешевое поклонение и ничемный почет. Там, где нет внутренней свободы, нет жизни. Поэтому лучше умереть, чем лишиться возможности искать свой идеал. Сейчас я занимаюсь тем, что в святом месте и под руководством святых людей изучаю бесценную мудрость Востока. Пожалуйста, поймите, что это потребует времени. Пока я еще на подступах к ней. Я самовлюбленный эгоист, духовно слепой и погрязший в невежестве. Едва ли кто-то находится дальше от понимания Бога, чем я. Поэтому такому глупцу, как я, потребуется много времени, чтобы узреть благодатный свет Истины, сияющий и в вас, и во мне.

*С любовью,
Ричард*

Во время молитвы во флорентийском соборе искра духовной жажды, которая тлела у меня в сердце, превратилась в пламя. Медитация на острове Крит раздула из него пылающий костер, а полное опасностей путешествие по Ближнему Востоку лишь подбросило дров в этот огонь, сделав его еще жарче и сильнее. Но здесь, в Гималаях, в обществе святых людей, этот священный огонь запылал во мне в полную силу. Избрав духовное совершенствование своей единственной целью, я молил Бога помочь мне.

Мне было двадцать лет. Из-за аскетичной жизни я исхудал и весил всего пятьдесят килограмм. Единственный комплект моей одежды посерел от ежедневного полоскания в реках, прудах и ручьях. Кожа моя обветрилась и загрубела, губы растрескались, а волосы свалились. Поскольку я носил дешевые резиновые сандалии, ступни мои потемнели от въевшейся грязи, а пятки покрылись трещинами, достигавшими лодыжек. Выбранный мною образ жизни сказался на здоровье, но я не обращал на это внимания — мое стремление к просветлению было сильно как никогда.

Мне нравилась жизнь странствующего садху, и я с радостью ждал новых приключений и встреч с великими душами, достигшими высот духа. Бродя по лесам, я часто спрашивал себя: *Найду ли я когда-нибудь тот единственный путь и того учителя, которому смогу посвятить всего себя?*

Однажды в Дев-Праяге несколько садху пригласили меня на обед в находящийся неподалеку ашрам. Как раз в это время в ашрам из джунглей пришел какой-то йог. Никто из присутствующих его не знал. Он попросил собрать вечером всех врачей, которые только есть в городе. Когда врачи пришли, йог громким голосом бросил им вызов: «Заразившись болезнью материализма, вы стали больше доверять современной науке, чем собственному наследию. Бог привел меня сюда из джунглей, чтобы я сокрушил вашу глупую гордыню. Благодаря моим йогическим способностям я отключаю все системы своего тела и умру. И вы подтвердите это с помощью своих медицинских приборов. А ровно через полчаса я воскресну из мертвых».

Сев с прямой спиной в позу лотоса, йог стал дышать резко и глубоко. Примерно после двадцатого вдоха он задержал дыхание и замер. Присутствующие при этом врачи стали по очереди

обследовать его стетоскопом и другими инструментами, но так и не смогли обнаружить ни сердцебиения, ни дыхания, ни пульса. Врачи были ошарашены. «Он находится в состоянии клинической смерти», — констатировал один из них. Не слишком веря им, я подошел и попросил у врача стетоскоп. Но все мои попытки обнаружить у йога пульс и сердцебиение тоже оказались тщетными.

Мое первое знакомство с тем, какие возможности открывает перед человеком йога, произошло благодаря Свами Раме еще в Нью-Дели. Все то время, что я находился в Гималаях, я занимался *пранаямой*, дыхательными упражнениями, и асанами, йогическими позами. Безмолвная медитация помогала мне настроиться ум и тело в унисон с божественной энергией Господа. Я не понаслышке знал о невероятных результатах, достичь которых позволяет йога, о ее огромной пользе для здоровья и о способности йогов по желанию менять свое физическое состояние. Однако то, что я увидел сейчас, не уместилось в моем воображении.

Ровно через тридцать минут, секунда в секунду, йог сделал выдох, открыл глаза, поднялся и молча ушел обратно в джунгли.

Ему ни от кого ничего не было нужно. Он просто хотел продемонстрировать скептикам возможности йоги. И мы с врачами, изумленные, еще долго смотрели ему вслед.

Куда бы ни приводили меня мои странствия, я везде слышал почтительные отзывы о святой женщине по имени Анандамои Ма. Я и сам читал о ее необычайных способностях в знаменитой книге Парамхамсы Йогананды «Автобиография йога». Он посвятил ей отдельную главу под названием «Мать, проникнутая блаженством». Один садху на берегу Ганги в Дев-Пряге рассказал мне, что Анандамои Ма живет в Гималаях в городе Дехра-Дун. «Сегодня я собираюсь туда на автобусе, хочу увидеть эту святую женщину, — сказал мне садху. — Если хочешь, поедем вместе».

Во дворе дома Анандамои Ма целая толпа последователей с нетерпением ожидала ее появления. Мой попутчик куда-то исчез, и вскоре вокруг меня собралась небольшая группа людей, которые стали рассказывать мне о своей духовной наставнице.

Анандамои Ма была гуру премьер-министра Индии, Индиры Ганди. Родилась она в самом конце девятнадцатого века в маленькой

деревушке в Восточной Бенгалии. С самого детства она была равнодушна к мирским удовольствиям и время от времени впадала в транс, приводя в замешательство своих родных. Чем больше я слышал от ее последователей о проявляемых ею признаках экстаза, о ее сострадании и чудесах, тем большее восхищение она у меня вызывала. В какой-то момент все ожидавшие вскочили на ноги, приветствуя хрупкую пожилую женщину в простом белом сари. Это была Анандамои Ма. Она, в свою очередь, поприветствовала нас, сложив ладони, и села на стул. Глаза ее искрились радостью. Несмотря на внешнюю хрупкость, она излучала какую-то нездешнюю силу. Лицо ее, хотя и покрытое морщинами, казалось лицом игривого ребенка. Анандамои Ма была непосредственна, как маленькая девочка, и в то же время мудра и серьезна, словно мать вселенной. Она была нежна, как цветок, который она держала в руке, но при этом чувствовалось, что она обладает огромной силой и непреклонной волей.

Улыбаясь нам и ритмично хлопая в ладоши, она начала петь имена Бога. Затем, после небольшой паузы, Анандамои Ма заговорила о любви, мудрости и самопожертвовании. «Любовь — это бесконечное всепрощение, — начала она. — А истинная мудрость заключается в том, чтобы видеть все в связи с Совершенным Целым. Когда вы поймете, что все принадлежит Ему, то освободитесь от всех тревог». Грациозно приложив руку к сердцу, она произнесла с закрытыми глазами: «Причина всех наших страданий — в концепциях „я“ и „мое“. Любые страдания вызваны нашей оторванностью от Бога. Но, когда мы вместе с Богом, страдания прекращаются. Страданиями Господь уничтожает страдания, а несчастьями искореняет несчастья. Когда это произойдет, Он перестанет посылать нам страдания и несчастья. Всегда помните об этом».

Эти слова любящей Матери, обращенные к ее детям, тронули меня до слез. Легкий ветерок пробежал по листве росших во дворе деревьев. Анандамои Ма на секунду умолкла, засмотревшись на чирикающего в ветвях дерева воробья. Собравшиеся стали переглядываться и улыбаться, наслаждаясь ее тихой радостью. «Этот мир мечется между удовольствием и страданием, — продолжила она. — О какой надежности, о какой уверенности в завтрашнем дне может идти речь? Все это можно обрести только в Боге. Страдания

ниспосылаются нам для того, чтобы мы вспомнили о Боге и искали в Нем утешение. Всегда, когда есть возможность, повторяйте святое Имя. Произносящий святое Имя находится в обществе Бога. Бог — ваш лучший друг, и, если вы будете всегда общаться с Ним, Он откроет вам Себя».

Ее добрый взгляд пробуждал веру и надежду, а ее непритязательность и простота наполняли мое сердце умиротворением. Хотя сама она считала себя всего лишь ребенком, все присутствующие воспринимали ее как мать. За то недолгое время, что я провел у Анандамойи Ма, я не раз видел, как отрехпиеся от мира садху, йоги и свами, которые обычно держатся от женщин на расстоянии, сидели у ее стоп, ища благословений.

Однажды, когда я в полном одиночестве сидел во внутреннем дворе, туда неожиданно вошла Анандамойи Ма. Желая выразить ей почтение, я склонился перед ней и коснулся ее стоп. Сильно смутившись и покраснев, она отпрянула. Меня охватило жгучее чувство вины. При виде Анандамойи Ма я невольно захотел выразить ей почтение, но сделал это грубо и бестактно. Что я натворил! Я понял, что, невзирая на свое возвышенное положение, она была очень скромна и потому предпочитала, чтобы последователи не прикасались к ее стопам.

Увидев, что я помертвел от стыда, Анандамойи Ма сжалилась надо мной и присела рядом на стул. Улыбаясь, как дитя, она закатила глаза, веки ее затрепетали и закрылись. В наступившей тишине она погрузилась в транс, и я ощутил исходящую от нее ауру материнской любви. Лицо ее, по-младенчески невинное, озарилось ангельским светом. Вместе с ней я погрузился в сокровенное безмолвие. Какое-то время спустя Анандамойи Ма вышла из трансa, улыбнулась и жестом подозвала меня. Ее глаза излучали любовь и нежность, но, когда я заглянул в их бездонную глубину, то увидел в них полную свободу от материальных желаний. Молча поднеся к носу и губам цветок лотоса, Анандамойи Ма протянула его мне, а затем поднялась и ушла.

Лелея в сердце воспоминания об этой встрече, я продолжил свое паломничество. Со временем я стал понимать, что вести жизнь садху — это непростое испытание. Мне пришлось терпеть

зимние холода, не имея теплой одежды. Моим ложем была холодная земля на берегу реки, а крышей над головой мне служили кроны деревьев или своды пещер. И днем и ночью я был незащищен перед насекомыми и дикими зверями, а в случае болезни мне не на кого было рассчитывать. Но самым тяжелым испытанием оказалось полное одиночество. Однако меня это не останавливало. Из Дехра-Дуна я направился на северо-запад, еще выше в Гималаи, в Уттар-Каши — место, которое многие называли Долиной Святых. С незапамятных времен йоги приходили сюда, чтобы в уединении заниматься здесь медитацией. Бродя по окрестностям Уттар-Каши, я нашел высоко в горах пещеру. Из нее можно было созерцать простирающийся внизу лес.

Проведя в пещере несколько дней, я стал свидетелем охоты леопарда: выследив ничего не подозревавшую лань, он бросился на нее и сомкнул на ней свои мощные челюсти. В лесу жила стая коричнево-белых обезьян. Они постоянно дрались друг с другом и, раскачиваясь на ветвях, перебирались с дерева на дерево в поисках плодов и ягод. Пятнистый олень жевал зеленую листву и траву и опищывал кусты, то и дело тревожно оглядываясь по сторонам. Птицы экзотических расцветок перелетали с ветки на ветку и питались насекомыми и ягодами. Королевская кобра в поисках добычи бесшумно скользила по земле между стволами деревьев, не замечая крадущегося сзади мангуста, готового растерзать ее. Все они были моими соседями, а я — всего лишь гостем в их доме. Вспоминая, как Кайлаш-баба учил меня относиться к обитателям леса, я молился о том, чтобы сохранить бесстрашие. Все живые существа, независимо от вида жизни, вынуждены вести борьбу за существование, в которой слабые становятся жертвой сильных. «Но в человеческой жизни, — думал я, — есть другое, куда более высокое, предназначение».

Сидя в своем лесном жилище, я часто доставал из сумки изображение юноши с кожей синего цвета, которое пришло ко мне в Нью-Дели, и медитировал на него. Чувствуя, что меня все больше влечет к этому прекрасному флейтисту, я снова и снова задавался вопросом, кто бы это мог быть? Но спрашивать об этом у других я не хотел, так как был уверен, что по воле Бога в должный срок эта тайна откроется мне сама.

Однажды весной я в полном одиночестве сидел во внутреннем дворе одного из гималайских храмов и вслушивался в утреннюю тишину. Неподалеку жужжала пчела, перелетая с цветка на цветок в поисках нектара. Наблюдая за пчелой, я понял, что занимаюсь тем же самым — странствую повсюду ради нектара духовной мудрости и вдохновения, но пока еще не определился в своих желаниях, чтобы избрать для себя какое-то одно место, один путь и одного учителя.

Вдруг издалека раздался плач младенца, зовущего мать. В этот миг я тоже ощутил себя духовным младенцем, с той только разницей, что не умел плакать так искренне. *Скорее бы наступил тот день, — подумал я, — когда я научусь взывать к своему возлюбленному Господу так же искренне, как это дитя.*

По двору пробежал порыв ветра с гор, всколыхнув молодую листву на деревьях. Я задумался о том, что помогает нам в постижении смысла жизни, и решил поделиться своими мыслями с родными.

*Как дела по ту сторону Матери-Земли? Я думаю,
чем добрее мы становимся, тем с большей добротой
к нам относятся окружающие, и чем больше в нас
хорошего, тем проще нам увидеть хорошее вокруг себя.*

Ричард

Внезапно раздались звуки гонга, и во дворе храма стали собираться жители деревни. Храм представлял собой маленькое каменное здание, построенное на небольшом расчищенном участке леса, населенного дикими зверями. Слово стеной, храм был окружен огромными деревьями баньяна, нима и *тамаринда*. Местные жители поклонялись в храме каменному изваянию Божества. Они простирались перед ним ниц, читали молитвы, подносили светильники и цветы. Поскольку воспитан я был в традициях иудаизма и, кроме иудаизма, знал только христианство и ислам, я испытывал некоторый дискомфорт от этой церемонии и не стал принимать в ней участие. Может, это идолопоклонство? Я точно не знал и потому старался избегать предвзятых суждений, надеясь, что в будущем смогу разобратся лучше.

В тот день я познакомился с интереснейшим человеком — странствующим садху по имени Балашива Йоги. На вид ему было лет сорок, и он часто моргал и жмурился. Невысокий и полноватый, с волнистыми черными волосами и весело блестящими глазами, Балашива Йоги вел себя словно непоседливый подросток. Он все время что-то говорил, балагурил и не мог ни минуты усидеть на месте. Прося подаяние, он настаивал, чтобы ему давали сладости. Я впервые видел гималайского отшельника, который вел себя подобным образом. Но когда дело доходило до занятий йогой, Балашива преображался и становился воплощенной сосредоточенностью. Эта его многогранность делала общение с ним очень интересным. Мы провели вместе несколько дней и сдружились. Но в какой-то момент я почувствовал настоятельную потребность продолжить свое восхождение к вершинам гималайских гор.

Когда я пришел попрощаться с Балашивой, тот схватил меня за руку. «Не уходи, — настойчиво потребовал он. — Я хочу, чтобы сегодня вечером ты послушал мою лекцию. Пожалуйста!» Чем больше я отказывался, тем сильнее он уговаривал меня. Наконец, я сдался. На лекцию пришло несколько сотен человек. На сцене стоял Балашива Йоги. Я сел на стул слева от сцены. Балашива Йоги начал программу с того, что показал всем пустую ладонь. Затем он сжал ее и погрузился в медитацию. Когда он снова открыл ладонь, на ней, к великому удивлению толпы, лежал черный продолговатый камень. Это был Шива-лингам — символ Господа Шивы. Камень появился у Балашивы на ладони из ниоткуда, словно вырос на ней. Все были поражены увиденным. Насколько я мог судить, это была не ловкость рук, а самое настоящее чудо. Балашива Йоги поставил Шива-лингам на сцену, а затем, произнося какие-то мантры, материализовал у себя на ладони пепел. Этот мистический пепел непрерывным потоком стал сыпаться из его ладони прямо на Шива-лингам. Не прошло и минуты, как тот оказался скрыт под горой пепла. Собравшиеся, включая меня, смотрели на это чудо как заворуженные.

Какой-то старик поднялся со своего места и стал прославлять Балашиву Йоги, а старуха с благоговением смотрела на него так, будто тот был Богом. Когда выступление Балашивы Йоги закончилось, все обступили его, чтобы выразить ему почтение.

А я отошел в сторону, недоумевая, как такой простоватый и неусидчивый человек смог развить столь удивительные способности. Вдруг Балашива Йоги, воздев руки, громогласно обратился к присутствующим: «То, что вы сейчас видели, — это йогическая способность, именуемая *прапти-сиддхи*. Она кажется сверхъестественной только тем, кто не знаком с наукой йоги. Занимаясь йогой, можно научиться манипулировать грубыми физическими элементами. Для этого сначала нужно понять, как управлять тонкими элементами с помощью ума». Нахмурившись, он предупредил: «Никому не позволяйте обманывать вас. То, что я продемонстрировал сейчас, не имеет никакого отношения к духовности. Это — материальные способности, приобретенные благодаря аскезе и медитации. Я не Бог. То же самое можно сказать и о других, кто творит подобные чудеса. Я всего лишь обычный человек, обладающий некоторыми йогическими *сиддхами*». Он сделал движение обеими руками, подбросив горсть пепла в воздух. «Я могу создать горстку пепла, но Бог создает вселенные». Он замолчал, оглядывая своих слушателей, а затем провозгласил самое главное из всего, что хотел сказать: «Духовная практика нужна, чтобы понять, что мы не тело, не ум и не эго, а вечная душа. Духовная жизнь — это поиск Бога и божественного начала в самом себе. Только так можно обрести умиротворение».

Слушатели выстроились в очередь, чтобы получить благословение Балашивы Йоги, а он тем временем подошел ко мне и поинтересовался: «Не жалеешь, что остался?»

«Нисколько», — ответил я. Безусловно, его способности произвели на меня сильное впечатление, но еще больше я оценил его прямоту, с которой он говорил об истинных ценностях жизни. Я понимал, что, пройдя обучение у любого из этих йогов, я тоже мог бы обрести подобные способности. Но я также понимал, что не они являются целью духовной практики. «Пожалуйста, благослови меня, чтобы я когда-нибудь понял то, о чем ты говорил сегодня».

Громко рассмеявшись, Балашива Йоги обнял меня, как старого друга. Он обратил ко мне раскрытую ладонь, благословляя меня этим жестом, а потом сжал ладонь в кулак. Когда он разжал кулак, у него на ладони лежал священный плод рудраки —

красная бусина, покрытая пеплом. Он вложил ее мне в руку как знак своего благословения, *вибхути*.

Я возвращался в джунгли, размышляя над увиденным. Конечно, способности Балашивы Йоги впечатляли, но за несколько месяцев, проведенных в Гималаях, я видел и не такое. Куда более удивительным для меня было то, что люди уже собирались поклоняться Балашиве Йоги как Богу, но он остановил их. Американцы поклоняются спортсменам за их ловкость и силу, артистам — за красоту и талант, ученым — за новые теории и изобретения, политикам — за способность влиять на людей и ораторские способности, философам — за интеллект, а бизнесменам — за их богатство. В Индии же почитают йогов за их непревзойденную способность управлять тонкими энергиями. Честность Балашивы Йоги восхитила меня. Истинная духовность заключается в постижении Бога и обретении божественных качеств, а не в том, чтобы выставлять напоказ свои способности. Поскольку люди не способны по достоинству оценить всемогущество Бога, их привлекает демонстрация мистических сил. Сев под раскидистым баньяном, я задумался, почему люди так жаждут чудес. Непревзойденные чудеса, творимые Богом, окружают нас повсюду, но мы видим их каждый день, привыкаем и потому не обращаем на них внимания. Подняв с земли семечко баньяна, я стал внимательно рассматривать его. Господь поместил в это крошечное семечко огромное дерево, и каждое такое дерево даст еще тысячи семян. Это ли не чудо? Есть и другие примеры. В одной туче, легко плывущей по небу, Бог хранит столько воды, что ею можно затопить целый город. Когда мужчина и женщина соединяются для зачатия ребенка, они даже не задумываются о том, как будет развиваться зародыш в утробе. Это происходит само собой. Разве это не чудо? Разные виды жизни наделены разными способностями. Живые существа летают, плавают, бегают, лазают по деревьям, ползают по стенам и даже создают цивилизации. Разве может это быть случайностью? Все мироздание — бескончаемая череда чудес. Конечно, способность человека управлять материальной энергией достойна уважения. Но, как справедливо укорил свою зачарованную аудиторию Балашива Йоги: «Я могу создать горстку пепла, но Бог создает вселенные».

Однажды, сидя на безлюдной горной тропе, я вдруг увидел, что ко мне приближаются два десятка мужчин весьма устрашающего вида. В руках каждый из них нес, словно знамя, железный трезубец, увенчанный человеческим черепом. Длинные дреды были уложены вокруг их голов, как короны, а спутанные бороды раскачивались из стороны в сторону в такт их шагам. С ног до головы они были покрыты толстым слоем пепла, на шее в несколько рядов висели бусы из рудракши, а лоб украшали три горизонтальные линии, символизирующие Шиву. Несмотря на холод, из одежды на них были лишь ярко-красные набедренные повязки и пояса из железных цепей. А некоторые и вовсе шли полностью нагими.

Это были Нага-бабы, или Наги. Я знал, что они дают обет пожизненного безбрачия и, чтобы уничтожить в себе половое желание, сублимировать сексуальную энергию и превратить в мистические способности, нередко прибегают к тантрическим практикам. Пренебрегая принятыми в обществе условностями, многие из них ходят обнаженными; это — часть их духовной практики. Наги не стригут волос, чтобы не сосредоточиваться на теле — это своего рода форма умерщвления плоти. История Нагов уходит корнями в глубь веков. В разное время некоторые из орденов Нагов сражались с войсками Великих Моголов, английскими завоевателями, буддистами и даже представителями других школ индуизма.

Мне очень хотелось понять, почему люди выбирают такой суровый путь. Собравшись с духом, я отважился попросить у Нагов разрешения попутешествовать вместе с ними. Один из них, говоривший по-английски, перевел мою просьбу другим, и те, потрясая над головой трезубцами, возгласами «Джай Шанкар!» выразили свое согласие. Взяв меня за руку, они приняли меня в свое

число, словно родного брата. Продолав долгий путь, мы наконец разбили лагерь на берегу реки. Жрец Нагов, по имени Дхуни Баба́, собрал хворост и возжег священный огонь. Другие Наги устроились вокруг костра, и я тоже подошел к огню, чтобы сесть рядом со всеми.

Вдруг у меня за спиной раздался душераздирающий вопль. Обернувшись, я увидел Дхуни Бабу́. Охваченный яростью, он бежал ко мне, размахивая над головой трезубцем. В глазах его плясало красное пламя, губы дрожали от гнева, а руки судорожно сжимали занесенное над головой оружие. Остальные Наги возмущенно заголосили, изрыгая проклятия и испепеляя меня своими взглядами. Я был полностью сбит с толку. Что я такого натворил? Неужели мне суждено завершить свою жизнь на трезубце Нага? Я стал молиться. В этот момент один из Нагов, с перекошенным от отвращения лицом, указал на мои резиновые сандалии. Я тут же снял их и закинул далеко в джунгли. Наги молча смотрели на меня. Воцарилась мертвая тишина, и я, затаив дыхание, ждал, что будет дальше.

Неожиданно Наги разразились дружелюбным смехом и пригласили меня сесть рядом. Почувствовав, что напряжение спало, я выдохнул и жадно глотнул морозного горного воздуха. Устроившись на холодной земле, я все еще не мог прийти в себя от потрясения. Нага-баба́, который немного говорил по-английски, объяснил мне: «Священный огонь — это наш храм. Рядом с ним нельзя находиться в обуви. На самом деле мы не были разгневаны. Просто мы решили преподать тебе урок, чтобы ты запомнил его навсегда. Сегодня ты удостоился особой милости Дхуни Бабы́».

Я торжественно покаялся, что в жизни не забуду этого урока, и Дхуни Баба́ снисходительно усмехнулся.

В центр жертвенного огня был воткнут трезубец, олицетворяющий Шиву. Читая нараспев мантры, Наги стали возливать в священный огонь топленое масло. В какой-то момент церемонии у импровизированного алтаря поставили *чиллум* — глиняную курительную трубку. Продолжая распевать мантры, Наги торжественно забили трубку *ганджей* (марихуаной) и поднесли ее самому старшему из них. Тот почтительно приложил трубку ко лбу и прочитал

какую-то молитву. Раскурив трубку, Баба передал ее дальше, и каждый Нага, прежде чем затянуться, тоже читал молитву. Когда очередь дошла до меня, я заколебался, вспомнив об обете, который дал Господу в прокуренном кандагарском подвале. Со всем уважением и деликатностью, на которые я только был способен, я отказался от трубки. Повисла неловкая тишина. Наги посмотрели на меня с неодобрением, а потом разразились криками: «Маха-прасад! Маха-прасад! Шанкар Маха-прасад!» Нага, говоривший по-английски, перевел мне: «Это — милость Шивы. Ты должен почитать его маха-прасад вместе с нами. Тогда ты сможешь медитировать на бесконечность. Отказавшись, ты нанесешь Шиве оскорбление и будешь за это жестоко наказан». Свирепый вид Нагов свидетельствовал о том, что их слова — не пустая угроза.

«Я поклялся не принимать одурманивающих веществ, это мой обет», — еле слышно выдавил из себя я.

Баба перевел мои слова остальным Нагам, и они как-то странно притихли. Один из них поднялся и бросил в священный огонь охапку хвороста. После недолгого молчания он пристально посмотрел на меня и неодобрительно покачал головой. В голове у меня промелькнула мысль: *Похоже, этот огонь станет моим погребальным костром.*

Неожиданно все Наги заулыбались. Дхуни Баба с любовью потрепал меня по голове и рассмеялся. Они с уважением отнеслись к моему обету никогда не курить ганджу.

К моему облегчению, на костер водрузили железный котел и стали готовить ужин. Когда рис и дал сварились, Дхуни Баба, произнеся мантры, взял немного готовой еды и предложил ее огню. Остальное стало освященной пищей, прасадом, и было роздано всем присутствующим. Ночь мы провели возле костра. Наутро, омывшись в студеной речной воде, я стал наблюдать за тем, как Наги натираются пеплом от священного костра. Они делали это всякий раз, когда под рукой не было пепла из крематория. Большинство Нагов сгрудилось вокруг костра. Возможно, это было вызвано холодом — я точно не знаю. Одни курили ганджу, а другие медитировали или повторяли мантры на четках из рудракши.

В какой-то момент пожилой Нага, до этого сидевший неподвижно в позе лотоса, прямо у меня на глазах медленно взмыл

над землей примерно на полметра. Вслед за ним это проделал еще один Баба́, сидевший возле костра. Я ущипнул себя, дабы убедиться, что мне это не снится. Но нет, я не спал, и все это происходило наяву. Просто я находился в ином мире — в мире неистовых аскетов, безразличных ко всему, кроме реальности, в которой они жили.

Всюду есть люди, нарушающие закон. Так и здесь, укрывшись ото всех в диком лесу, эти Наги с легкостью нарушают закон земного тяготения. Они достигли такой гармонии с природой, что могут играть с ее законами, как им заблагорассудится.

Пока двое Нагов парили в воздухе, я стал оглядываться по сторонам, чтобы посмотреть на реакцию окружающих. Но остальные Наги не обращали на происходящее никакого внимания — левитация была для них самым обычным делом.

На следующее утро я узнал о том, что Наги собираются на встречу со своим гуру. Мы отправились в лес, где их гуру́ предавался суровой аскезе. Мне рассказали, что он сутками медитирует в позе лотоса, не шевелясь и не принимая пищи и воды. Пока мы прокладывали себе путь через заросли кустарника, Нага, который знал английский и стал моим переводчиком, рассказал мне об их духовном учителе. «В двенадцать лет он ушел из дома и стал Нагабабóй. Он строго следует заповедям йоги и, в отличие от большинства из нас, не курит ганджу и не употребляет никаких других одурманивающих веществ. В его жизни нет места для чувственных удовольствий. Благодаря постоянным занятиям медитацией он обрел сверхъестественные способности, которые поражают воображение. Обычно он молчит, но если он заговорит, то все слушают только его».

Нам понадобилось шесть часов, чтобы добраться до лесной поляны, где медитировал гуру Нагов. Моему взору предстал пожилой йог гигантского роста и крепкого телосложения. Он сидел в позе лотоса, и его тело буквально вибрировало от источаемой им энергии. На вид гуру было лет семьдесят. Спутанные седые волосы ниспадали ему на спину и еще на пару метров стелились по земле.

Обнаженный и покрытый толстым слоем пепла, он медитировал с закрытыми глазами. Сообщая о нашем прибытии, один из Нагов ударил веткой дерева в примитивный гонг, а другой затрубил в буйволиный рожок. Гуру медленно раскрыл глаза и устремил немигающий взор прямо на меня.

Я задрожал от страха, а Наги окружили нас, с интересом наблюдая за происходящим. Воцарилась мертвая тишина. Вдруг гуру своим низким голосом громогласно произнес: «Незачем напрасно тратить свою жизнь! Стань Нагом!» Ударив кулаком по обнаженной груди, гуру пророкотал: «Наг одолеет иллюзию. Наг — это МУЖЧИНА!» Ткнув пальцем мне прямо в лицо, он медленно покачал головой и с силой произнес: «Стань Нага-баббй. Сейчас же. Не завтра, а прямо сейчас! Немедленно!»

Пристальный взгляд гуру пронзал меня насквозь. Ощущая себя маленьким мышонком, стоящим перед пастью рычащего льва, я подумал, что он может сжечь меня дотла одним своим взглядом. Гуру ждал моего ответа, как и все вокруг. Что я должен был сказать? И что случится после этого? Я не могу изменить своему сердцу. Я стоял молча, и секунды тянулись, как вечность. Гуру Нагов, казалось, читал мои мысли. В наступившей тишине я вдруг почувствовал уверенность, что гуру поймет меня. Да, он поймет, что, хотя я ценю его путь, этот путь все же не для меня.

С понимающим взглядом гуру поднял могучую руку и, закрыв глаза в медитации, благословил меня, промолвив: «Хорошо. Да поможет тебе Господь». Наги порадовались моей удаче и вернулись к своим делам.

Благодаря занятиям йогой, гуру Нагов излучал какую-то неземную энергию, вызывавшую чувство благоговейного страха. Воля его казалась незыблемой, как Гималаи. Я ощущал, что мне выпала большая удача увидеть его, но понимал, что мне пора идти дальше.

На следующий день я пришел поклониться гуру на прощание и попросить у него благословение на то, чтобы продолжить свое паломничество. В ответ на мою просьбу все Наги разом подняли трезубцы и воскликнули: «Джай Шанкар!» Развернувшись, я в одиночестве побрел босиком по лесной тропе. За несколько дней пребывания в общине Нагов я ощутил царивший в ней дух товарищества, который редко где можно встретить. Их верность

общине и друг другу была непритворной и ценилась превыше жизни. Странствующие повсюду Наги вызывали в людях ужас. Они были неистовы, грубы и предельно аскетичны, но таков был их путь постижения Бога.

Я решил отправиться в Бадринатх, расположенный высоко в Гималаях. В Индии существует традиция: мужчина, достигший преклонного возраста, идет в Бадринатх и остается там до прихода смерти. Но моему путешествию не суждено было состояться: снегопад и лавины перекрыли дорогу. Поэтому мне пришлось возвратиться в Ришикеш. В Ришикеше я набрел на один из самых известных ашрамов этого города – Сваргашрам. В это время там угощали садху, и, к моей радости, я тоже оказался в числе приглашенных. Садху расселись рядами на земле, лицом друг к другу, чтобы почтить духовную пищу – прасад, специально приготовленный для них. Пораженный тем, как много эти пожилые садху способны съесть по случаю праздника, я, недолго думая, последовал их примеру. Закончив есть, все вымыли руки, и многие прилегли на левый бок – традиционный способ помочь пищеварению.

После недолгого отдыха я решил исследовать окрестности ашрама. Гуляя по тропинке, я познакомился с состоятельными паломниками, которых поразило, что западный юноша живет среди садху. Остаток дня я провел в разговорах с этими людьми на веранде дома, в котором они остановились. Ближе к вечеру в дом пришел какой-то йог лет тридцати. Он попросил у богатых паломников милостыню, но те проигнорировали его. Рассердившись, йог решил преподать им урок. Он залез на стул, выкрутил из патрона горящую лампочку и раздавил ее в своей руке. Открыв ладонь, йог показал, что стекло лампочки превратилось в мелкий порошок. Удивительно, но на его ладонях не было ни порезов, ни крови. И это было только началом его представления. Далее йог проглотил стеклянный порошок и запил его чашкой воды. Зрители были поражены. Достав кошельки, они щедро вознаградили йога и попросили его продемонстрировать другие свои способности.

Представление продолжилось на расположенной поблизости стройплощадке, где йог попросил длинный стальной прут. Закрыв

один глаз тонким клочком ткани, йог упер один конец прута в глазное яблоко, в другой — в стену дома. Затем он начал приближаться к стене, и с каждым его шагом металлический прут сгибался всё сильнее. В конце концов йог дошел до стены, и в его руках оказался прут, согнутый пополам. Отбросив в сторону прут, йог отнял от лица клочок ткани и показал налившийся кровью глаз — воспаленный, но целый и невредимый.

Мне так часто приходилось видеть сверхъестественные способности йогов, что они уже перестали меня удивлять. Однако этого нельзя было сказать о паломниках. Восхищенные, они осыпали йога деньгами и просили рассказать, как он всему этому научился. Потирая глаз ладонью, йог начал свой рассказ: «В течение двадцати лет я жил со своим гуру в пещере в Гималаях. Но когда гуруджи понял, что я использую йогические способности, которые он помог мне обрести, ради денег и славы, то отрекся от меня, выгнал из ашрама и проклял, велел возвращаться к мирской жизни». Складывая пожертвования в полотняную сумку, йог продолжал: «Я собираю деньги на свадьбу. А поскольку я не могу делать ничего другого, то зарабатываю себе на жизнь демонстрацией йогических способностей».

Все йоги, с которыми я был знаком, — начиная со Свами Рамы, умевшего останавливать собственное сердце и перемещать предметы усилием мысли, и заканчивая моим энергичным другом, который материализовал на ладони бусину рудракши, — учили, что подобные чудеса не должны цениться превыше обычной преданности Богу. Но лишь сейчас я по-настоящему понял, что мистические способности могут быть вообще никак не связаны с духовностью. Конечно, меня впечатляла способность йогов нарушать, казалось бы, незыблемые законы природы. И многое из того, что мне доводилось видеть, выглядело настоящим чудом. Но теперь мне стало очевидно, что все подобные достижения бессмысленны и ничтожны, если не связаны с поисками Бога. Я искал чего-то гораздо большего.

Гималаи научили меня очень многому. Но мне по-прежнему было неясно, какой путь постижения Бога следует избрать. Поэтому я старался узнать как можно больше о разных духовных традициях

Индии. Меня манила перспектива побывать в Варанаси — знаменитом центре духовности и священном городе, воспетом в индийских писаниях. Я также хотел поближе познакомиться с буддизмом и его последователями в Бодх-Гае. В итоге я решил спуститься с гор и направить свои стопы на юго-восток.

Я собирался спускаться в долину, но у меня не было никаких сомнений, что я обязательно вернусь в Гималаи. Четыре месяца, проведенные в горах, дали мне больше, чем вся моя предшествующая жизнь, и мне еще многое предстояло осмыслить. Возвратившись к своему излюбленному камню посреди Ганги, я вновь слушал песнь реки, и перед моим мысленным взором проплывали события последних месяцев. Я вспомнил, как садху велел мне бросить в Гангу мою западную одежду и подарил одеяние странствующего отшельника; как, наблюдая за рекой, я обрел бесценные сокровища мудрости и как, поднеся свою гармонику в дар Ганге, я получил взамен ее сладостную песнь. Мне вспомнились непритязательность и мудрость Свами Чидананды; благословение, которое я получил во сне от Махариши; медитация Тат Валла Бабы и доброта прокаженной старухи; отеческая забота Кайлаш-бабы и материнская любовь Анандамойи Ма; йогические способности Балашивы Йоги, ни на что не похожие методы воспитания, принятые у Нагов, а также многочисленные уроки, которые преподали мне реки, горы, деревья, небо и дикие звери. Когда я прощался с Гималаями и их обитателями, у меня было ощущение, что в этих краях я провел лучшее время своей жизни.

В Варанаси я поехал через Дели. Глядя в окно вагона, я любовался расстилавшимися передо мной равнинами Индии. Мимо проплывали бескрайние поля — на одних колосился урожай, другие стояли под паром. Босоногие пахари с плугами шли за воловьими и буйволиными упряжками. Постепенно пейзаж стал другим, поля сменились деревнями, деревни — пригородом, и вот мы уже въезжали в Нью-Дели с его смогом и гарью. Повсюду гудели автомобили, ревели грузовики и шли толпы людей. Разносчики громко кричали, дети смеялись, а уличные менялы зазывали клиентов. Гималайские леса остались далеко позади, и я оказался в душном и грязном многомиллионном городе.

Слоняясь вокруг фонтана на Коннот-плейс, я услышал, как кто-то окликнул меня: «Манк! Неужели это ты?» Через мгновение меня схватил за руку светловолосый путешественник с маленьким канадским флажком на рюкзаке. Это был Шон, с которым я познакомился в толпе хищни на площади Пикадилли в Лондоне. Мне было приятно его увидеть, но я только что прибыл из совершенно иного мира и оказался не готов к такой встрече. Речь Шона, его манеры и сама тема разговора казались мне вульгарными и отталкивающими. Что со мной произошло? Из вежливости я терпеливо выслушивал последние новости о наших общих знакомых, о взглядах Шона на современную политическую ситуацию, о том, где и какие наркотики он принимал и как он переболел дизентерией и какой у него был при этом стул. Я поймал себя на мысли о том, что мне очень хочется сбежать от него куда-нибудь. А ведь всего год назад общение с ним доставляло мне удовольствие. Почему же сейчас все стало иначе? Может, он стал другим? Я глубоко вздохнул и вдруг понял: это не Шон изменился, а я. До встречи с ним я даже не подозревал, насколько глубоки произошедшие со мной

перемены. Но, оказавшись в обществе Шона, я ощутил себя совсем иным человеком. Это открытие потрясло меня до глубины души. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя. Голова кружилась, по телу пробегала дрожь. Я понял, что мне нужно с большей осторожностью вступать в соприкосновение с миром, который еще недавно был так близок мне, а теперь стал совершенно чужим.

Шон продолжал свою болтовню, а я стал думать о том, как сильно зависим мы от круга своего общения и окружающей среды и как это влияет на наши жизненные ценности. Возле нас бил мощный фонтан, непрерывно выбрасывая высоко в воздух струи воды. Наверху струя рассыпалась на мелкие брызги и с шумом падала в бассейн. Глядя на фонтан, я молился о том, чтобы не пасть, как эти брызги, — не опуститься до осуждения. Поскольку я жил не так, как все, мне было хорошо известно, что значит быть объектом осуждения, и я никогда не простил бы себе подобного отношения к другим. И тем не менее я понимал, что в глубине души осуждаю Шона. Да, я больше не разделял его убеждений и интересов, но что мешало мне уважать его как душу, имеющую такое же божественное начало, как и я, но самому при этом вести именно тот образ жизни, который я теперь считал правильным? Такие мысли проплывали у меня в уме, пока мы разговаривали с Шоном. Шон предложил мне пообедать вместе, но я вежливо отказался.

«Как хорошо, что мы с тобой встретились, Манк», — сказал он, энергично пожимая мне руку.

«Да, встреча с тобой мне многое дала, Шон».

С этого дня во все свои приезды в Нью-Дели я ночевал с другими садху в храме Ханумана недалеко от Коннот-плейс.

На следующий день я продолжил свое путешествие в Варанаси. Одно из преимуществ поездов третьим классом заключалось в возможности сойти с поезда на любой остановке, а позже заскочить в другой поезд, следующий в том же направлении. Поэтому, когда мы остановились в Агре, где находится одно из семи чудес света — Тадж-Махал, разве мог я упустить возможность побывать в этом знаменитом мавзолее семнадцатого века? Миновав массивные ворота, я увидел череду водоемов и кипарисовую аллею. По обе

стороны от них был разбит цветущий сад в персидском стиле. На дальнем конце аллеи, на фоне голубого неба и реки Ямуны, возвышался Тадж-Махал. Подойдя ближе, я стал с восхищением рассматривать ажурную резьбу по белоснежному мрамору с инкрустацией самоцветами.

Устроившись в саду, я прочитал брошюру об истории Тадж-Махала. Шах, правитель из династии Великих Моголов, возвел его в честь покойной жены, которую очень любил. Тадж-Махал задумывался как ее усыпальница. Он был завершен в 1653 году. Двадцать тысяч рабочих и мастеров строили это величественное сооружение двадцать два года. Легенда гласила, что, когда мавзолей был готов, самым талантливым мастерам отсекали руки, чтобы они никогда больше не смогли создать подобный шедевр. Впоследствии власть в царстве захватил один из сыновей шаха. Он бросил отца в темницу, некоторых своих братьев сослал, а других убил. Оторвавшись от брошюры, я задумался над этой историей. Построив великолепные дворцы, крепости, мечети и сам Тадж-Махал, этот шах потерпел поражение от собственного сына и остаток жизни провел в темнице. И пока он страдал в заточении, члены его семьи убивали друг друга.

Вот к каким трагическим последствиям приводит неумная жажда власти. Прекрасный цветок любви не может выжить в сердце, заросшем сорняками жадности и своекорыстия. Вот почему настоящий памятник любви — это победа над завистью, похотью и алчностью в своем сердце.

Я продолжил свое путешествие в древний город Варанаси, который англичане в свое время переименовали в Бенарес. Прославленный в священных писаниях Индии под именем Каши и почитаемый миллионами индусов как самый священный из всех городов, он особенно дорог тем, кто поклоняется Богу в образе Шивы. Приехав в Варанаси, я первым делом направился к Ганге. Над рекой вставало солнце. Ведущие к воде каменные ступени древних *гхатов*, или купален, простирались, насколько хватало глаз.

Десятки тысяч людей собрались на берегу для ритуального омовения. Повсюду курились благовония, и их ароматный дым поднимался к небу. Звенели бронзовые тарелочки и колокольчики, трубили рожки и ритмично стучали барабаны. Флейты выводили нежные мелодии, а струнные инструменты играли священные *раги*. Люди подносили реке огромное множество цветов и гирлянд. Песни, гимны и мантры доносились со всех сторон и сливались воедино, возносясь к Богу. В знак уважения к Ганге женщины были одеты в нарядные сари, а на мужчинах красовались яркие тюрбаны. Укрывшись от солнца большими зонтами, торговцы разложили на ступенях гхатов целые горы цветных порошков — красных, желтых, зеленых, оранжевых и синих.

Поклоняющиеся подносили реке благовония и лампы, дули в раковины, обмахивали ее опахалами. Стоя по пояс в воде, толпы людей возносили Ганге молитвы, делали ей подношения и проводили другие обряды. В реке омывались все — мужчины, женщины и дети, коровы и буйволы, козы, обезьяны и даже слоны. В нескольких местах бесплатно раздавали освященную пищу. Торговцы продавали с тележек разнообразную снедь и религиозную атрибутику. Это был настоящий праздник — праздник преданности и религиозных чувств. Заразившись энтузиазмом окружающих, я тоже совершил утреннее омовение.

От купальни я направился в древний храм Каши-Вишванатха, расположенный в самом сердце Варанаси. Как гласят священные писания, некогда в этом месте жил Господь Шива со своей божественной супругой Парвати. На протяжении веков храм был местом паломничества для святых, царей и простых людей. В какой-то момент популярность храма привела императора Моголов в такую ярость, что он разрушил его до основания и возвел на его месте огромную мечеть. К счастью, индусы успели спрятать божество Шивы и впоследствии установили его в новом храме. С тех пор его, как и прежде, каждый день посещают десятки тысяч верующих.

Прогуливаясь по Варанаси, я вдруг услышал причитания женщин. По узким улочкам к реке двигалась похоронная процессия. Тело покойного лежало на украшенных цветами бамбуковых носилках, которые на плечах несли его близкие. Если мужчины,

идушие следом за носилками, еще держали себя в руках, то женщины плакали навзрыд. Их страдания никого не могли оставить равнодушным. Преисполнившись сочувствия, я присоединился к процессии, чтобы посмотреть, как проходит обряд кремации. Ничего похожего мне никогда не доводилось видеть на Западе. Здесь, у погребального гхата в Варанаси, я созерцал таинство смерти, которое философы безуспешно пытаются постичь уже много тысячелетий. Молясь, чтобы мне хотя бы немного приоткрылась завеса этой тайны, я принял решение, что буду с восхода до заката сидеть здесь, у Маникарника-гхата, и размышлять о неотвратимости смерти.

Многие индусы считают большой удачей умереть в Варанаси на берегу Ганги, потому что здесь сам Господь Шива приходит к умирающему и шепчет ему на ухо имя Рамы — Верховного Господа, источника вечного блаженства, а это освобождает душу из бесконечной череды рождений и смертей. Вот почему в Варанаси приезжает много пожилых паломников, которые надеются встретить здесь свою смерть. Устроившись в месте, откуда было хорошо видно, как сжигают мертвое тело, я стал наблюдать за родными и близкими покойного, помимо своей воли оказавшимися лицом к лицу со смертью. Когда процессия молящихся и причитающих пришла к месту кремации, тело водрузили на бревна, подготовленные для погребального костра, и под чтение молитв, мантр и писаний украсили священными предметами. Старший сын, а может быть, ближайший родственник умершего, обошел вокруг тела, окропив его водой из Ганги, а затем поднес пылающий факел к дровам костра. Кремация мертвого тела символизировала высвобождение духа, а огонь олицетворял собой творца Брахму. Быстро занялся костер, и языки пламени становились все выше и выше, вознося к небу клубы черного дыма. После этого плачущие родственники вознесли прощальную молитву, омылись в реке и разошлись, а я остался, внимательно наблюдая за последними мгновениями существования мертвого тела. Первым делом огонь испепелил волосы. Потом стала морщиться кожа, гореть внутренние органы и крошиться кости. Постепенно пламя пожрало все тело, и от него не осталось ничего, кроме горстки пепла. Затем этот прах был тщательно собран и опущен в Гангу — последнее пристанище покойного.

Таков был финал человеческой жизни. И происходило это под сладкие звуки песни матери-Ганги, которая звала обратно, в мир вечной реальности. Временами в этой песне мне слышалась мантра Харе Кришна, и я повторял ее, размышляя о смерти. Рано или поздно тело каждого из нас будет предано земле или огню. Но если тело — истинный объект любви наших родных и близких, то зачем они сжигают его?

Нет, не тело любят люди, а душу. Тело — всего лишь временная оболочка души. Без нее тело подобно автомобилю, из которого вышел водитель. Я смотрю на мир глазами, ощущаю запахи с помощью носа, чувствую вкус языком, слышу ушами, осязаю кожей, размышляю с помощью мозга и люблю сердцем. Но кто этот «я»? Кто управляет моим телом, являясь свидетелем всех его поступков и испытывая от них наслаждение и страдание?

Я пытался найти ответ на этот вопрос, наблюдая, как один за другим кремировали трупы и опускали прах в священные воды Ганги. Когда-нибудь и нас унесет река времени. Независимо от расы и пола, национальности и образования, богатства и вероисповедания — все мы равны перед лицом смерти.

Ночевал я на речном берегу или под деревом, а днем просил подавание — обычно это была пригоршня рисовых хлопьев. Такой я избрал образ жизни. На здоровье я не жаловался, если не считать нескольких случаев заболевания дизентерией. Одежда, которую я получил в Ришикеше, была по-прежнему на мне, хотя и пришла в негодность. Волосы отросли еще длиннее. Ноги загрубели и покрылись трещинами от хождения босиком по джунглям и полям, деревням и городам. Мои пожитки сводились к деревянной чашке для подаваний, посоху и полотняной сумке, в которой лежали книги и репродукция, купленная на последние деньги. Хотя я почти ничего не имел, на сердце у меня было легко и радостно — ведь у меня была цель, и я в нее свято верил. Жизнь преподносила мне новые и новые уроки,

и я старался быть прилежным учеником. Какая-то сила внутри постоянно толкала меня вперед. Я шел, подталкиваемый желанием как можно больше увидеть и как можно большему научиться. Что-то побуждало меня заводить все новые и новые знакомства и не задерживаться подолгу на одном месте. Что или, точнее, *кто* это был?

Я верил, что толкает меня вперед Сам Бог, чье присутствие я постоянно ощущал с раннего детства; тот, кому я молился еще ребенком; тот, кто был так далеко и вместе с тем так близко; тот, кого я много раз предавал, став подростком, и кого теперь стремился познать и полюбить.

В Варанаси я узнал, что есть еще одно святое место, связанное с Шивой, — Пашупатинатх. Мне сказали, что раз в году там отмечают особую ночь, в которую ни одна молитва, обращенная к Шиве, не остается без ответа. Меня очень воодушевило как само благословение, так и перспектива приключения, которое наверняка таило в себе предстоящее путешествие.

Преодолев на поезде и на попутках почти четыреста километров, я прибыл в долину Катманду в Непале, где находится храм Пашупатинатха. К храму стекались тысячи паломников, но меня, как иностранца, в храм не пустили. Однако я проделал такой долгий путь не для того, чтобы вернуться восвояси, так и не побывав в эту ночь в храме. Во что бы то ни стало я хотел провести ее в молитве о том, чтобы найти свой путь к божественной любви. Сильно рискуя, я натерся пеплом из священного костра и, став неузнаваемым, все-таки проник в храм. Этот случай* оказал на меня огромное влияние и заставил многое переосмыслить.

На следующее утро я отправился в обратный путь — в Индию. Мне предстояло проделать более чем триста километров на юг от Пашупатинатха — в Бодх-Гаю, что в штате Бихар, самое святое место для буддистов всего мира. Две с половиной тысячи лет назад царевич Сиддхартха Гаутама покинул свой роскошный дворец, чтобы обрести освобождение от мук рождения, старости, болезней и смерти. Шесть лет он провел как отшельник, подвергая себя самоистязаниям, постясь, спя на голой земле и совершая другие

* Этот эпизод вынесен в «Пролог».

аскезы. Осознав тщетность своих попыток, после долгих странствий Гаутама пришел в Гаю, сел в позу лотоса под деревом пипал и поклялся не сходить с места, пока не достигнет просветления. Подобно тому как дьявол искушал Иисуса в пустыне, иллюзорная энергия, Майя, соблазняла Сиддхартху всевозможными удовольствиями, но он остался непоколебим. Под священным деревом пипал в Бодх-Гае он стал Буддой – Просветленным. С тех пор этому дереву поклоняются как Дереву Бодхи, или Дереву Просветления.

Под Деревом Бодхи я изучал книги об учении Господа Будды и с чувством благодарности медитировал от восхода до заката. Сидя под Деревом Бодхи, я чувствовал, как мощный поток энергии уносит меня за пределы тела и ума далеко в космос.

В 1960-е годы дзен-буддизм стал очень популярен на Западе благодаря таким авторам, как Тейтаро Судзуки и Алан Уоттс. Я был знаком с некоторыми их трудами, и мне нравилась простота и прямота этого учения. Я очень обрадовался, когда узнал, что в это время в Бодх-Гае находится учитель дзен-буддизма из Японии, и решил воспользоваться этой возможностью и послушать его лекции. В комнате для медитации, нетерпеливо дожидаясь первой встречи с учителем, собралось человек пятнадцать. Половина из них были индусы, а половина – американцы и европейцы. Раздался звук колокольчика, и в комнату вошел почтенный японец в развевающихся черных одеждах. Голова его была гладко выбрита, а в руке он держал бамбуковую палку. Учитель неторопливо сел на пол и выпрямил спину. Он начал говорить, и в этот миг солнечный луч высветил его внушительную фигуру: «Я буду вашим учителем. Ваш учитель научит вас изначальной практике дзен, которая передавалась из поколения в поколение». Его ритмичная речь оказывала на слушателей гипнотическое действие. «Корень всех страданий кроется в желаниях, – стал объяснять он. – А желание возникает из-за привязанности ума к чувствам. Свобода заключается в том, чтобы опустошить ум, изгнать из него все мысли. Избавиться от мыслей, или победить свой ум, – значит обрести *сатори*, освобождение». Глаза учителя были плотно закрыты, и он сосредоточенно объяснял, что дзен – это непосредственное постижение смысла жизни, не обремененное логикой и философскими

поисками истины, которые лишь отвлекают от медитации. «Каждый из вас — Будда, — сказал он, — но вы должны открыть эту истину сами. Все живые существа являются Буддами, так же как лед есть не что иное, как вода». Затем он процитировал знаменитого толкователя дзен-буддизма: «Великий Тейтаро Судзуки писал, что практика дзен — это жизнь, исполненная смирения и труда, служения и молитвы, благодарности и медитации».

Затем он стал рассказывать о своей методике обучения: «Ваш учитель будет строг с вами. Вы должны повиноваться каждому его слову и всегда хранить молчание. Согласны?» Все закивали. Далее учитель стал объяснять правила поведения: «Вы должны игнорировать потребности чувств: никакого секса, никаких наркотиков, никаких азартных игр и никакой музыки. Вы будете есть, только когда вам разрешит учитель, и лишь то, что он даст вам». Новички поморщились от этих слов, но старшие ученики приободрили их. Японец продолжил: «Ваш учитель будет обучать вас с помощью *коанов* — притч-загадок, которые освободят вас от оков рационального мышления. Ваш учитель научит вас *кинхину* — медитации во время ходьбы, и *дзадзэну* — медитации в положении сидя. Каждый день у нас будет три групповых занятия дзадзэном длительностью один-два часа. Вам нужно будет сидеть абсолютно неподвижно. За малейшее движение учитель будет наказывать вас ударом бамбуковой палки».

Затем учитель, положив руки на колени, показал нам технику освобождения ума от всех мыслей. Для этого нужно было сесть и сосредоточиться на линии, образованной пересечением пола и стены, не обращая внимания ни на что другое. «Когда учитель позвонит в колокольчик, вы начнете медитировать и закончите только по второму звонку».

На первом же вечернем занятии у меня затекло плечо, и я слегка пошевелил им. И тут же на мое плечо обрушился удар бамбуковой палки. Это был первый и последний раз, когда я шевелился во время медитации. Любого, кто нарушал это правило, тотчас постигало наказание. А поскольку от долгого сидения у многих начинали ныть руки и ноги, да к тому же не давали покоя комары, звуки удара палки по телу раздавались регулярно. Наконец, учитель позвонил в колокольчик, и наша попытка завершилась.

Все ученики согласились обрить голову — все, кроме меня. В отличие от других, я не собирался посвятить свою жизнь практике буддизма. Мне не доставало для этого решимости и убежденности. Пройдя двухнедельный курс, я поблагодарил учителя и продолжил свои поиски. Я считал, что упорядоченный образ жизни, которого добивался от нас учитель, и постоянные занятия медитацией принесли мне определенную пользу. Однако что-то в этой практике меня настораживало, хотя я и не мог понять, что именно.

Через несколько дней, закончив медитацию под деревом Бодхи, я встретил молодую американскую чету: двух верных последователей японского учителя. Когда я поинтересовался, как у них дела, женщина неожиданно расплакалась. «Ты не поверишь, что произошло в ашраме после того, как ты ушел оттуда», — сказала она.

«И что же там случилось?» — настороженно спросил я, сидя под деревом Бодхи.

Тяжело вздохнув, женщина присела рядом и начала свой рассказ.

«Поздно ночью Джонатан пошел на улицу в туалет. Случайно он заметил одну очень странную вещь, — она сделала паузу, чтобы совладать с собой, и стала тереть глаза. — Ты помнишь Пэм, американскую последовательницу учителя?»

Я кивнул.

«Так вот, она вошла в покои учителя, а вышла оттуда лишь несколько часов спустя и выглядела очень испуганной. Несколько последующих ночей Джонатан провел в банановых зарослях, следя оттуда за комнатой учителя. К его ужасу, каждую ночь повторялось то же самое. Когда я узнала об этом, то решила поговорить с Пэм начистоту, и та во всем созналась. Учитель вступал с ней в любовную связь каждую ночь».

Женщина стала всхлипывать в носовой платок, а потом посмотрела на меня: «Он предал нас».

От услышанного у меня похолодело внутри.

Моя знакомая продолжила свой рассказ, описав, как они решили проверить учителя, подсыпав ему в чай ЛСД. Под влиянием наркотика он проявил себя во всей красе. «Ты не поверишь, что он говорил! Он стал превозносить себя на все лады!» Понизив голос,

она стала трясти пальцем у меня перед носом, пародируя учителя: «Вы должны повиноваться мне и только мне! Я достиг просветления. Все остальные — обманщики. Любой, кто усомнится в моих словах или поступках, обречен».

В завершение рассказа моя знакомая призналась, что от учителя ушли все его ученики.

Мне было больно услышать о том, что случилось с одним из моих учителей. Попрошавшись с американскими знакомыми, я попытался разобраться в происшедшем. Учитель дзен был очень строг к ученикам, но, как выяснилось, не к себе самому. Он исказил древнюю традицию и бросил тень на тех, кто учил ей и искренне следовал. Как это ни прискорбно, но ни одна религия мира не избежала такой участи — лицемеры и притворщики были везде.

Безответственный духовный учитель способен разбить сердца своих последователей и подорвать их веру, после чего они будут с подозрением относиться даже к настоящим учителям истины. Какую боль причинило лицемерие учителя дзен тем, кто доверял ему, и какой ущерб нанесло это ему самому! Нет ничего важнее, чем хранить верность своим идеалам и самому следовать тому, что проповедуешь.

В живописных окрестностях Бодх-Гаи располагались многочисленные храмы, возведенные буддистами из разных стран Азии. Я посещал их один за другим, и в умиротворяющей обстановке бирманского *вихара* (храма) познакомился с учителем по имени Сатъя Нараяна Гоэнка. Этот учитель из Бирмы уже более года жил здесь и обучал всех желающих древней технике медитации. Он пригласил меня на десятидневные курсы, которые начинались на следующий день. Привлекшись его искренностью, я присоединился к группе из десятка его учеников. Гоэнкаджи, как мы называли его, заботился о нас, словно родной отец. Его слегка тронутые сединой волосы были разделены аккуратным пробором, а чисто выбритое лицо излучало спокойствие. Одет он был в длинную, до лодыжек, синюю клетчатую лунги (кусок ткани, обернутый вокруг талии) и белую рубашку на пуговицах.

Сидя на полу со скрещенными ногами, Гоэнкаджи стал рассказывать нам о себе. Родился он в 1924 году в семье индийцев, которые переселились в Бирму и имели там свой бизнес. Несмотря на богатство и положение в обществе, Гоэнкаджи не был счастлив. Особые страдания ему доставляли регулярные мигрени и беспокойства. «В 1955 году я познакомился со своим досточтимым учителем Саяджу У Ба Кхином, — сказал Гоэнкаджи. — Эта встреча перевернула мою жизнь, и последующие четырнадцать лет я учился под его руководством. Традиция, которую он представляет, восходит к самому Будде. Учение Будды не было сектантским. Он проповедовал *дхамму*, или *дхарму*, — путь к освобождению». Гоэнкаджи объяснил, что *випассана* («созерцание вещей в истинном свете») — это одна из древнейших техник медитации в Индии. «Гаутама Будда открыл ее заново более двух с половиной тысяч лет назад и учил ей как универсальному средству от всех проблем». Гоэнкаджи вспоминал о своем учителе с большой благодарностью: «Хотя У Ба Кхин был семейным человеком, а не монахом, он в совершенстве освоил випассану сам и обучал ей других. Поскольку его мечтой было возвращение випассаны на ее родину, в Индии, он благословил меня на эту миссию».

Гоэнкаджи был очень честным и порядочным человеком, которому можно было довериться без оглядки. Его учение было простым и действенным. Трижды в день мы проводили групповую медитацию, а по вечерам Гоэнкаджи читал лекции. «С помощью этой медитации, — говорил он, — вы научитесь видеть жизнь внутри и вне себя. Вы будете наблюдать ее отстраненно, освободившись от представлений об удовольствии и боли, победе и поражении, счастье и горе. Таким образом, ваш ум будет достигать все более и более тонких состояний умиротворения, а из умиротворения родится сострадание».

Каждое утро я наедине беседовал с Гоэнкаджи, и мы очень сблизились с ним. Он проявлял искреннюю заботу о каждом из нас, своих учеников, ничего не требуя взамен. Благодаря его духовной силе и убежденности наша маленькая группа ощущала себя очень защищенной. Когда курсы закончились, Гоэнкаджи пригласил меня на новый цикл обучения, который был запланирован в Бомбее, и мы договорились с ним встретиться там.

Несколько дней я от восхода и до заката занимался випассаной под священным Деревом Бодхи, а потом шел в храм и молился золотой статуе Будды, прося благословений.

Из Бодх-Гаи я отправился на северо-запад, в Сарнатх, где в «Парке оленей» Будда начал свою проповедническую миссию. Там я изучал клятву Бодхисаттвы. Человек, приносящий эту клятву, следуя по стопам Будды, жертвует своей жизнью ради спасения всех живых существ от страданий, вызванных иллюзией. Размышляя над этим качеством, я решил отправиться из Сарнатха в Калькутту, чтобы попросить благословение у святой, о бескорыстии которой так много слышал, — Матери Терезы.

Сойдя с поезда на вокзале Ховра в Калькутте, я с трудом пробрался сквозь толпу и направился на берег Ганги, к Кали-гхату. Было раннее утро. Подойдя к храму Кали — богини, олицетворяющей сострадание Господа Шивы и уничтожающей зло, — я увидел у входа большую очередь. В лавках у храма продавались изображения Кали, на которых она стояла, высунув длинный язык и держа в руке меч. Торговцы громко выкрикивали: «Джаба мала!» — предлагая купить гирлянды из кроваво-красных цветов гибискуса, которые, как принято считать, особенно нравятся богине. Эти цветы в форме колокола имеют пять лепестков и длинный, усыпанный тычинками пестик, свисающий из центра цветка наподобие языка Кали. В шумных лавках были выставлены горы благовоний и бижутерии. Торговцы наперебой зазывали покупателей, настойчиво предлагая им купить молочные сладости, цветы, кокосовые орехи и красный порошок киноvari для подношения богине в храме. Это было целое столпотворение паломников, лавочников и нищих. Из динамиков раздавались оглушительные звуки музыки. У входа в храм рядами сидели прокаженные, калеки и вдовы. Они тянули к прохожим руки, выпрашивая милостыню. Я хотел хоть как-то облегчить страдания этих людей, но мне нечего было предложить им, кроме извиняющейся улыбки и молитвы. Через ворота храма в обе стороны тек нескончаемый людской поток. Паломники толкались и о чем-то переговаривались друг с другом. Я вошел внутрь и понял, что совершенно не готов к зрелищу, которое открылось моему взору.

Напротив богини стояло несколько жертвенных алтарей, забрызганных кровью. Отчаянно блеял подвешенный за ноги черный козел, голова которого была зажата между окровавленными колыями. Обнаженный по пояс жрец прочитал мантры, замахнувшись большим кривым ножом с широким клинком и одним ударом отсек несчастному животному голову. Из козлиной шеи хлынула кровь. Безжизненная голова, глядя на мир невидящими глазами, со зловещим стуком упала на пол. В тот же миг служители подхватили туловище и понесли его на кухню, чтобы приготовить еду для раздачи бедным.

Борясь с приступом тошноты и пытаясь осмыслить увиденное, я бросился на берег Ганги. *Как отличается это кровавое зрелище от всего, что я видел, живя среди умиротворенных мудрецов*, — думал я, — *но ведь мудрецы тоже являются последователями индуизма*. Это очевидное противоречие поставило меня в тупик. На берегу я встретил пожилого садху, который читал книгу, облокотившись о хлебное дерево. Я поделился с садху своими сомнениями, и вот что он ответил мне: «Когда-то я тоже был жрецом в одном таком храме. Жертвенным мечом я отрубил головы великому множеству животных. Но в какой-то момент меня стал мучить по ночам один и тот же кошмар».

«Что же Вам снилось?» — спросил я.

«Мне стали являться во сне убитые мною козлы. Сначала они жалобно блеяли, а потом, глядя на меня полными ненависти глазами, принимались бодать меня рогами и рвать зубами мое тело на куски. В конце появлялся чудовищный жрец с телом человека и козлиной головой. Он клал мою голову на алтарь и отрубал ее моим же топором для разделки мяса». Захлопнув книгу, старик откинулся назад, прислоняясь к дереву. «Я больше не мог выносить этого и, оставив обязанности жреца, стал вести жизнь садху». Я слушал старика с широко раскрытыми глазами. «В любой религии, — сказал он, — верующие истолковывают священные писания по-своему и следуют тем или иным духовным практикам в соответствии со своим пониманием. Для стремящихся к вершинам духовного знания предназначен метод медитации и бескорыстного служения Богу. Тем, кто стремится к более утонченным материальным наслаждениям и искуплению грехов, рекомендовано возвращать

в себе благочестие. А для тех, кто хочет исполнить свои материальные желания, существует целый арсенал методов, включая жертвоприношения, одно из которых ты наблюдал. Говорится, что Веды подобны древу желаний — в них можно найти путь к достижению любой цели. Богиня Кали — это всемилостивое олицетворение материальной природы. Разные люди поклоняются ей по-разному, но, что бы ни происходило в ее храмах, сама Кали принимает только вегетарианскую пищу».

Я сидел и смотрел на плавно текущую передо мной реку. На Западе, думал я, тоже забивают миллионы животных, но делают это так, чтобы никто не видел. А здесь любители мяса, по крайней мере, имеют возможность посмотреть, откуда оно берется и какую цену платят невинные животные за диетические пристрастия людей.

До этого дня я полагал, что чем больше разных религиозных путей я изучу, тем шире станет мое понимание духовности. Но сегодняшнее происшествие показало, что без опытного проводника сам я не смогу разрешить кажущиеся противоречия в разных религиозных традициях и только еще больше запутаюсь.

Я шел по шумным улицам Калькутты, и сердце мое трепетало в предчувствии нового поворота в моей судьбе. Мимо с ревом проносились грузовики. Водители легковых автомобилей непрерывно сигналили друг другу, не желая уступать дорогу. Скрип велосипедов сливался с рокотом мотороллеров — количество на дороге и тех и других исчислялось сотнями. Босоногие рикши, обливаясь потом, везли целые семьи. Фыркали волю, запряженные в перегруженные повозки. Повсюду разгуливали собаки и коровы, буйволы и овцы, а между ними сновали спешащие по своим делам пешеходы.

Наконец я добрался до женского монастыря, где служила Мать Тереза. Монастырь представлял собой неказистое одноэтажное здание. У дверей меня со скромной улыбкой встретила католическая монахиня: «Орден Милосердия приветствует Вас. Чем могу Вам служить?»

Почтительно сложив ладони, я попросил:

«Могу ли я увидеть Мать Терезу?»

«Идите за мной. Я узнаю, примет ли она Вас».

Монахиня отвела меня в простую часовню: «Это наша молитвенная комната. Здесь мы вместе с матушкой проводим богослужения». Я преклонил колени и прочитал молитву. Когда я поднялся, монахиня повела меня из часовни по коридору. Вдруг она остановилась у открытой двери со словами: «А вот и матушка! Она сейчас занята по хозяйству».

Заглянув в тускло освещенную комнату, я увидел Мать Терезу, которая скребла большой закопченный котел. Эта картина тронула меня до глубины души.

«Матушка, — обратилась к ней моя провожатая, — это Ричард, садуху из Америки. Он хочет поговорить с Вами».

Мать Тереза приветствовала меня сложенными ладонями: «Вы позволите мне прежде завершить мое служение? Простите великодушно, что заставляю Вас ждать».

«Конечно, матушка», — ответил я.

Монахиня отвела меня в небольшую комнатку и предложила подождать, пока Мать Тереза домоет котлы. Через несколько минут та вошла в комнату и села на стул возле меня. Несмотря на преклонный возраст и хрупкое телосложение, в ней чувствовалась нестигаемая сила духа. Жизнь, полная лишений, оставила глубокие морщины на ее лице, но при этом глаза ее были чисты и невинны, как у ребенка. Несмотря на занятость, она нашла время поговорить с таким незначительным посетителем, как я. Ее голос звучал негромко, но слова шли от самого сердца: «Самая большая проблема в мире — это голод. Не голод плоти, а голод сердца. От него страдают все — и бедные, и богатые. Все они одиноки и все жаждут любви». Взгляд ее пронзительных глаз отворил мое сердце, и слова проникали в самую глубину моего сознания.

«Только любовь Бога может утолить голод сердца. Другого способа не существует. Накормить голодных совсем нетрудно, — она сделала жест, как бы перечеркивая все свои заслуги на этом поприще. — Гораздо сложнее наполнить изголодавшиеся сердца людей любовью к Богу. Сложность заключается в том, что дать эту любовь другим способен лишь тот, кто сам чист сердцем».

Мать Тереза без остатка посвятила себя делу Иисуса Христа. Ее преданность была глубокой, как океан, и каждое слово, слетавшее с ее уст было подобно волне в океане ее преданности.

Она продолжала: «Бедность — это не только нехватка одежды, это еще и нехватка человеческого достоинства и чистоты. Настоящая нищета царит там, где люди потеряли уважение друг к другу». Прижав руки к сердцу, она вздохнула: «Когда нищие из Калькутты умирают у меня на руках, я вижу в их глазах луч надежды. Но я не вижу этой надежды в глазах многих богатых и влиятельных жителей Запада. Истинное богатство можно найти только в сердцах тех, кто верит, что Бог любит нас. И мир отчаянно нуждается в том, кто способен поделиться этим богатством и дать надежду людям, нищим сердцем».

В это время в комнату вошли другие посетители. Одна англичанка, недоумевающая, спросила Мать Терезу: «Почему Вы сами моете котлы? Неужели никто другой не может этого сделать?»

Мать Тереза ласково взглянула на женщину: «Служение Богу и человечеству — это привилегия, а не повинность. Любое служение Богу — это благословение. Не бывает почетного или презренного служения».

«Но матушка, — вступил в разговор муж этой женщины, — откуда Вы берете на все это силы?»

Мать Тереза показала свои четки. Затем она произнесла слова, которые я уже не раз слышал от святых людей самых разных религиозных традиций: «Я черпаю силу в Святом Имени Бога».

Она повернулась ко мне и сказала: «Смиренного не могут задеть ни хула, ни похвала, потому что смиренный знает, кто он на самом деле. Бог видит все. Никогда не впадай в уныние из-за постигшей тебя неудачи, если ты знаешь, что сделал все что мог». Слова ее отзывались в моем сердце.

Уже собираясь уходить, англичанка поблагодарила Мать Терезу за все, что та делает. «Все делает Бог, — возразила Мать Тереза, — а я всего лишь ничтожное орудие в Его руках». Затем она извинилась и сказала, что ей надо думыть котлы.

Мать Тереза родилась в 1910 году в Македонии в семье албанцев. В семнадцать лет она вступила в монашеский орден, и вскоре ее направили в школу Святой Марии в Калькутте в качестве преподавателя. Впоследствии она стала директором школы. В 1948 году в ее жизни произошло важное событие: она нашла свое призвание, начав служить нищим в трущобах Калькутты. В 1950 году всего

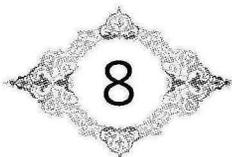
с двенадцатью помощницами Мать Тереза основала монашескую конгрегацию «Сестры Миссионерки Любви». В последующие годы ее самоотверженное служение привлекло тысячи человек, желающих помочь ей в осуществлении миссии Бога.

Я попросил монахиню проводить меня в приют для больных и умирающих. Ощущая себя неспособным хоть как-то помочь им, я взялся за самое простое служение — подмел пол и разнес посуду. Вскоре в приют пришла Мать Тереза. Ее присутствие наполнило эту мрачную обитель страдания и смерти светом радости и надежды. Взяв за руку женщину, измученную болезнью, она нежно улыбнулась ей. Женщина сразу преобразилась. Глаза ее засияли от радости, и она улыбнулась в ответ.

Затем матушка стала ходить от одной кровати к другой, причем было видно, что делает она это не из чувства долга, а из искренней любви. На одной кровати лежал очень истощенный мужчина. Он харкал кровью, и было видно, что жить ему осталось недолго. Когда Мать Тереза погладила его по голове, он посмотрел на нее так, словно она была ангелом, спустившимся к нему с небес в час величайшей нужды. Повернув голову, он улыбнулся ей. «Бог любит тебя, — негромко произнесла Тереза. — Вспоминай о Нем с благодарностью». Нашла она слова утешения и для умирающей женщины, которую бросили все ее родные и близкие: «Если ты действительно хочешь полюбить Бога, ты должна научиться прощать». Было видно, как несколько простых слов сняли бремя, лежавшее на сердце этой женщины. Любовь, которую Мать Тереза испытывала к Богу, распространялась и на все Его чада. В присущей ей скромной и непритязательной манере она дарила чудо надежды всем, с кем соприкасалась. К каждому, будь то индус, мусульманин, иудей или христианин, она относилась с одинаковой любовью и нежностью. В какой-то момент она повернулась ко мне и сказала: «Я вижу своего возлюбленного Иисуса в каждой из этих страждущих душ. И Господь милостиво принимает мою любовь через них».

«Матушка, — робко произнес я, — они видят, как через Вас проливается любовь Иисуса».

Мать Тереза широко улыбнулась в ответ: «Что это, как не чудо божественной любви?»

Из Калькутты я отправился в длительное путешествие на поезде через весь индийский субконтинент и через два с половиной дня прибыл в Бомбей, чтобы пройти у Гоэнкаджи еще один курс медитации. В поезде я медитировал на картину с прекрасным флейтистом, которую везде возил с собой. Мое необъяснимое влечение к нему росло день ото дня. Я думал: «Когда же мне откроется, кто это такой?»

Занимаясь у Гоэнкаджи в Бомбее, я снова поразился тому, с какой самоотдачей подходит он к преподаванию. Когда ученики видят, что учитель вкладывает в уроки все свое сердце, у них естественным образом тоже возникает желание целиком посвятить себя учебе.

К тому моменту как завершился десятидневный учебный курс медитации, желание размять ноги и развезаться стало непреодолимым. Поэтому я решил подольше погулять по городу. Несколько часов я брел куда глаза глядят и в конце концов оказался на каком-то оживленном перекрестке. Дождаясь зеленого света, я стал оглядываться по сторонам. Мимо, сигналив, ехали автомобили. В нескончаемом потоке людей, огибавшем меня, словно река, мелькали служащие в костюмах и галстуках с портфелями в руках, беспризорники в лохмотьях и попрошайки, женщины в ярких сари, уличные торговцы со своим товаром и пожилые мужчины, одетые в традиционные одежды в стиле Ганди. Одни прохожие были смуглы, другие — с легким загаром, а на коже третьих виднелись пятна белой проказы*. В толпе пешеходов я заметил несколько туристов и туристок европейского вида в джинсах и мини-юбках. Современные многоэтажные здания у меня за спиной соседствовали с хижинами

* Депигментация кожи, витилиго.

и коттеджами в викторианском стиле. В ясном небе светило солнце, и, когда я перевел взгляд вверх, мое внимание привлёк огромный рекламный щит, на котором крупными красными буквами сообщалось о проведении духовного фестиваля на Кросс-Майдане.

Кросс-Майдан – это большой парк в центре Бомбея. Посреди парка возвышался гигантский шатер, так называемый пандал. Войдя в него, я очутился в мире красок. На стенах пандала, сделанных из красной, зеленой и желтой ткани, висели репродукции индийских картин. От курившихся повсюду благовоний поднимались клубы ароматного дыма. Подойдя к длинному столу, я стал рассматривать разложенные на нем книги, и вдруг мой взгляд остановился на одной из них. Сердце мое заколотилось: на обложке был изображен прекрасный юноша с кожей синего цвета. В руках он держал флейту.

Я зачарованно прошептал: «Это он». *Это действительно он*, – подумал я. Через всю Индию я пронес картину с ним, не зная, кто на ней изображен. И теперь ее герой снова предстал перед моим взором.

Название книги яркими красными буквами говорило само за себя: «Кришна, Верховная Личность Бога». «Кришна! Его зовут Кришна!» – вырвался у меня негромкий возглас. Так нашёлся ответ на вопрос, который давно не давал мне покоя. Желая больше узнать о Кришне, я попросил посмотреть эту книгу. За столом стоял облаченный в белые одежды бритоголовый монах европейской внешности. Моя просьба застала его врасплох. «Ты говоришь по-английски?» – удивленно спросил он.

«Я американец», – ответил я и нетерпеливо протянул руку за книгой.

«Неужели? Разве ты не индус? Ты, наверное, шиваит?» – спросил монах и дал мне книгу.

«Я сам не знаю, кто я, но я действительно жил с шиваитами».

«Меня зовут Тушта, – представился монах. – В этой книге есть глава об отношениях Шивы и Кришны. Я думаю, тебе это будет интересно».

Для меня оказалось неожиданностью, что во мне не признали американца. Я уже давно не смотрелся в зеркало, и потому даже не догадывался, что карие глаза, сильный загар, длинные, спутанные

волосы и застиранные в реках одежды делают меня похожим на самого настоящего отшельника-индуса.

Прижав книгу к сердцу, я нашел укромное местечко и, словно томимый жаждой путник, который нашел оазис с прохладной водой, погрузился в чтение книги «Кришна». Начиналась она такими словами:

«В странах Запада всякий, кто увидит обложку книги „Кришна“, тут же спросит: „Кто такой Кришна?“»

Далее в книге говорилось, что Кришна — это Верховный Господь и Его имя означает «всепривлекающий».

«Кришна — Бог, потому что Он привлекает всех. Того, кто не является всепривлекающим, нельзя назвать Богом.»

Пока я читал, на сцену вышла молодая американка в желтом сари. Она села и стала петь красивые религиозные песни. Ее звали, как я узнал позже, Ямуна Деви.

Читая книгу «Кришна» под звуки ее будоражащего душу пения, я чувствовал, как меня переполняют неведомые доселе чувства.

К вечеру в пандале собралось более двадцати пяти тысяч человек. Мне очень хотелось послушать лекцию, поэтому я вернул книгу и сел позади всех, в самом дальнем уголке пандала. На сцене пели и танцевали два десятка западных последователей этого учения — мужчины с обритыми головами в традиционных одеждах садху и женщины в нарядных сари. Огромная толпа с нетерпением ждала выхода гуру. Ко всеобщему удовлетворению он вскоре появился на сцене.

Это был величественный мужчина с обритой головой. На нем были одежды шафранового цвета, и казалось, что от него исходит сияние. Он не шел, а плыл, как лебедь, и в его жестах чувствовалась царственная уверенность. При этом в манерах его читались скромность и смирение, как если бы он видел Бога повсюду, куда ни бросит взгляд.

Поприветствовав аудиторию сложенными вместе ладонями, он сел на приготовленное для него кресло. Мне из дальнего конца пандала было почти не видно его. С одной стороны, я очень хотел оказаться поближе к сцене, но, с другой, мне было неловко взять и сесть прямо перед кем-то. По сцене взад и вперед ходил какой-то человек и делал снимки фотоаппаратом. Гуру подозвал его и что-то сказал ему на уху. Ученик повернулся к огромной толпе и начал пристально

всматриваться в нее, пока не отыскал нужного ему человека. Он стал подавать ему знаки, приглашая на сцену, но никто так и не вышел, поэтому он сам спустился и стал пробираться сквозь десятитысячную толпу сидевших на земле людей. К моему немалому изумлению, этот человек, пройдя через весь пандал, подошел прямо ко мне. С невозмутимой улыбкой он обратился ко мне: «Шрила Прабхупада хочет, чтобы ты сидел рядом с ним на сцене».

Ошеломленный, я пробормотал: «Откуда он меня знает?»

Вместо ответа человек просто взял меня за руку и повел за собой через толпу на сцену. Там он подвел меня к гуру, безбрежная улыбка которого наполнила мое сердце радостью. Не знаю почему, но мне показалось, что я знаком со Шрилой Прабхупадой уже давно. Он сидел, скрестив ноги и выпрямив спину. Его монашеские одежды из ткани шафранового цвета лежали аккуратными складками. Жестом он любезно пригласил меня располагаться рядом. Я сел на застеленную ковром сцену и с благоговением воззрился на Шрилу Прабхупаду. В ответ он бросил на меня мимолетный взгляд своих больших и добрых глаз, который проник мне в самую душу. Его кожа отливала бронзой, нос был широким и округлым, а мочки ушей — большими, как у Будды. На висках его недавно обритой головы виднелись короткие седые волосы, а лоб украшали две вертикальные линии из желтой глины, указывающие на принадлежность к традиции *бхакти-йоги*. По обе стороны от носа пролегли глубокие складки, достигающие уголков крупных, выпуклых губ.

Его последователи в чистых и опрятных одеждах самозабвенно танцевали и пели, и я, глядя на них, вспомнил о том, как неприглядно выглядит моя одежда, дырявая и потемневшая от речного ила. У мужчин, танцевавших на сцене, были тщательно выбритые лица и головы, а я даже не мог вспомнить, когда последний раз брился, не говоря уже о том, чтобы стричь или расчесывать волосы. После ежедневных омовений в реках и илистых озерах я, по сравнению с ними, наверное, выглядел настоящим грязнулей. Все время, пока они с ликованием пели и танцевали, я сидел молча. Привыкнув жить в безлюдных лесах, я неожиданно для себя оказался на сцене, под взглядами десятков тысяч человек. Я почувствовал себя не в своей тарелке и смутился настолько, что готов был тихо встать и уйти, но тут

Шрила Прабхупада одарил меня такой ободряющей и полной любви улыбкой, что я сразу ощутил себя как дома. Почему он пригласил меня сесть рядом? Именно меня из всех присутствующих?

Пока я ломал голову над этой загадкой, Шрила Прабхупада взял маленькие латунные тарелочки и стал отбивать на них ритм, изящно двигая пальцами. Покачиваясь в такт музыке, он низким голосом запел: «Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе/Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе».

Я остолбенел от неожиданности. Я не верил своим ушам: Шрила Прабхупада пел ту самую мантру, которую я услышал в песне матери-Ганги. Сколько раз произносил я эту мантру с тех пор, как в Ришикеше река открыла ее мне! По коже у меня побежали мурашки, тело задрожало, а сердце застучало, как барабан. Сквозь пелену наворачнувшихся слез я неотрывно смотрел на Шрилу Прабхупаду, который сидел, плотно закрыв глаза и нахмутив брови. Когда он пел, губы его изгибались дугой, звуки мантры слетали с его уст, и вслед за ним мантру пели все, кто был в пандале. На сцене последователи играли на традиционных барабанах, тарелочках и гонгах, и весь шатер заполнился священными звуками.

Закончив петь, Шрила Прабхупада прокашлялся и звучным голосом стал объяснять в микрофон значение этой мантры:

«Мы поем Маха-Мантру, великую песнь освобождения».

Он объяснил, что *Харе* — это обращение к Радхе, — божественной энергии Господа, Его вечной супруге: «Она дарует любовь к Богу и является ее источником. *Кришна* — это имя Бога, которое означает „всепривлекающий“. А имя *Рама* указывает на то, что Господь — Верховный Наслаждающийся, дарующий неиссякаемое блаженство тем, кто служит Ему с любовью». Затем он стал говорить о том, что трансцендентный звук очищает сердце от корыстных желаний, пробуждает дремлющую в нас любовь к Богу и дарует духовное счастье.

«Произнося Маха-Мантру, — продолжал Шрила Прабхупада, — мы молим Господа: „Пожалуйста, навеки займи меня полным любви служением Тебе“».

Я мысленно перенесся в Гималаи, на облюбованный мною камень посреди Ганги. Теперь все встало на свои места. Это были имена того прекрасного юноши с кожей синего цвета, играющего

на флейте. Юноши, который пришел ко мне в виде картины. Он был Самим Богом в одной из Своих ипостасей. Все это время я повторял Его имена и медитировал на Его изображение, даже не подозревая о существовавшей между ними связи. И сейчас Шрила Прабхупада всего в нескольких простых фразах дал ответ на загадку, над которой я безуспешно бился все это время. Мне оставалось лишь изумляться тому, какой необычный оборот приняли мои духовные поиски.

Блаженно улыбаясь, я снова сосредоточился на том, что говорил Шрила Прабхупада. Он с большой убежденностью объяснял, что истинная религия не принадлежит какой-либо касте или вероисповеданию, ибо заложена в самой природе живых существ. Любить Бога — наша природа, однако когда-то, в незапамятные времена, мы предали эту любовь забвению. Для того чтобы душа испытала полное удовлетворение, любовь к Богу должна быть бескорыстной и безусловной. «Мы вечные души, — сказал он, — но в невежестве своем считаем себя нашим бренным телом». Потом он стал говорить о том, что причиной всех страданий стало забвение наших отношений с Богом и что эти отношения можно с легкостью восстановить, повторяя имена Бога. Голосом, в котором звучало неподдельное сострадание, он призывал слушателей серьезно отнестись к его словам.

«Метод, который позволяет возродить дремлющую в нас любовь к Богу, называется бхакти-йогой».

Пока Шрила Прабхупада говорил, какой-то голос в глубине моего сердца произнес: *Это твой гуру*. Но мой ум, отказавшись принять это, вступил в схватку с сердцем:

Я уже встречал много святых и гуру раньше, и встречу их еще в будущем. Нет смысла торопиться. Ведь это самое важное решение в жизни. Я должен быть абсолютно уверен в правильности своего выбора, прежде чем смогу посвятить жизнь какому-то пути.

В схватке победил ум, и я, все еще сбитый с толку, отверг идею о том, что уже готов выбрать гуру.

После лекции Шрила Прабхупада, уже уходя, остановился прямо передо мной. Вокруг нас собралась шумная толпа, и от охватившего

меня волнения мой ум разрывался на части. Я непроизвольно упал на колени и протянул руку, чтобы коснуться стоп Шрилы Прабхупады. Тут же прозвучал грозный окрик: «Никому не позволено прикасаться к стопам Прабхупады!» Сгорая от стыда, я отдернул руку, но Шрила Прабхупада пристально посмотрел мне прямо в глаза. Я понял, что он ощутил всю боль моего стыда и почувствовал ответственность за резкость своего ученика. Я ощутил волну любви и заботы, исходившую от него. Слепительно улыбнувшись, он негромко сказал: «Тебе я разрешаю коснуться моих стоп». Чувствуя облегчение, я, польщенный, принял на голову пыль с его стоп. Он ласково потрел меня по голове и пригласил сидеть рядом с ним на сцене каждое утро и вечер. От такой доброты я лишился дара речи.

После лекции на следующее утро я встал в огромную очередь за популярной индийской сладостью — *халавой*. Я ничего не ел уже почти сутки и потому был очень голоден. Когда примерно через час подошла моя очередь, я получил тарелку из листьев, полную только что приготовленной дымящейся, горячей халавы. Это было настоящим благословением! Не в силах больше терпеть, я уже готов был приступить к еде, но в этот самый миг кто-то подошел ко мне сзади и неожиданно выхватил у меня из рук тарелку. *Что это такое?* У меня тут же скрутило желудок, и кровь вскипела от ярости.

Обернувшись, я увидел того самого человека, который днем раньше провел меня на сцену, — его звали Гурудас. Не выпуская из рук мою халаву, он спросил:

«Ты что, собрался это есть?»

«Вообще-то да», — стараясь подавить возмущение, ответил я.

Прямо у меня на глазах он отдал мой долгожданный завтрак кому-то другому, а меня схватил за руку и куда-то потащил. Мгновением позже я сидел за сценой, и невозмутимая американка по имени Малати Деви ставила передо мной тарелку. Меня ждал праздничный пир из двенадцати освященных вегетарианских блюд. Гурудас улыбнулся: «Так будет лучше для твоего здоровья. Мы просто хотели немного порадовать тебя». Оглядев меня, он заявил: «Ты — вайшнав*, и когда-нибудь ты сам это поймешь».

* Вайшнав — тот, кто поклоняется Вишну, Верховному Господу (примеч. переводчика).

Рядом со мной сидел юноша из Америки по имени Шьямасундара. У нас с ним завязался непринужденный разговор. Шьямасундара был очень прост в общении, и меня не покидало странное ощущение, что я его уже где-то видел. И тут меня осенило: это же тот самый монах, который в клубе «Космос» в Амстердаме налил мне прямо в руки целый половник фруктового салата с йогуртом. Он еще спросил перед этим, не хочу ли я попробовать духовной пищи. Я напомнил ему о том случае, и он громко рассмеялся: «Так это ты! Прости, но у всех остальных были тарелки». Пока мы разговаривали, Малати, жена Шьямасундары, все подкладывала и подкладывала мне добавку, пока я не взмолился, что уже хватит. В это время их четырехлетняя дочь Сарасвати бегала и резвилась за сценой. Ее белокурые волосы, блестящие голубые глаза и неиссякаемая восторженность восхищали индийцев. Улыбаясь, я наблюдал за этой сценой, не забывая при этом с энтузиазмом поглощать еду.

Говорится, что святой человек настолько чист, что выступает в качестве безупречного зеркала. Когда мы оказываемся перед такой, подобной зеркалу, душой, то можем ясно разглядеть как красоту, так и уродство своей внутренней жизни. Наша вера и сомнения, добродетели и грехи, сильные и слабые стороны характера — все они отражаются в этом зеркале. Опыт этот одновременно и сладостен, и мучителен, и именно такое чувство я испытывал в присутствии Шрилы Прабхупады.

Однажды вечером, когда он читал очередную лекцию, его серьезность заставила меня усомниться в собственной искренности.

Насколько искренни мои мотивы? Готов ли я взять на себя ответственность за свою собственную жизнь и жизни других? Почему я до сих пор не выбрал какой-то путь? Что это: боязнь ответственности или легкомыслие? На какое будущее могу я рассчитывать в таком случае?

Пока эти мысли крутились у меня в голове, Шрила Прабхупада со своего высокого сиденья как будто смотрел мне прямо в глаза. Под его пристальным взглядом я перестал замечать окружающую

нас многотысячную толпу. Казалось, во всем мире не было больше никого, кроме нас двоих. Я чувствовал, как его взгляд проникает в самые потаенные уголки моей души, и слышал в сердце его настойчивый голос: *Не трать попусту свое драгоценное время: Кришна ждет тебя.* Я трепетал от благодарности, но при этом твердо знал, что скоро уеду. Тогда мне казалось, что так будет честнее.

Те несколько дней, что я провел рядом со Шрилой Прабхупадой, нельзя было сравнить ни с чем, но моя вера напоминала корабль без якоря, дрейфующий в штормовом океане. Боязнь связать себя какими-то обязательствами и живущее в моем сердце непреодолимое желание повидать другие места и встретиться с другими просветленными душами звали меня в дорогу. *И это правильно*, — думал я, — *ведь у меня должна возникнуть глубокая убежденность, как на уровне разума, так и на уровне сердца, прежде чем я смогу, оставаясь честным перед самим собой, выбрать какой-то один путь или какого-то одного гуру.* Я надеялся, что в положенный срок Бог раскроет мне мое предназначение.

Потрясенный мудростью и состраданием Прабхупады, я решил перед отъездом из Бомбея купить его книгу «Кришна». У меня не было денег, поэтому, чтобы набрать необходимую сумму, я отправился на улицы Бомбея просить подаяние. Но для хорошего попрошайки я был слишком стеснителен. Страдая от неловкости и унижения, я старался как мог, однако мне так и не удалось собрать нужной суммы. В последний день фестиваля один из учеников Шрилы Прабхупады подвел меня к нему. Прабхупада ждал на солнце снаружи пандала. Слегка откинув назад голову и распрямив спину, он стоял, опираясь перед собой на деревянную трость. Его большие глаза пристально смотрели на меня, а опущенные края губ придавали его лицу очень серьезное выражение.

«Что?» — спросил он.

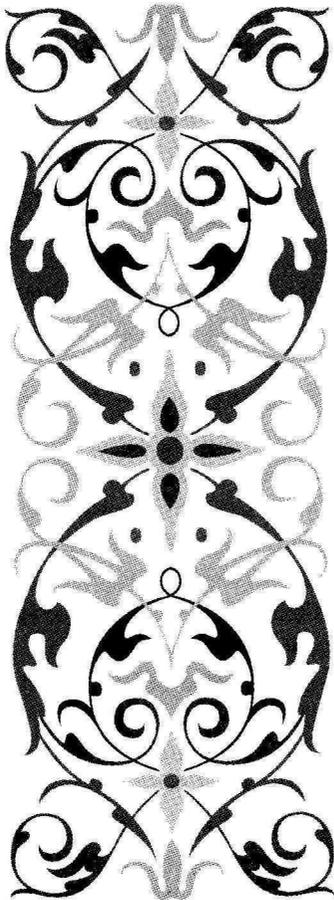
Ученик ответил: «Этот юноша так хочет купить Вашу новую книгу, что ради этого даже пошел просить милостыню на улице».

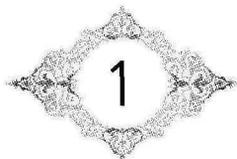
Шрила Прабхупада был так тронут этим, что собственноручно подарил мне книгу. Его взгляд лучился добротой. Он потрепал меня по голове и поблагодарил: «Большое спасибо».

Большое спасибо, — эхом отозвалось мое сердце, и я почтительно склонил голову.

III

Тималайское паномничество

Гималаи манили меня, и мне не терпелось снова увидеть их. Поэтому уже на следующий день я сидел на грязном бетонном полу железнодорожной платформы в ожидании поезда, идущего на север. Мне предстояла очередная поездка в вагоне третьего класса. Устроившись поудобнее, я раскрыл книгу, которую дал мне Шрила Прабхупада. К моему удивлению, введение к ней написал сам Джордж Харрисон, один из «битлов»:

Все ищут Кришну.

Некоторые не понимают этого, но и они ищут Его.

Кришна — Бог, Источник всего сущего,

Причина всего, что есть, было и будет.

Бог безграничен, поэтому у Него много имен.

Аллах-Будда-Иегова-Рама. Все они —

Кришна, все они — суть одно.

Поскольку я интересовался мировыми религиями и жаждал узнать о них как можно больше, меня приятно удивил экуменический дух этих слов Харрисона. Я спрятал книгу обратно в сумку, решив для себя, что обязательно вернусь к ней позже.

На станции я познакомился с железнодорожным инспектором по имени Мадхава. Ему было около сорока, он носил опрятные белые брюки и рубашку из хлопка, белую пилотку а-ля Неру, а на его смуглом лице виднелись следы перенесенной в детстве оспы. Мадхава ехал к своему гуру и убедил меня составить ему компанию. Мы сели в автобус, идущий на восток от Бомбея, и через несколько часов были в святом месте под названием Ганеш-Пури. По прибытии Мадхава сказал мне: «Прежде чем предстать перед Гуруджи, нужно омыться в расположенных рядом горячих серных

источниках». Мы подошли к трем небольшим купальням, в которых булькала мутная вода. Десятки местных жителей омывались в источниках — одни сидели в воде, другие, перекрикиваясь, ходили вокруг. Я стал медленно погружаться в липкую, как масло, дымящуюся серую жидкость, постепенно привыкая к высокой температуре и неприятному запаху. Войдя в обжигающую воду по самую шею, я почувствовал, как она оживила мое тело и ум. В этот момент Мадхава крикнул мне, что теперь я готов к встрече с его гуру.

Подождав, пока я оденусь, он повел меня к маленькому кирпичному храму. Пройдя под арочным сводом, я оказался лицом к лицу с большой черно-белой фотографией. На ней был запечатлен полноватый человек с бритой головой, одетый лишь в набедренную повязку. У него было круглое лицо с большими скулами, пронизательные глаза и короткая седая борода. Мадхава сказал мне, что это и есть его гуру — Нитьянанда Баба́. Он покинул свое бренное тело десять лет назад, и здесь, подле его усыпальницы, его присутствие можно ощутить еще явственнее, чем при жизни.

Вокруг усыпальницы, освещенной масляными лампадами, пропитанной запахом цветочных благовоний и украшенной гирляндами желтых и оранжевых бархатцев, сидели последователи Нитьянанды Бабы́ и хором пели имена Бога. К моему удивлению, это была мантра Харе Кришна — та самая мантра, которую Ганга открыла мне в Гималаях и которую Шрила Прабхупада пел в Бомбее. По коже у меня снова пробежали мурашки.

В Махараштре и Карнатаке у Нитьянанды Бабы́ были миллионы последователей. Мадхава рассказал мне о жизни Бабы́, его учении и чудесном появлении на свет. В конце девятнадцатого века одна бедная женщина, собирая в лесу хворост, обратила внимание на необычайно громкое карканье ворон в чаще леса. Там она нашла младенца, который лежал совершенно один на опавших листьях. Женщина взяла этого мальчика и отдала бездетной служанке, жившей в доме одного богатого брахмана. С самого детства мальчик проявлял безразличие к миру, а в возрасте десяти лет ушел из своей приемной семьи и стал отшельником. Странствуя повсюду, он помогал нуждающимся и проповедовал, рассеивая царящее в сердцах людей духовное невежество. Последние годы жизни он провел здесь, в Ганеш-Пури. Медитируя в усыпальнице Нитьянанды Бабы́

под звуки мантры, которую его ученики пели снаружи, я отчетливо ощутил его присутствие и воспринял это как благословение.

Несколько дней спустя меня познакомили с учеником Нитьянанда Баб́и, который неподалеку строил ашрам. Небольшое, но быстро растущее помещение для богослужений стояло прямо на обочине дороги. Когда открылась дверь, до меня донеслись завораживающие звуки голосов, медленно повторяющих мантру, обращенную к Шиве: *Ом намах шивайа!* Внутри несколько десятков учеников Баб́и — как из Индии, так и с Запада, — в унисон читали мантру под аккомпанемент *тампуры*, струнного музыкального инструмента из полый тыквы. Когда пение завершилось и воцарилась тишина, все вышли из помещения во внутренний двор. Я продолжал со стороны наблюдать за происходящим. Вдруг ученики склонились до земли, приветствуя своего гуру. Ему было лет шестьдесят, у него была смуглая кожа, глубоко посаженные карие глаза, короткие давно не стриженные волосы и борода. Облачен он был в одежды шафранового цвета. При его появлении лица учеников озарились радостью. Я спросил, кто это, и мне ответили: «Свами Муктананда».

Внимательно изучив меня сквозь очки, Свами обратился ко мне через переводчика. «Когда мне было пятнадцать лет, — начал он, — я оставил свой богатый дом, чтобы вести жизнь садху. Я странствовал от одного святого места к другому, пока, наконец, не встретил своего Гурудеву — Нитьянанду Баб́у». Ударив кулаком правой руки в ладонь левой, Свами воскликнул: «Баб́а сокрушил мою гордыню, что было не под силу никому другому». И тут он затронул тему, которая очень волновала меня самого: как найти свой путь и своего гуру и чем руководствоваться в таком выборе. И я, и все присутствовавшие, затаив дыхание, ловили каждое его слово. «*Шакти-нат*, или йогическое посвящение, пробуждает космическую энергию, *кундалини*, которая сосредоточена у основания позвоночника. Кундалини поднимается вверх по позвоночному столбу через семь энергетических центров, или *чакр*, пока не достигнет макушки, где сливается с Абсолютом. Самый действенный способ пробуждения кундалини, — объяснил Свами Муктананда, — это когда *сиддха-гуру*, достигший совершенства учитель, дает ученику мантру и наделяет его своей *шакти*, духовной силой». На прощание он сказал: «Привяжитесь к своей мантре сильнее, чем пьяница к вину! Никогда не забывайте ее».

Один случай из того времени врезался мне в память. Я стоял со Свами Муктанандой на обочине дороги, как вдруг на нас откуда ни возьмись набросилась собака. Она выла, как бешеная, и угрожающе скалила зубы. Все вокруг в страхе с криками разбежались, но Свами невозмутимо посмотрел на пса. Одного его взгляда было достаточно, чтобы собака успокоилась, пождала хвост и послушно склонила перед ним голову. Благословив животное, он обернулся ко мне и сказал через переводчика: «Я вижу, что ты — искренний садху. Если хочешь, я дам тебе посвящение в шакти-пат».

Я сразу же вспомнил Тат Валла Бабú, гуру Нагов и других учителей, которые милостиво предлагали мне стать их учеником. «Благодарю Вас, Свамиджи, — ответил я, удивленный и одновременно польщенный этим предложением, — но я решил, что не стану получать формальное посвящение у гуру до тех пор, пока не буду уверен, что никогда не оставляю его». Сказав это, я нервно погладил собаку. Где-то в глубине сердца я очень жалел, что не могу без колебаний принять его великодушное предложение. «Я не достоин Вашей милости. Простите, но пока я еще не сделал свой выбор».

«Я ценю твою искренность, — ответил Свами, смотря мне прямо в глаза. — Пусть Бог ведет тебя в твоих поисках». Словно подтверждая его благословение, собака, которая еще недавно бросалась на нас, принялась лизать мою руку.

Мадава настаивал, чтобы я поехал в Гоа, где, по его словам, был очень подходящий для моего здоровья климат. Он даже вызвался купить мне билет на пароход. Я принял это предложение, усмотрев в нем руку Провидения. Мы поехали в порт. Там я сел на переполненное пассажирское судно и проплыл на нем четыре сотни километров на юг, вдоль побережья Аравийского моря. Путешествие обошлось без приключений, и вскоре я добрался до места назначения — тропического рая с бесконечными пляжами, мягким песком и целительным воздухом, пропитанным морской солью. В шестнадцатом веке Гоа стало форпостом Португалии в Азии, и иезуитский миссионер святой Франциск Ксаверий обратил в христианство десятки тысяч местных жителей. В 1961 году индийские войска освободили Гоа, одержав победу над португальской армией.

На берегу моря меня встретили белоснежные пляжи, прозрачная морская вода и кокосовые пальмы. Чтобы скоротать время, я отправился на пляж Калангут, где в недорогих бунгало обосновались западные туристы. Прогуливаясь по берегу, я проходил мимо целующихся и обнимающихся парочек, слушал доносившиеся до меня звуки рок-н-ролла и видел, как отдыхающие у всех на виду принимают наркотики. Хотя еще недавно я наблюдал то же самое в Европе, теперь все это казалось мне чуждым, словно воспоминания из прошлой жизни. Безразлично взирая на эти сцены из жизни хиппи, я шел по песку вдоль кромки прибоя. Вдруг я поймал себя на том, что критикую этих людей и смотрю на них свысока. Я не желал подобных мыслей, выдававших мою гордыню. Поэтому я стал молиться, прося Бога избавить меня от оскверняющей склонности выискивать в других недостатки. Но как это было непросто! Мне куда легче было жить в джунглях с дикими зверями — в их окружении мои собственные недостатки не были так очевидны.

Пройдя еще с километр, я встретил группу наркоманов с Запада. Расположившись на побережье, они кололи себе наркотики. Подумать только: они проделали такой долгий путь, чтобы приехать в одно из самых красивых мест на Земле, и все это для того, чтобы нести здесь тяжелую ношу наркомана! Прибавив шаг, я дошел до пригорка в самом конце пляжа, вскарабкался по валунам наверх и с трудом перебрался на другую сторону. Там передо мной раскинулся самый настоящий тропический рай: роскошные пляжи из белого песка, тянущиеся вдаль до самого горизонта, рощи кокосовых пальм, качающихся на ветру, и ни души вокруг! Это место стало моим домом на всю следующую неделю.

Семь дней провел я под кокосовой пальмой, поглощенный чтением, медитацией и молитвами. Если не считать нескольких бедных рыбаков, каждое утро выходящих на лодках в море, в этом месте никто не появлялся. Мой ежедневный рацион составляли кокосовые орехи. Я залезал на склонившуюся к земле пальму, тряс ее, а потом собирал упавшие орехи и разбивал их о камень. Омывался я в море, а спать устраивался прямо под звездным небом, растянувшись на песке.

Однажды я предпринял вылазку вглубь материка. Там, под тенью пальм, я увидел несколько рыбацких глиняных хижин с крышей

из плетеных пальмовых листьев. В хижинах не было пола: они стояли прямо на песке. Рыбаки, в большинстве своем принявшие христианство, жили очень скромно: как и их предки, они не имели почти никакого имущества, кроме лодки, пары весел и сети. От восхода до заката мужчины трудились в море под палящими лучами солнца, отчего лица у многих из них покрылись язвами, как бывает при раке кожи. Однако труд их был столь изнурителен, что им некогда было думать о собственной внешности. Мне вспомнилось, что первыми учениками Иисуса тоже были рыбаки, которым он потом велел стать «ловцами человеков».

На следующий день, прогуливаясь по берегу, я нашел маленькую рыбку, отчаянно бьющуюся на песке. Ее выбросило на берег волной. Страх и отчаяние этой рыбешки вызвали у меня сострадание. В конце концов, я не так уж сильно отличался от нее, поэтому мне захотелось вернуть рыбешку домой, в море. Но всякий раз, когда я брал ее, она выскальзывала у меня из рук, отказываясь признать во мне друга. Наконец я поймал ее, зажал в ладонях и бросил в воду. Но удовлетворение мое было недолгим. Следующая же волна, накатившись на берег, выбросила рыбешку обратно. Я снова бросил ее в воду, и опять волна вынесла ее и оставила умирать на песке. Тогда я, преодолевая сопротивление волн, зашел в океан по самую шею и, держа рыбку в сложенных ладонях, постарался забросить ее как можно дальше. Выйдя на берег, я внимательно рассматривал волну за волной, пока не убедился, что рыбешка находится в безопасности.

Пройдя еще немного по берегу, я встретил рыбаков, вытягивающих сеть из лодки на берег. В сетях бились сотни таких же маленьких рыбешек, борющихся за жизнь, но обреченных завершить ее на сковороде. Что я мог поделать? Я постоял немного, грустно глядя на море, а потом отправился дальше, погруженный в размышления.

Мы — словно рыбы, выброшенные на берег моря божественного сознания. Пытаться обрести счастье в чем бы то ни было, помимо своих изначальных взаимоотношений с Богом, — то же самое, что рыбе пытаться наслаждаться жизнью без воды, на сухом песке. Святые готовы пожертвовать собой, чтобы помочь хотя бы одному человеку обрести свое изначальное

*Духовное сознание — вернуться в море истинной радости.
Но майя, иллюзия, ловит нас в свои сети, отворачивая нас
от того, что может принести нам подлинное благо.*

Когда я только начал свои духовные поиски, мне казалось, что я должен почерпнуть как можно больше из разных традиций и от разных учителей, а затем применить в своей жизни то, что подходит мне более всего. Эта концепция была популярна в 60-е годы, но в Индии я начал понимать, насколько она поверхностна. Я повидал немало искателей духовности, избравших этот путь, однако глубина их духовных познаний меня совсем не впечатляла. И наоборот, все люди, поразившие меня своей духовностью, были стойкими приверженцами какого-то одного духовного пути. И тогда я понял, что мои метания с места на место, от одного учителя к другому, не могут длиться бесконечно. И еще я понял, что моя неготовность принять какую-то одну религию была, в частности, вызвана страхом того, что это отдалит меня от других религий. Тем не менее я знал: чтобы чего-то достичь, рано или поздно мне придется сделать выбор. Попытки оттянуть этот момент становились для меня все более и более мучительными. Но какой из этих путей и кто из учителей — мой? Как узнать это наверняка?

Мне довелось встретиться со многими великими учителями. Они просветили меня, дали мне знание о разных учениях и позволили обрести духовный опыт, чего я, несомненно, не заслуживал. Во всех этих учениях я вижу духовную красоту. Но куда, в какую сторону мне надо двигаться дальше с этого перекрестка? Куда должен привести меня мой путь?

Той ночью я молился, чтобы Господь Сам направил меня. Незаметно для себя я заснул. Проснувшись посреди ночи, я увидел месяц, сиявший высоко в небе. Рядом с ним искрилась одна-единственная звезда. Это был символ ислама, знак повиновения Богу. Как понять, что хочет сказать мне Бог? Ответ пришел сам собой, и на сердце сразу стало спокойнее. Я понял, что тайна, которую я пытаюсь постичь, скоро откроется мне сама.

Из Гоа я морем вернулся в Бомбей и начал свое путешествие обратно в Гималаи. Сначала я доехал на поезде до Дели. Оттуда мой путь лежал на северо-запад, в город Патханкот, что на границе с Кашмиром. Из Патханкота я в кузове попутного грузовика добрался до Дхарамсалы, деревушки в предгорьях Гималаев в штате Химачал-Прадеш. Во всем чувствовалось приближение лета: лес был полон распускающихся цветов — оранжевых, желтых, фиолетовых и белых. Огромные древние деревья утопали в сочной зелени молодой листвы, и звуки дикой природы создавали бодрящую атмосферу. Высоко на горном хребте над Дхарамсалой располагался лагерь тибетских беженцев Маклеод Ганж. Там жил Далай-лама Тибета.

Готовясь к паломничеству в этот горный монастырь, я прочитал его книгу «Моя земля и мой народ». Ахамо Дхондруб родился в 1935 году в семье бедных тибетских крестьян, живших в скромном доме из камня и глины. Тибетский регент, временно исполняющий обязанности ламы, направил туда поисковую группу уважаемых монахов, поскольку ему было видение, что именно в этом доме родился новый Далай-лама. Когда мальчику исполнилось два года, монахи под видом нищих странников пришли к его родителям, прося предоставить им кров. На шее одного из монахов висели четки предыдущего Далай-ламы. Ребенок, узнав четки, сразу же схватил их и потянул к себе. После еще нескольких посещений и ряда проверок и испытаний монахи пришли к заключению, что перед ними — четырнадцатое воплощение Чэнрзига, Бодхисаттвы Сострадания. Считается, что он снова и снова рождается в этом мире как Далай-лама, чтобы давать народу Тибета духовное и политическое руководство.

Мальчика определили в монастырь в Лхасе, где его обучали и готовили к тому, чтобы стать главой государства и духовным лидером

страны. В годы его детства Тибет процветал. Но в 1950 году туда вторглась китайская армия, и уже к 1959 году насилие и беспорядки разрывали страну на части. Далай-лама, по настоянию своих подданных, опасавшихся за его жизнь, вынужден был бежать со своей любимой родины. Перед этим он вознес молитвы в храме Господа Будды и сделал Ему подношение в виде белой шелковой шали. Это был знак расставания и обещание вернуться. С тяжелым сердцем снял он с себя монашеские одежды и, переодевшись в военную форму, под покровом ночи бежал из дворца.

Вместе с небольшой группой сопровождающих он, словно беглый преступник, скрывающийся от преследования, пересек труднопроходимое Тибетское нагорье. Снежные заносы, лютые морозы и проливные дожди не могли помешать им. Все это время сердцем он был со своим народом, размышляя о его скорбной участи. Больной, изможденный и охваченный, по его же собственным словам, «горем, которое невозможно описать словами», он наконец пересек границу с Индией.

Эта удивительная история изгнания, борьбы и преодоления препятствий произвела на меня такое сильное впечатление, что я почувствовал настоятельную необходимость посетить место, ставшее домом для духовного лидера тибетского буддизма. В то время, в 1971 году, Маклеод Ганж, скрывающийся среди высоких, поросших деревьями гор и горных долин, напоминал Тибет в миниатюре. Беженцы носили традиционные одежды и жили в деревянных и кирпичных домах, построенных в тибетском стиле — с драконами и другими мифическими существами, вырезанными из дерева или нарисованными сочными и яркими красками на столбах и арках. На склонах холмов паслись яки, неподалеку в уединении медитировало несколько паломников с Запада. Как и в Тибете, большинство мужчин здесь были буддистскими монахами. В центре лагеря располагалась большая прямоугольная площадь, окруженная молитвенными вертушками. Верующие обходили площадь, вращая вертушки и повторяя мантру *Ом Мани Падме Хум*. Я уже знал из книги, что этой мантрой тибетские буддисты призывают благословения Чэнрэзига — воплощенного сострадания, и что в этой мантре содержится учение Будды во всей его полноте.

Жители Маклеод Ганж были необычайно дружелюбны. Куда бы я ни направился, они неизменно приветствовали меня улыбками. Незвизрая на выпавшие им испытания и статус беженцев в иностранном государстве, они выглядели полностью умиротворенными. Я не встретил среди них ни одного нищего или мошенника. Все были вполне довольны жизнью. Одна семья пригласила меня в свой маленький домик и угостила *тхупкой* (традиционным супом с лапшой) и тибетским чаем с солью и маслом из молока яка. Этот чай хорошо помогал согреться в студеные гималайские ночи. Местные жители очаровали меня настолько, что я мог часами наблюдать за тем, как они хлопочут по хозяйству, а те в ответ широко улыбались мне.

Неподалеку от дома Далай-ламы стоял храм Будды с величественным божеством, сидящим в позе лотоса. Этому золотому божеству поклонялись как монахи, так и миряне: они подносили ему благовония, колокольчики, лампы и другие дары. Пуджа, церемония поклонения, очаровала меня. Монахи рассаживались в два ряда лицом друг к другу так, что божество Будды оказывалось между ними. Затем они начинали читать священные писания, записанные на не скрепленных друг с другом листах пергамента. Взяв лист из одной стопки и хором прочитав с него молитвы, монахи переключивали его в другую стопку. Время от времени несколько монахов принимались дуть в длинные трубы, звенеть ритуальными колокольчиками, бить в большой гонг и стучать палочками по огромным барабанам. Когда церемония достигала кульминации, главный священнослужитель торжественно поднимал отлитый из латуни узорчатый скипетр. Этот скипетр, или *дордже*, действовал как приемник духовной энергии. Стены храма были украшены *янтрами* — яркими картинками, изображавшими историю и символику буддизма. Янтры должны были помочь верующим обрести просветление. Я сидел с монахами, которые медитировали или повторяли мантры, и аромат лампад и благовоний уносил мой ум в бескрайние дали.

Особенно меня поразило, с какой любовью и почтением тибетцы относятся к Далай-ламе. Для них он был непререкаемым духовным авторитетом, как Папа Римский для католиков, и в то же время он был наделен всей полнотой мирской власти, как самодержец. Фотографии ламы висели в каждом доме и в каждой лавке на самом видном месте.

Однажды рано утром, когда я медитировал в храме, ко мне подошел пожилой высокий лама, облаченный в бордовые одежды. Голова его была обрита, а шею украшали деревянные четки. Лама сказал, что уже несколько дней наблюдает за мной, и поинтересовался, есть ли у меня вопросы. С тех пор мы ежедневно проводили с ним по нескольку часов в разговорах. И вот однажды наступил особый день: мой новый знакомый предложил отвести меня на аудиенцию с самим Далай-ламой. Дом Далай-ламы стоял на поросшем лесом холме и охранялся вооруженными индийскими солдатами — его жизнь находилась под постоянной угрозой. Когда я прошел через контрольный пункт, меня отвели в комнату, украшенную красочными изображениями Будды и великих Бодхисаттв. На алтаре стояло великолепное металлическое божество Будды, украшенное цветами. Вокруг горели лампы, стояли колокольчики и другие атрибуты поклонения. В комнате курились благовония с хвойным ароматом.

Несколько минут спустя отворилась дверь, и я встретился взглядом с Далай-ламой. Он смотрел на меня искрящимися от радости карими глазами через очки в коричневой оправе. Его крупная голова была обрита, лицо имело выразительные черты, а нос был большим и округлым. На ламе была бордовая накидка, обернутая поверх ярко-желтой монашеской рубахи. Заразительно улыбнувшись, он поспешил ко мне навстречу. Громко смеясь, он взял меня за обе руки и принялся трясти их в крепком рукопожатии, сердечно приветствуя меня: «Вы пришли издалека. Добро пожаловать к нам!»

Мы сели с ним на стулья друг напротив друга. С детским любопытством Далай-лама стал расспрашивать меня о моей жизни в Америке и о том, почему я стал садху. С искренним участием слушал он мой рассказ, внимая каждому слову. Всякий раз, когда в моем повествовании проскальзывала хотя бы тень юмора, лама очень живо реагировал, хлопая в ладоши и всем телом содрогаясь от смеха. Так прошло около получаса, и тогда я спросил ламу о его подданных в Тибете. Нахлынувшие воспоминания мрачной тенью легли на его лицо, в глазах заблестели слезы. В наступившей тишине он прошептал: «Когда я был еще ребенком, моя страна была свободна. Мы жили счастливо, были единым народом, и религия наша процветала». Далай-лама замолчал и протянул руку к чайнику, чтобы налить мне тибетского чая. Дымящейся струйкой чай потек

из носика в мою чашку. Поставив чайник на место, Далай-лама в глубокой задумчивости опустил голову. Казалось, что мысленным взором он видит, какую борьбу его народ ведет по другую сторону Гималаев, в Тибете, и сопереживает своему народу. Потом он негромко произнес: «Мы в огромном долгу перед Индией, приютившей тысячи наших граждан».

«Сострадание к другим живым существам, — стал объяснять он, — неотъемлемая черта всех религий. Готовность пожертвовать собой ради блага других — вот истинная дхарма». Слова эти, подтвержденные жертвой, которую он сам принес своему народу, врезались мне в память. «Медитация, изучение писаний и обряды поклонения, — сказал он, — дают нам внутреннюю силу и позволяют жить в доброте и знании». Сказанное им заставило меня задуматься. Личность его внушала почтение, но его искренняя доброта и забота заставляли меня забыть о почтении и относиться к нему как к близкому другу. Далай-лама с улыбкой обернул вокруг моей шеи белую шелковую накидку с вышитыми на нем тибетскими мантрами. «У нас так принято — дарить этот подарок нашим дорогим гостям», — пояснил он. Мне показалось, что я не заслуживаю его времени и его доброты, и я с благодарностью склонил перед ним голову. Благодаря общению с Далай-ламой я смог лучше понять важность бескорыстного служения. Лама был живым олицетворением этой добродетели: он не только неукоснительно следовал духовным принципам, но также нес тяжкое бремя служения своему народу, который частично находился в изгнании, а частично томился под властью иноземцев. Далай-лама мужественно преодолевал немислимые трудности и препятствия в своей, на первый взгляд, безнадежной борьбе. Терпеливо перенося изгнание и живя под постоянной угрозой смерти, он, несмотря ни на что, продолжал служить своему народу. Принимая от него шелковую накидку, вместе с ней я принял и этот урок самоотверженности и служения — поистине, бесценный подарок.

Я поселился в пещере на лесистом склоне горы, возвышающейся над долиной, которая уходила террасами вниз. Тибетские монахи научили меня питаться одной *цампой* — мукой из слегка поджаренных зерен ячменя. Цампу можно было долго хранить, и, если смешать ее с водой, получалась каша. Сведя свои телесные потребности

к минимуму, я каждый день спускался в Маклеод Ганж изучать буддизм от его обитателей. На ночь я возвращался к себе в пещеру. Однажды ночью, лежа на каменном полу, я увидел гигантского паука, ползущего по стене всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Паук медленно перемещал свое волосатое черное туловище, поднимая за раз только по одной ноге, пока, наконец, не исчез в расщелине возле самой моей головы. В детстве я очень боялся пауков; завидев паука, я с криком пускался наутек, прося маму прогнать его. Этот паук был самым страшным из всех, когда-либо виденных мною. *Бог послал мне его в качестве испытания. Нужно преодолеть свой страх*, — подумал я. С той самой ночи я делил пещеру с пауком, стараясь относиться к нему с уважением. С того места, где я занимался медитацией, иногда можно было видеть кобр, ползущих по лесу. Время от времени в пещере поселялся еще кто-нибудь. Однажды ночью с потолка пещеры на пол свалился огромный скорпион. Приземлившись недалеко от меня, он стал водить своим смертоносным жалом из стороны в сторону. И надо же было так случиться, что как раз в этот миг догорела и потухла моя единственная свеча. Пещера сразу же погрузилась в кромешную тьму. Я счел неблагодарным делать какие-либо движения вслепую, и долгое время сидел неподвижно. В этой ситуации мне очень пригодились отеческие наставления Кайлаш-бабы, научившего меня правильно относиться к змеям и скорпионам. Чуть дыша, я стал молиться Богу, чтобы Он помог мне преодолеть ненависть, страх и привычку осуждать других.

Однажды поутру, сидя в пещере, я мысленно перенесся через моря и континенты к своему отцу — в пригород Чикаго, Хайленд-Парк. Я пока сам не знал, как сложится моя дальнейшая жизнь, но чувствовал, что самым большим проявлением моей любви к отцу будет письмо, побуждающее его стать ближе к Богу тем способом, который для него наиболее естественен. Сам я еще толком не выбрал свой путь, но с самоуверенностью, присущей юности, написал отцу такое письмо:

Любимый отец!

Я хочу попросить тебя о чем-то очень важном. Свое сострадание ты во многом унаследовал от моего

любимого дедушки Билла, а его сострадание, как мне кажется, коренится в непоколебимой вере в основы иудейской веры. Это семя любви к иудаизму дедушка передал тебе. Прошу тебя, не стуй это семя со всей искренностью, и тогда ты обретишь вдохновение и любовь к Богу. Священный дар медитации позволит тебе еще глубже проникнуть в суть иудаизма. Иудейская вера, как и другие великие религии, способна всех нас приблизить к Господу. Пожалуйста, продолжай черпать воодушевление в религии своих предков. Я уверен, что это именно то, чего ты на самом деле ищешь.

*Маклеод Ганж, Дхарамсала, Химачал-Прадеш, Индия,
май 1971 г.*

Во время большей части моего путешествия по Индии у меня не было спутника, которому я мог бы раскрыть свое сердце. Те, с кем я общался, либо не говорили по-английски, либо были великими и могущественными мудрецами, намного превосходившими меня по возрасту. Временами я чувствовал себя одиноко, но научился относиться к одиночеству как к способу развития своих отношений с Богом. Безмолвная медитация стала тем средством, с помощью которого я мог изливать свои мысли и чувства. Умиротворение медитации стало для меня убежищем от беспокойного ума и окружающего мира. Когда я успокаивал своих домашних весточками о том, что у меня все в порядке, мною зачастую руководило желание раскрыть в письмах свое сердце, хотя я и понимал, что им будет трудно понять меня. Иногда я поверял свои мысли страницам маленькой записной книжки. Одним прекрасным солнечным днем, сидя в уединении своей горной пещеры, я сделал в записной книжке следующую запись, ни к кому особо не обращаясь:

В жизни отшельника бывают непростые моменты, когда он устал, не знает, куда идти, и не сознаёт, что оставил позади. Он не может решить, хранить ли то небольшое,

что у него осталось, или от всего отказаться. Куда податься тому, кто бросил свой дом и друзей? И что делать человеку, который бродит по пустыне своего уединения? Должен ли отшельник сломать стены, которые сам воздвиг вокруг себя, или, наоборот, укрепить их и сделать еще неприступней? Поэтому он молится: «О Господи, когда же я встречу того, кто укажет мне путь к Тебе? И где найдет приют бездомный, который не считает этот бренный мир своим домом?»

Неподалеку от моей пещеры жил один мистик-затворник из Египта. Время от времени мы беседовали с ним на духовные темы. У него был смуглое правильное лицо, крупный нос, тонкие губы и давно не стриженная бородка клинышком. Взгляд его задумчивых темных глаз был столь глубок, что, казалось, он всматривается в иной мир. При всем внешнем спокойствии ум его находился в постоянной работе, ища недостающие крупинцы мудрости в мозаике жизни. Будучи знатоком древней египетской техники гадания Мету Нетер, напоминающей Таро, он как-то раз предложил мне прочесть мою судьбу. Я согласился. Тщательно перетасовав колоду и аккуратно разложив карты ровными рядами на бирюзовой скатерти, он совершил древнеегипетские оккультные ритуалы. Затем он помог мне пройти через довольно сложную медитацию, которая завершилась выбором карты. Яркие разноцветные карты размером примерно пятнадцать на семь сантиметров были покрыты мистическими символами и мифологическими фигурами. С добрых полчаса он разглядывал расклад карт, прежде чем нарушить тишину. Медленно поднявшись со стула и опершись руками о стол, он огласил свое пророчество. «Ни умом, ни разумом ты не сможешь определить тот духовный путь, который ты ищешь. Но очень скоро Провидение само поведет тебя. Словно лист, подхваченный ветром, ты будешь выведен на путь, уготованный тебе». Мне показалось, что карты знают обо мне всё, а он является их глашатаяем. Дотронувшись до одной из карт, он вдруг замолчал, а потом с закрытыми глазами прошептал: «Терпеливо продолжай свои поиски. Высшие силы помогут тебе распознать того, кого ты ищешь. Верь мне. Это судьба. Твой учитель обязательно придет к тебе».

И вот пришло время проститься с этой обителью спокойствия — Маклеод Ганжем. Я никогда не забуду доброту, которой меня обогрели там, но другие святые места Индии звали меня к себе. Я хотел познакомиться с иными духовными практиками и традициями в надежде на то, что мое предназначение откроется мне.

В Патханкоте я сел в поезд, направлявшийся на юг, в штат Харьяна, и сошел в Курукшетре — одном из самых святых мест в Индии, где была поведена Бхагавад-гита. Со мной, как всегда, была только котомка с грузом духовных книг. Стоило мне немного отойти от вокзала, как я услышал стихи Бхагавад-гиты на санскрите, доносящиеся из похрипывающего динамика на храме неподалеку.

На Курукшетре я погрузился в изучение наставлений Кришны. Его ученику Арджуне, который перед лицом непреодолимых препятствий уже собирался изменить своему долгу. Гита потому была поведена Арджуне на поле битвы, что жизнь — это непрерывная борьба добра и зла, в которой наши ценности и идеалы постоянно подвергаются жестоким испытаниям. Все мы рано или поздно сталкиваемся со смертельной опасностью или с демонами внутри себя и снаружи. И готовность вступить с ними в схватку, не утратив при этом достоинство и веру, дает нам очень многое. Неподвластное времени учение Кришны подводит человека к бескорыстной преданности, самоотверженности и духовной сосредоточенности, которые помогают познать могущество любви Бога, побеждающей любые страхи.

В этом святом месте я почувствовал, что слова Бхагавад-гиты проникают мне в самое сердце, как если бы Кришна Сам обращался ко мне с ее страниц. У меня была карманная Бхагавад-гита

издательства «Гита Пресс» — на дешевой бумаге, с белой картонной обложкой, — и я каждый день читал из нее по несколько глав. За время своих странствий я прочитал много духовных книг, но именно Бхагавад-гита поразила меня своей необычайной практичностью.

Изучая Гиту под древним баньяном — свидетелем беседы Кришны с Арджуной, — я поражался тому, как глубоко раскрыта эта книга науку познания себя в самом чистом виде, вне исторического и религиозного контекста. Она освещала сложные темы: взаимоотношения души с Богом, влияние материальной природы на бессмертную душу, зависимость человека от кармы (вселенского закона, в соответствии с которым ни одно наше действие не остается без последствий) и неуловимая власть времени, распространяющаяся на все мироздание. Подобно одинокому скитальцу, который ищет истину в мире, полном опасностей, соблазнов и страхов, я черпал утешение и решимость в бессмертных словах Бхагавад-гиты. Там, на Курукшетре, она стала моей настольной книгой, с которой я не расстаюсь всю жизнь.

Несколько дней спустя я покинул Харьяну. Когда поезд, петлявший по индийским равнинам, остановился на какой-то станции, я стал свидетелем одной безобразной сцены: на платформе мужчина осыпал бранью и избивал своего слугу-подростка. Тот даже не пытался защищаться и не проронил в ответ ни слова, пока его не оттащили прочь. Я попросил у соседа-студента объяснить, что произошло. Покачав головой, тот ответил: «Это подросток из низшей касты, он — все равно что раб. Вряд ли он когда-нибудь получит хорошее образование и сможет жениться на ком-то, кроме девушки из своей же угнетенной касты. Всю жизнь ему придется заниматься рабским трудом. Я знаю об этом не понаслышке — сам из такой же касты. Просто мне, в отличие от него, повезло. Правительство борется с подобной несправедливостью, и не только оно: большинство образованных и культурных людей, обеспокоенных состоянием общества, тоже выступают против такой несправедливости. Однако кастовые предрассудки слишком глубоко сидят в сознании людей». Студент объяснил мне, что кастовая система на самом деле является грубым извращением *ведической варнашрамы* — древней духовной системы общественного устройства. Как голова, руки, живот

и ноги человека работают на благо всего тела, так и в человеческом обществе разные сословия должны сообща выполнять свой долг, в соответствии со своими естественными склонностями и способностями. Таково учение Вед. Это принесет пользу как им самим, так и всему обществу. Ведическая системы варнашрамы должна была воодушевлять, уполномочивать и объединять всех членов общества. «Однако, — заключил мой попутчик, — когда люди решили, что каста человека определяется его происхождением и стали нещадно эксплуатировать низшие касты, вся система была разрушена и извращена».

Я вспомнил о расовой и религиозной дискриминации в Америке и Европе и погрузился в печальные размышления о том, сколь многолика и неистребима в человеке склонность демонстрировать окружающим свое превосходство и эксплуатировать других. Склонность эта нашла свое отражение в социальном устройстве, политике, философии и даже религии. Я все более отчетливо понимал, что если я действительно хочу понять Бога, то мне придется выбрать какой-то один духовный путь. Однако меня пугало, что, сделав подобный выбор, я утрачу широту мышления. Поскольку меня привлекала одна из основных религий Индии — индуизм, — я был рад услышать, что истинная философия индуизма вовсе не поощряет угнетение человека из-за его цвета кожи, касты, пола или происхождения. Да и самому мне никогда не приходилось сталкиваться с подобными предубеждениями за все время моего общения с йогами и святыми людьми Индии.

Я шел по долине Кулу в штате Химачал-Прадеш, наслаждаясь красотой природы. В таком естественном окружении я чувствовал особую близость к Богу. Всего двумя днями раньше я увидел на стене железнодорожной станции плакат с фотографией долины Кулу. Этого было достаточно, чтобы я заскочил в кузов грузовика, державшего путь в Кулу. Одним прекрасным днем, гуляя по лесу и дыша чистым горным воздухом, напоенным хвойным ароматом, я встретил путешественника из Колорадо, с которым познакомился в Иране. Там он сказал мне, что направляется в Индию изучать тибетский буддизм. «Увенчались ли успехом твои поиски?» — поинтересовался я у него.

Закатив глаза, словно в трансе, он изрек: «Сам Бог воплотился на Земле!» Его веки затрепетали, и голос дрогнул: «Я был ослеплен Божественным Светом от одного прикосновения к его пальцу. Волны экстаза пробежали по моему телу. Божественная музыка зазвучала в моих ушах. Ноздрями я вдыхал аромат амброзии и ощущал на языке вкус нектара. Сам Господь Вселенной сошел на Землю. Не мешкая отправляйся к нему».

Словно врач, дающий лекарство умирающему пациенту, он настаивал: «Цель твоего долгого путешествия в Индию ждет тебя в Харидваре. Езжай сейчас же, брат, не теряй времени. В ближайшее время Верховный Господь отправляется за границу».

Заинтригованный, я отправился на юг, в расположенный в Харидваре ашрам. Когда я вошел в храм, меня озадачила большая фотография на алтаре. На ней был запечатлен юный гуру в короне с павлиньим пером. Он стоял в позе Кришны и играл на флейте. Однако он был совсем не похож на Кришну с картины, которую я купил в Дели. Как и мой знакомый из Колорадо, ученики этого гуру, окружив меня, стали наперебой восторженно говорить: «Всемиловитый Господь уже приходил прежде как Рама и как Кришна, и теперь Он явился вновь. Когда Гуру Махараджи (так называли его ученики) наделяет человека *знанием*, он дает ему божественное зрение, благодаря которому человек может увидеть в нем Господа Вселенной». Поскольку Гуру Махараджи собирался в свою первую зарубежную поездку, его ученики уговорили меня скорее ехать в Нью-Дели.

Добравшись на автобусе до Дели, я увидел во дворе ашрама сотни учеников Гуру Махараджи, ожидавших возможности хотя бы краем глаза увидеть его. Я сел в уголке и стал наблюдать. Один пожилой ученик завел со мной разговор, а затем представил меня группе *махатм* – учеников, уполномоченных давать *знание* от имени Гуру Махараджи. Махатмы решили, что я должен встретиться со Шри Матаджи – святой матерью их Бога. Она восседала на кушетке в окружении почитателей, которые обмахивали ее опахалами из хвоста яка и ловили каждое ее слово. К моему удивлению, она решила, что мне необходима личная встреча с ее сыном, пока он не уехал, и один из махатм проводил меня в его покои. Гуру Махараджи оказался немного полноватым подростком лет

тринадцати, с волосами, аккуратно зачесанными на пробор. Он представился мне как Прем Рават и пояснил, что является преемником своего отца — Шри Хансджи Махараджа. Гуру Махараджи провел меня на крышу, где мы, наконец, остались одни. Там, вдали от толпы восторженных последователей, мы стали прогуливаться с ним и беседовать. Гуру Махараджи расспрашивал меня о моей жизни и рассказывал о предстоящей ему первой заграничной поездке. Когда он спросил, хочу ли я получить посвящение в *знание*, я объяснил ему, как я уже объяснял другим учителям до него, что с большой осторожностью отношусь к принятию на себя подобных обязательств. Пока мы беседовали с Гуру Махараджи на крыше, толпа во дворе с нетерпением ожидала его появления. В какой-то момент один из махатм высунул голову на крышу и сказал, что пришло время ехать в аэропорт. Гуру Махараджи заторопился: «Мне пора. Если ты когда-нибудь захочешь получить от меня *знание*, — сказал он, — можешь обратиться ко мне лично в Индии, Америке или Лондоне». Под взглядами тысяч людей мы спустились по ступеням. Я сразу отошел в сторону, а Гуру Махараджи, к восторгу своих последователей, благословил их, а потом отбыл на машине. Наблюдая издали, я чувствовал признательность ему за проявленное ко мне внимание. Было очевидно, что он достиг высот в йоге — вероятно, еще в прошлой жизни. Однако, заглянув в свое сердце, я понял, что у меня нет никакого желания принимать его за Кришну, Верховного Господа Вселенной. «Вопрос о том, кто есть Бог, — размышляя я, — слишком серьезен, чтобы относиться к нему легкомысленно».

Во время своих путешествий я развил довольно сильную привязанность к духовным книгам, которые всегда носил с собой. Постепенно в моей полотняной котомке собралась целая библиотека. Помимо тяжелой котомки с книгами, мое имущество сводилось к чаше для подаяний и посоху из ветви дерева. Я неоднократно пырился облегчить свою ношу, но всякий раз, пытаясь отказаться от книг, которые мне больше не были нужны, приходил к выводу, что не способен расстаться ни с одной из них. В моей коллекции были Бхагавад-гита, Библия, Упанишады, «Автобиография йога», книги о буддизме, трактат Шанкарачарьи

и книга «Кришна», полученная из рук Шрилы Прабхупады. Каждая из этих книг была для меня особенной, и я боялся, что не смогу найти их, если они мне понадобятся, и потому таскал с собой эту котомку книг повсюду, зачастую изнемогая под ее весом. Я стоял на перекрестке возле Коннот-плейс в Дели, и котомка с книгами лежала у моих ног. Мимо, чадя, проезжали моторикши. Улица была запружена автомобилями, и каждый из них пытался вырваться вперед остальных. Велорикши, торговцы с тележками и воловьши повозки лавировали в потоке между выдавшими виды грузовиками, которые громко сигналили и изрыгали облака угарного газа. Стоя на тротуаре, я ждал зеленого света.

Вдруг на меня сзади прыгнул какой-то человек. Мертвой хваткой он вцепился мне в затылок и сунул в мое ухо какую-то железку. Глубоко вставив ее в ушное отверстие, он принялся больно скрести там. Я задрожал от страха. Кто это и что он делает? Не проткнет ли он мне барабанную перепонку? Незнакомец тем временем продолжал скрести мне ухо, и я, полностью находясь в его власти, боялся даже пошевелиться. Затем он отпустил мою шею, вынул железку из уха и поднес ее к моим глазам, показывая большой комок ушной серы. Я очень обрадовался, поскольку стал слышать гораздо лучше — по крайней мере, одним ухом. За то, чтобы прочистить второе ухо, незнакомец затребовал рупию. Но у меня не было денег. Он попытался было торговаться со мной, но, поняв, что у меня нет ни гроша, ушел, оставив меня с забитым вторым ухом. Я не мог поверить в то, что произошло. Я даже не подозревал, сколько грязи скопилось в моем ухе, пока его не прочистили. Особенно это было заметно по контрасту с другим ухом. Страдальчески улыбаясь, я мысленно провел параллель между случившимся и моими духовными поисками:

Скверна эгоизма, скопившаяся в нашем сердце, не дает нам явственно услышать голос Бога внутри себя. Вооруженный знанием, гуру очищает наше сердце. То, что выходит из нашего сердца наружу, может выглядеть отталкивающей, но если набраться терпения и следовать по этому пути до конца, то можно полностью очиститься.

И еще один урок извлек я из этого происшествия:

Иногда Бог посылает нам «бесплатный образец» религиозного опыта, но, чтобы получить нечто большее, нужно заплатить требуемую цену, и платой этой является искренняя готовность идти по пути очищения.

Теперь мой слуховой аппарат напоминал разбалансированную стереосистему. Я понимал, что мне необходимо очищение, причем на многих уровнях. Я все еще стоял на перекрестке в ожидании зеленого света, и, когда он загорелся, протянул руку к котомке с книгами... Но ее не было! Мне показалось, что я схожу с ума. Я стал искать ее повсюду, бегать взад и вперед и расспрашивать прохожих, но все напрасно. Мало-помалу мне пришлось смириться с мыслью о том, что мои книги украли. Так и оставшись стоять на перекрестке, я оплакивал свою утрату.

В этих бесценных книгах черпал я знание и вдохновение. Они были для меня самым большим сокровищем. Я получил их из милосердных рук своих учителей. И теперь от моего несметного богатства не осталось и следа.

Разбитый горем и потерявший всякую надежду на возвращение книг, я поплелся прочь.

Но, пройдя всего несколько шагов, я вдруг почувствовал, насколько легко мне стало идти. Тяжкий груз, который я так долго таскал на плече, исчез. Чувство освобождения, такое же внезапное, как и недавнее отчаяние, целиком захватило меня. Едва сдерживаясь, чтобы не запрыгать от радости, я размышлял:

Нашему уму свойственно считать малозначимые вещи значимыми. Ум создает искусственные потребности и убеждает нас, что без них невозможно жить. Так мы проносим через всю свою жизнь тяжкую ношу наших привязанностей. Привязанность — тяжелое бремя для ума. И до тех пор, пока мы не освободимся

от этого бремени, как в случае с моими книгами или ушной пробкой, мы не поймем, какое тяжкое бремя мы взвалили на себя. Но если мы научимся черпать радость внутри себя, то сможем вести простую жизнь, свободную от бесконечных проблем.

За время моих странствий у меня развилась привязанность к тому, чтобы найти верный путь и учителя своими силами. Но теперь я понял одну парадоксальную истину: чтобы действительно найти то, что я ищу, мне нужно отказаться от привязанности к достижению своей цели и просто искренне продолжать поиски. Какие бы препятствия ни ждали меня на этом пути, я понимал, что они в конце концов помогут мне достичь полной свободы.

Айодхья — город, где родился Господь Рама, — с незапамятных времен привлекает к себе миллионы паломников, и мне тоже захотелось побывать там. Давным-давно неотразимо прекрасный Господь явился здесь в образе человека, чтобы учить людей Своим примером. Как сын Он с радостным сердцем исполнил волю отца, отправившись в изгнание в лес и отказавшись от царского трона, и сделал это, только чтобы защитить отцовскую честь. Как муж Он нежно любил и оберегал Свою жену, Ситу, а когда она попала в плен, Он ради ее спасения начал войну. Как ученик Он усердно обучался под руководством Своих наставников и служил им, не гнушаясь черной работы. Как друг Он всегда был готов оказать помощь и поддержку нуждающимся. Как брат Он с честью выдержал испытание и устоял перед соблазнами, доказав Свою любовь и верность. А позже, играя роль царя, Господь Рама заботился о Своих подданных, как о собственных детях, и обращался с ними по справедливости, ни к кому не питая особых пристрастий. Он делал это, чтобы подать пример безукоризненного исполнения своих обязанностей и пробудить в наших сердцах любовь к Богу.

Когда я шел по широкой улице между величественных храмов и дворцов и видел повсюду огромные толпы паломников, мне показалось, что я попал в сказочное царство.

Ночевал я прямо на земле на берегу реки Сараю. Однажды утром, после омовения, предвкушая встречу со святыней, я отправился посмотреть на место рождения Господа Рамы. Я даже не подозревал, что попаду в одну из самых горячих точек мира.

Я стоял и не верил своим глазам. В священном месте рождения Господа Рамы, месте паломничества, которому поклоняются сотни миллионов индусов, стояла заброшенная мечеть, огороженная

многими рядами колючей проволоки. Территорию мечети патрулировали солдаты, вооруженные гранатами и винтовками со штыками. Снаружи ограждения на деревянном помосте человек десять садху пели святое имя Господа Рамы. В растерянности я попытался выяснить у садху, что здесь происходит, однако никто из них не говорил по-английски. В конце концов мне дали брошюру на английском. В ней говорилось, что некогда в Джанма-Бхуми, священном месте рождения Господа Рамы, стоял посвященный Ему величественный храм. Позже захватчик из династии Великих Моголов выстроил на месте храма мечеть, и с тех пор индусы и мусульмане борются за эту землю. В конце концов, чтобы погасить кровавый конфликт между индусами и мусульманами, в ситуацию вмешалось правительство. «Сейчас зона конфликта охраняется вооруженными силами, и вход на территорию строго запрещен, — гласила брошюра. — Поэтому садху дали обет безостановочно петь святые имена Рамы до тех пор, пока индусам не откроют доступ к святыне».

Мне вспомнилось, что похожий конфликт назревает на Храмовой Горе в Иерусалиме, где расположена мечеть Скалы. Я подошел к воротам, запертым на огромный стальной замок, и погрузился в размышления о том, как повсюду в мире политические интриги приводят к кровопролитию. За время своих путешествий и поисков любви к Богу я научился ценить неповторимую красоту всех мировых религий. Но ненависть и насилие, творимые «во имя Бога», тоже являются одной из прискорбных реалий этого мира. Путем ненависти к иноверцам идут те, кто привязан к внешней форме и не понимает глубинной сути религии. Суть всех религий — бескорыстная любовь к Богу. Вот почему любому истинно религиозному человеку, к какой бы традиции он ни принадлежал, всегда присущи такие добродетели, как твердая вера в Бога, самообладание, любовь к ближнему и сострадание.

Через колючую проволоку я заметил у входа в заброшенную мечеть дощечку с изображением Господа Рамы. Мимо меня к ней прошел солдат в полном снаряжении, поднимая пыль кожаными ботинками. За плечом у него висела винтовка со штыком, а грудь перепоясывали патронные ленты. Преклонив колени перед изображением и вознеся молитву, он аккуратно повесил на него

гирлянду из бархатцев. В этих непростых обстоятельствах он выполнял обязанности храмового священнослужителя. Я стояла и с удивлением смотрела на происходящее.

Именно здесь, в Айодхье, мне в руки попал английский перевод Рамаяны, и я читал его каждый день, сидя на берегу Сараю. В этом древнем священном писании рассказывается о жизни и учении Господа Рамы. Хотя в то время у меня еще оставалась склонность к медитации на всепроникающий безличный Абсолют, постепенно в моем сердце зарождалась неодолимая привязанность к личностным качествам Господа. Когда я читал о полных любви взаимоотношениях Рамы и Его верных слуг, меня начинал все больше и больше привлекать путь служения Богу. Господь Рама — это замечательный образец для подражания. Он учит нас, как жить духовной жизнью в этом мире и одновременно служить семье и обществу. Когда пришло мое время покинуть эти места, я поблагодарил святой город Айодхью и помолился о том, чтобы никогда не забыть о драгоценных дарах, обретенных здесь.

Далее мой путь лежал на юго-восток, в Праяг. В этом месте, которое считается лучшим из всех святых мест, раз в двенадцать лет проходит Кумбха-мела — крупнейший религиозный праздник, на который собирается до двадцати миллионов паломников. Они приезжают специально, чтобы увидеть святых людей и совершить очистительный обряд омовения в месте слияния трех рек: Ганги, Ямуны и Сарасвати. За полгода до этого я отклонил несколько приглашений приехать на Кумбха-мелу, так как планировал провести время на Ганге, в Гималаях, однако в глубине души я давно хотел побывать в Праяге. Прибыв туда душным летним утром, я спросил у встретившегося мне местного жителя, как пройти к слиянию рек, и тот жестом указал мне дорогу.

Дойдя до Ганги, я сел на песчаном берегу и погрузился в воспоминания о первых днях, проведенных в Индии. Я вспоминал, как сидел на камне в Ришикеше и как мать-Ганга преподавала мне уроки, перевернувшие мою жизнь. Еще мне вспомнилось, как, внимая неумолкающей песни ее волн, я услышал в ней звуки мантры Харе Кришна, навечно запечатлевшейся в моем сердце. Сейчас, сидя на песчаном берегу Ганги в Праяге, я понял, что если

просто пойти вниз по течению, то можно будет добраться до места ее слияния с Ямуной и Сарасвати. Именно место слияния трех рек Веда называют самым святым из всех мест паломничества в Индии. Я поднялся и пошел в этом направлении. Был полдень, и мелкий белый песок обжигал мои босые ноги, ослепительно искрясь на солнце. С тех пор как я невольно нанес оскорбление Нагам, приблизившись к священному костру в сандалиях, я отказался от обуви и ходил босиком. Но в тот день песок так раскалился, что идти по нему было невозможно. Мне казалось, что я никогда не дойду до цели. Наконец, по прошествии часа, моим глазам предстала чудесная картина: река Ямуна, сбегаящая с гималайских вершин и пересекающая равнины Северной Индии, сливалась, как будто после долгой разлуки, в объятиях с Гангой. Так и текли они в одном русле: темно-синия Ямуна, белесая Ганга и, где-то под ними, невидимая глазу Сарасвати.

Сидя на песчаном берегу, я глядел на безоблачное голубое небо. В нем, широко раскинув крылья, парил ястреб, и его рыже-вато-коричневое оперение сверкало на солнце. Ястреб кругами опускался все ниже и ниже, пока не оказался всего в нескольких метрах от меня. Блестящими желтыми глазами он внимательно всматривался в реку и внезапно ринулся вниз, с головой погрузившись в Гангу. Под водой завязалась нешуточная битва, и вот ястреб вынырнул на поверхность с бьющейся в его когтях рыбой, сантиметров тридцати длиной, и, пролетев прямо надо мной, скрылся в ближайшем лесу. Наблюдая за этим, я размышлял:

Ничего не подозревающая рыба, не видевшая ничего, кроме своей реки, жила обычной жизнью, пока вдруг не оказалась вырванной из привычной среды обитания жестокой рукой смерти. Подобно этой рыбе, мы ведем обычную жизнь, даже не подозревая, что желтоглазый ястреб судьбы, приходящей к нам в обличье кризиса, трагедии или даже смерти, может неожиданно вырвать нас из привычного окружения. Мы постоянно слышим об этих примерах в новостях и наблюдаем их сами, но редко когда задумываемся, что подобное может в любое мгновение произойти

и с нами. Какой же урок я должен вынести из этого? Никогда не позволять самоуспокоенности поселяться в моем сердце и не допускать того, чтобы повседневная суета заслонила от меня духовные цели. Плавай рыба поглубже, она оказалась бы недоступной ястребу. Подобно этому, если мы будем углублять свои отношения с Богом, то сумеем увидеть внутреннюю реальность, столь глубокую и радостную, что благодаря соприкосновению с ней мы будем встречать любые повороты судьбы со спокойным и отрешенным умом.

Палило летнее солнце, и у слияния трех рек не было ни души. Я оставил свои нехитрые пожитки на берегу и вошел в воду. После купания меня охватило сильное желание задержаться в этом волшебном месте подольше, ведь я не знал, доведется ли мне побыть здесь еще раз. Я решил сплавить на другой берег, до которого было метров сто. Течение Ганги было сильным, а течение Ямуны — плавным и неторопливым. Когда я поплыл, Ганга вынесла меня к пустынному участку берега, на котором ничего не росло. Я вышел из воды, ступил на песчаный берег и, к своему ужасу, стал проваливаться под землю, как если бы меня засасывала неведомая сила.

Зыбучие пески! На первый взгляд они ничем не отличались от мягкого прибрежного песка, который часто служил мне ложем во время моих странствий. Однако внешнее сходство оказалось обманчивым. Я отчаянно боролся за жизнь, но, несмотря на все свои старания, погружался в песок все глубже и глубже. Я провалился уже по самые колени и продолжал опускаться еще глубже. Все мои попытки спастись были тщетны. Мать-земля в буквальном смысле слова проглатывала меня.

В поисках спасения я стал оглядываться по сторонам, но повсюду, сколько хватало глаз, был только песок. Вдруг мой взгляд упал на безлистный куст, росший слева от меня. Сделав отчаянный рывок, я ухватился за него, как утопающий хватается за соломинку. Это был колючий кустарник. Дотянувшись до ветки кустарника, я изо всех сил вцепился в нее и стал выдергивать ноги из песчаного плена, перехватывая ветку окровавленными руками.

Извиваясь под палящим солнцем, я отчаянно боролся за жизнь. Острые, как бритва, шипы впивались в ладони. Кровь текла из саднящих ран. Но что еще мне оставалось? Выбор был невелик: либо терпеть мучительную боль, либо отдаться на волю зыбучих песков, приняв позорную и жуткую смерть. Задыхаясь от усталости и обливаясь потом, я кое-как умудрился освободить из песка одну ногу, но ее тут же засосало обратно. От следующего моего рывка куст выскочил из песка вместе с прогнившими корнями. В отчаянии я закричал. Отпустив бесполезную ветку, я, утомленный бесплодной борьбой, глубоко вздохнул и расслабился. К своему удивлению, я обнаружил, что если вести себя спокойно, то зыбучие пески гораздо менее агрессивны. Я лег всем туловищем на песок и почувствовал, что он держит меня, почти как вода. Само по себе это не решало моей проблемы, но позволяло выиграть какое-то время. Сантиметр за сантиметром, двигаясь очень медленно, я стал осторожно высвобождать из песка ноги. Так, двигаясь со скоростью улитки, я выполз обратно к реке.

Я был свободен или, по крайней мере, думал так. Теперь мне оставалось преодолеть плавное течение Ямуны. Но для этого вначале нужно было справиться с могучим потоком Ганги. Я пустился в плавание, но сколько я ни греб, мать-Ганга упрямо возвращала меня обратно к зыбучим пескам. Силы мои были на исходе, и я понял, что больше не могу плыть против течения. Я лихорадочно работал руками и ногами, но течение все равно относило меня назад. От напряжения у меня сводило руки, казалось, еще немного, и меня парализует. Но я продолжал бороться за жизнь, хотя явно проигрывал эту битву. Другой берег был так далеко, что я едва мог его различить. В отчаянной попытке остаться в живых я стал молиться.

Внезапно забрезжила надежда. В полусотне метров я увидел рыбацкую лодку, в которой стоял белобородый морщинистый старик в красном тюрбане. Продолжая грести против течения, я снова и снова звал на помощь. *Услышит ли он меня?* Я продолжал молиться, но силы мои уже были на исходе. Наконец рыбак заметил меня. Улыбнувшись, он махнул рукой, показав куда-то вперед, и, сохраняя все ту же милую улыбку, проплыл мимо, оставив меня на верную погибель.

Барахтаясь и захлебываясь водой, я понял, что потерял последнюю надежду. Но, даже лишившись надежды на спасение, я думал: *Лучше уж утонуть в священной реке, чем задохнуться в зыбучих песках.* Ведь это была та самая Ганга, которая в Ришикеше преподавала мне так много драгоценных уроков и вскормила меня, словно мать. Это в ее воды я бросил свою гармонику, олицетворявшую мою любовь к самому себе, и это она своей песней пробудила мою душу. Теперь я готовился отдать Ганге последнее, что у меня было, — свою жизнь. Нет, у меня оставалось еще что-то — моя молитва.

В этот миг произошло нечто удивительное. Тело мое уже скрылось под водой, и я готовился встретить смерть, как вдруг в глубине моего сердца зазвучала прекрасная песнь:

*Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе /
Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.*

Несколько месяцев назад Ганга уже открыла мне эту мантру, и в час величайшей нужды она делала это вновь. Безмолвно повторяя мантру, я приготовился умереть в святом месте. Мантра погрузила меня в состояние полного умиротворения и свободы от страха. Тогда, подобно восходящему солнцу, в голове у меня сама собой всплыла мысль: *Почему рыбак махнул рукой вперед? Что это значит?* И тут меня осенило. Он показывал мне: «Не сопротивляйся матери-Ганге. Пересеки ее вместе с течением Ямуны». Поглощенный борьбой за жизнь, я даже не подумал об этом. Жест рыбака спас мне жизнь.

Но, когда течение подхватило меня и легко перенесло через Гангу, я вновь забеспокоился. Я оставил паспорт и все свое нехитрое имущество на другом берегу. Теперь же я плыл прямо в противоположном направлении. Найду ли я свои вещи на том же самом месте, когда вернусь? Но в тот же миг я стал думать: *Какой смысл переживать о таких пустяках? Мгновение назад мне угрожала смертельная опасность, и лишь духовный паспорт — имя Бога — позволил мне переплыть реку и спастись.* Когда несколько часов спустя я вернулся на другой берег, день уже клонился к закату, и на песчаном берегу Ганги сотни человек

совершали омовение. Мои пожитки лежали на самом виду, никем не тронутые.

Окруженный шумной толпой, я сел и стал размышлять.

Утром этот песок жег меня, словно огонь, а позже был готов поглотить меня. Но сейчас тот же самый песок, прохладный и мягкий, стал моим пристанищем. Подобно песку, человек под влиянием обстоятельств может испытывать злобу и зависть или же, наоборот, быть любящим и добрым.

Окружение и общение формируют наше сознание. Насколько же важно своим общением пробуждать в людях их лучшие, а не худшие качества! Каждая песчинка на этом берегу готова поделиться со мной глубочайшей мудростью. Нужны только уши, чтобы услышать то, что они хотят сказать!

Мягкий песок струился сквозь мои пальцы, а я размышлял о том, как боролся за жизнь в потоке матери-Ганги. Любящая мать порой бывает сурова со своим ребенком, чтобы преподать ему урок, который он запомнит надолго. Что должен был вынести я из сегодняшнего испытания? Может быть, то, что не всегда следует идти наперекор неодолимой силе? Я вспомнил о многочисленных испытаниях, с которыми столкнулся на своем пути. Если в таких ситуациях идти напролом, то все наши усилия кончатся ничем. Это все равно, что плыть против течения Ганги. Иногда для достижения желанной цели лучше избрать путь наименьшего сопротивления. Летнее солнце опускалось за горизонт, и я вспомнил, как сегодня днем ястреб схватил ничего не подозревающую рыбу и вытащил ее из реки. Чуть позже, безо всякого предупреждения, я сам оказался в когтях судьбы и изо всех сил цеплялся за жизнь в той же самой реке. Я думал так: *Сегодня Господь наглядно показал мне, насколько далек я от своей цели. Этот урок дался мне нелегко, и я надеюсь, что никогда не забуду его.* Я глубоко вздохнул и обратил взор вверх, в сумеречное небо, где на недосягаемой для других птиц высоте с царственной уверенностью парил ястреб.

Наступил сезон дождей. Клубящиеся облака — фиолетовые, свинцовые и иссиня-черные — озарялись вспышками молний. По небу разносились гулкие, басовитые раскаты грома. Хотя путешествовать в сезон дождей было труднее, чем обычно, теплый и напоенный влагой воздух вызывал у меня радостное волнение в груди. Приближался июль, и мне предстояло решить, в какую страну выехать для продления индийской визы. Поговаривали, что это нетрудно сделать в Непале, и, поскольку до границы с Непалом было недалеко, я решил попробовать.

По дороге на северо-восток, в Непал, я оказался в Патне, столице штата Бихар, — шумном, многолюдном городе с огромными зернохранилищами, многочисленными колледжами и государственными учреждениями. Дойдя до берега Ганги, я устроился на ночлег рядом с Коллектори-гхатом, у которого мать-Ганга кажется широкой, как море. Наутро меня разбудили первые лучи солнца и пение сотен людей, пришедших к Ганге совершить омовение. Я лежал, наслаждаясь красочным зрелищем, которое открылось передо мной. Вдруг я явственно ощутил рядом чье-то присутствие.

Подняв глаза, я увидел, что надо мной возвышается удивительный человек величественной внешности с длинными белыми волосами и бородой. Он казался мудрецом, сошедшим со страниц священных писаний. На лбу у него красовался *тилак* из трех вертикальных линий: двух белых и одной красной между ними. На вид ему было далеко за семьдесят, и по-английски он не говорил. Сложив ладони и склонившись в приветствии, незнакомец знаками пригласил меня в храм, стоявший неподалеку на берегу реки. Это было здание из серого камня, не больше хижины, но очень древнее. Фасад храма был обращен к реке, и, когда мы

вошли внутрь, я увидел старца лет восьмидесяти пяти. Он сидел перед алтарем и читал молитвы.

Старец поприветствовал меня на хорошем английском: «Меня зовут Нараян Прасад, я родом из Патны». Недолго думая, он стал рассказывать мне историю своей жизни: «Когда мои дети выросли, я ушел в отставку с государственной службы и теперь каждый день прихожу сюда служить своему гуру». Старец взял меня за руку и подвел к седовласому незнакомцу, который привел меня сюда: «Это — мой гуру, Рама-севака Свами, он — великий бхакти-йог». Я уже знал, что *бхакти* означает «преданность Богу», но не имел никакого представления о глубине и подлинной сути этой традиции.

Свами пригласил меня оставаться в его храме столько, сколько я захочу. Это был первый садху, следовавший путем бхакти-йоги, с которым я близко познакомился. Словно любящий отец, он внимательно заботился обо мне. Каждый раз, когда он смотрел на меня, нежная улыбка озаряла его старческое лицо. Будучи вчетверо старше, он, тем не менее, собственноручно кормил меня, а позже, когда я заболел, готовил для меня травяные лекарства. Он был уважаемым Свами, а я — всего лишь крохотной заблудшей душой, юношей с Запада, тщетно пытающимся найти свой путь.

Преданность и любовь Рама-севаки Свами сильно повлияли на меня. Именно от него я научился тому, как должен вести себя настоящий святой человек. Простота и преданность сплошным потоком проливались из его сердца на все, что он делал. Каждое утро он проводил в одиночестве несколько часов, повторяя имена Господа Рамы на деревянных четках и с большим чувством поклоняясь алтарю. Однажды он объяснил мне, что означает его имя: «Рама-севака означает „тот, кто служит Господу Раме“, а самое лучшее служение Раме — помогать другим узнать и полюбить Его». Он пригладил свою мягкую седую бороду и продолжил с еще большим чувством: «Я очень признателен тебе за то, что ты позволяешь мне служить тебе». Услышав эти слова, Нараян Прасад так расчувствовался, что комок слез застрял у него в горле. Только справившись с волнением, он смог перевести мне слова своего гуру. Что касается меня, то я только-только начинал понимать, что такое истинная преданность Богу.

По ночам, когда мы спали на неровном каменном полу храма, меня донимал рой кровожадных комаров. Было такое ощущение, что меня едят заживо. От комариного писка у меня звенело в ушах. Облепляя меня, комары вонзались в мою плоть и начинали сосать из меня кровь. Заснуть в таких условиях было просто невозможно. Совершенно измученный, я смотрел на Рама-севаку Свами и еще одного гостившего в храме садху. Хотя комары точно так же роились вокруг них и безостановочно пили их кровь, те продолжали безмятежно спать, лежа на камнях. Эти два садху совершенно не обращали внимания на телесные страдания. Мне же оставалось лишь молиться, чтобы когда-нибудь стать таким же отрешенным, как они.

Однажды вечером гостящий в храме садху вызвался приготовить для нас обед. Утром он собрал в городе подаяние, и, вернувшись, разжег костер. Сидя на корточках, он подкидывал в огонь сухие коровьи лепешки, кипятя в глиняном горшке воду для *кичри* — блюда из риса, *маша* и картофеля. Садху был смуглым, со спутанными волосами и бородой. Из одежды на нем была лишь выпветшая добела набедренная повязка. Приготовив блюдо, он освятил его на алтаре, а потом позвал нас. Я сел на полу в одном ряду с Рама-севакой Свами и еще тремя садху. Пока наш повар раскладывал кичри по тарелкам, мы, готовясь к трапезе, читали молитвы во славу Господа Рамы. Ели мы, как обычно, руками с тарелок из листьев. Но, стоило кичри коснуться моего языка, как я почувствовал невыносимое жжение во рту. Ощущение было такое, словно повар приготовил блюдо из одного красного перца, лишь для вида приправив его рисом. Я покрылся испариной, из носа у меня потекло, а из глаз покатались слезы. Казалось, что даже оставшаяся в ушах сера начала плавиться. Я был в отчаянии, поскольку у садху принято доедать свою порцию до конца. В тот момент единственной целью моей жизни было каким-то образом доесть то, что осталось на тарелке. Жжение было невыносимым, и я начал неудержимо икать. В ужасных муках я глотал обжигающее блюдо, тогда как остальные ели его с наслаждением, даже не замечая моих страданий. Когда мне удалось запихнуть в себя остатки кичри с тарелки и я уже надеялся, что мучения мои позади, наш щедрый повар стал раздавать добавку.

Я закрыл свою тарелку обеими руками: «Пуран, пуран — я сыт, больше не надо».

Повар же улыбался, держа над моей тарелкой полный до краев половник: «Тора, тора — еще немного, совсем чуть-чуть».

У меня было ощущение, что передо мной стоит олицетворенная смерть и я молю ее о пощаде.

«Пуран, пуран», — закрывал я руками тарелку.

«Тора, тора».

С невинной улыбкой садху произвел свое судьбоносное действие, и содержимое половника перекочевало в мою тарелку. Едва не потеряв сознание, я кое-как доел добавку и с облегчением перевел дух. И тут я увидел, что садху заходит с добавкой на третий круг. Я понял, что третьей порции я не переживу. Мне хотелось сбежать, но я не мог себе этого позволить. По этикету, принятому среди садху, нельзя вставать до того, как все остальные закончат трапезу. Повар зачерпнул полный половник кичри, в котором во множестве плавали стручки красного перца, и занес его над моей тарелкой.

Я с детства очень боялся огорчить кого-либо. А наш повар так искренне старался угодить нам, что я просто не мог позволить себе хоть как-то проявить неудовольствие. Сердце мое беспечно колотилось. Что делать?

Я торопливо поднял свою тарелку и скомкал ее.

Садху улыбнулся и перешел к следующему едоку. В изумлении я наблюдал, как остальные с наслаждением поглощают порцию за порцией. Повар, кивнув на меня, похвалился: «Ему так нравится мое кичри, что он даже плачет от благодарности». Я выдавил из себя улыбку и согласно кивнул, размышляя о том, какую важную роль в жизни этих людей играет философия бескорыстного служения.

Да, я плачу. И вполне возможно, именно от благодарности, как считает этот садху. Удовлетворить других порой нелегко, но я хочу это делать, и это желание — часть моей глубинной природы. В сущности, вытерпеть жгучую боль от острой пищи — совсем небольшая цена за то, чтобы увидеть удовольствие на лице этого садху.

Той ночью комары меня почти не беспокоили — наверное, потому, что моя кровь стала для них слишком острой.

За то время, что я провел в Патне, мы очень сблизились с Нараян Прасадом. Как это часто бывает среди друзей, он решил познакомиться меня еще с одним своим другом — врачом-рентгенологом. Однажды этот врач пригласил нас к себе в клинику. Мы расположились в его кабинете, за письменным столом. Хотя по происхождению врач был индусом, он не мог смириться с распространенным в индуизме пренебрежением к низшим кастам. Это было главной причиной, по которой он принял ислам. Теперь его звали Мухаммед, и он изучал Коран. Хотя Мухаммед не отрицал учение Бхагавад-гиты, он не желал более отождествлять себя с религией, дискриминирующей людей по признаку их происхождения. Я возразил ему: «Но ведь в Гите ничего не говорится об ущемлении прав людей на основании их происхождения. Многие великие индусские святые были выходцами из низших каст. Бхагавад-гита учит, что мы — бессмертные души, а не бранные тела».

Вместе мы обсуждали истинные основы религии и проводили параллели между тем, что сказано в Бхагавад-гите, Библии и Коране. После этого мы встречались еще несколько раз и без каких-либо предубеждений к верованиям друг друга беседовали о Боге. Мухаммед не пытался обратить меня в ислам, и я не делал попыток переубедить его. Вместо этого, каждый из нас делился своим пониманием, проявляя глубокое уважение к взглядам собеседника. Когда мы разговаривали, я особенно ясно ощутил, что милость Бога проливается на людей через все религии, все священные писания и через разных святых. Я все глубже и глубже понимал, что, какой бы путь мы ни избрали и каким бы узким он ни был, искренняя преданность Богу, в самом общем смысле этого слова, — это единственный способ преодоления распрей и разногласий в этом мире.

На следующий день после разговора с Мухаммедом я, сидя на берегу Ганги с Нараян Прасадом, спросил его: «Как в стране, где так остры противоречия между индуизмом и исламом, Вам удастся с такой любовью относиться к представителю другого вероисповедания?»

Тепло улыбнувшись, он произнес в ответ слова, которые я запомнил на всю жизнь: «Собака узнает своего хозяина в любой одежде. Хозяин может быть в халате, в костюме и галстуке или вообще не одет, но собака всегда его узнает. Если мы не способны узнать Бога, нашего возлюбленного хозяина, когда Он облачен в другие одежды — одежды из другой религии, — то мы хуже собаки».

Поскольку я задержался у Рама-севаки Свами дольше, чем предполагал, мне пришлось идти в контору иммиграционной службы в Патне, чтобы попытаться продлить свою визу. Контора представляла собой небольшое кирпичное здание, в котором за столом сидел пожилой индус-инспектор. Система хранения документов, похоже, отсутствовала как таковая — бумаги лежали стопками на столе и прямо на полу. Минут пятнадцать инспектор рылся в этой груде документов в поиске бланка заявления. Заполнив бланк, я протянул его инспектору вместе со своим паспортом. Тот бросил на паспорт беглый взгляд, а затем произнес бесстрастным бюрократическим голосом: «Ваша виза продлению не подлежит».

Я лишился дара речи. Мысль о том, что мне нужно будет покинуть мою новую родину, была для меня нестерпимой. Снова и снова я умолял инспектора о снисхождении, но тот не собирался отступать от правил. Утратив всякую надежду, я стал молиться.

И тут на стене позади инспектора я заметил изображение Господа Рамы. Я смиренно обратился к инспектору: «Знаете ли Вы, сэр, что в стране, откуда я родом, все едят коров?»

Он в изумлении вытаращил глаза и открыл рот: «Что? Убивают священных коров? Какой ужас!»

«Сэр, в моей стране юноши и девушки зачастую живут вместе, даже не заключив брак».

Он неодобрительно покачал головой и цокнул языком: «Как это нецивилизованно».

«Не могу без содрогания говорить об этом, сэр, но в моей стране никто даже не слышал имя Рамы».

Он не мог поверить своим ушам. Перегнувшись через стол, он схватил меня за руки: «Ты не должен возвращаться в это ужасное место!»

«Но если Вы не продлите мне визу, то мне придется вернуться туда. Я приехал в Индию в поисках прибежища у Вашего возлюбленного Господа Рамы».

Инспектор вскочил, опрокинув стул: «Я — верный слуга Рамы. Мой долг — оказать тебе защиту». С этими словами он проставил новую визу в моем паспорте.

По утрам в ашраме Рама-севаки Свами собиралось пятеро садху. Они читали на хинди Рамаяну — историю жизни Господа Рамы. Я понимал лишь отдельные слова, но Нараян Прасад пообещал мне рассказывать после каждого чтения все, о чем они говорили. Три часа кряду садху сидели, увлеченно слушая Рамаяну. Было видно, что эмоции переполняют их сердца — они то смеялись, то плакали от радости, то погружались в скорбь. А иногда они замирали в тревожном ожидании, страхе или удивлении. Наблюдая за этим, я испытывал непреодолимое желание услышать историю, которая вызывала у них столь сильные чувства.

Когда чтение закончилось, я попросил Нараян Прасада: «Пожалуйста, перескажите мне все, о чем вы говорили».

Мы вышли из храма, сели на берегу Ганги, и Нараян Прасад начал свое повествование: «Однажды, когда Господь Кришна был еще младенцем, Яшода стала кормить его грудью. И тут она заметила, что молоко, которое кипятилось на плите, убегает. Тогда, положив малыша Кришну в безопасное место, она кинулась спасать убежавшее молоко. Кришне не понравилось такое отношение к себе. Желая показать, что служение Богу превыше всего, он проявил одно из тех качеств, которые покоряют сердца любящих его, — проказливость: разбил глиняный горшок, в котором хранилось масло, и стал это масло есть. Затем, решив, что этого недостаточно, он отправился в кладовку и взобрался на высокую деревянную ступу. Оттуда маленький Кришна дотянулся до большого глиняного горшка с маслом, подвешенного к потолку на веревках. Наевшись масла досыта, он стал кормить им обезьян. А Яшода тем временем повсюду искала своего малыша.

Выследив Его по масляным следам на полу, она увидела, что тот кормит обезьян, испуганно оглядываясь при этом по сторонам. Яшода заулыбалась. Она тихонько подкралась к нему, но Кришна

заметил ее и бросился наутек. Преисполнившись материнской любви, Яшода погналась за Ним, и Кришна, довольный любовью своей матери, позволил ей поймать себя. При одной мысли о наказании Кришна задрожал всем своим маленьким тельцем. Из глаз его покатались слезы, а с губ срывались мольбы о прощении. Он обещал больше никогда не воровать масло. У матушки Яшоды было много дел по хозяйству, и, чтобы с ее непоседливым ребенком ничего не случилось, она решила привязать его за талию шелковой веревкой к деревянной ступе. Веревка оказалась на два вершка короче, чем нужно, и Яшоде пришлось надвигать ее. Но и тогда ей не хватило двух вершков. *Готи*, подруги Яшоды, принесли еще веревку, но, сколько они ни удлиняли веревку, им всё равно не хватало тех же двух вершков. Взирая на это чудо, Яшода пыталась скрыть улыбку любви. Когда Кришна увидел, что его мать устала и покрылась испариной и что цветы, украшающие ее волосы, падают на пол, он позволил связать себя — не веревкой, а узами ее любви. Этой своей игрой Кришна показывает нам, что, хотя он — владыка всего мироздания, для него нет большего удовольствия, чем быть связанным любовью своих верных слуг».

К моему удивлению, этот бесхитростный рассказ вызвал у меня такую радость, что я стал просить Нараян Прасада рассказать, что было дальше.

«Но это все, о чем мы сегодня говорили», — ответил он.

«Но вы беседовали более трех часов! Пожалуйста, расскажите еще».

«Мы больше ни о чем и не говорили».

На следующий день, восхищенный историей о маленьком Кришне и тем вниманием, с которым садху слушали ее, я с нетерпением ждал продолжения. Как только закончились чтения, мы с Нараян Прасадом опять сели на берегу Ганги, и он снова пересказал мне ту же самую историю о Кришне, воруящем масло. Сколько я ни упрасивал его, он не добавил ни слова. На все мои недоуменные вопросы он отвечал с лукавой улыбкой: «Это всё, о чем мы говорили».

На третий день во время чтений эмоции, которые проявляли садху, передались мне, заражая меня их любовью к Богу. Сидя на берегу матери-Ганги, я бросил на моего переводчика, Нараян

Прасада, долгий испытующий взгляд: «Я *должен* знать, о чем вы говорили сегодня». И он вновь рассказал мне ту же самую историю о Кришне, укравшем масло, которую я уже слышал.

Охваченный негодованием, я спросил его: «Почему Вы так со мной поступаете? Вы каждый день беседуете по три часа, а Ваш пересказ занимает не больше десяти минут. Зачем Вы обманываете меня?»

«Но это, действительно, все, о чем мы говорили».

Я почувствовал растущее раздражение: «Сегодня я слушал очень внимательно. Вы ни разу не произнесли слов „Кришна“ или „Яшода“. Я Вас очень прошу, пожалуйста, скажите мне правду!»

Нараян Прасад невозмутимо улыбнулся: «Мы беседовали только о том, как маленький Кришна ворует масло».

Мои глаза наполнились слезами: «Неужели я недостоин того, чтобы услышать, о чем вы говорите?»

Видя мое неподдельное огорчение, Нараян Прасад смягчился. Серьезно взглянув мне в глаза, он произнес: «Я вижу, что твои слезы искренни, поэтому я объясню тебе, в чем дело». Немного помолчав, он продолжил: «На следующую ночь после того, как ты появился у нас, Рама-севака Свами видел сон. Во сне ему явился Господь Рама и сказал о тебе: „Этот юноша — *бхакта** Кришны, хотя сам еще не подозревает об этом. Не говорите с ним ни о чем, кроме величия Кришны. Вриндаван станет местом его поклонения, но, если ты расскажешь ему об этом сейчас, он все равно тебе не поверит. Придет время, и он поймет это“».

С этими словами Нараян Прасад обнял меня за плечи. Мы сидели и смотрели, как катит свои могучие волны Ганга. Нараян Прасад пытался успокоить меня, хотя у него самого в глазах стояли слезы: «Мой гуру, Рама-севака Свами, велел, чтобы я говорил с тобой только о Кришне. Я же с детства поклоняюсь Раме, хотя Рама и Кришна — один и тот же Верховный Господь, в разное время принимавший разные обличья. Единственная история о Кришне, которую я знаю в подробностях, — это история о том, как Он воровал масло». Нараян Прасад достал из сумки картинку, на которой маленький Кришна украдкой ел масло, и протянул ее

* Бхакта — последователь или почитатель (примеч. переводчика).

мне. Картинка так мне понравилась, что я долго не мог оторвать от нее взгляда, но слова Нараян Прасада о том, что я должен поклоняться Кришне в месте, которое называется Вриндаван, были выше моего понимания. Поскольку я все равно ничего не понял, я решил не придавать этому особого значения. Все, что я знал тогда, — это то, что мне пора возвращаться в гималайские пещеры.

Покоренный мягкостью и доброжелательностью Рама-севаки Свами и его последователей, я провел в его ашраме несколько недель. В день своего отъезда я пришел к Свами и поклонился ему, прося благословений. Он решил сделать мне какой-нибудь подарок, но что он мог дать мне? Свами огляделся вокруг, и взгляд его упал на его же собственный посох. Улыбаясь сквозь слезы, он вручил посох мне. Я ощутил прилив благодарности. Хотя посох представлял собой обычную сучковатую палку, это был дар любви, значивший для меня гораздо больше, чем все богатства мира. К огромной радости Рама-севаки Свами, я с восторгом принял этот священный дар. Дрожащим от волнения голосом он стал говорить, а Нараян Прасад переводил мне его слова: «В священных писаниях сказано, что посох милости, который мы получаем от слуг Господа, способен защитить нас от величайшей опасности». С этого дня посох, подаренный Свами, стал моим постоянным спутником.

Я спешил вперед, стараясь не думать об опасностях, которые могли подстергать меня. Опущение того, что в Непале я встречу что-то особенное, не покидало меня. Из Патны я добрался поездом до приграничного города Раксола.

Водитель грузовика, с одеждой и волосами, покрытыми слоем дорожной пыли, улыбнулся мне, обнажив красные от постоянного жевания *бетеля* зубы, и взмахом руки пригласил меня залезать в кузов. Забравшись внутрь, я отыскал свободное место среди седых горянок в длинных выцветших платках с накинутыми на голову шальями и крестьян в выгоревших на солнце одеждах, везущих блеющих коз и кудахчущих кур, и сел на мешки с зерном на дне кузова. Подпрыгивая на ухабах и натужно урча, грузовичок стал подниматься в горы.

Кузов был открытым, а пассажиров набралось столько, что некоторые сидели чуть ли не на крыше кабины водителя. Хотя такой способ путешествия нельзя было назвать ни удобным, ни безопасным, это с лихвой компенсировалось великолепными видами Гималаев, открывавшимися перед нами. По мере того как грузовик взбирался по извилистой горной дороге, нашему взору представляли всё новые и новые покрытые зеленью горные хребты и долины. На горизонте возвышались заснеженные вершины, а иногда они оказывались прямо над нашими головами. Я с наслаждением вдыхал свежий горный воздух, и тело мое трепетало под порывами прохладного ветра. Временами на нас обрушивались потоки муссонного дождя, но, похоже, никого из пассажиров это не беспокоило. Глубокой ночью водитель высадил нас на окраине Катманду.

Уставший и голодный, я в одиночестве продолжил свой путь в сырой ночной тьме. По обеим сторонам пустынной

улицы проступали силуэты ветхих деревянных домов. Но не они привлекли мое внимание — откуда-то издалека до меня донесся безумный вой собак. С возрастающим беспокойством я стал вспоминать, как странствующие садху предупреждали меня о диких собаках: по ночам они сбиваются в злобные стаи, выслеживают и окружают свою добычу, постепенно сужая круг, а потом накидываются на нее и начинают рвать на куски, съедая свою жертву в считанные минуты. Не успел я подумать об этом, как навстречу мне откуда ни возьмись выскочила бездомная собака с пеной и слюной, капающей из пасти. Увидев меня одного посреди пустынной улицы, она запрокинула голову и пронзительно завывала.

Несколько мгновений спустя я увидел, как на меня несется свора рычащих псов. Сколько их было — шесть или восемь? Я был слишком напуган, чтобы считать. Но что означает слюна с белой пеной, текущая из их клауающих пастей, я понял сразу — бешенство. Бешеные псы, выкатив в ярости глаза, приближались ко мне, безумно завывая и уже готовясь растерзать меня. Их костлявые тела были почти безволосыми. Замогильный вой собачьей своры вогнал меня в ступор. Псы наступали на меня, из их раскрытых пастей падали ошметки пены и по клыкам стекала ядовитая слюна. Чтобы защитить себя от нападения сзади, я прижался спиной к стене дома и стал молиться в темноте. *Что делать?*

Затем, словно стряхнув с себя наваждение, я вспомнил о посохе, который дал мне Рама-севака Свами, и стал яростно размахивать им перед собой. Свора попятилась, образовав полукруг в метре с небольшим от меня. Стоило какому-то из бешеных псов броситься на меня, как он получал по морде посохом Свами. Я отбивался изо всех сил. Свирепо рыча, на меня бросался следующий пес, чтобы получить сокрушительный удар по морде. Все нападавшие, получив удар посохом, отступали, но уже мгновение спустя, как ни в чем не бывало, снова бросались на меня. Собачий вой и скулеж огласили ночь. Снова и снова свора нападала на меня, но мне каждый раз удавалось отбиваться. Однако чем дольше я сражался, тем яростнее становились псы. Они учуяли запах моей плоти и крови и понимали, что силы мои на исходе. У меня не было времени на размышления, поскольку каждую секунду мне приходилось отбиваться изо всех сил. Если хотя бы один пес прорвется

ко мне, то уже через мгновение свора будет рвать меня на куски. *Неужели это моя судьба — стать добычей бешеных псов?*

Силы мои таяли, а рычание псов, предвкушавших победу, становилось все громче и злобнее. Они подступали ко мне все ближе, чтобы покончить со мной, и теперь были настолько близко, что я едва не терял сознание от их смрадного дыхания. Меня била дрожь, и я в отчаянии молил Господа о помощи. Перед лицом смерти я чувствовал себя брошенным и никому не нужным. В этот момент, посмотрев через плечо, я различил в темноте у себя за спиной дверь. Заперта или нет? Посреди этого кошмара забрезжил слабый луч надежды. Молниеносно развернувшись, я резко нажал на ручку и толкнул дверь. Она открылась. Я юркнул внутрь, захлопнув ее за собой. Оставшиеся снаружи собаки взвыли от негодования и стали биться о запертую дверь.

Внутри царил крошечная тьма. Внезапно вспыхнула лампада, осветив семью, спавшую на полу и разбуженную мной. Мужчины, приняв меня за грабителя, вскочили на ноги и стали выяснять, кто я такой. Но я не говорил на их языке. Один из них бросился ко мне с саблей в руке. Единственное, что мне оставалось, это упасть на колени и, сложив ладони, молить о пощаде.

Увидев, что я сдался на их милость, хозяин смягчился и резким жестом указал на дверь, требуя, чтобы я немедленно ушел. Однако, услышав на улице надрывный собачий лай, осекся, понимая, что посылает меня на верную смерть. Он посмотрел мне в глаза долгим пронзительным взглядом, словно ощупывая и пытаясь оценить меня и мои намерения: было видно, что он все еще относится ко мне с подозрением. Я безмолвно кричал одними глазами, умоляя его дать мне прибежище. Каким-то образом моя безмолвная мольба дошла до него. Он опустил саблю и предложил мне сесть. С этого момента все переменялось — он увидел меня в ином свете и стал воспринимать меня как садху, хоть и попавшего в его жилище при чрезвычайных обстоятельствах, но пришедшего благословить его дом. Остальные домочадцы последовали его примеру и поднесли мне фрукты и стакан горячего подслащенного молока, которые я с благодарностью принял. Оставшуюся часть ночи я провел на правах гостя, прислушиваясь к яростному лаю голодных псов, не смолкавшему до самого рассвета.

Давным-давно, еще в Америке, мне довелось услышать индейскую притчу, и сейчас она всплыла у меня в памяти. У каждого в сердце живут две собаки — плохая и хорошая, и они постоянно дерутся между собой. Плохая собака олицетворяет собой наши порочные качества: зависть, злобу, похоть, жадность, чванство и лицемерие. Хорошая собака — это наша божественная природа: способность прощать, сострадание, самообладание, великодушие, смирение и мудрость. Все зависит от нашего выбора: та собака, которой мы уделяем больше времени и которую больше кормим, делая выбор в ее пользу, получает больше сил. Она будет громче лаять и в конце концов победит свою соперницу. Быть добродетельным — значит морить голодом плохую собаку и кормить хорошую. Свора бешеных собак с пеной у рта, что хотели сожрать меня этой ночью, была наглядной иллюстрацией всего того, чему я объявил войну внутри себя, избрав духовный путь.

Пока я лежал и отдыхал от своих приключений, мыслими я с благодарностью устремился к Рама-севаке Свами. *Если бы не посох, который он подарил мне, я бы наверняка уже был мертв.* Мне припомнились его слова, которые оказались пророческими: *Посох милости, который мы получаем от слуг Господа, способен защитить нас от величайшей опасности.*

На следующее утро, когда все стихло и псы разошлись, чтобы вести дневную жизнь, я от всего сердца поблагодарил хозяев дома и направился в храм Господа Вишну. Здесь я услышал, как группа садху восхваляет Джанакпур — священное место посреди равнин Непала, где на Землю явилась супруга Господа Рамы — Сита. Их слова пробудили во мне жажду приключений, и я, не долго думая, отправился туда. В Катманду я сел на старенький автобус, направлявшийся в Джанакпур. Через несколько часов автобус спустился с гор, пересек равнину и въехал в густые тропические джунгли, где я увидел дикого носорога, мирно пощипывающего листву. Прибыв в Джанакпур, я первым делом посетил Вихар-кунд — маленькое озеро, расположенное вдалеке от городского шума. Вокруг озера росли старые деревья и стояли древние святилища. Там же находился ашрам, где меня отвели к гуру по имени Шри Веджи. Это был пожилой садху с седой щетиной

на подбородке и ежиком седых волос на голове. Он проявил живое участие в моей судьбе и стал просить меня пожить немного в его ашраме, где меня готовы были каждый день бесплатно кормить рисом и далом.

Шри Веджи объяснил мне, почему Джанакпур считается святым местом. В глубокой древности это место называли Митхилой. Оно воспето в великом эпосе Рамаяна. Царь Джанака, готовясь к жертвоприношению, пахал здесь землю, и прямо из-под его плуга появилась Богиня Сита. Ее стали звать по отцу Джанаки. Митхила — место первой встречи Ситы и Рамы, город, где Рама сломал могучий лук Шивы, чтобы добиться руки Ситы и жениться на ней.

К этому времени все истории о воплощениях Бога на Земле перестали быть для меня просто древними сказаниями. Я был уверен в их реальности. Видя, с каким воодушевлением я слушаю их, добрейший Шри Веджи дал мне две книги индийской классики в английском переводе — Рамаяну Вальмики Муни и Рамачаритаманас Тулсидаса. Книги были очень толстыми, и каждое утро после пробуждения я, искупавшись в озере и помедитировав, приступал к их изучению и сидел, погруженный в чтение до самого заката.

В Рамаяне было всё: приключения и любовные истории, трагедии и героические подвиги, сцены ужаса, юмор и описания сражений. Но не это увлекло меня. Я почувствовал нечто большее. Все эти темы были связаны воедино духом преданности, который должен был пробудить в сердце читателя любовь к Богу. Когда я предложил свою помощь в уборке ашрама, Шри Веджи только улыбнулся: «Уже одно то, что ты читаешь Рамаяну и принимаешь нашу пищу, очищает мое сердце. О каком еще служении могу я тебя просить?»

Однажды днем я пристроился на обочине главной магистрали, которая представляла собой обычную пыльную дорогу. За целый день по ней не проехало ни одного автомобиля или грузовика. Это было неудивительно, поскольку в Джанакпуре обычным средством перемещения были гигантские непальские слоны. Большие короба для перевозки грузов крепились на спинах слонов веревками, обвязанными вокруг их животов. Погонщик, обычно мальчишка, сидел на шее слона, прямо у самой головы, держа в руке палку. На шее

животного висел тяжелый латунный колокол, раскачивавшийся и звеневший при ходьбе. Слоны шли уверенной царственной поступью. Один за другим шествовали они по этой дороге рядом с волами и буйволами, запряженными в нагруженные доверху телеги. Мимо проходили женщины, неся на головах тяжелые корзины или глиняные горшки. Зачастую они удерживали свою ношу без помощи рук. Даже маленькие девочки с горделивой осанкой без особого напряжения переносили на головах большие тяжести. Неся свою нелегкую поклажу, они все вместе счастливо распевали песни, прославляющие Ситу и Раму. Наблюдая за размеренной, счастливой жизнью, которую вели эти люди, я почувствовал особое умиротворение, сошедшее на сердце, и стал молиться, чтобы Джанакпур всегда оставался таким.

Вокруг священного озера в самом центре Джанакпура стояло множество храмов. Самыми знаменитыми из них были Джанаки-мандир и Рама-мандир. Однажды во внутреннем дворе Рама-мандира я повстречался с садху лет пятидесяти, который сидел на возвышении неподалеку от храма. С длинными, спутанными волосами и бородой, в монашеском одеянии, он казался вполне умиротворенным и отрешенным от мира. Сотни людей толпились в очереди за его благословением. Когда подходил их черед, он милостиво благословлял их раскрытой ладонью. Мне тоже захотелось получить его благословение, и я встал в очередь. Подойдя к садху, я поклонился ему, как и все. Увидев меня, он удивился и жестом пригласил сесть подле себя на возвышении. Это приглашение польстило мне.

Не переставая благословлять своих поклонников, садху принялся расспрашивать меня.

«Ты откуда родом?»

«Из Америки».

«Что заставило тебя приехать из такой богатой страны в бедную Индию?»

«Поиски Бога».

Он улыбнулся старухе, склонившей перед ним голову в ожидании благословения.

«Почему ты решил стать садху?» — спросил он, продолжая улыбаться.

«Чтобы обрести просветление».

Услышав мои слова, он скривился. Его улыбка сменилась неодобрительным хмурым выражением, а голос зазвучал отталкивающе неприятно. Потрясенный его внезапным преображением, я не знал, что и подумать.

«Ты глупец, — прошипел он. — Самый настоящий глупец. Слышишь? Глупец. Глупец! Невежественный глупец!»

Я знал, что я глупец. Возможно, он хотел просветить меня, поэтому я смиренно спросил его: «Прошу Вас, Ваше Святейшество, дайте мне наставления, как мне стать умнее».

Взвившись, словно ошпаренный, он заорал: «Я веду образ жизни садху уже тридцать лет. И знаешь, чего я достиг? Ни-че-го! Все, что я получал все эти годы как садху, — это пригоршня гнилого риса и плошка дала!» Какая-то женщина протянула ему для благословения младенца. «Америка — страна богатств, — выкрикивал он, одновременно благословляя ладонью ребенка. — В Америке самые красивые женщины на свете. В Америке — большие, комфортабельные дома и машины. В Америке — красивая одежда, хорошая еда и питье. В Америке — самые лучшие кинофильмы и телевизионные программы!» Он закрыл глаза и вздохнул: «Ах, много бы я дал, чтобы испытать все эти прелести жизни в Америке». Тут он сверкнул глазами на меня: «А ты все это бросил — и чего ради? Ради риса и дала... Я смотреть не могу на этот рис и дал. Ты приехал в это жалкое, нищенское место искать Бога? Дурак! Бога нет. Ты слышишь? Бога нет! Возвращайся назад в свою великую страну и наслаждайся там. Если ты не слушаешься меня, то всю свою жизнь проведешь в нищете и страданиях».

Покуда он изрыгал эти проклятия, сотни его поклонников продолжали выражать ему почтение. Они не понимали ни слова по-английски. Все время, пока он отчитывал меня, его раскрытая ладонь раздавала благословения невинным и богобоязненным людям. Они просили его о Божьей благодати, в то время как он отрицал само существование Бога. Они почитали его как святого, он же в это время проклинал свою нищенскую жизнь. Пораженный, я ушел. Мой ум изо всех сил пытался понять смысл того, что Господь показал мне.

Да, этот человек был прав. Америка — страна богатств и комфорта. Но уютная, комфортная жизнь больше не интересовала меня. Наоборот, я чувствовал, что иду по дороге, которая временами легка и красива, временами — трудна, но все это лишь для того, чтобы обрести сокровище гораздо большее, чем любые сокровища материального мира. Если этот человек хотел наслаждаться материальной жизнью, почему бы ему просто честно не пойти работать? А он вместо этого изображал из себя святого, обманывая наивных людей.

Настоящее и фальшивое всегда существуют бок о бок. На протяжении всей истории лицемерие в религии разрушало веру простых людей. Святого далеко не всегда можно распознать по внешнему виду. Бхагавад-гита учит, что отречение от мира предназначено не для лентяев, желающих убежать от работы, а для тех, кто трудится, движимый любовью к Богу.

Я задумался обо всех тех людях, с которыми мне довелось встречаться, кто жил и трудился, движимый любовью и преданностью, и я молил Бога, чтобы стать одним из них. Мне вспомнились слова, услышанные мной от Шрилы Прабхупады в Бомбее: «Лучше быть честным подметальщиком улиц, чем мошенником, притворяющимся, что он медитирует». Мои мысли вернулись к этому несчастному, который притворяется садху. *Его плохая собака заливается громким лаем, а он ежедневно подкармливает ее огромными порциями риса и дала.*

Однажды ранним утром в Джанакпуре, когда я в одиночестве сидел на берегу озера, ко мне подсел необычного вида садху. Вместо приветствия он произнес слова, которые поставили меня в тупик: «Будь осторожен! Иногда под личиной бабочки скрывается скорпион». Оторопев, я спросил, зачем он говорит мне это. Садху пристально посмотрел на меня и ответил: «Не открывай свое сердце демонам, которые прячутся под маской святых, иначе очень скоро жизнь твоя превратится в руины. Но когда ты поймешь это, будет уже поздно».

«О чем Вы говорите?» — спросил я встревоженно.

«Поговорим об этом в другой раз», — ответил он и, резко сменив тему, представился Васудевой, после чего предложил мне посетить вместе с ним одно древнее святое место.

Я согласился. Васудеве было за тридцать. Он имел аристократические манеры и изъяснялся на безукоризненно правильном литературном английском. Белые одежды Васудевы всегда были идеально чисты, а длинные и черные, как смоль, волосы аккуратно расчесаны. В ходе своих странствий мне еще не доводилось встречать такого опрятного и ухоженного отшельника. Васудева имел хорошее образование — как светское, так и духовное, и, как и многие жители этих мест, поклонялся Раме. Когда мой новый друг пригласил меня в трехдневное путешествие в малоизвестное святое место, я с готовностью согласился. Наш путь пролегал через сельскую местность, и, к моей радости, всю дорогу мы питались рисом и далом, продукты для которых нам охотно давали в деревнях в виде подаяния. Все, кого мы встречали на своем пути, были очарованы манерами и поведением Васудевы.

Васудева настоял на том, что будет готовить сам. Прямо в поле или в лесу он находил два камня и делал из них подставку для котелка,

а я тем временем отправлялся собирать дрова для костра. Он готовил рис и дал с изяществом скульптора, творящего шедевр. За несколько дней нашего паломничества мы обсудили с ним много разных тем. Казалось, Васудева, знал все и обо всем.

Но в нем была загадка, которую я не мог разгадать. Чувствовалось, что под маской жизнерадостности он прячет подтачивающую его изнутри боль. И чем больше Васудева пытался скрыть свои страдания и сдерживать слезы, тем большим сочувствием я проникался к нему и тем сильнее разгоралось мое любопытство. Однажды ночью, когда мы укрылись от дождя в каком-то хлеву, мне приснился кошмарный сон. Мне снилось, будто на меня напали злобные духи. Я тогда еще удивился, не понимая, почему это со мной произошло.

Через три дня мы достигли цели своего путешествия: древнего валуна посреди заброшенного поля. Ближе к вечеру поднялся сильный ветер. Мы ощутили вкус и запах влаги, которой был насыщен воздух, и поняли, что проливного дождя не избежать. Мы стали искать какое-нибудь укрытие поблизости и обнаружили небольшое, давно заброшенное каменное здание. Зайдя внутрь, мы спугнули несколько летучих мышей, висевших под потолком; шлепая крыльями, они поспешно вылетели наружу. Дом состоял всего из одной комнаты размером три на три метра, с двумя проемами, где когда-то были окно и дверь. Стены потихоньку рушились. Внутри не было ничего, кроме мха и паутины. Оказавшись в помещении, мы сели на пол и стали прислушиваться к тому, что творится снаружи. Уже через несколько секунд от раскатов грома сотрясалась земля, порывы ураганного ветра стегали деревья, а небеса проливали на землю обильные потоки дождя. Васудева пристально посмотрел на меня глазами, полными слез. После долгой паузы он спросил, можно ли ему излить бурю, бушевавшую в его собственном сердце. Тронутый его доверием, я согласился.

Васудева начал свой рассказ. Он родился в богатой калькутской семье. Совсем молодым он получил докторскую степень и стал знаменитым профессором. Примерно в то же время он познакомился с поклонниками Рамы и тоже начал поклоняться Ему. «Однажды ко мне в офис пришли два высоких гостя. Они принесли с собой угощение и подарки от своего гуру. Впоследствии

они заходили ко мне еще несколько раз, и, когда гости пригласили меня на встречу с их гуру, я согласился».

Оказалось, что гуру знал о жизни Васудевы все до мельчайших подробностей. Не оставалось никаких сомнений в том, что он умеет читать мысли. Изумленный Васудева принял приглашение этого человека регулярно приходить к нему. Я жадно слушал его рассказ, привлеченный очередной возможностью узнать о том, как человек принимает гуру.

«В одну из таких встреч, — продолжал Васудева, — гуру раскрыл мне свои планы. „Я внимательно следил за тобой, — сказал он. — Ты молод, умен и знаменит. Мне нужна твоя помощь. Я хотел бы дать тебе посвящение в наши ритуалы“». Вспоминая об этом, Васудева с трудом сдерживал обуревавшие его чувства. «Я ответил, что подумаю над его предложением». Он замолчал и обхватил голову руками, словно пытаясь заслониться от каких-то ужасных событий из своего прошлого. Глазами, полными отчаяния, Васудева посмотрел на меня: «Ричард, — вздохнул он, — мне не хочется осквернять тебя своей ужасной историей, но я схожу с ума. Мне надо выговориться кому-то. Можно я продолжу свой рассказ?»

«Конечно».

Васудева повернулся к оконному проему, и вспышка молнии осветила его лицо, искаженное гримасой боли. Наконец, справившись с эмоциями, он проговорил: «Я решил собрать сведения об этом человеке и к своему ужасу обнаружил, что он — глава могущественной секты, практикующей черную *тантру*». Васудева опять пристально посмотрел мне в глаза: «Тебе что-нибудь известно о черных тантриках, Ричард?»

«Нет», — признался я.

Васудева передернул плечами, и голос его задрожал. Он объяснил, что мистическая практика тантры очень могущественна и может использоваться как на благо, так и во зло. «Есть белые тантрики, использующие свои мистические силы для служения людям. И есть черные тантрики, которые пользуются своими способностями, чтобы эксплуатировать других в дьявольских целях. Благодаря омерзительным жертвоприношениям, тантрическим сексуальным обрядам и занятиям йогой они обретают страшную власть над людьми. Так вот, этот гуру оказался чрезвычайно

могущественным черным тантриком, способным подчинять себе умы других людей и манипулировать их жизнями. Когда я собрал информацию об этом человеке, то, к ужасу своему, узнал, что во время обряда посвящения он получает власть над душой ученика на несколько грядущих жизней. Больше я к нему никогда не приходил».

«Но, Васудева, если ты избавился от общества этого гуру, то почему ты до сих пор содрогаешься при одном упоминании о нем?»

«Это только начало, — продолжил он свой рассказ. — Каждый день ученики гуру изводили меня, приходя ко мне на работу, домой и на все мероприятия, которые я посещал. Я нигде не мог спрятаться от них. Однажды они впятером ворвались ко мне в кабинет и окружили меня, сидевшего за столом. Я почувствовал себя заложником. В следующее мгновение в мой кабинет вошел сам гуру. Он явился, чтобы потребовать себе мою душу. Голосом, не терпящим возражений, он предупредил меня: „Слишком поздно. Ты уже принадлежишь мне. Покорись мне, и тебя ждет слава и удача, о которых сейчас ты даже не можешь мечтать. Но, если ты откажешься, клянусь, я замучаю тебя до смерти!“ Вне себя от негодования, я ответил отказом, и гуру, гневно сверкая глазами и изрыгая проклятия, бросился вон».

Со вздохом Васудева продолжил: «Однажды вечером, когда я пришел домой к своей овдовевшей матери, я увидел, что она попала в расставленную им ловушку. Трясаясь от гнева, она принялась бранить меня: „Зачем ты оскорбил этого святого человека? Ты должен стать его учеником!“ Я был потрясен. Я попытался объяснить, как цинично гуру манипулирует людьми, но она ничего не хотела слышать. Гуру и его подручные взяли полную власть над ней. Через несколько дней после этого мать выгнала меня из собственного дома, сказав, что не желает становиться соучастницей моих оскорблений. Мир вокруг меня начал рушиться. Затем, под давлением членов секты ректор моего колледжа уволил меня с работы».

Снаружи молния ударила в дерево, отломив от него огромную ветку, и она с грохотом обрушилась на крышу дома. Мы сидели молча. После ослепительной вспышки молнии последовал громовой раскат, который, казалось, потряс всю вселенную. Васудева

побледнел. Прерывающимся голосом он продолжал: «Я стал бездомным и безработным, но ученики гуру-тантрика продолжали преследовать меня повсюду. Они повлияли даже на полицию, и та отказалась защищать меня. Что мне еще оставалось делать, кроме как уехать из Калькутты? Но, куда бы я ни отправился, черный тантрик благодаря своим сверхъестественным силам каждый раз находил меня и подсылал ко мне своих людей».

На какую бы работу ни устроился Васудева, посланцы гуру убеждали работодателя уволить его. Какое бы жилье он ни арендовал, они убеждали хозяина выселить его. Васудева даже обратился в газету, чтобы поведать миру свою историю, но журналисты не поверили ему. «Моя жизнь пошла под откос», — сказал он.

И в этот момент через дверной проем к нам в дом запрыгнула большая жаба. Глаза ее уставились на меня. Я подумал: «Кто знает, может быть, черный тантрик подослал ее?» От этой мысли меня передернуло. Васудева как будто понял, о чем я думаю. «Ты действительно хочешь, чтобы я продолжал свой рассказ?» — спросил он.

Небо огласилось раскатами грома. «Я уже сам не знаю, Васудева», — признался я. Хотя я был напуган, я все же понимал, что мне нужно выслушать эту историю. «И что же произошло потом?»

«Этот злодей-йоги пришел в бешенство из-за моей неуступчивости и решил убить меня. С помощью магических обрядов и мантр он создал невидимое оружие, которое разъединяет душу и тело, то есть убивает жертву. Однако уничтожение тела — не главное. Пока жертва находится между жизнью и смертью, черный тантрик обретает власть над тонким телом, в которое облачена душа. Когда это зловещее оружие было приведено в действие, все мое тело и ум парализовало от дикой боли. Я почувствовал, как призраки в эфирных телах набросились на меня. Моля о спасении, я принялся повторять имя Бога. Пока в моем сознании звучало святое имя, невидимое оружие было бессильно уничтожить меня. В течение всего дня и целой ночи я ощущал на себе воздействие этого оружия. Я твердо знал, что, забудь я о святом имени хоть на мгновение, меня будет ждать судьба гораздо страшнее смерти. И я повторял его непрерывно. Оружие было бессильно убить меня, пока

звучало имя бога. А если демоническое оружие не убивает свою жертву, оно бумерангом возвращается к отправившему его и убивает его. Черный тантрик был уничтожен своим же собственным оружием. Так имя бога спасло меня».

Услышав этот жуткий рассказ, я почувствовал, как все мое тело охватила дрожь. Я придвинулся ближе к рассказчику и стал слушать дальше.

«Но этот злобный мистик продолжает существовать по сей день; просто у него теперь нет физического тела. Сейчас он руководит своими учениками из астрального плана, направляя их ко мне для отпущения. Они все время охотятся за мной. Я не могу нигде остановиться надолго, потому что через считанные недели они находят меня и начинают терроризировать».

Буря снаружи начала стихать. В наступившей тишине Васудева вздохнул: «Так, вопреки собственному желанию и природе, я стал нищим странником. Я знаю, что, если искренне предаться Богу, Он защитит меня, но, пока этот день не настал, я вынужден спасаться бегством, скрываясь под одеждами святого человека».

Сверчки завели свою песню. Васудева внимательно посмотрел мне в глаза: «Прости, что я рассказываю тебе все это. Я держал в себе эту тайну долгие годы, и мне просто необходимо было с кем-то поговорить. Знаешь, Ричард, я никого не виню. В конечном счете, я сам во всем виноват».

Я не мог взять в толк, в чем же его вина, и попросил, чтобы он объяснил это.

Тогда Васудева с непритворным смирением стал говорить, что все его невзгоды — результат дурной кармы, тянущейся из прошлой жизни. «Я не знаю, чем заслужил столь ужасную участь, — заключил Васудева, — но точно знаю, что это справедливо. И еще я знаю, что, если я с честью пройду это испытание и предамся Богу, Он спасет меня».

Дрожащей рукой Васудева взял меня за руку, обращаясь ко мне с последней просьбой: «Ты — мой друг, и я должен предостеречь тебя. Ты должен оставить меня, пока сам не впутался в неприятности. Если завтра утром тебя здесь не будет, я все пойму. Брат мой, прошу тебя, будь предельно осторожен в поисках своего пути. Ты отдаешь себя на милость могущественных людей,

но далеко не все из них по-настоящему святы. И еще, прошу, помолитесь за меня».

Мы сидели в тишине. Я не мог произнести ни слова. Из того, что я уже успел увидеть в Индии, я знал, что многие гуру обладают огромным могуществом, позволявшим им побудить учеников выполнить любое свое приказание. Откровенный рассказ моего спутника напугал меня гораздо сильнее, чем нападение бешеных псов. Тех, по крайней мере, было видно, и от них можно было защититься. Но как дать отпор невидимым силам зла, которые готовы напасть на ничего не подозревающего человека, пытающегося следовать духовным путем?

Васудева лег спать на землю, положив руку под голову вместо подушки. Мне же было не до сна. Сквозь оконный проем я смотрел на небо. Из-за облаков порой показывались звезды, но луны видно не было. Рядом со мной беспокойно ворочался во сне Васудева. *Готов ли я разделить с ним все тяготы и ужасы его жизни?* От одной этой мысли меня бросило в дрожь. *Помочь ему может только моя молитва. И это все, о чем он сам просил меня.* Пока Васудева метался, ворочался и стонал во сне, я ушел в ночь, молясь о том, чтобы выбранный мною путь был безопасным и чтобы Васудева тоже обрел когда-нибудь мир и покой.

Мой путь продолжал преподносить мне сюрпризы, приятные и не очень, но каждый такой опыт как бы позволял мне заглянуть в другие миры, которые вполне могли бы оказаться моей судьбой, пойдя я этой дорогой.

Большинство садху, которые радушно приветствовали меня по возвращении в Джанакпур, по возрасту годились мне в дедушки. Поэтому я был удивлен, когда во время молитвы в храме Джанакки ко мне подошел молодой студент из Непала, назвавшийся Вишну Прасадом. Хорошо одетый, круглолицый, очень вежливый, он так обрадовался при виде западного юноши, ведущего образ жизни садху, что тут же пригласил меня к себе в гости в деревню Брахмапур. Его дом походил на прекрасный ашрам, а о благосостоянии семейства свидетельствовали красивая обстановка, ковры, утварь из бронзы и цветники, разбитые вокруг дома. Едва я переступил порог, мать и отец Вишну Прасада сердечно

поприветствовали меня и усадили за стол, уставленный блюдами из овощей со всевозможными приправами и риса, сдобренного топленым маслом. В этом гостеприимном доме я провел несколько дней.

Дяди, тети и двоюродные сестры и братья — все мирно уживались под одной крышей, и я ни разу не слышал, чтобы кто-то раздраженно повышал голос на другого. За все время пребывания у них я не видел ничего, кроме проявлений искреннего уважения и любви друг к другу. По утрам дети почтительно касались стоп своих родителей, а родители в ответ благословляли их. Независимо от возраста, все дети, даже подростки, беспрекословно слушались старших, а младшие дети относились к старшим братьям как к представителям родителей. Наблюдая за тем, с какой почтительностью подрастающее поколение относится к старшим, я, воспитанный в Америке 60-х, испытывал что-то вроде культурного шока, хоть и очень приятного. Всё в их жилище блистало безукоризненной чистотой — за исключением разве что меня. Я чувствовал себя неопрятным бродягой, попавшим в светское общество. Тело мое изрядно поизносилось, и домочадцы, заметив это, тут же снабдили меня каким-то лекарственным бальзамом для ухода за моими сбитыми и растрескавшимися ногами. Хотя мне была предложена отдельная комната с удобной постелью, я предпочел ночевать в саду под деревом ашока. Ежедневно, по утрам и вечерам, все члены семьи собирались вместе на молитву в маленьком домашнем храме Господа Рамы в центре дома. В течение всего дня в этом храме женщины выполняли различное служение.

В этом доме не было ничего, кроме счастья. По вечерам мы с Вишну Прасадом беседовали в уютном саду среди бархатцев, роз и цветущих деревьев. Его отец, Тара Прасад, иногда тоже подсаживался к нам. Этот состоятельный человек, имеющий жену и детей, своей внутренней чистотой превосходил многих отшельников, которых мне доводилось встречать за время моих странствий. *Духовность — это качество сердца*, — размышлял я. Чем сильнее я проникался любовью к домочадцам Вишну Прасада, тем более близким другом становился он мне. Наблюдая за этими добросердечными людьми, я лучше понял традиции семейного уклада жизни на Востоке. Но для меня было важнее другое:

здесь я получил еще одно подтверждение тому, что истинная духовность многообразна.

Как ни хорошо мне было в этом доме, я не мог долго оставаться здесь, поскольку избрал для себя жизнь странствующего отшельника. Когда подошло время прощаться, вся семья высыпала на улицу проводить меня до ворот. Обнимая меня, они плакали, и я тоже плакал, не стесняясь своих слез.

Теперь больше, чем когда-либо прежде, выбранный мною путь казался мне усеянным невидимыми опасностями. Однако это не могло помешать мне. В своем страстном стремлении к истине, порой необъяснимом даже для меня, я оставил все удобства домашней жизни и, подгоняемый кем-то, продолжал отказываться от комфорта все время своего пути. И даже страх перед неизвестностью не мог меня остановить.

Из Джанакпура я направился назад, в долину Катманду. Остановившись прямо под холмом, на котором стоит ступа Бодхнатха, в одиннадцати километрах к востоку от города, в роще среди цветущих деревьев, я стал медитировать. Открыв глаза, я увидел великолепную радугу, коромыслом изогнувшуюся над всей гималайской долиной. Она ярко сияла на фоне темно-синих муссонных туч. Я сделал глубокий вдох, глотнув прохладного воздуха, пропитанного запахами свежести сырой земли. Вскоре звук чьих-то шагов вернул меня из мечтательного состояния к реальности и привлек мое внимание к туристу европейской внешности, бодро шагающему через поле с огромной сумкой продуктов. Это был блондин ростом под два метра, с накачанными мускулами, выпиравшими из-под футболки. Неожиданно из леса выскочила стая бурых обезьян и окружила его. Хотя обезьяны были в несколько раз меньше его, они, похоже, знали уязвимые места своего противника и были готовы к нападению. Обезьяны зарычали на культуриста, скаля зубы и устрашающе жестикулируя. Держа сумку с продуктами в одной могучей руке, другой рукой он подобрал внушительный бульжник и издал воинственный вопль, угрожая маленьким бандитам расправой. Но это не произвело на обезьян ни малейшего впечатления — они зарычали еще громче. Маленькими прыжками приближались они к своему противнику,

проводя психическую атаку. Оцепенев от страха, человек-гигант задрожал, словно напуганное дитя. Тогда одна из обезьян подскочила к нему и вырвала сумку с продуктами из его руки. Он даже не сопротивлялся. Обезьяны сразу же утратили к нему интерес и окружили сумку, доставая из нее добычу. Культурист же, дрожа, как осиновый лист, почел за благо скрыться.

Спустя несколько мгновений на сцене появился щуплый непальский мальчик лет восьми. При виде его обезьянья банда, начавшая было пировать, заволновалась от нехороших предчувствий. Мальчик кинулся на них с зажатым в руке камнем. Стая бандитов заверещала с неподдельным ужасом в глазах. Внезапно они бросили свою добычу и кинулись врассыпную. Мальчик же собрал раскиданные продукты и уселся обедать. Тем временем обезьяны встревоженно наблюдали за ним с безопасного расстояния. Я был поражен. Как все это объяснить? Щуплый мальчик едва ли весил больше одного бицепса европейского геркулеса. Обезьяны не обратили внимания на его угрозы, хорошо чувствуя его страх, но испугались ребенка, у которого не было страха перед ними. Что же всё это означает для меня, чья дорога к Богу становится все уже и уже? Мне вспомнилась свора диких псов и страшная история о мстительном черном тантрике, которую рассказал Васудева. Я боялся, что, поторопившись с выбором учителя, попаду под влияние недобросовестного гуру. Но теперь я понял, что сам по себе этот страх тоже может препятствовать моему продвижению.

Страх делает нас уязвимыми. Иностранец был незнаком с повадками обезьян, а непальский мальчик провел рядом с ними всю жизнь. Мы всегда боимся того, что нам неизвестно. Познав свою духовную природу и искренне веря в Бога, мы сможем преодолеть любые страхи. Господи, прошу Тебя, даруй мне бесстрашие и помоги найти путь к Тебе.

Пока я предавался этим размышлениям, мальчик с улыбкой подбежал ко мне и протянул бананы из продуктовой сумки. Обезьяны возбужденно заверещали, намечая следующую жертву. Они ясно давали мне понять, что у меня гораздо больше общего

с европейцем, чем мне хотелось думать. Чувствуя, что от простодушной и безбоязненной веры этого мальчика меня еще отделяет долгий путь, я вежливо отказался.

Бродя по лесам Непала, я повстречался с одной необыкновенной душой. Это был Сита-Рама Баба́. В моей благодарной памяти он навсегда останется как «стоящий йог». Шестидесятидвухлетний бородач с большими карими глазами и загрубевшим морщинистым лицом, Сита-Рама Баба́ носил рубище из цельного куска мешковины, доходившее ему до лодыжек. Когда я спросил его, почему он носит только мешковину, он ответил, что эта грубая, раздражающая кожу ткань постоянно причиняет ему неудобства. А это, по его словам, помогает ему все время искать утешение в памятовании о Ра́ме. Еще больше меня удивляли деревянные подпорки, привязанные веревками к его лодыжкам. Но, несмотря на свой необычный вид, он сразу же стал обходиться со мной, как любящий отец с сыном.

Подобно другим йогам, которых я встречал в Гималаях, Сита-Рама Баба́ совершал суровую аскезу, которая не ограничивалась одним целибатом. Он дал обет всегда стоять на ногах и никогда не садиться и не ложиться. По этой причине он носил деревянные подпорки вокруг лодыжек — они служили ему опорой. Он совершал этот аскетический подвиг уже почти пятьдесят лет. Кроме чаши для подаяния и четок, он носил с собой деревянную доску с привязанной к ней веревкой. Когда подходило время сна, он перебрасывал веревку через ветку дерева и, опираясь на эти импровизированные качели, спал стоя.

Он также дал обет никогда не спать в помещении и, мало того, что был вегетарианцем, никогда не ел злаков и бобовых. Я сам был свидетелем того, насколько строг он был в еде. Странствующие отшельники обычно питаются недорогими продуктами, которые им охотнее всего жертвуют, — рисом, далом или роти (пресными лепешками из пшеничной муки), однако обет не позволял ему питаться этим. Мы странствовали с Сита-Рама Баба́й вместе, и он каждый день с огромным удовольствием просил для меня рис и дал, собирал хворост и разводил огонь в импровизированной печи из камней. Все это он проделывал либо стоя, либо сидя

на корточках. А когда пища была готова, он с любовью подносил ее изображению Господа Рамы, молясь и читая мантры, а потом кормил меня. Но мне было интересно, что ест *он сам*? За то время, которое я был с ним рядом, я ни разу не видел, чтобы он съел больше, чем горсть арахиса, полученного как подаяние. Это все, что он мог позволить себе съесть, не нарушая обета. При этом он с удовольствием брал на себя все хлопоты о том, чтобы получше накормить меня. Баба говорил, что наша любовь к Богу проявляется в том, как мы служим Его детям.

Однажды, когда Сита-Рама Баба собирал милостыню, ходя от двери к двери, кто-то дал ему немного овощей. Радости моей не было границ. Наконец-то он поест что-то, кроме нежаренного арахиса! Но когда он поставил передо мной приготовленную им еду, сердце мое сжалось — я увидел, что все пожертвованные овощи он положил в рис и дал, ничего себе не оставив. Сам же Баба выглядел вполне довольным. Пораженный, я внимательно наблюдал за ним, но так и не обнаружил в нем даже тени фальши. Он был абсолютно искренним в своем служении.

Как-то я спросил Бабу: «Зачем Вы дали такие суровые обеты?»

Он скромно ответил: «Это помогает мне сосредоточиться на духовной практике. И я счастлив». Самое удивительное, что так оно и было.

Как-то рано утром, еще до зари, я сидел в лесу под деревом и размышлял об этом удивительном человеке. Я никак не мог понять, для чего он совершает свою аскезу. Все его обеты казались мне чрезмерными и даже ненужными. Тем не менее он вызывал во мне искреннюю симпатию и доверие. Говорят, что противоположенный аскетизм ожесточает человека. Но нежное сердце Бабы было преисполнено смирения, сострадания и преданности. Как говорил Иисус: «Всякое дерево узнаётся по плодам его». И хотя Баба казался несколько странным деревом, спелые плоды его были сладкими.

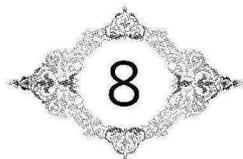
При общении с ним у меня созрел один вопрос. Большинство йогов, которых я встречал до этого, медитировали на Бога как на безличную энергию. Но сам Сита-Рама Баба и некоторые другие медитировали на Господа в образе вселюбящей личности.

Рама-севака Свами видел в Господе Рама личность и служил Ему как личности. Шрила Прабхупада тоже говорил о любви к Господу Кришне как к всепривлекающей личности. Но не опровергает ли это верования тех йогов, которые стремятся слиться с высшим безличным духом? Не противоречит ли это практике буддистов, которые ищут совершенства в безличной *нирване*? Будучи ребенком, я сам обращался в молитвах к Богу как к личности, но, когда я стал изучать философию, я заметил, что все больше и больше склоняюсь к представлениям о Боге как о всеохватывающей сущности. Однажды, когда мы вместе с Сита-Рама Бабой шли по лесной тропинке, я задал ему мучивший меня вопрос: «Так Бог, в конечном счете, безличен, или же Он — личность?»

Сита-Рама Баба резко остановился. Его кустистые брови нахмурились, а на лице, изборожденном глубокими морщинами, появилась гримаса страдания: «Ну как у нашего Господа может быть меньше индивидуальности, чем у нас? У Него есть всё, без ограничений». Баба сокрушенно покачал головой: «Подобные заблуждения очень огорчают меня».

Его реакция меня поразила. Я все больше узнавал об этом фундаментальном разногласии относительно изначальной природы Верховного Господа. Кто Он — бесформенная, бестелесная сила или же Верховная Личность? В каком-то смысле, это был тот же самый вопрос, который я задавал себе еще в детстве, дрожа от ужаса в грозу: Кто такой Бог? Он добр и заботлив, как мои родители, или лишен формы, как ветер? Я изо всех сил пытался разгадать эту философскую загадку, понимая, что ответ на нее поможет мне избрать свой путь. В то же время я чувствовал, что мне не хватает какой-то детали в этой головоломке. Я встречал замечательных людей среди приверженцев как одной, так и другой философии.

Много дней спустя, после того как мы расстались с Сита-Рама Бабой, я задумался над тем, что силу любви к Богу, похоже, далеко не всегда можно определить по внешности человека. С одной стороны, я видел святых людей, которые ходили на работу и заботились о своих семьях, а с другой стороны, мне повстречался этот эксцентричный отшельник, живший в лесу. Но все же нечто общее объединяло их всех: смирение, глубокая сосредоточенность на духовной практике и неутолимая жажда служения.

Затем я отправился к Свайямбхунатху, красивому холму в окружении рисовых полей. Он располагался в трех километрах к западу от Катманду, и на самом его верху стоял Храм Обезьяны, древняя буддистская святыня с огромным куполом, называемым *ступой*. По преданию, храм этот насчитывает две тысячи лет. Восемь глаз Будды у основания шпиля смотрели на все четыре стороны света. Вскоре этим глазам предстояло увидеть нечто удивительное.

Я жил в уединении на вершине холма, но однажды утром мне, непонятно с чего, вдруг захотелось пойти в Катманду. Я спустился с холма, пешком отправился в город и немного побродил по улицам и рынкам. Когда мне это надоело, я пошел назад к Свайямбхунатху через бескрайние поля, засеянные рисом. Долина Катманду, с ее богатой растительностью и заснеженными гималайскими вершинами, подпирающими небеса, казалась раем на Земле. Пока я не спеша шел по узкой дорожке вдоль залитых водой рисовых полей, стал накрапывать дождь. Темно-синие муссонные тучи сгустились в небе, скрывая солнце и обещая скоро разразиться ливнем.

Когда капли стали падать чаще, я огляделся в поисках какого-нибудь укрытия, но не увидел ни одного деревца. Вокруг меня были только рисовые поля, тянувшиеся до самого горизонта. Но вот где-то вдали я различил силуэт, как мне показалось, пожилого человека с раскрытым над головой зонтом. В надежде укрыться под его зонтом, я поспешил по тропинке, разделявшей поля, и вскоре нагнал незнакомца. Узкая, скользкая дорожка не позволяла идти рядом, и я пристроился под его зонт сзади. Пытаясь держать голову под зонтом, я все же то и дело соскальзывал в жидкую грязь рисовых плантаций. Между тем владелец зонта ни разу не обернулся.

Может, он испугался моего внезапного вторжения, а может, просто внимательно следил за дорогой, стараясь не угодить в грязь. Так или иначе, мы, не говоря ни слова, какое-то время шли через пустынные болотистые поля — двое незнакомцев, спасающихся под одним зонтом от проливного дождя.

Десять минут спустя буря начала утихать, и я обратился к незнакомцу со словами благодарности. Он обернулся, чтобы взглянуть на меня. Наши глаза встретились, и мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног. Рты наши раскрылись, а на глаза навернулись слезы. Разве такое возможно?

Пару мгновений мы стояли без движения, словно выпав из течения времени. Зонт выскользнул из его рук прямо в грязь. «Гэри!» — завопил я.

«Манк!»

Под хмурым небом мы бросились друг другу в объятия, и сердца наши были готовы вырваться наружу от радости. «Вот мы и снова вместе», — произнес я.

Одни в бескрайней гималайской долине, мы стояли с ним, в полном восторге от очередной загадки, которую преподнесла нам жизнь. Со времени нашего печального расставания на острове Крит каждый из нас шел своим путем. Неразлучные друзья с самого детства, мы оказались разъединены волею судьбы, чтобы сегодня невидимый кукольник снова свел нас вместе посреди пустынного рисового поля в Непале.

В радостном возбуждении мы с Гэри побрели через рисовые поля к тому месту, где он остановился, наперебой рассказывая друг другу о том, что произошло с каждым из нас с момента расставания. Мы шли, скользя и оступаясь на узкой меже поля, — Гэри впереди, а я следом за ним.

«Так ты попал в Израиль?»

Он обернулся ко мне, держась за бороду, которая стала гораздо длиннее с того момента, как без малого год назад наши пути разошлись. «После того как ты уехал с Крита, — объяснил он, — я устроился на рыболовецкое судно, которое довезло меня до Израиля. В Израиле я некоторое время работал в кибуце, а потом, скопив денег, отправился в Индию».

«Как ты добрался сюда?»

«На Волшебном Автобусе», — на мгновение он остановился, а затем продолжил путь, рассказывая про дешевый автобус для нищих путешественников из Европы, желающих попасть в Индию. Уехав из Израиля, он переправился по морю в Стамбул, пересек Ближний Восток и в конце концов очутился в Дели.

«А что привело тебя именно сюда, в это пустынное место среди рисовых полей?» — спросил я.

«В Дели было ужасно жарко, — возбужденно отвечал Гэри, всё еще дрожа от волнения. — Поэтому я с друзьями из Волшебного Автобуса отправился в долину Катманду, и здесь мы подыскиали себе маленький загородный дом».

Мы вошли в деревню, оставив позади узкие тропинки рисовых полей. Я вновь шел бок о бок со своим старым другом. Навстречу нам, по раскисшей от дождя дороге с трудом тащилась буйволица, и мы отошли в сторону, позволяя ей пройти.

«Манк, — продолжил Гэри, — я приехал в Индию, чтобы разыскать тебя, но, увидев сотни миллионов людей на таком огромном пространстве, решил, что это невозможно. Я понимал, что тебя бесполезно искать там, где обычно тусуются приезжие. Я был уверен, что ты обосновался в какой-нибудь пещере или уединенном ашраме. Я даже не мечтал о том, что снова увижу тебя». Тут Гэри остановился и обернулся к мне, широко раскрыв глаза: «Знаешь, если рассказать, ведь никто не поверит в эту историю. Никто».

Все это происходило в августе 1971 года. Миновал почти год с тех пор, как мы с ним расстались на Криге. По моему внешнему виду Гэри мог понять, что я стал жить как садху. Нелегкое путешествие по Ближнему Востоку, время, проведенное мною в обществе просветленных йогов, и месяцы уединения превратили меня в закаленного отшельника. Поэтому Гэри имел все основания сомневаться, стоит ли вести меня туда, где он отрывался со своими приятелями.

Знаете, что бывает, когда западные хиппи снимают дом в непальской деревушке? Как только мы ступили на порог небольшой постройки, меня огушил грохот рок-н-ролла. Возбуждая друг друга, несколько мужчин и женщин извивались в танце, и в облаках дыма по кругу гуляли опийные трубки. Гэри представил меня своим друзьям, которых я вежливо поприветствовал. Сказать, что

я больше не отождествляя себя с этим бедламом, было бы слишком мягко. Я просто стоял в стороне и наблюдал.

Выждав некоторое время, я отозвал Гэри в сторону и вывел его в спокойное место в открытом поле, где мы уселись под банановым деревом. Густые облака сеяли мелкую изморось. С наслаждением мы вдохнули свежий горный воздух, освобождая легкие от опиумного дыма. Мне не хотелось никого осуждать, но все же я решил поговорить со своим другом начистоту: «Гэри, ты прошел полмира, чтобы попасть сюда. Это земля духовности. А ты притащил сюда культуру западных хиппи. Но так можно было жить, не покидая Чикаго. Ты занимаешься той же, если не худшей, ерундой — просто в другой обстановке. Вот и вся разница. Поможет ли это тебе расти? Чего ты так добьешься?» Я вкладывал в эти слова всю свою искренность: «Прошу тебя, брат, послушай меня: пока ты здесь, в этой части мира, постарайся приобщиться к духовным богатствам Индии. Если ты согласен, я покажу тебе настоящие святые места и научу жизни садху».

Гэри глядел куда-то вдаль, за горизонт. Некоторое время спустя он ответил: «Мне нужно подумать».

«Брось, Гэри, — продолжал настаивать я. — Ты что, не помнишь, как умолял меня поехать с тобой в Европу? Я бросил все свои дела и поехал. А теперь я тебя прошу пойти со мной в святые места». Я любил своего друга, и мне было больно видеть, как, приехав сюда из такой дали, он упускает драгоценную возможность.

На следующий день Гэри распроштался со своими друзьями и начал свое обучение в школе духовных скитальцев. Мы снова были вместе и снова искали смысл жизни, знакомясь с новыми людьми в новых местах. Однако на сей раз мы следовали традициям, которые с давних пор были установлены освобожденными мудрецами. День за днем я обучал своего старого друга тому, как искатель истины может выжить в Индии. Привыкший путешествовать на попутках, Гэри был немало удивлен, узнав о таком способе бесплатных путешествий, как запрыгивание на ходу в окна вагона третьего класса. Я также научил его, как правильно просить милостыню, добывать пропитание и как носить одежду садху.

Один пожилой свами рассказал нам про пещеру Амаранатха — знаменитое место паломничества высоко в гималайских горах близ

Кашмира. Он поведал о том, что любая удачливая душа, которой доведется совершить это нелегкое паломничество, получает в награду огромное духовное благо. К тому моменту Гэри уже созрел и был готов к приключениям. Обо мне и говорить нечего. Мы отправились в путь.

Из Катманду мы возвращались в Индию в кузове грузовика — сначала в Раксауд, потом в Патну, где я познакомил Гэри с Рама-севакой Свами. Свами был искренне тронут, увидев меня с подаренным им посохом, а Гэри удивленно смотрел, поражаясь тому, с кем я водил знакомство.

Из Патны мы отправились поездом на запад. Гэри очень хотел посмотреть на Варанаси глазами садху. Остановившись на несколько дней в Варанаси, мы одним ранним утром посетили известный храм Каши-Вишванатха. Звонили бронзовые колокола, храмовые жрецы речитативом пели гимны, и клубящийся дым благовоний столбом поднимался и рассеивался в воздухе. Я стал молиться: *Господи, я так хочу узнать Тебя и полюбить Тебя. Прошу, укажи мне мой путь.* В этот момент что-то произошло со мной. Внутри, как солнце, взошла надежда. Я понял, что, как только я смирюсь перед Господом, мне откроется все, о чем я молю. Господь словно протягивал мне руку, и меня охватило предчувствие, что вот-вот должно произойти нечто особенное.

На железнодорожной станции в Варанаси мы с трудом втиснулись в битком набитый поезд. В удушающей жаре сезона дождей люди сидели и стояли, плотно прижатые друг к другу. Загудел свисток, паровоз изрыгнул облако дыма и запипел, выпускающая пар. Тяжелые стальные колеса закрутились, состав дернулся и мы поехали.

Вскоре, однако, путь поезду преградило мутное озеро — все, что осталось после ливня от сельскохозяйственного поля. В ожидании проходили часы. Задыхаясь от жары, пытаюсь мысленно отстраниться от своего телесного состояния, я с нетерпением ожидал свистка паровоза, возвещающего о возобновлении движения.

Через два дня наш поезд медленно, словно улитка, выбрался из полей и на рассвете сделал остановку на какой-то неизвестной станции. Мы с Гэри вылезли через окно на платформу, чтобы хоть

немного глотнуть воздуха, прежде чем продолжать наше мучительное путешествие. Свежий воздух был великолепен. Платформа, освещенная тусклым светом и запруженная людьми, была грязной и запущенной, однако нам она в тот момент показалась раем — здесь мы могли найти немного воды, подышать воздухом и размять затекшие конечности. Но, пока мы потягивались и разминались, прозвучал свисток, зашипел пар, и поезд двинулся вперед. Мы со всех ног кинулись бежать вдоль вагона, пытаясь на ходу втиснуться в окно, но изнутри напирала плотная масса народа. Окно за окном, дверь за дверью — мы всё пытались запрыгнуть в вагон. В конце концов состав исчез из виду, оставив нас на перроне.

Мы очутились в абсолютно незнакомом месте, не зная, когда ждать следующего поезда. Гэри взглянул на меня и произнес: «И что теперь?»

Было около пяти утра. Потихоньку светало. Не зная, куда податься и что делать, мы стояли на железнодорожной платформе в толпах тех, кто только что сошел с поезда, и тех, кто ожидал следующего. Посреди всей этой суеты на меня снизошло странное умиротворение. Это было чувство, похожее на то, что я испытал, когда молился в храме Каши-Вишванатха, — ощущение, что вот-вот в моей жизни должно произойти нечто значительное. В толпе царило оживленное веселье. Мы с Гэри переглянулись, вспомнив тот цветок, что когда-то определил наш маршрут через Европу, и решили пока оставить все как есть. Некоторое время спустя платформа опустела и стало тихо.

Я увидел несколько садху, сидевших кружком на платформе чуть поодаль от нас. Я жестом попросил Гэри подождать меня и подошел к ним.

«Прошу прощения, а где мы находимся?»

Ничего не отвечая, один из садху стал смотреть мне прямо в глаза, словно давно ждал меня. Поднявпись на ноги, он наконец произнес: «Это Матхура, место, где родился Господь Кришна. А сегодня Джанмаштами — день рождения Кришны».

По их приглашению мы с Гэри пошли вместе с ними в город — туда, где проходило празднование Джанмаштами. Когда мы приблизились к главным воротам, пожилой садху обернулся ко мне: «Вы что-то знаете о Господе Кришне?»

«Не очень много», — признался я. Мне было известно о Нем только то, что это был темно-синий юноша с моей картинки и что Его имя звучало в Маха-мантре, которую пропела для меня Ганга. Также я знал историю о том, как Он разбил глиняный горшок с маслом и накормил этим маслом обезьян.

«Расскажите нам, пожалуйста, о Нем», — попросил я.

Лицо садху озарилось радостью, и он, поглаживая бороду, начал свой рассказ: «Кришна — это имя, которым мы называем единого Бога — повелителя мироздания. У Него нет начала и нет конца, Он нерожденный и бессмертный. Господь пребывает в Своей высшей обители, но по Своей милости Он рождается здесь, в этом мире. На протяжении всей человеческой истории Он приходил сюда в самых разных образах, чтобы указать людям путь, избавляющий от земных страданий и ведущий к духовному счастью». На этих словах садху махнул рукой в сторону огромного внутреннего двора, заполненного толпами паломников: «Здесь пять тысяч лет назад Господь Кришна явился на Землю. Пойдемте, присоединяйтесь к нашему празднику».

То, что я увидел внутри, еще сильнее разожгло мое любопытство. Прямо над крошечным подземным храмом Кришны высилась огромная мечеть. «А почему на месте рождения Кришны стоит мечеть?» — спросил я нашего добровольного гида.

«Когда-то на этом месте был храм Ади-Кешавы, один из самых больших храмов на Земле. Но в семнадцатом столетии мусульманский правитель Аурангзеб разрушил храм и построил на его месте мечеть».

«Зачем?» — удивился Гэри.

В ответ садху лишь беспомощно пожал плечами: «Я думаю, этим он намеревался показать превосходство своей религии и продемонстрировать поработенным индусам собственную власть». Но мгновение спустя мечтательная улыбка озарила его лицо: «Здесь планируется возвести величественный храм для поклонения Господу Кришне — прямо рядом с этой мечетью. Скоро он появится. В любом случае, это место священно — независимо от людских деяний. А сейчас давайте зайдём в храм и присоединимся к празднованию».

Во внутреннем дворе действительно царил атмосфера праздника. Тысячи верующих уже стояли в очереди, чтобы войти в маленький подземный храм Господа Кришны, и к ним присоединялись новые и новые люди. Праздник шел полным ходом. Сотни людей танцевали, распевая песни и гимны под аккомпанемент барабанов, флейт и металлических тарелочек; знатоки писаний разыскивали свободные места, где они могли читать проповеди

своим последователям, а на импровизированной сцене, украшенной яркой цветистой тканью, гирляндами и разрисованными декорациями, театральные актеры в необычных костюмах показывали историю прихода Кришны на Землю. Тем временем жрецы возливали топленое масло в священный огонь, повторяя санскритские мантры из священных Вед. С радостными улыбками и пенем люди, собравшиеся на праздник, бродя в толпе, кидали друг в друга разноцветными порошками. Мы даже видели, как вместе танцуют и радостно хохочут, погрузившись в праздничное настроение, индусы с тилаками на лбу и бородатые мусульмане в фесках. Отшельники тоже праздновали, сидя чуть поодаль, тихонько перебирая четки и повторяя мантры. Во время проповедей, в песнях и просто в разговорах то и дело слышалось слово «Вриндаван». Чувствовалось, что Вриндаван был дорог тем, кто произносил это слово.

Весь день мы были поглощены удивительным зрелищем, впитывая в себя запахи и звуки празднества. Ближе к полуночи толпы народа устремились по переулкам к Ямуне, заполняя храм Дваракадхиша на ее берегу. Согласно священной преданию, Господь Кришна родился в городе Матхуре в полночь. И сейчас все стояли и ждали наступления этого мгновения. Невзирая на то, что храм был уже переполнен, в двери постоянно входили всё новые и новые толпы, и даже полицейским с длинными бамбуковыми палками не удавалось отрегулировать передвижения паломников.

Ни Гэри, ни я никогда еще не видели такого скопления народа. Чтобы лучше рассмотреть происходящее, мы забрались на две колонны в храмовой зале и сверху смотрели на это поразительное зрелище. Огромная толпа гудела в ожидании. И вот часы показали полночь: двери святилища распахнулись и перед глазами собравшихся предстал алтарь Кришны. Паломники встретили это событие криком радости, прокатившимся по толпе, как приливная волна. От радостного возбуждения никто не обращал внимания на толчею и давку. Стар и млад, мужчины и женщины, богачи и бедняки — все соединились в одной молитве, обратив к алтарю взоры, лучащиеся любовью. Сельские жители, стоя небольшими группками, стали петь песни, посвященные рождению Кришны,

в то время как все остальные вокруг радостно смеялись, танцевали и с воодушевлением выкрикивали святые имена Кришны. Мы с Гэри, вцепившись в свои колонны, не переставали удивляться неподдельному энтузиазму этих людей.

Часа в три утра мы подыскали себе местечко на берегу Ямуны, чтобы поспать. Нам сказали, что в этом месте — Вишрам-гхате — отдыхал когда-то Сам Кришна. На следующий день, когда мы прогуливались по улочкам Матхуры, из чайной к нам с приветственными возгласами выскочили четверо хорошо одетых молодых людей: «Мы очень рады видеть в нашем городе иностранцев, — сказал их предводитель. — Не желаете ли вы встретиться с нашим досточтимым гуру?»

«Конечно, — ответил Гэри. — Это было бы здорово».

«Тогда пойдете, друзья мои, — сказал этот человек и пригласил нас обратно в чайную. — Наш гуру очень давно отказался от мирских удовольствий, чтобы постичь высочайшую истину. Гуруджи — знаток священных писаний; он может ответить на любой ваш вопрос. А мы — одни из сотен его учеников в этом городе. Извините, я отлучусь ненадолго — пойду позову его».

Спустя несколько минут появился сам гуру. Это был мужчина лет сорока, с бритой головой. Его движения были размеренными и плавными. На литературном английском, с приятным акцентом, он стал рассказывать нам о духовном значении города Матхуры. К нашей радости, он пригласил нас переночевать в его храме. Мы проследовали за ним в маленький храм, возведенный в честь Господа Шивы. Посреди храма был установлен Шива-лингам, а за ним в яме с пеплом от священного огня торчал железный трезубец. Свами внимательно проследил, чтобы нас хорошо устроили, накормил нас вегетарианским ужином и ответил на все наши вопросы.

Когда наступила ночь, свами предложил Гэри соломенную циновку на полу, а меня пригласил разделить с ним его деревянное ложе. Спать на одном уровне с таким уважаемым гуру было честью, которой я явно не заслуживал. Я подумал, что многие его ученики дорого бы заплатили за то, чтобы оказаться на моем месте. Свами лег подле меня. Спустя некоторое время, в ночной тишине, я почувствовал, как он поглаживает мне спину.

«Зачем Вы делаете это?» — спросил я.

«Это наш обычай. Так мы оказываем гостеприимство дорогим гостям», — отвечал он.

Боясь показаться неблагодарным, я промолчал. Тем временем его руки подбирались к моим интимным местам. Меня охватили смутные подозрения. Я смущенно отодвинул его руки, но спустя несколько мгновений снова ощутил, как его руки заскользили вниз. Я опять отстранил их.

«Пожалуйста, не надо меня гладить. Мне это не нравится».

Он зашептал мне в ухо: «Через меня на тебя нисходит благословение Бога. Это не я глажу тебя. Я — просто инструмент в руках Бога. Ты не должен сопротивляться».

В комнате было темно и жарко. Я лежал и мучился. *Что будет, если я разочарую его? Он может как-то наказать меня.* Я вспомнил о Васудеве и его печальном опыте со своим гуру. *А вдруг он тоже обладает йогическими способностями?* Каждый раз, когда этот человек пытался ласкать меня, я отклонял его руки. *Неужели это действительно такой обычай гостеприимства?* С каждой неудавшейся попыткой его настойчивость нарастала.

Теперь он уже задыхался от страсти и становился все более агрессивным. Было очевидно, что отрицательный ответ его не устроит. Доведенный до крайности, я уже был готов врезать ему как следует кулаком, но сдержался. Разве можно бить свами? Садху не должен драться. И что сделают со мной его ученики, если я ударю его? Обливаясь потом во влажной духоте тропического сезона дождей, я лежал и молился о спасении из этой ужасной ситуации. Наконец, я решился. С силой отпихнув его, я вскочил на ноги. Взбешенный, он крепко обхватил меня, но я изловчился, выскользнул, оттолкнул его и выбежал в дверь. Гэри, посапывая, мирно спал все то время, пока длилось это испытание.

Среди ночи я кинулся в какой-то пустынный переулочек и только там почувствовал себя свободным. Чтобы удостовериться, что свами не предложит своего «гостеприимства» Гэри, я стал следить за комнатой с безопасного расстояния через оставшуюся открытой дверь. Я стоял на страже, словно цепной пес, и был готов, если потребуется, в любой момент примчаться на помощь Гэри. Невидимый в темноте, насквозь промокнув под ливнем,

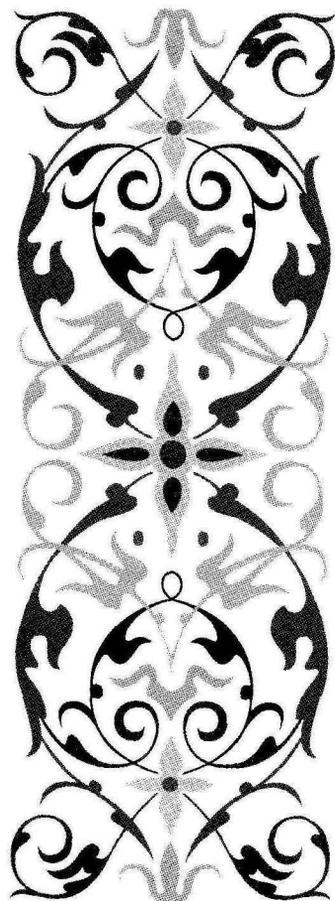
я не смыкал глаз до рассвета. На любом духовном пути встречаются те, кто по-настоящему искренен, и те, кто просто притворяется. Святость человека определяется не титулом, одеждой, прической или местом проживания. У этого человека был титул свами, бритая голова, указывающая на то, что он отказался от мирских удовольствий, и одеяние садху; он был знатоком священных писаний, главным жрецом храма и гуру для своих многочисленных учеников, которые боготворили его. И все же он попытался использовать меня для удовлетворения своего плотского желания. Настоящая святость определяется не регалиями, а поступками. Пользоваться своей духовной властью ради того, чтобы эксплуатировать неискренних людей, — тяжкое прегрешение. Я молил Бога, чтобы это происшествие не заставило меня сомневаться во всех, кто по-настоящему ищет Бога. Тем временем Гэри продолжал сладко спать. Обе бури — и та, что разыгралась той ночью внутри храма Шивы, и та, что бушевала снаружи, — обошли его стороной.

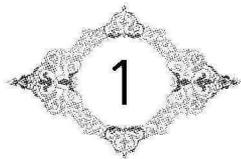
Путру Гэри выслушал мое описание того, что произошло этой ночью, и сильно расстроился. Гуру, снедаемый вожделением? Наш идеализм вновь столкнулся с печальными реалиями этого мира.

Несмотря на то, что в Матхуре мы потратили почти все свои деньги, нам по-прежнему хотелось совершить паломничество в Амаранатх. Но в то утро, омываясь в Ямуне, я почувствовал настойчивое желание посетить находившийся неподалеку Вриндаван, о котором говорили все вокруг. По каким-то необъяснимым причинам я хотел пойти во Вриндаван один. С Гэри мы договорились встретиться на следующий день и возобновить наше путешествие в Амаранатх.

IV

Лес мироты

Вриндаван! Радостные предчувствия охватили мое сердце. Матхуру от Вриндавана отделяли двенадцать километров. С каждым шагом, пройденным по этому пути, я все больше и больше волновался. Вдоль заасфальтированной дороги росли огромные тамариндовые деревья, вокруг, сколько хватало глаз, простирались поля. Поскрипывая деревянными колесами, меня медленно обогнала воловья повозка, до краев нагруженная сеном; волю натужно всхрапывали и отфыркивались пеной из ноздрей, цокая копытами по асфальту. Сзади подъехал и остановился полуразвалившийся автобус. Дверца распахнулась, и водитель, с улыбкой во весь рот, в котором не хватало половины зубов, пригласил меня внутрь, чтобы подвезти до Вриндавана. Как я мог отказать от такого приглашения? Было видно, что водитель — человек религиозный: бритая голова с пучком волос на затылке и одежда в виде куска ткани, обернутой вокруг пояса. Когда мы доехали до Вриндавана, я расспросил его, как пройти к реке, и он указал мне дорогу.

Не успел я сделать нескольких шагов, как какой-то неизвестный человек, по виду фермер, с молитвенно сложенными ладонями преградил мне путь. Улыбаясь, он воскликнул: «Добро пожаловать во Вриндаван! Кто бы ни пришел сюда, он особый гость Господа Кришны!» Сжав мои руки, он пылко продолжал: «Я *врад-жабаси*, житель Вриндавана. Мой долг — сделать тебя счастливым. Позволь мне позаботиться о твоей пище и крове».

«Огромное спасибо, но я буду счастлив спать на берегу реки и питаться тем, что мне подадут».

Он опустил голову и помрачнел: «Очень прошу тебя, прими мое скромное служение. Иначе как я смогу показаться моему Кришне на глаза?»

Его смирение было таким неподдельным, что у меня не хватило духу ему отказать. Я тут же проникся любовью к этому враджабаси. Он заботился обо мне, как о близком родственнике, вернувшимся после долгой разлуки домой. Обрадованный моим согласием, он пристроил меня в ашраме одного пожилого слепого садху и ушел.

В тот же день после обеда я оставил переполненный ашрам и решил побродить по одному из лесов Вриндавана. Я шел, погружая стопы в мягкий мелкий песок, среди старых деревьев с причудливо изогнутыми стволами. Был самый разгар сезона дождей, и деревья были покрыты белыми, оранжевыми и желтыми цветами и ярко-зеленой листвой. Мычание коров привлекло мое внимание к стаду, пасущемуся среди кустов. Белые коровы глядели на меня большими, влажно поблескивающими глазами так, будто давным-давно знали меня. Странно, но мне тоже показалось, что мы давно знаем друг друга. Я продолжил прогулку, как вдруг у меня за спиной раздался чей-то пронзительный, протяжный крик. Я обернулся и увидел павлина: он веером распустил великолепный хвост и изящно двигал шеей, переливавшейся всеми цветами радуги. Где-то впереди раздалось низкое «му-у» — это подавал голос громадный белый бык, который разгуливал вдоль тропинки и лениво жевал листья с кустов. Вглядываясь в кроны деревьев, я заметил стайку зеленых попугаев с изогнутыми оранжевыми клювами и ярко-красными глазами. Они о чем-то оживленно переговаривались между собой, затем заметили меня и резко вспорхнули в небо. Обезьяны с бурой шерстью, розовыми мордами и зелеными глазами оглашали воздух громкими криками и раскачивались на ветвях, перепрыгивая с одной ветки на другую, словно озорные дети. В затянутом тучами небе над вершинами деревьев то и дело слышались раскаты грома. Ветерок, пропитанный ароматом распускающихся цветов, принес с собой прохладный влажный туман, ласкавший мою кожу.

Но больше всего мое сердце радовали не эти мирные картины, а доносившиеся до меня звуки духовных гимнов. Маленькие девочки, удерживая на головах глиняные горшки с водой, звонко пели: «Радхе, Радхе» — и пританцовывали, идя по песчаной

лесной тропинке мимо святых мест, ашрамов и соломенных домиков. Я последовал за ними, и вскоре мы вышли на открытое место. Моему взору предстала река Ямуна, величаво несшая свои воды по лесу.

По реке плыли деревянные гребные лодки, перевозившие женщин в разноцветных сари и мужчин в белых тюрбанах, небрежно намотанных на голову, а также говорливых детей, которые шлепали по воде своими худыми ногами. Вдоль всего берега стояли древние беседки из покрытого резьбой красного песчаника. В этих беседках сидели люди, погруженные в повторение имен Кришны. Когда же издали донесся звон храмовых колоколов, сердце мое преисполнилось восхищением и благодарностью. После года странствий я почувствовал, что наконец вернулся домой.

Я увидел садху, сидевшего внутри пустотелого дерева на берегу реки; мне сказали, что ему уже сто десять лет. На нем была только набедренная повязка из мешковины, а спутанные волосы были обмотаны вокруг головы, как корона. Кожа на его старческом лице обвисла, и, чтобы открыть глаза, ему приходилось поднимать отяжелевшие веки пальцами. Жестом он подозвал меня. Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, что это мауни-баба — отшельник, давший обет молчания. Его единственным способом общения с миром был обломок грифельной доски и кусок мела. Я присел возле него на корточки, и он написал на своей маленькой доске два слова большими буквами: «Люди думают...». Потом стер их пальцами и стал писать дальше: «... что все», — снова стер и написал: «... во Вриндаване», — снова стер — «... сумасшедшие», — стер. «Это правда», — стер. «Мы все без ума...», — стер. А потом написал большими буквами: «ОТ КРИШНЫ». Эту надпись он тоже стер, а затем, так же по частям, составил фразу: «И если ты останешься здесь, то тоже превратишься в безумца». Написав это, он улыбнулся так, как будто ему было известно что-то такое, о чем я не знал.

На следующий день мы снова встретились с Гэри. Ему всё хотелось поскорее сбежать подальше от многолюдной праздничной толпы, заполонившей весь город, куда-нибудь

в спокойное местечко в Гималаях, но меня притягивал к себе мистический лес Вриндавана, и я решил остаться еще на несколько дней. Мы договорились, что Гэри выйдет вперед, а через каких-нибудь пять дней мы встретимся с ним на Брахма-гхате в Харидваре, откуда продолжим свое паломничество в Амаранатх. В полной уверенности, что скоро увидимся, мы без лишних слов распрощались друг с другом.

За те несколько дней, что я находился во Вриндаване, мне ни разу не попадались на глаза иностранцы. Судя по всему, люди Запада еще не открыли для себя Вриндаван. Я был рад этому, так как успел заметить, что, стоит западным туристам облюбовать себе какое-нибудь место в Индии, как туда вместе с ними приходит эпидемия коммерциализма. Атмосфера Вриндавана пробудила в моем сердце желание узнать больше о Кришне. С того самого дня, как меня обокрали на одном из перекрестков Дели, у меня не было книг о Кришне. Когда я спросил одного местного жителя, где можно найти книги на английском языке, он направил меня в больницу Миссии Рамакришны.

Найдя опрятное одноэтажное здание больницы, я зашел внутрь и справился насчет книг. Нянечки и медсестры с любопытством оглядели меня и отвели к директору больницы — Шакти Махараджу, ученику известного йога Шри Рамакришны. Как раз в этот момент в больницу доставили изувеченную женщину. Ее сбил автобус прямо за воротами, и она истекала кровью. Все, кто дежурил в это время, сбежались, чтобы как-то помочь ей. Хотя Шакти Махарадж был полностью поглощен своими прямыми обязанностями, он все же повернулся ко мне и спросил: «Чем я могу Вам помочь?»

Я понимал, что пришел не вовремя, да и несчастный случай, произошедший чуть ли не у меня на глазах, не мог оставить меня равнодушным, но все же я спросил: «Махарадж, у Вас есть какие-нибудь книги на английском языке про Кришну?»

Он возрился на меня, не веря своим ушам:

«Это больница, а не библиотека. Приходите, если заболаете».

«Извините. Не буду отвлекать...»

Я собрался было уходить, но он придержал меня за локоть: «Нет, постойте». Велев мне сесть, он пообещал вернуться через несколько минут. По возвращении он нарисовал на листке карту и принялся объяснять: «Найдите храм Мадана-Мохана. Здесь все знают, где это. Рядом — ашрам Свами Бон Махараджа. Там у них есть английские книги».

Вооружившись картой, я шел по узким улочкам Вриндавана. Наконец моему взору открылась одна из самых прекрасных картин, которые мне когда-либо доводилось видеть: на вершине поросшего травой холма, недалеко от Ямуны, возвышалась двадцатиметровая башня из покрытого резьбой красного песчаника. На самом верху она сужалась и вновь расширялась, образуя огромный, подобный цветку, диск. Это был храм Мадана-Мохана, построенный более четырехсот пятидесяти лет назад. Вид храма вызвал во мне не просто почтение к великому религиозному памятнику, но ощущение какой-то близости, затронувшее саму душу.

Спустившись вниз по узкой улочке, я подошел к ашраму и, отворив ворота, очутился в уютном внутреннем дворике. Справа от меня находился храм Кришны, слева — маленький храм Господа Шивы и пышный сад с цветущими *туласи*. Туласи — это растение из семейства базиликовых, священное для всех индусов. На пороге кухни появился молодой садху-бенгалец. Отряхнув с фартука муку, он сказал: «Добро пожаловать. Меня зовут Гопеш Кришна». Кто бы мог подумать, что спустя годы этот простой повар станет гуру и возглавит миссию! Он провел меня в маленький офис, напоил водой и дал книгу о Кришне на английском, а затем вернулся в кухню.

Я провел за чтением несколько часов, а потом, поставив книгу на место в книжный шкаф, решил прогуляться к Ямуне. Однако у самых ворот я столкнулся с голубоглазым европейцем лет двадцати в шафрановых одеждах и с бритой головой. «Меня зовут Асим Кришнадас, — заулыбался он. — Добро пожаловать во Вриндаван!»

Усадив меня, он извинился и на несколько минут исчез, а когда появился вновь, нес в руках тарелку с рассыпчатым рисом и овощной приправой к нему. Налегая на еду, я спросил его, как

случилось, что он живет в Индии. Он сказал, что по паспорту его зовут Алан Шапиро и что родом он из Нью-Йорка. Он путешествовал по Европе, был в Израиле. В конце концов духовные поиски привели его в Индию. В штате Пенджаб он повстречался с садху по имени Мукунда Хари, который посоветовал ему: «Ступай во Вриндаван, там ты найдешь всё». Асим улыбнулся: «Его слова оказались пророческими». Когда я собрался уходить, Асим предложил: «Я буду очень счастлив, если смогу что-то сделать для тебя. Пожалуйста, обращайся в любое время».

Весь следующий день я бродил один по лесу. Ближе к закату я вновь оказался на берегу реки у подножия храма Мадана-Мохана. На следующее утро я собирался уезжать, так как в Харидваре меня ждал Гэри. Когда стемнело, я попросился с землей Вриндавана, хотя сомнения раздирали мой ум. Лежа на голой земле, на берегу реки, я размышлял: *Вриндаван притягивает мое сердце как никакое другое место на Земле. Что происходит со мной? Господи, яви мне Свою божественную волю!* С этой молитвой я потихоньку задремал.

Еще до рассвета я был разбужен звоном храмовых колоколов, возвестивших, что пришла пора ехать в Харидвар. Но тело мое лежало недвижно, словно труп. Задохнувшись от боли, я не мог даже пошевелиться. Жуткий лихорадочный жар охватил все мое нутро, а желудок буквально выворачивало наизнанку от невыносимых приступов тошноты. Я продолжал лежать на берегу, словно связанный по рукам и ногам пленник. Когда же поднялось солнце, знаменуя наступление нового дня, я почувствовал, что мои жизненные силы стремительно убывают. В то утро смерть показалась бы мне долгожданным облегчением. Проходили часы. Наступил полдень, а я все лежал на том же месте. *Эта лихорадка точно прикончит меня,* — думал я.

В тот самый момент, когда я почувствовал, что хуже уже просто не может быть, я увидел в нахмуренном облачном небе нечто такое, отчего у меня сжалось сердце. Надо мной кружили стервятники, устремив свои цепкие взгляды прямо на меня. Мне подумалось, что жар, охвативший меня, готовит мою плоть им на обед, а они только ждут, чтобы я как следует сварился. Птицы кружили все ниже и ниже. Одна из них — огромная, с черно-белым

оперением, с длинной, изогнутой шеей и крючковатым клювом — села на землю и уставилась на меня, видимо, оценивая мое состояние. Мгновение спустя клюв стервятника вонзился мне в подборежье. Тело мое судорожно дернулось, ум забился в агонии, и я стал взглядом молить птицу о пощаде. Стервятник взмахнул гигантскими крыльями и вернулся к остальным хищникам, кружившим надо мной. Лежа на влажной земле, я неотрывно следил за птицами, нетерпеливо нарезавшими в воздухе круги. Вдруг всё расплылось у меня перед глазами, и я на миг потерял сознание. Придя в себя, я ощутил, что сгораю живьем изнутри. Обливаясь потом, дрожа всем телом и даваясь от позывов рвоты, я понял, что мне больше не на что надеяться.

Неожиданно я услышал звуки приближающихся шагов. Местный крестьянин, пасший коров, видимо, заметил меня и сжалился. Потрогав мне лоб тыльной стороной ладони, он взглянул наверх, на парящих в небе стервятников, и, понимая, покачав головой, втащил меня на свою телегу. Пока мы ехали по глинистой, размытой дождями дороге, стервятники неотступно следовали за нами.

Он довез меня до благотворительной больницы и сдал дежурным, которые положили меня в палату для неимущих. У каждой стены в палате стояло по восемь коек, и все они были заняты пациентами: бедняками и садху. Несколько часов я лежал у самого входа, и на меня никто не обращал внимания. Наконец вечером пришел врач и, проведя осмотр, заключил, что у меня брюшной тиф. Бесстрастным голосом он констатировал: «Скорее всего, Вы умрете, но мы все же постараемся спасти Вас».

Вынув у меня изо рта градусник, он взглянул на шкалу и произнес: «В течение всей следующей недели — никакой твердой пищи. Ваша диета — вода с глюкозой».

С этими словами он удалился, а я остался лежать, мечась в жару, корчась от приступов рвоты, обессиленный, на волоске от смерти. У больницы почти не было денег на лечение пациентов, поэтому мы получали только самый минимум. Врач обходил больных раз в сутки, уделяя каждому по несколько минут. Время от времени появлялись медсестры, но ни одна из них не понимала ни слова по-английски. Больные в палате стонали

от мучительных болей. В первую же мою ночь в больнице умер один. Смерть, похоже, была бы желанным избавлением и для истощенного старика на соседней койке. Безмолвно перенося свои страдания, он то и дело заползал на медицинскую утку, которая хранилась прямо на его кровати, и выпускал в нее мочу бордового цвета. Он постоянно харкал кровью, и капли его мокроты порой ложились на мое лицо. В одну из душных ночей я лежал обессиленный и надломленный. Рядом кряхтели, стонали и корчились в муках люди. В воздухе стояло тяжелое зловоние от пота, плесени и человеческих экскрементов. *Что я здесь делаю? Зачем я ушел из своего дома, оставив семью и друзей в Хайленд-Парке? И что будет теперь с беднягой Гэри? Он никогда не узнает, почему я не приехал к нему.* Отдав свою жизнь в руки Бога, я стал молиться: *Господи, я — Твой, делай со мной, что Тебе угодно.* Ночь напролет я тихо бормотал слова, которые приносили мне облегчение в самые тяжелые моменты жизни: *Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе/Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе.*

На следующее утро ко мне пришел Асим. До него каким-то образом дошло известие о том, что я заболел. Он пришел не один: с ним был красивый старик с лучистыми глазами, светившимися духовной любовью. «Это — один из величайших святых во Вриндаване, — сказал Асим. — Его зовут Кришнадас Бабаджи». Бабаджи был одет в два куска белой ткани: один кусок был обернут вокруг пояса и доходил ему до колен, другой висел вокруг шеи, прикрывая грудь. Щетина седых волос, ярких по контрасту со смуглой кожей, обрамляла его голову и лицо. С неопишуемым состраданием пожилой Бабаджи долго глядел на меня, затем протянул руку и погладил меня по голове, громко выдохнув: «Харе Кришна!» С тех пор каждый день они навещали меня и давали свои благословения. И каждый раз Бабаджи наполнял мое сердце целительной радостью, а палату — смехом, шедшим из самых глубин его исполненной блаженства души.

Однажды у моей кровати оказались два молодых врача-стажера. По очереди они засыпали меня своими заученными вопросами. Но у меня тоже был один вопрос к ним: «Чем болеет мой сосед?»

Один из них безучастно взглянул на старика и ответил: «Открытый туберкулез». Затем добавил: «Вы уж, пожалуйста, поберегитесь, сэр. Если случайно при кашле его мокрота или капля крови попадет Вам в носоглотку, Вы тоже заразитесь».

«Что?! Но почему тогда его держат вместе со всеми в одной палате?»

«Такой у нас порядок. Никого не помещают в карантин, пока не получены результаты анализов. А наша лаборатория, увы, закрыта, потому что лаборант сам болен туберкулезом. Поэтому мы не имеем права никого помещать в карантин». Подняв зонтик, он прошествовал к дверям. У самого выхода он остановился, обернулся ко мне и сказал: «Нет никаких сомнений в том, что у Вашего соседа опасная инфекция, поэтому, пожалуйста, будьте осторожной. Рад был с Вами познакомиться. Всего доброго, сэр». Через несколько дней несчастный старик умер прямо у меня на глазах.

Сидя на больничной койке, я написал своей семье такие слова:

*Там, где есть вера, нет места страху.
Будьте здоровы и счастливы. Желаю вам
душевного спокойствия и любви к Богу.*

Ричард

Вриндаван, сентябрь 1971 г.

Дней через десять врач выписал меня, строго-настрого наказав: «В течение месяца Вы не должны путешествовать». Ткнув в меня указательным пальцем, он предупредил: «Если будете вести образ жизни странствующего садху, наверняка умрете. Оставайтесь на одном месте и питайтесь одним рисом». Запрет на путешествия сильно огорчил меня. Первая моя мысль была о бедняге Гэри. Что он подумал, не дождавшись меня в Харидваре? Получалось, что я оторвал Гэри от его друзей, а сам бросил одного в Индии. Свидимся ли мы когда-нибудь? Но вместе с тем какая-то часть меня радовалась возможности остаться во Вриндаване, предвкушая новые открытия, которые сулило мне это место.

Кришнадаас Бабаджи с Асимом любезно привели меня к себе в ашрам, чтобы я мог восстановиться после болезни. Весь первый день я отдыхал. На следующее утро Асим спросил, не хочу ли я встретиться с его гуру. Я с радостью согласился. Во внутреннем дворике, где росло много туласи, я увидел статного человека лет семидесяти в шафрановом одеянии *санньяси*, сидевшего с закрытыми глазами на деревянном стуле и перебиравшего молитвенные четки. У него было чисто выбритое лицо и короткий ежик седых волос. Это был Свами Бон Махарадж. Услышав наши шаги, он медленно открыл глаза. «Пожалуйста, проходите», — сказал он, жестом приглашая нас сесть на землю рядом с ним. Улыбнувшись, он поинтересовался, как меня зовут. «Ах да, Ричард! Рад тебя приветствовать. Ты наш гость. Ты не случайно оказался во Вриндаване. Знаешь ли ты, куда ты попал?»

Его радушная манера вести разговор подкупала.

«Буду очень Вам признателен, если Вы мне это объясните».

Он положил четки на стоявший рядом столик, поднял указательный палец и заговорил на безупречном английском: «За пределами временного материального мироздания простирается духовное небо, называемое Брахманом. Попасть туда стремятся те, кто поклоняется Богу как Безличному Абсолюту. В духовном небе парят духовные планеты, на которых живет Единный Верховный Господь в Своих различных обликах. Вриндаван — это высшая обитель духовного мира». В подтверждение своих слов он стал цитировать на санскрите древние стихи. Их ритм очаровал меня. «Пять тысяч лет назад, — продолжал Махарадж, — Верховный Господь Кришна нисшел в этот мир и явил здесь Свою обитель, Вриндаван. Даже в наши дни люди, у которых есть чистая бхакти, преданность, могут видеть божественные игры Кришны во Вриндаване».

Он сделал паузу, пристально посмотрел мне в глаза и снова повторил: «Ты попал сюда совсем не случайно, Ричард. Поздравляю тебя с возвращением домой. Добро пожаловать во Вриндаван и в наш ашрам».

Тут через резные деревянные ворота стали один за другим входить ученики Бон Махараджа. Они выражали почтение учителю. Женщина средних лет подошла к нему и подарила золотистый цветок. Он опять обратился ко мне: «Ричард, можешь оставаться с нами, сколько тебе угодно. Ты — мой особый гость». Он кивнул в сторону храма, где Кришнадас Бабаджи ходил из угла в угол, повторяя молитву на четках: «Видишь там Кришнадаса Бабаджи?» Я кивнул. «У тебя есть шанс обрести огромную духовную милость, если каждое утро ты будешь проводить с ним. Он — *парамахамса*, совершенная душа. Он полностью поглощен *киртаном* — повторением имен Бога». Прославляя почтенного Бабаджи, Бон Махарадж заплакал: «Его преданность — источник вдохновения для всех нас. Общайся с ним по утрам — и ты поймешь суть бхакти-йоги. А днем можешь спокойно гулять по лесам Вриндавана, наслаждаясь божественной атмосферой, царящей в них». Он сказал, что никто не будет заставлять меня следовать строгому распорядку, принятому в их ашраме. «Ты — мой особый гость, — сказал он, — поэтому можешь приходить и уходить, когда тебе угодно. Пожалуйста, чувствуй себя как дома и будь счастлив». Бон Махарадж повертел в пальцах цветок: «Каждое утро я сижу здесь, в этом дворике. Приходи сюда поговорить со мной, я всегда буду рад».

Я с благодарностью поклонился ему: «Спасибо Вам».

В моем болезненном состоянии его великодушие было спасением. Асим тоже заулыбался, видя доброту, с которой отнесся ко мне его учитель.

Образование являлось важнейшей миссией Бон Махараджа, основавшего во Вриндаване санскритский колледж. Сам он был очень образованным и аристократичным человеком, гордостью своей семьи — семьи потомственных брахманов из Восточной Бенгалии.

Асим рассказал, что Свами Бон Махарадж в двадцать лет встретил своего гуру Бхактисиддханту Сарасвати. Услышав его проповедь и видя его безупречную чистоту, Бон Махарадж решил посвятить

свою жизнь пути бхакти-йоги. Бхактисиддхант Сарасвати смело осуждал деление людей по их принадлежности к какой-то расе, национальности или касте. Он провозглашал, что все мы — вечные души, а не обреченные на смерть тела, поэтому людей нужно оценивать по их качествам, а не по происхождению. Из-за того что он так бескомпромиссно обличал предрассудки кастовой системы, широко распространенной в те времена, на его жизнь несколько раз покушались. Бхактисиддхант Сарасвати подчеркивал особое значение подлинной преданности, бхакти, и отвергал мирские условности и любые проявления псевдодуховности. В юности, в возрасте двадцати трех лет, Бон Махарадж принял от него *санньясу* — дал обет безбрачия — и начал проповедовать по всей Индии. Он был среди первых учеников Бхактисиддханты Сарасвати, которым учитель поручил проповедовать в Англии и Германии в 20-е годы.

Каждое утро на рассвете мы с Асимом приходили во внутренний дворик, чтобы поговорить с Бон Махараджем. Затем Асим отправлялся в колледж помогать своему гуру, а я спешил в храм. Там, с восьми утра и до половины первого дня, Кришнадад Бабаджи в одиночестве сидел на полу и самозабвенно пел духовные песни. Я садился сбоку от него. Его глаза горели от духовных переживаний, и ему часто приходилось останавливаться, чтобы проглотить слезы. Он подыгрывал себе на *мриданге*, двустороннем глиняном барабане. Хотя голос у него был самый обыкновенный, пение его, исполненное духовной силы, проникало мне в самое сердце.

Ровно в 4:30 утра все монахи ашрама собирались для утренних песнопений, и Бабаджи каждый раз был ведущим. Постепенно молитвы перерастали в киртан — совместное пение, — и все начинали, забыв обо всем, танцевать. Продолжая бить в барабан, Бабаджи — небольшого роста, худощавый и старый, — танцуя, выводил остальных вайшнавов из храма во внутренний двор. Войдя в маленький храм Шивы, он громко пел, а двадцать монахов высоко подпрыгивали и били в колокола. Затем, проведя процессию вокруг сада с туласи и возвратившись в храм, Бабаджи доводил киртан до кульминации, и, заряженные его пением, обычно сдержанные монахи буквально сходили с ума от переживаемого блаженства. Так в ашраме начинался каждый новый день. Всякий раз,

когда семидесятилетний Кришнадас Бабаджи славил Господа, он превращался в неистощимый вулкан преданности.

Казалось, что Бабаджи никогда не прекращает повторять имена Бога. Однажды глубокой ночью, когда меня разбудил приступ дизентерии, по дороге в уборную я услышал, как он своим сильным и безыскусным голосом поет Маха-мантру у себя в комнате. Делал ли он хоть когда-нибудь перерывы? Всякий раз, когда мне не спалось ночью, я тихонько пробирался к окну его комнаты. Один на один со своим возлюбленным Кришной, он повторял Его имена сутками напролет. Никто в ашраме не мог понять, когда он спит.

За исключением возгласа «Харе Кришна!», которым он ода-рил меня в больнице, я не слышал от Бабаджи ни слова. Поэтому я предположил, что он не знает английского. Однажды утром я встал поздно и совершал омовение у колодца. Я опустил ведро на веревке в колодец и, набрав воду, поднял его наверх. Присев на корточках на камень возле колодца, я зачерпывал воду латунной чашей и обливал себя. Внезапно я услышал голос: «Где ты был сегодня утром?»

Я огляделся в поисках источника голоса, но, кроме Кришнадаса Бабаджи, никого вокруг не обнаружил. Я продолжил умываться. Но снова раздались те же самые слова: «Так где ты был сегодня утром?» Я опять огляделся, но и теперь никого не увидел, кроме Бабаджи. В недоумении я посмотрел на него: может, он знает, кто это говорил?

Глядя мне прямо в глаза, он произнес по-английски: «Почему ты не отвечаешь на мой вопрос?»

«Но... Бабаджи... — пробормотал я, — мне и в голову не приходило, что Вы говорите по-английски».

«Это не ответ на мой вопрос. Я спрашиваю, где ты был сегодня утром».

С этого дня, хотя самыми важными его словами по-прежнему были «Харе Кришна», он говорил со мной на хорошем английском. Этот случай поразил меня. В семидесятых годах большинство индийцев, научившись выговаривать хотя бы одно английское слово — не важно, понимали они его смысл или нет, — с гордостью демонстрировали свои лингвистические способности всем, особенно

иностранцам. Однако Бабаджи Махарадж, бегло говоривший по-английски, не произнес ни слова на этом языке, пока он не понадобился ему, чтобы помочь мне. В нем не было ни тени тщеславия. Похоже, что именно поэтому он мог повторять святые имена непрерывно.

Раньше я был уверен, что настоящие искатели духовной истины должны заниматься безмолвной медитацией, а песни и танцы — удел людей сентиментальных, не обладающих глубокими философскими познаниями. Кришнадаас Бабаджи разрушил это заблуждение. У меня не было никаких оснований сомневаться в глубине его познаний и силе его отрешенности и любви. Он шел путем бхакти-йоги, путем бескорыстного служения Кришне. Было очевидно, что источником этой любви является его постоянное поворение святых имен Бога.

Все во Вриндаване любили Бабаджи. Во многих храмах его приглашали вести киртан, когда там отмечалось какое-либо торжество, и иногда он брал меня с собой. Как-то раз мы зашли в переполненный храм, где в этот момент пели сотни людей. Кришнадаас Бабаджи решил тихонько примоститься где-то сзади, радуясь тому, что может просто понаблюдать со стороны. Но, как только кто-то заметил его, киртан сразу прекратился. Гуру храма подошел к Бабаджи и надел ему на шею мридангу, после чего собравшиеся стали дружно просить его вести киртан. С первым же его ударом по мриданге сердца людей в толпе растаяли от благодарности. Наблюдая за этими проявлениями любви к Бабаджи, я понял смысл высказывания, что только тот, кто не жаждет признания, по-настоящему заслуживает его.

На *экадаши* — в день поста, который проводится дважды в месяц, — Кришнадаас Бабаджи обычно всю ночь, с заката до восхода, сидел под священным тамариндовым деревом, повторяя имена Кришны. Присоединившись к нему, я был поражен: этот старик не выказывал никаких признаков усталости, а мне, молодому, приходилось изо всех сил бороться со сном. Для Бабаджи, понял я, ночная медитация без еды и питья была не тяжелой повинностью, но естественным проявлением любви к Кришне.

Когда солнце начало вставать, Бабаджи вдруг воскликнул: «Пятьсот лет назад под этим деревом Господь Чайтанья явил Свою любовь миру!»

«Бабаджи, — попросил я, — расскажите мне, пожалуйста, о Господе Чайтанье».

Его глаза заблестели. Опыяненный многочасовой молитвой, он стал объяснять: «Господь Чайтанья — это Сам Кришна, Верховный Господь, который пятьсот лет назад пришел на Землю, чтобы распространить божественную любовь и сделать ее доступной для всех. Его явление было предсказано в священных писаниях за много веков до этого. Хотя Он — Сам Бог, Он играл роль бхакты, чтобы на собственном примере научить людей, как обрести любовь». Голос Бабаджи зазвучал торжественно: «Воплощение экстатической любви, Он проливал слезы сострадания ко всем живым существам. „В этот век вражды и лицемерия, — учил Он, — есть только одно лекарство, способное излечить наш духовный недуг, — повторение святых имен Бога“. Господь Чайтанья учил, что в разные времена Бог раскрывает нам множество Своих имен, и в каждое из этих имен Он вложил Свою силу. Любовь к Богу — это глубинная природа души, и она дремлет в каждом из нас. Но мы забыли об этой любви, а повторение имен Бога снова пробуждает ее в нашем сердце». Воздев руку, Бабаджи с убежденностью и необычайным воодушевлением воскликнул: «Господь Чайтанья не признавал никаких сектантских ограничений! Он дал всем и каждому равные возможности для духовного совершенствования!»

Его слова поразили меня своей простотой и непреложностью. Мне захотелось узнать больше.

«А как лучше всего повторять имена Бога?» — задал я вопрос.

От нахлынувших чувств на его глаза навернулись слезы, и он, прикрыв веки, продекламировал стих на санскрите, а затем объяснил его смысл: «Господь Чайтанья учил, что надо стать смиреннее травинки, терпеливее дерева, выказывать искреннее уважение другим и не ожидать никакого уважения в ответ. Только так можно повторять имена Бога непрерывно». Он пригнул рукой траву, которая росла там, где мы сидели. «Видишь эту траву? Она рада служить всем, занимая самое незавидное положение — у нас под ногами. Всякий раз, когда на нее наступают, она распрямляется, чтобы служить вновь. У нее нужно учиться смиренню». Он повернул голову к дереву позади нас. «Видишь

это дерево? Оно терпеливо сносит палящий летний зной, а само дает нам тень. Оно терпит лютей холод, снабжая нас дровами, чтобы мы согрелись, оно может простоять несколько месяцев без капли влаги, одновременно принося людям сочные плоды, чтобы они утоляли жажду, — и все это без единой жалобы! Нам надо учиться терпению у дерева. Господь Чайтанья хотел, чтобы мы стремились стать смиренными слугами слуги слуги Господа. Только в таком состоянии ума можно ощутить нектар святого имени».

Бабаджи поднялся на ноги, с беззаботным смехом потрепал меня по голове и побрел куда-то вдоль реки, а я остался сидеть, вглядываясь в глубокий, темный поток Ямуны. Все еще широкая после муссонных ливней, река неспешно несла свои воды через леса и поля Вриндавана. *Его слова — как драгоценные камни, — размышляя я, — и он так искренне следует в жизни всем этим заповедям, что его слова проникают в самое сердце.* В этот миг я почувствовал удивительный покой. У меня не осталось никаких сомнений в том, что я нахожусь там, где мне нужно быть.

Очувтившись на другом конце света, я понимал, как тревожатся за меня родители. Полтора года я провел в странствиях, а мои родные не могли даже написать мне, поскольку я не задерживался на одном месте достаточно долго, чтобы отправлять письма с обратным адресом. За все это время я не получил от них ни одной строчки. Но в своем последнем письме я рассказал им о Вриндаване и написал на конверте обратный адрес. Оставалось ждать ответа.

В один прекрасный день Асим Кришна вручил мне сразу три конверта. Предчувствуя, что я там прочту, я пошел на берег Ямуны. Первое письмо было от отца. Некоторые слова и даже целые фразы расплылись от слез. Я ощущал его боль, просто держа в руках этот лист бумаги. *Как я обошелся со своими родителями, посвятившими всю свою жизнь заботам обо мне?* Буквально в каждой строчке отец умолял меня вернуться домой. «Каждый день, — писал он, — я мучаюсь от вины и не нахожу себе места от беспокойства. День тянется для меня, как вечность. Что такого я сделал тебе, что ты отверг меня?» И дальше: «Как я могу жить, зная, что мой сын живет в пещерах и джунглях, совсем один и без денег?» Подпись под ним гласила: «Твой несчастный отец». Глядя на неспешное течение Ямуны, я почувствовал себя таким же несчастным, как мой отец. Я распечатал второй конверт — письмо от матери. Она засыпала меня кучей вопросов: «Почему ты так долго за границей? Разве ты еще не нашел то, что искал? Во что ты одет и как питаешься? Как себя чувствуешь?» Каждым словом она выражала свою любовь.

Третье письмо было от Ларри, моего младшего брата, с которым мы всегда дружили. Ларри всегда отличался честностью и прямодушием, поэтому я знал, что всё, сказанное им, — правда.

Он описывал нескончаемые беспокойства, которые по моей вине испытывала вся наша семья. О матери он писал: «Ты что, не понимаешь материнской любви? Мама просто сходит с ума. Она день и ночь боится, чтобы с тобой ничего не случилось». Затем он описывал состояние отца: «Отец сидит на глазах. Он сильно постарел с тех пор, как ты бросил нас. Целыми сутками он сидит, поглощенный своим горем, бессмысленно уставившись в стену. Вспоминает, что ты живешь один в пещерах и джунглях, и плачет. Ты хочешь убить собственного отца? Так ты понимаешь религию? Может, тебе и все равно, жив он или нет, но мы-то любим его. Если ты не вернешься, его смерть будет на твоей совести».

Сердце мое заныло, и я стал шепотом молиться, умоляя Провидение указать мне путь. Я вглядывался в тихие воды Ямуны, и вся моя жизнь промелькнула у меня перед глазами. Я горячо благодарил своих родных за их любовь и корил себя за то, что причинил им боль, однако неутомимое желание обрести божественную любовь затмевало в моем сердце все на свете. Я не рассчитывал, что они поймут меня. Я стал вспоминать истории о великих святых, которые посвящали себя Богу. Сердца их близких тоже были разбиты, что причиняло им самим нестерпимую боль, однако они стойко переносили все эти страдания. Услышав глас Господень, Авраам был готов принести в жертву любимого сына Исаака. Иисус, повинувшись судьбе, открывшейся ему в Гефсиманском саду, принял смертные муки распятия, а мать Мария безутешно оплакивала его у подножия креста. То же самое случилось и с его апостолами, которые оставили всё и пошли за своим учителем. Принц Сиддхартха Гаутама, услышав тот же внутренний голос, покинул плачущих родных и удалился в лесную чащу, чтобы пройти свой путь и стать Буддой. Когда внутренний голос позвал Шанкарачарью — величайшего проповедника Веданты, — он также ушел из дома, разбив сердце своей бедной матери. И Господь Чайтанья ради нашего спасения бросил Свою вдовую мать, которая до конца дней своих проливала потоки слез.

Эти святые и аватары — великие личности, а я кто такой? И все же я не мог сопротивляться этому голосу, тоске

по Божественному, снедавшей мое сердце. Весь день я провел на берегу Ямуны, молясь за свою семью и прося Бога направить меня.

На следующее утро во двореике храма я сел у стоп Бон Махараджа и показал ему письма. Пока он читал, на глаза ему наворачивались слезы. Он долго молчал, в задумчивости глядя куда-то вдаль. Потом посмотрел на меня и сказал: «Давным-давно, когда мне было примерно столько же лет, сколько тебе сейчас, я решил отречься от мира, что причинило невыносимую боль моим отцу с матерью. Это было серьезным испытанием. Разбитые сердца дорогих нам людей — такова порой цена, которую нужно заплатить за право обрести исключительную преданность Богу. Но пройдет время, и ты увидишь, что они поймут и оценят твой выбор. На самом деле они станут гордиться тобой. К тому же, знай, что для садху нет запрета видеться со своим отцом или матерью. Сделай то, что подскажет тебе твое сердце».

Отцу я написал такое письмо:

*Мой дорогой отец,
я получил твое последнее письмо от 14 сентября
1971 г., и сердце мое сжалось от боли. Послушай
мой ответ, но не ушами, а своим любящим
сердцем. То, во что человек верит, он должен
сделать самым священным в жизни и следовать
этому пути. Если человек не следует тому, во что
он действительно верит, то жизнь его будет
прожита зря. Я всем сердцем и всей душой верю, что
высшая цель жизни — посвятить себя единому Богу,
который с любовью руководит нами всеми. Мы
все — слуги одного и того же Господа. Я считаю, что
все ссоры и беды происходят только из-за того,
что люди забывают эту величайшую истину.
С незапамятных времен в этом мире не было
недостатка в политиках, предпринимателях и воинах,
но наряду с ними всегда были и те, кто шел путем
истины и вел духовную жизнь. Однако сегодня все
люди настолько поглощены удовлетворением своего
материального голода, что совсем забыли о Боге.*

Разве неправда, что самым благородным человеком считается тот, кто скромн, честен, добродетелен и почителен ко всем? Это и есть религиозная жизнь в ее самом подлинном смысле. Я верю, что именно такой жизнью я должен жить. Прошу тебя, поверь мне: все, чего я хочу, — это постараться вести жизнь, свободную ото зла. Для человека с моим характером занятия бизнесом превратят мою жизнь в пустую и безрадостную трату времени. Тот, кто подавляет свою внутреннюю природу, разрушает самого себя. Пока я еще окончательно не определился. Пожалуйста, прошу тебя — дай мне время, чтобы я убедился в правильности своих взглядов. И тогда мы обязательно встретимся вновь. Я буду писать вам. В Америке сейчас много родителей страдает от разлуки со своими сыновьями. Сын по два, а то и по четыре года служит в армии, и его могут в любой момент убить, только потому, что одни люди ненавидят других. Единственное, о чем я умоляю тебя, — поверить мне: то, чего ищущ, обернется благом для всех. Пусть Господь благословит тебя, мой дорогой отец, и покой осенит твое доброе сердце! Скоро я расскажу тебе о своих планах, очень скоро.

Ричард,
Вриндаван, Индия,
30 сентября 1971 г.

Матери я написал, чем питаюсь и какую одежду ношу. Также я заверил ее, что чувствую себя прекрасно, и объяснил ей свои поиски смысла жизни. Я благодарил ее за любовь и просил не волноваться обо мне.

Я знал, что они не поймут того, что движет мною. Мои наивные слова наверняка еще больше разбередят их сердца. Но я верил, что Бог знает мои помыслы и обязательно протянет им руку помощи.

Я лежал на крыше ашрама и глядел на вриндаванское небо, усыпанное звездами. Павлины протяжными криками переговаривались друг с другом, и ночные сторожа, охранявшие деревню, громко выкликали имена Бога. Но среди всех ночных звуков был один, к которому я прислушивался с особенным чувством: откуда-то издали на мягких волнах легкого ветра до меня доплывала мантра Харе Кришна, которую попеременно пели пожилые мужчина и женщина. Каждую ночь их голоса, усиленные динамиком, звучали над Вриндаваном от заката до рассвета. Все эти звуки — переключки сторожей, крики павлинов, пение пожилой пары — сливались в духовную симфонию, которая заставляла сладко сжиматься мое сердце. Вспомнился старый садху, начертивший кусочком мела слова на обломке грифельной доски. Неужели я действительно схожу с ума по Кришне здесь, в волшебном Вриндаване?

По традиции паломники обходят вокруг святых мест, таких как Вриндаван; это считается актом поклонения Богу. Однажды ночью я, повинуясь какой-то неведомой силе, спустился со своей крыши и отправился в путь по пыльной тропе вокруг Вриндавана. Лунный свет освещал дорогу, и я устремился по ней вдоль реки к лесу. Меня притягивали к себе далекие звуки. Я подошел ближе, и сердце мое забилось. Неужели это та самая мелодия, под которую я, очарованный, засыпал каждую ночь? Мне не терпелось узнать, откуда исходит этот звук. Чем ближе я подходил, тем громче и отчетливей звучала мантра. Да, это была та самая песня. Вскоре я очутился в древнем храме Ханумана, обезьяны, олицетворяющей экстатическую преданность Богу. На полу сидели мужчина и женщина лет семидесяти, одетые в ветхие белые одежды, по виду

простые крестьяне. Сидя с полуприкрытыми глазами, они были полностью поглощены пением. Было около часу ночи, и я, присев рядом, стал подпевать уже знакомую мелодию. Позже, прощаясь со мной, они пригласили меня завтра на обед.

На следующий день, в обеденный час, я, свернув с пыльной тропинки, входил в храм Ханумана. Что-то внутри меня подсказывало, что вот-вот должно произойти нечто очень важное. Не прошло и минуты, как ко мне подошел неизвестный индийский юноша лет двадцати пяти и сказал: «Тебя хочет видеть Махараджи, прямо сейчас».

«Меня? — удивился я, ткнув себя в грудь. — Но кто такой Махараджи, и откуда он меня знает?»

«О, ему известно о тебе всё!»

«Будь добр, расскажи, кто такой Махараджи».

«Только не сейчас. Махараджи ждет тебя. Мы поговорим позже».

Взяв меня за руку, он провел меня в залитый солнцем внутренний дворик храма, где на деревянном настиле, скрестив ноги, восседал круглолицый человек, закутанный в выпцветший клетчатый плед. Человек блаженно улыбался, и я подошел ближе. Его лицо, поросшее седой щетиной, светилось неземной радостью. Пронзительный взгляд его прищуренных глаз, казалось, проникал в самые потаенные уголки моей души. Это был Ним Кароли Баба. Когда я жил в Гималаях, мне не раз доводилось слышать о нем и его необычайных способностях. Ученики и последователи с любовью называли его «Махараджи».

Когда я вошел, он разговаривал на хинди с несколькими учениками-индусами, которые сидели полукругом подле него на земле. Увидев меня, он заразительно улыбнулся и приветственно кивнул. Подняв указательный палец, он заговорил со мной через переводчика: «В поисках истины ты отказался от богатств и беспечной жизни и, преодолев множество препятствий, пришел в Индию. А сейчас ты путешествуешь в одиночку и плачешь, взывая к Богу, в то время как далеко отсюда оставленная тобой семья плачет о тебе». Он жестом пригласил меня сесть вместе со всеми. «Ничего не бойся, — продолжал он таким серьезным тоном, что брови его сдвинулись, а губы сжались. — Радуйся всем трудностям. Кришна

услышал твои молитвы и привел тебя во Вриндаван. Просто повторяй имена Рамы и Кришны — так можно исполнить все свои желания». — «Однако, — он тряхнул головой, — люди предпочитают жить в аду, осуждая друг друга и сражаясь между собой. Никогда не суди других и не позволяй себе проявлять эгоизм».

Казалось, он знает обо мне всё и произносит как раз те самые слова, которые мне необходимо услышать. Я не знал, что делать, — удивляться или восхищаться. «Но почти весь мир попался в эту ловушку, как же мне этого избежать?» — спросил я.

Подмигнув, он улыбнулся: «Люби всех, служи всем и корми всех. Служи, как Хануман, — без эгоизма и жадности. Это ключ к познанию Бога».

Дурачась, как ребенок, он поднес руку ко рту, изображая, будто ест, и пригласил нас отведать освященной пищи.

Мы проследовали в специальный зал для принятия прасада, и я напомнил своему провожатому, что мне не терпится услышать обещанный рассказ о его гуру. Он начал говорить: «Родом я из гималайской деревни по соседству с Нандиталом. С самого детства я любил Махараджи». Мы сели рядами на полу. Разносчик поставил перед нами тарелки из листьев и черпаками стал накладывать в них одно за другим замечательные блюда. Мой провожатый был одет в застегнутую на пуговицы до самого низа белую рубашку и такого же цвета штаны. Его черные, вьющиеся волосы были аккуратно расчесаны и умащены маслом. Прочитав короткую молитву, он стал рассказывать о своем учителе: «Наш Махараджи — *сиддха-пуруша*, человек, достигший совершенства. Мне лично доводилось быть свидетелем того, что ему ведомы прошлое, настоящее и будущее. Он всегда знает, где я нахожусь и чем занят». Он отхлебнул из глиняной чашки *ласси*, прохладительного напитка из йогурта.

«Я расскажу тебе кое-что еще, — добавил он. — Махараджи может находиться сразу в двух разных местах. Это было документально зафиксировано. Мы знаем, что он может неожиданно появиться или в любой момент исчезнуть. Он непредсказуем. Он то появляется, то исчезает; то отчитывает человека, то вдруг хвалит; то говорит загадками, то изрекает мудрые слова; одному он приказывает отречься от мира, а другому, наоборот, — жениться. Но одно мы знаем наверняка: он всегда выявляет в каждом из нас

самое лучшее и делает нас ближе к Богу». Он с гордостью улыбнулся: «Ним Кароли Баба, хоть и серьезный йог, иногда начинает по-детски шалить. Совсем как Хануман».

Мне положили горячую халаву — сладкое блюдо из манки, обжаренной сначала в сливочном масле, а затем доведенной до готовности в сладком сиропе. Зала наполнилась восхитительными ароматами. Пока мы ели халаву, в дверном проеме появился Ним Кароли Баба. Увидев, с каким наслаждением мы обедаем, он расплылся в улыбке. Его радостное настроение тут же передалось и мне. Было ясно, что он сам олицетворяет все то, чему учит: «Любите всех, служите всем и кормите всех». Совсем как Хануман.

На следующий день, когда я опять пришел туда, Махараджи снова сидел в окружении нескольких учеников. Кто-то вслух читал историю о Ханумане и его преданности Раме из Рамаяны. Погруженный в слушание, Ним Кароли Баба дрожал, и из глаз его текли слезы. В течение нескольких следующих недель я ежедневно проводил примерно час у стоп Махараджи. Все время, пока я был там, он не читал лекций, а просто непринужденно разговаривал на разные темы со своими учениками или пел киртаны. Меня восхищала его манера отвечать на вопросы — лаконично, но очень емко и мудро: «Просто служите всем созданиям Бога со смирением, уважением и любовью». Или: «Просто пойте имя Рамы, всё остальное приложится». Однажды он повернулся ко мне и заглянул в глаза так, как будто хотел доискаться до моей души. Потом, воздев палец, воскликнул: «Эк*, эк, эк! Бог — один».

Я не подозревал, что западные люди знают о Ним Кароли Бабе, пока не увидел в его ашраме человека, которого знали все мои сверстники — Бабу Рам Дасса. Как-то раз, когда я по обыкновению сидел у стоп Махараджи, двери ашрама распахнулись и на пороге появился Рам Дасс в сопровождении небольшой группы американцев и европейцев. Этот кумир и знаковая фигура молодежной культуры 1960-х, ранее — одиозный профессор Гарвардского университета Ричард Альперт, вместе с Тимоти Лири популяризировал в свое время ЛСД как средство расширения сознания.

* Эк (хинди) — «один».

Зайдя в помещение, Рам Дасс кротко уткнулся седеющей головой в колени гуру, словно маленький ребенок. А учитель в приливе любви стал дергать Рам Дасса за седую бороду и ласково трепать по голове, как щенка. Смеясь, Махараджи произнес: «Мы тебя ждали». Я наслаждался этим зрелищем: знаменитый профессор из Гарварда и кумир молодежи блаженствовал от того, что с ним обращались, как с маленьким шаловливым мальчиком. Махараджи сиял, одаривая всех своей улыбкой, а затем махнул рукой и воскликнул: «Джао*, прасадам! Идите, пообедайте!» Было похоже, что Махараджи каким-то мистическим образом знал об их необъявленном приезде, ибо в тот день повара приготовили удивительный пир на большее, чем обычно, количество человек.

Я с удовольствием показывал Рам Дассу и его друзьям святыне места Вриндавана. В один из дней мы попали на киртан и проповедь Анандамои Ма, у которой был свой ашрам во Вриндаване. Она помнила меня по нашей встрече в Гималаях и, выступая перед большой аудиторией, взглянула на меня и кивнула, как бы одобряя путь, избранный мною: «Всегда старайтесь удерживать поток святого имени. Повторять Его имя — значит находиться рядом с Ним. Если вы будете общаться с Высшим Другом, Он раскроет вам Свою истинную красоту». Когда программа закончилась, мы с Рам Дассом разговорились на духовные темы. Но наступил вечер, и он пригласил меня на следующий день к себе в номер, чтобы продолжить нашу беседу.

Рано утром я прибыл в «Джайпур Дхарамшалу», небольшую гостиницу, расположенную в шумном переулке посреди базара. По обе стороны стояли лавки с одеждой и снедью. Велорикши пронзительно сигналили, чтобы заставить расступиться толпу пешеходов. Рам Дасс открыл дверь, и полоска утреннего солнца осветила его радушное лицо. Я кинул взгляд на комнату за его спиной: она больше походила на скромное жилище садху, чем на номер знаменитого профессора. Он любезно усадил меня на единственный предмет мебели в комнате — деревянную кровать, а сам сел рядом, скрестив ноги и расправив складки своего белого одеяния. Мы сидели друг напротив друга. Его седые волосы ниспадали с лысеющей

* Джао (хинди) — «ступайте».

головы на спину и плечи, и ветерок из окна слегка ерошил его рыжеватую бороду. Большие синие глаза его сияли, а легкие морщинки в уголках глаз обозначались резче, когда он улыбался. Не произнося ни слова, мы просто молча вглядывались через глаза в сердце друг другу. Эти мгновения казались бесконечными. Долгий и пристальный взгляд, которым мы смотрели друг на друга, каким-то образом стал менять мое видение: Рам Дасс казался мне то невинным ребенком, то древним аскетом-мудрецом.

Я вспомнил стих из Бхагавад-гиты: «Воплотившаяся в теле вечная душа постепенно меняет тело ребенка на тело юноши, а затем — на тело старика. Точно так же после смерти душа переходит в другое тело. Того, кто постиг себя, такие перемены не могут вывести из равновесия». Неземной покой наполнил комнату. Прошло не менее получаса, прежде чем Рам Дасс сделал глубокий вдох, слегка поведя плечами, и нарушил молчание возгласом: «Ом!»

«Не могли бы Вы рассказать о своем духовном пути?» — спросил я. Мне хотелось узнать, каким образом он попал в Индию и как встретил своего гуру.

Рам Дасс облокотился о деревянную спинку кровати, готовясь к рассказу. «Несколько лет назад, — начал он, — я приехал в Индию. У меня был с собой запас АСД, и я надеялся найти здесь кого-нибудь, кто понимал бы в этих штуках больше, чем мы на Западе. Во время путешествия я встретился с американским садху — Бхагаваном Дассом, который направил меня к Ним Кароли Бабé. Это было в 1967 году. Я тогда оплакивал смерть своей матери. Махараджи проник мне прямо в сердце и с ангельским состраданием утешил меня. Я не успел произнести ни слова о себе, но он сам читал в моем сердце и рассказывал мне сокровенные тайны моего прошлого. Его невероятные способности вкупе с любовью, мудростью и чувством юмора преобразили мою жизнь».

«Да, я тоже испытал нечто подобное, когда впервые встретился с ним, — сказал я. — Кажется, будто он знает обо мне всё».

Рам Дасс улыбнулся: «Как-то раз Махараджи спросил меня: „Где лекарство?“ Я не понял, о чем он, но Бхагаван Дасс предположил, что Махараджи спрашивает про АСД. Заинтригованный, я протянул ему три таблетки чистого АСД, и он, к моему удивлению, тут же проглотил их все.

Я приготовился записывать медицинские показатели его реакции на ЛСД, но ничего не произошло — ровным счетом ничего. Его сознание оказалось выше ЛСД!»

Я, собственными глазами видевший невероятные способности гималайских йогов, засмеялся, удивляясь и радуясь вместе с ним.

Рам Дасс сидел со скрещенными ногами, выпрямив спину. Ладони его покоились на коленях. «Я не мог расстаться с Махараджи и жил с ним, пока была возможность. Приняв меня в ученики, он дал мне имя Рам Дасс, что означает „слуга Господа Рамы“. Я провел несколько месяцев в его необычном обществе. Зная, какое влияние я имею в Америке, Махараджи запретил мне приводить к нему новых людей». Рам Дасс покачал головой, как бы сам не веря в то, что такое может быть: «У него нет ни малейшего желания обладать чем-либо материальным: ему не нужны ни деньги, ни слава, ни последователи. Я никогда не встречал таких людей». Его вновь захлестнула волна любви к гуру, и он продолжал дрожащим голосом: «Когда я сижу рядом с Махараджи, мне кажется, что я люблю всех и каждого в этом мире».

В том же 1971 году Рам Дасс опубликовал свою знаменитую книгу «Будь здесь и сейчас».

Чем больше мы делились друг с другом своим опытом, пониманием и вдохновением, обретенными в своих духовных поисках, тем сильнее и крепче становилось возникшее между нами чувство братства. В беседе незаметно прошел день. Перед тем как расстаться, я поделился с ним своим опасением, которое не давало мне покоя: «Мать-Индия стала моим духовным домом. И мне еще нужно многое понять и узнать. Но, боюсь, мне не продлят визу, и я вынужден буду уехать отсюда».

Рам Дасс прикрыл глаза и погрузился в задумчивость. Несмотря на шум и суматоху, которые доносились с оживленной улицы, в комнате царил ничем не нарушаемый покой. Я тоже закрыл глаза и умиротворенно предался медитации. Прошло пять минут. Я открыл глаза: Рам Дасс смотрел на меня с теплой улыбкой. Затем он мягко произнес: «Возможно, тебе и придется покинуть географические границы Индии. Но ты никогда не должен покидать Бхарату — духовную Индию в своем сердце».

Вскоре я вновь слег с дизентерией — самым распространенным заболеванием среди иностранцев в Индии. Слабость, тошнота и многократные рейды в уборную стали частью моей повседневной жизни. Не знаю, чем бы это все закончилось, если бы не самоотверженная забота моего друга Асима. Он часто говорил мне, словно оправдывая свою помощь: «Бхакти — это служение с любовью и преданностью». Я лежал на полу у себя в комнате, а Асим приносил мне вареный рис, йогурт и шелуху семян подорожника*. Каждый раз, навещая меня, он с любовью рассказывал о Кришне и Вриндаване. Таким образом, моя болезнь только укрепила нашу дружбу.

Как-то рано утром я понял, что выздоровел, и Асим пригласил меня на прогулку по деревням, расположенным в окрестностях Вриндавана. Он рассказал, что округа Вриндавана называется Враджем и что Кришна проводил Свои игры в разных местах Враджа. Территория Враджа простирается на многие десятки километров вокруг Вриндавана и Матхуры. Здесь, посреди полей, лесов и деревень, стоит пять тысяч храмов Кришны. Некоторые из них — самые знаменитые во всей Индии, тогда как о других знают только местные жители. «Ты поразишься, когда увидишь, какую искреннюю любовь враджабаси питают к Кришне, — его синие глаза расширились от восторга. — Ну что, идем?»

Уже через несколько минут мы с ним тряслись и подпрыгивали на ухабах в выдавшем виды автобусе. По обе стороны дороги насколько хватало глаз тянулись поля спелой пшеницы и ярко-желтые поля горчицы, колышущейся под ветром. Время от времени автобус останавливался, чтобы подобрать нищих крестьян, стоявших

* Псиллиум (Plantago Psyllium), распространенное в Индии средство от дизентерии.

на обочине и махавших водителю рукой. Одежда у крестьян была рваной, у некоторых на глазах белела катаракта; можно было видеть людей с болезнями кожи или инфекционными заболеваниями. Но все они были счастливы. В автобусе они начинали петь песни про Кришну, хлопая в ладоши и пританцовывая. Старухи с глубокими морщинами на темных загрубевших лицах вскакивали со своих мест, воздевали руки и пускались в пляс, не забывая при этом стыдливо прикрывать головы дырявыми сари. Своей непосредственностью и восторженностью они больше напоминали детей, чем умудренных жизнью стариков.

В деревнях враджабаси, несмотря на свою бедность, светились улыбками и приветствовали друг друга словами «Джая Радхе!» — обращаясь к Радхе, сострадательной женской природе Кришны. Для них Бог был не только Верховным Творцом, но и близким родственником, живущим по соседству в одной с ними деревне. Женщины набирали воду из колодцев в круглые глиняные горшки и несли их, поставив себе на голову. Проходя мимо, они с улыбкой смотрели на меня и восклицали: «Радхе, Радхе!» Из их глиняных печей по воздуху разливался терпкий запах сухих коровьих лепешек, служивших топливом. Деревенские мужчины с бритыми головами (они брили их каждый месяц в знак своей преданности Богу) занимались тем, что пасли коров, пахали поля на волах или продавали свой товар, сидя на корточках вдоль пыльных деревенских улиц. Худые ребятишки, сверкая глазами, играли с мячом или вертели палками. И все вокруг — мужчины, женщины и дети — улыбались мне и кричали «Радхе, Радхе!» Я наблюдал, как сотни деревенских жителей шли в храмы, неся свои подарки Кришне — молоко, масло или сладости. В храмах кто-то молился, кто-то пел или танцевал, чтобы доставить удовольствие своему Господу. Проходя через этот новый для меня мир, я думал: *Эти люди вспоминают о религии не только по воскресеньям или праздникам; религия, ставшая их естеством, пронизывает все стороны их жизни.*

Однажды днем мы с Асимом отдыхали на холме возле храма Мадана-Мохана. Внизу перед нами текла Ямуна, мы сидели на траве и вокруг нас медитативно гудели черные пчелы. Вытянув ноги и откинувшись на стену из красного камня, окружавшую храм, я задал Асиму вопрос, который давно мучал меня. «Асим, — обратился

я к нему, — мог бы ты объяснить мне смысл поклонения божеству в храме?» Я рассказал ему, что во время своих странствий по Индии видел, как практически все в этой стране поклонялись изваяниям Бога. Йоги и шиваиты почитали Шива-лингам или статуи Господа Шивы, буддисты проводили сложные обряды перед изображением Господа Будды. «На Западе это считается идолопоклонством, — сказал я, — хотя сами христиане молятся статуям или иконам и поклоняются Святому Распятию». Я рассказал ему, как в Италии, в Ассизи, мне довелось посетить церковь святого Дамиана, где Иисус с деревянного распятия на алтаре воззвал к Франциску: «Иди и восстанови мою Церковь». Я сказал: «Евреи поклоняются Торе, а мусульмане, которые тоже осуждают идолопоклонство, по многу раз кланяются Каабе в Святой Мекке». Я понимал, что разные традиции по-разному объясняют смысл этих форм поклонения, но также понимал общую идею: помочь человеку сосредоточиться на образе или звуке, которые соединяют его сознание с Богом. Мне было очень интересно узнать, что думает Асим по поводу поклонения Кришне.

В этот момент мимо прошел Кришнадас Бабаджи и, по своему обыкновению, громко поприветствовал нас: «Харе Кришна!» Мы же радостно поклонились, отвечая на его приветствие.

Хотя вопрос исходил от меня, по молчанию Асима я понял, что он хочет, чтобы я сам пришел к какому-то выводу. «Знаешь, — продолжал я, — видя, с какой невероятной преданностью такие святые, как Кришнадас Бабаджи, поклоняются изваянию божества, я не могу отнести это к идолопоклонству. У меня язык не поворачивается назвать таких высокодуховных людей идолопоклонниками. Очевидно, что, поклоняясь изваянию, они испытывают любовь к Богу. Разве не сказал Иисус, что судить о дереве нужно по его плодам?»

Асим ободряюще улыбнулся, словно старший брат, а затем, чуть наклонившись вперед, попросил продолжать.

Я признался ему, что вначале обряды поклонения божествам несколько оттолкнули меня. Они показались мне странным суеверием. «Но, проведя много времени среди святых людей, которые через общение с божеством общались с единым Богом, я оценил красоту этой формы поклонения. Теперь мне хотелось бы понять

философское обоснование поклонения божествам, которое приводится в писаниях. Можешь мне помочь?»

Асим пересел ближе к кустам туласи, в глубокой задумчивости потер подбородок и, прежде чем ответить, какое-то время молчал. «На самом деле я не очень компетентен, чтобы объяснять такие вещи, но я перескажу тебе то, что услышал от гуру и прочел в ведических писаниях». Пчелы вокруг собирали нектар, перелетая с цветка на цветок, и я приготовился так же насладиться нектаром его слов. «Бог безграничен и независим, — начал Асим. — Отрицать Его способность явить Себя в форме божества — значит пытаться ограничивать Его безграничность. Веды тоже осуждают поклонение идолам. Исторически сложилось так, что и на Востоке, и на Западе существовали люди, которые начинали суеверно поклоняться каким-то придуманным ими самими образом, не имея ясных представлений о едином Боге. Зачастую они руководствовались при этом корыстными или недобрыми побуждениями. Именно это называется идолопоклонством, которое осуждается повсюду. Во времена Библии и Корана поклонение идолам было широко распространено среди безбожников. Но оно не имеет ничего общего с поклонением божествам, описанном в Ведах. Согласно Ведам, поклонение божеству — это наука. В ходе особых обрядов, проводимых вайшнавами, Господь соглашается проявить Себя в изваянии, сделанном в соответствии со строгими правилами. В этом образе Он принимает наше служение и помогает нам помнить о Нем, благодаря чему очищаются наше тело, ум и речь. Суть такого поклонения в том, чтобы доставить Господу удовольствие своей преданностью и любовью».

Бабочка с разноцветными крыльями — пурпурными, красными и желтыми — села Асиму на ногу. Он замер, любуясь ее красотой. «Взгляни, — сказал он голосом, слегка дрожавшим от переполнявших его чувств, — мироздание — это большой выставочный зал с шедеврами на каждом шагу. Как же мне хочется увидеть самого художника! Все исходит из Господа. Материальные элементы — это тоже энергия Бога. По Своей воле Бог может проявить Себя в Своей же собственной энергии, в образе божества, чтобы помочь нам сосредоточить ум и чувства на служении Ему. Как электричество проявляет себя в горящей лампочке, чтобы

излучать свет, так и Бог может проявить Себя в изваянии, войдя в него. Электричество само по себе невозможно увидеть, но, когда электроэнергия входит в лампочку, все видят свет. Подобно этому, Господь может проявить Себя в виде божества, чтобы помочь нам увидеть и почувствовать Его и чтобы ответить на нашу любовь». Улыбнувшись, Асим спросил, понятно ли он объясняет.

Я кивнул, ощущая, как в сердце разливается покой.

В тот год дожди щедро поливали землю Враджа, и все леса и пастбища Вриндавана покрылись пышной зеленью. Наступила осень, и ночи стали холоднее, хотя днем по-прежнему было тепло. Предвкушая что-то необычное, я наблюдал, как жители Вриндавана готовились к одному из самых любимых своих праздников. Те, кто идет путем бхакти, празднуют любовь Бога, отвечая на нее радостью своей собственной любви к Нему. Поэтому все праздники бхакт отличаются спонтанностью. Куда бы я ни заходил, люди с нетерпением ожидали полнолуния. В священном Шримад-Бхагаватам сказано, что в эту ночь Господь Кришна проводил танец *Раса*. Танец Раса, одно из самых глубоких проявлений духовной любви, на протяжении веков вдохновлял индийских художников, поэтов и драматургов. Во время подготовки к празднику весь Вриндаван гудел, охваченный радостным возбуждением. Толпы людей на рынках раскупали украшения для своих храмов, новые убрания для божеств и съестные припасы для праздничного пира. В ночь полнолуния все пять тысяч храмов в округе были готовы к празднованию. Перед самым заходом солнца несколько учеников собрались вокруг Бон Махараджа во внутреннем дворике храма, чтобы послушать, как он объясняет смысл танца Раса.

«Этот танец не имеет ничего общего с мирскими танцами, в которых люди стремятся удовлетворить собственные материальные чувства, — говорил Бон Махарадж. — Хотя внешне гопи — простые пастушки, они олицетворяют собой высочайшую любовь души к Богу, ибо удовольствие Господа — их единственное устремление. Этот танец отражает самую совершенную близость, какая только возможна между душой и Богом, — близость, свободную от малейшего намека на эгоистическое желание, но исполненную высочайшего блаженства. Этой ночью, когда Кришна зазывает гопи

сладостными звуками Своей флейты, гопи бросают все свои дела и, не обращая внимания на опасности, с риском быть изгнанными из общества, кидаются в лес, чтобы просто порадовать Господа. Когда они предстали перед Верховным Господом Кришной, Он признался, что никогда не сможет отплатить им за их чистую преданность, даже если будет делать это до скончания времен. Отвечая на их любовь, Он распространил Себя во множество форм и на протяжении всей этой бесконечно-блаженной ночи танцевал с каждой из гопи, которые пришли к Господу в своих вечных, духовных телах». Бон Махарадж повернулся в сторону заходящего солнца, и глаза его поймали отблеск розового луча заката. «Через несколько минут мы начнем празднование, молясь, чтобы когда-нибудь мы тоже смогли последовать примеру гопи».

Посреди сада тудаси ученики Бон Махараджа целый день сооружали трон из множества переплетенных вместе крошечных ароматных цветков. Теперь, когда подошло время праздника, ученики торжественно перенесли божества с алтаря на трон, под которым уже стояли подносы со сладостями и выпечкой. Полная золотая луна поднималась на востоке. Во Вриндаване луна на распурному считается самой красивой луной в году. Бхакты приветствуют ее появление песнями, написанными специально в честь этого праздника. Луна поднималась все выше и выше и своим золотым сиянием освещала все вокруг. Кришнадад Бабаджи пел киртан, погруженный в свои чувства, а остальные в блаженстве вторили ему.

Присоединившись к ним, я сосредоточил ум на чарующих образах Радхи и Кришны в залитом лунным светом цветущем лесу Вриндавана. Когда луна поднялась еще выше, ее серебристые лучи легли на каждый листочек и цветок. Казалось, вся мать-Земля залита лунным светом. Омытые нежным жемчужным сиянием луны, божества, деревья вокруг и мы, поклонявшиеся Богу, сами, казалось, светились неземным светом. Так мы пели почти до самого утра, чтобы доставить удовольствие Господу.

Как глубоко тронул мое сердце Вриндаван! В сладкие мгновения, подобные этим, я размышлял о том, что безоговорочная любовь к Богу — это высочайший духовный опыт, превосходящий любые мистические силы, позволяющие творить чудеса.

Даже освобождение, приносящее избавление от всех страданий и тревог, не идет ни в какое сравнение с этим опытом. В духовной любви, подобной любви гопи, бхакта полностью отдает себя Господу и благодаря этому испытывает на себе всю сладость любви Бога.

В одну из таких же лунных ночей, в час, когда ночные птицы пели в храмовом саду, Свами Бон Махарадж, сидя на своем деревянном стуле, вдруг внимательно посмотрел на меня: «Я хорошо изучил тебя, Ричард, — он сделал паузу, чтобы я подготовился к тому, что услышу дальше. — Этой ночью я хочу дать тебе посвящение, принять тебя в ученики». Он показал мне четки, вырезанные из туласи: «Я освятил их для тебя. Готов ли ты принять посвящение?»

Порыв прохладного ветерка пронесся по двору. Мой ум заметался, охваченный одновременно благодарностью и болью. Махарадж оказывает мне величайшую честь, лично предлагая стать его учеником! Но принять его предложение без достаточной уверенности в том, что никогда не разочарую его, я никак не мог. «Я так многим обязан Вам, — ответил я дрогнувшим голосом, — за всю ту мидость, которую Вы так щедро пролили на меня. Но я поклялся не принимать ни от кого посвящения, пока не буду до конца уверен, что останусь верным своему гуру на всю жизнь. Я считаю, что с моей стороны было бы крайне непочтительно по отношению к Вашему Святейшеству принять на себя такое обязательство, не имея подобающей искренности».

Глаза Бон Махараджа наполнились слезами. Он ласково потрепал меня по голове и сказал: «Мне нравится твоя искренность. Я не буду тебя уговаривать. Ты должен следовать велению своего сердца. Но все обитатели ашрама хотели бы называть тебя духовным именем, поэтому, если ты не возражаешь, я все же дам тебе имя. Это будет не имя посвященного ученика, а просто ласковое прозвище. Ты можешь носить его, пока не решишь принять посвящение». Я согласно кивнул. «Мы будем звать тебя Ратхин-Кришнадас. Ратхин-Кришна означает „Кришна, возникший Арджуны“, а дас указывает на то, что ты — Его слуга».

В благодарности я склонился перед ним.

«Но есть одна проблема, — он чуть прикрыл глаза, — все жалуются на твои длинные, свалывшиеся волосы. Может быть, ты все же побреешь голову, как все остальные обитатели ашрама?»

Я взмолился: «Для меня побрить голову означает предаться наставнику. И пока я не приму такое решение, я не хочу делать это формально!»

«Ну тогда, по крайней мере, постриги их покороче. Гостям нашего ашрама не нравится твоя прическа».

«Если Вы этого хотите, Махарадж, я постригусь покороче», — мое желание угодить ему пересилило все иные соображения.

Той же ночью, из любопытства, я глянул на себя в зеркало. Очень давно я не видел своего отражения и не держал в руках расчески. Да, он был прав: мои свисавшие до середины спины космы основательно свалылись. На следующее утро Бон Махарадж велел Асиму: «Отведи нашего Ратхин-Кришнадаса к цирюльнику».

Всю дорогу, пока Асим вел меня в парикмахерскую, он прыскал со смеху. Парикмахерская оказалась покосившейся и прогнившей деревянной будкой, в которой едва могли уместиться четыре человека. Я сел на массивный деревянный стул, и парикмахер, вытаращив глаза, уставился на мои космы. Парикмахер — тощий маленький человек лет пятидесяти — был одет в кусок выцветшей хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг пояса и едва достававший ему до коленей. «Как же стричь такие волосы?» — пробормотал он. Он взял одни ножницы, другие — но ничто не брало мою гриву. Наконец, он созвал других парикмахеров из соседних лавок на совещание. Они стали охать и вслед за своим коллегой повторять: «Как стричь такие волосы?» После долгих дебатов консилиум принял решение позвать садовника.

Прибыл садовник — крупный, мускулистый человек с густыми черными усами, в свободной, запачканной землей и пропитанной потом хлопчатобумажной одежде. Несколько минут он, цокая языком, осматривал мою голову, а затем удалился в свою кладовую за нужным инструментом. Возвратился он с гигантским ржавым секатором для обрезания веток. Стрижка моих волос становилась все более сложным проектом, и садовник добровольно взял на себя функции главного распорядителя. Размахивая мясистым пальцем с черной грязью под давно не стриженным ногтем,

он отдавал приказы. «Держи его волосы и тяни их назад, — говорил он своему помощнику. — Да сильнее тяни, еще! Так, а теперь держи крепче». Подозвав какого-то прохожего, он распорядился: «А ты держи этого садху на стуле, чтобы он не двигался». Затем он приказал парикмахеру: «Возьмись за нижнюю рукоятку обеими руками и поддавай вверх. А я буду давить на верхнюю рукоятку». С полной серьезностью эти четверо заняли каждый свою стратегическую позицию, и работа пошла. Садовник и парикмахер кричали, рычали и потели, всем телом налегая на секатор с обеих сторон. Толпа зевак наблюдала за происходящим. Еще несколько человек стали помогать, каждый из них всем своим весом налегая на ручки секатора. Я понимал, что мне придется носить на голове то, что получится, когда лезвия секатора сойдутся вместе. Второй попытки явно не будет.

Вся команда кричала и обливалась потом, пытаясь прорваться сквозь чашу моих волос. Но вот я начал чувствовать, как понемногу лезвия секатора вгрызаются в мои космы и как волосы прядями падают с моей головы. Все это время мой друг Асим хохотал, держась за живот, так что слезы выступили у него на глазах.

После долгих минут упорной борьбы лезвия секатора наконец сомкнулись. Получилось! На полу, словно мусор, валялись мои драгоценные волосы. Когда-то они символизировали мой протест против войны, расовых предрассудков и фальши общества. А сейчас парикмахеры бесцеремонно попирали своими башмаками все мои идеалы и святыни. То немногое, что еще оставалось на моей голове, теперь чуть прикрывало шею. Едва ли кто-то другой за всю историю человечества мог похвастаться такой же «стильной» стрижкой. Но дело было сделано. Садовник с парикмахером горделиво поднесли мне зеркало. «Все готово. Взгляните, пожалуйста. Вам нравится?» Сложил ладони, я поблагодарил их, но в зеркало предпочел не смотреться.

По возвращении нас ждал сюрприз: в ашраме сидели два интересных американца. С одним из них, Дэвидом, мы тут же нашли общий язык. Искренний и умный парень, он до недавнего времени был личным секретарем и другом Алана Уоттса, известного писателя, в книгах которого переплетались восточный мистицизм

и западная логика. Дэвид, как и Асим, говорил сердцем и любил слушать других. Часами мы беседовали с ним о смысле жизни.

В один из дней в ашрам из Восточной Бенгалии прибыло пять старших учеников Бон Махараджа. Возглавлял группу некий Джаганнатх, высокий, ухоженный мужчина с уверенной походкой. У себя в городе он был одновременно директором школы и главой городской управы, однако, несмотря на свой высокий пост, он вел себя очень скромно и почтительно. Хотя по возрасту он был старше моего отца, мы быстро сдружились. Как-то утром Джаганнатх со своими спутниками увидели в руках Дэвида фотокамеру. «Сэр, пожалуйста, сфотографируйте нас вместе», — попросил один из них, и они встали на фоне храма, готовые к съемке.

Дэвид обернулся ко мне и прошептал: «Тут последний кадр. У меня больше нет пленки. Я берегу этот кадр для чего-нибудь особенного. Что делать? Они уже позируют». Мы решили притвориться, будто фотографируем, сымитировав щелчок затвора. Затем, как ни в чем не бывало, мы разошлись по своим делам.

На следующий день я с удивлением увидел, как Джаганнатх стоит в стороне и молча плачет. Я подошел к его другу: «Что так расстроило нашего Джаганнатха?»

Он обжег меня взглядом: «Твой поступок».

«А что я такого сделал?» — ответил я, не зная, что и думать.

«Вчера, когда мы позировали, ты притворился, что фотографируешь нас. Это называется двуличием. Не стыдно так нас оскорблять?»

Я бросился к Джаганнатху просить прощения, но он ничего не ответил. На следующий день я опять стал умолять его простить мою глупость. Он посмотрел мне в глаза долгим грустным взглядом: «Ты служишь Кришне, — сказал он. — Как можешь ты столь неуважительно относиться к другому человеку? Разве ты не знаешь, что Господь Чайтанья учил нас быть кротким и смиренным, как травинка, и оказывать почтение другим? Двуличие — ужасная болезнь». На его глазах выступили слезы, и он отвернулся. Глядя вверх, он продолжал: «Я доверял тебе как вайшнав, но ты обманул мои ожидания. Потому я и плачу. Я плачу по тебе, друг мой, потому что ты знаешь так мало. Настоящий вайшнав никогда не поступает с другими так подло».

Он обнял меня, а затем ушел.

Кляня себя за вероломство, я побрел к реке, стараясь разобратся в том, что произошло.

Среди обычных людей подобная мелочь осталась бы незамеченной. Но у вайшнавов превьшие всего ценятся честность и мягкое сердце. Не так-то просто освоить культуру преданности, но благодаря ей поле нашего сердца становится плодородным, и семя настоящей любви дает на нем свои всходы.

Более двух месяцев я провел в приятном обществе Асима, Кришнадаса Бабаджи и Бон Махараджа. Бон Махарадж больше не заводил разговора о посвящении, однако в ашраме жил один монах, которого сильно задел мой отказ принять посвящение у гуру. Однажды он позвал меня в свою комнату и с нескрываемым выражением презрения на лице стал отчитывать меня. «Только взгляни на себя! — бранил он меня. — Ты оставил материальную жизнь ради жизни отшельника. Но до тех пор, пока ты не принял посвящения у гуру, у тебя не может быть никакой духовной жизни». Он прищурился, и голос его задрожал: «Знаешь, что случается с теми, кто умирает, не прожив ни материальной, ни духовной жизни?» Я молча глядел на него.

«Знаешь?!»

«Нет», — робко ответил я.

Он взвился со своего места и ткнул мне пальцем в лицо: «Такой человек становится привидением! Я о тебе говорю. Ты живешь, как привидение. Если ты вдруг умрешь, то будешь страдать тысячи лет, блуждая как привидение!» Он уставился на меня. «Почему ты считаешь милость нашего гуру дешевкой? Ты должен либо стать его учеником, либо убраться отсюда!»

Я опустил глаза в пол и грустно сказал: «Простите. Я уйду». Вернувшись к себе, я собрал свою полотняную сумку, взял в руки чашку для сбора подаяния и зашагал к воротам. На выходе я заметил сидящего во внутреннем дворике Бон Махараджа. Я подошел к нему, припал к его стопам и попросил благословить на дорогу.

Он удивленно посмотрел на меня:

«Ты уходишь от нас? Почему?»

«Махарадж, я не хочу оскорблять Вас своим присутствием», — и я вкратце пересказал только что услышанную проповедь.

На его лице отразилось негодование: «Кто сказал тебе такую ерунду?» Я назвал имя.

Тогда Бон Махарадж с нежностью любящего отца произнес следующее: «Я никогда не думал о тебе так. Ты искренний бхакта. Я люблю тебя, как своего сына. Ты не оскорбил меня. Наоборот, ты радовал меня все это время. Оставайся здесь, сколько пожелаешь. И, будь уверен, впредь никто не станет оказывать на тебя никакого давления».

Я был признателен Бон Махараджу за его доброту. Но все же это происшествие навело меня на мысль, что пора двигаться дальше. Я не хотел огорчать учеников Махараджа. В конце концов, я все еще был в поиске, а в ашраме гуру могут жить только его верные ученики. Из уважения к Свами Бон Махараджу и в благодарность за его любовь и мудрые наставления я остался там еще на несколько дней. Затем, получив его благословения, я отправился в леса Вриндавана.

Что может быть лучше, чем жизнь в цветущем лесу Вриндавана! Река Ямуна гостеприимно предоставила мне свои берега, и я вновь стал бездомным скитальцем, не обремененный ничем, кроме походной сумы и двух кусков ткани, которые служили мне одеждой. Спал я каждый раз под новым деревом, и уединение опять стало моим желанным спутником.

Я часто ночевал у Чир-гхата под старым деревом *кадамба*. В это святое место с незапамятных времен приходят те, кто желает обрести чистую любовь к Богу. Моля Кришну избавить их душу от покрова невежества, люди по традиции привязывают к веткам этого дерева куски ткани. Дерево кадамба считается во Вриндаване священным. Его золотистые цветы шарообразной формы, с сотнями крошечных лепестков, свернутых в трубочки, источают сладкий, пьянящий аромат и радуют одним своим видом. Эти цветы напоминают Господу Кришне о златокожей Радхе, и потому дерево кадамба очень дорого Ему. Каждый вечер я опускался на колени под этим деревом у Чир-гхата и молил Кришну даровать мне смирение и преданность. Затем, растянувшись на речном берегу и чувствуя всем телом прохладу остывающей земли, я незаметно засыпал. Моей постелью была святая земля, одеялом — звездное небо, а будильником — далекий перезвон храмовых колоколов.

Каждое утро до рассвета, в четыре часа, я просыпался и, отдав поклон священной земле, входил в священные воды Ямуны. Приближался ноябрь, и Ямуна становилась все холоднее. Часто, погрузившись в воду по самую шею, я стоял и дрожал, вспоминая слова из любимой в детстве песни: «В реке Иордан — студеной вода, но душу она согревает всегда». *Переносить лишения ради чего-то возвышенного и ценного — вот истинное удовольствие, —*

размышляя я. Вновь и вновь окунаясь с головой в воду, я медитировал на очищение тела, ума и души. Потом я тихо стоял под небом, на котором еще не исчезли звезды, и молился об очищении своего сердца. С такой медитации начинался каждый мой день. Я чувствовал особую близость к Богу. Поднявшись обратно на берег, я снимал набедренную повязку, отжимал ее и вновь надевал на себя. Там же, на берегу, я повторял мантру Харе Кришна, перебирая бусины деревянных четок из туласи. Так проходило каждое мое утро, и я молил Господа о том, чтобы этот опыт никогда не изгладился из моей памяти.

Пролетело две недели. Как-то раз в сумерках я сел под священную кадамбу и написал письмо отцу.

*Дорогой отец,
мои долгие поиски привели меня во Вриндаван.
Здесь я нашел то, что, по видимости, смогу принять
в своем сердце как безупречную истину. До сих пор
я только искал то место, куда звало меня мое сердце.
В последние полмесяца мне открылась величайшая
драгоценность, которую можно понять здесь,
во Вриндаване. Поверь, я нахожусь здесь не ради
удовольствия или приятного времяпрепровождения.
Я здесь, чтобы со всей ответственностью
и искренностью исполнить миссию, от которой
не в силах отказаться. Ты знаешь, что я ни разу
не причинял тебе боль преднамеренно. Прошу тебя,
пойми важность этого путешествия в моей жизни.*

*С любовью,
Ричард
Вриндаван, октябрь 1971 г.*

В один тихий полдень я прогуливался по берегу Ямуны. Маленькие босоногие мальчики в рваных шортах и худенькие девочки в хлопковых блузках и юбочках играли в крикет, ловко шлепая палками по мячу и заливаясь звонким смехом. Другие ребяташки, помахивая тоненькими прутиками, пасли коров,

быков, коз и овец. Мимо, стыдливо прикрывая лица кончиками сари, проходили женщины с корзинами зерна на голове. Справа от себя я увидел Кришнадаса Бабаджи. Он сидел под деревом и чуть слышно повторял имена Бога. Заметив меня, он похлопал по земле, приглашая сесть рядом. Мы долго молчали, наблюдая, как лодочник переправляет людей через реку. Через какое-то время Бабаджи вполголоса произнес: «Под этим тамариндовым деревом любили встречаться Радха и Кришна».

Я решил расспросить его об этом. «Бабаджи, здесь все так сильно любят Радху... Расскажите мне, пожалуйста, о ней».

При одном упоминании имени Радхи глаза его наполнились слезами. Опустив веки, он подался вперед и стал говорить: «Писания и святые учат нас, что Бог один, но в то же время Он объединяет в себе мужское и женское начала. Кришна — мужское начало, а Радха — женская энергия. В духовном мире у единого Бога всегда есть две эти формы. Любовь между возлюбленным и любящей — между Кришной и Радхой — есть божественный источник всей прочей любви».

«Бабаджи, — спросил я, — а как соотносятся друг с другом любовь между мужской и женской природой Бога и любовь, которую испытывают друг к другу люди в материальном мире?»

Кришнадас Бабаджи ответил: «Покрытые иллюзией, майей, мы забываем свою экстатическую любовь к Богу, которая составляет самую природу нашей души. Мирская любовь — всего лишь бледное отражение духовной. Мы повсюду ищем настоящую любовь, забыв о том, что она живет у нас в сердце». Смирение, с которым Бабаджи говорил эти слова, невозможно описать. Он поднял свои седые брови, и голос его задрожал: «Кришна мечтает быть завоеванным любовью Своего верного слуги, и по беспричинной милости Радхи мы можем обрести такую любовь. Радха — это милосердная природа Абсолюта, изначальный источник духовной любви».

Тайна Радхи — женской энергии Бога — давно манила меня, постоянно ускользая. Ни книги, которые я читал до этого, ни садху, которые встречались на моем пути, — ничто не подготовило меня к раскрытию священной тайны йоги: тайны бхакти, божественной любви. И вот теперь мне открылось, что хранительница этой

тайны — Радха. Впервые я понял, что все эти святые Вриндавана в своих поисках Абсолюта проникли в самые сокровенные сферы духа, не доступные для других.

Тайна, раскрытая ими, заключалась в том, что существует нечто куда большее, чем мирские удовольствия и даже духовное единение с Богом. Путь преданности должен был привести их туда, где вечно длится опьяняющий душу танец — бесконечное пиршество любви. И Радха — та, кто позволяет душе войти в это невообразимо сладостное царство.

Йоги Вриндавана всегда жаждут обрести милость Радхи, и только этим объясняется их глубокое, неподдельное смирение. Отказываясь от желания развить в себе мистические способности, они погружаются в океан божественной любви. Глубочайшая теология бхакти — йоги безусловной любви — пленила мое сердце и заворожала ум. Она проливала свет на множество моих вопросов: как тех, что я уже задавал, так и тех, что мне еще предстояло задать. Хотя я все еще сомневался, какому пути мне следует посвятить свою жизнь, сердце мое все больше и больше склонялось к бхакти.

Кришнадаас Бабаджи благословил меня, поднялся и пошел вдоль берега. Я же остался сидеть, глядя на воды Ямуны и размышляя над мистерией женского аспекта Бога. В христианской церкви поклонение Марии, матери Иисуса, вдохновляло людей на божественную любовь и приводило к жестоким раздорам. Загадка Марии Магдалины породила тайные религиозные ордена, скрытую символику и множество запутанных интриг. Иудеи считают Шхину, славу Господню, или, как еще ее называют, Невесту Шабата, женским проявлением Бога. Того же мнения придерживаются последователи Каббалы. У некоторых суфиев божественное женское начало олицетворяет Фатима. Теперь же я обнаружил, что древнейшая ведическая традиция всегда признавала милосердную женскую ипостась Бога.

Глядя на Ямуну, я размышлял о том, как часто представления о властном и всемогущем Боге заслоняют от нас эту сострадательную, милосердную сторону духовности, питающую душу. Там, на берегу Ямуны, мне впервые открылась важность женского аспекта божественной природы.

Примерно в то же время, как я оставил ашрам, оттуда ушел и мой друг Асим. Похоже, что он начал задыхаться в напряженной атмосфере ашрама, где на него было возложено множество обязанностей, а моя очень аскетичная, но свободная жизнь по контрасту произвела на него сильное впечатление. Мы часто встречались и вместе бродили по лесам Вриндавана, родного дома Кришны. В один из солнечных дней мы сидели в тени баньяна и разговаривали, как вдруг разом почувствовали чье-то могущественное присутствие. Обернувшись, мы увидели человека, сидящего за нашими спинами. Откуда он взялся? Невозможно было определить его возраст: он выглядел одновременно и старым, и молодым. Единственной его одеждой был кусок белой хлопчатобумажной ткани, обернутый вокруг тела. Спутанные пряди волос свисали ему на спину, а на круглом, заросшем бородой лице сияли огромные глаза. Он широко, по-детски, улыбался. «Любой, кто приходит во Вриндаван, — произнес он, — тотчас же обретает связь к Кришной. Другие поклоняются Богу как великому царю, но здесь, во Вриндаване... — он поглядел вокруг и протянул руку в сторону леса, — здесь Кришна у Себя дома. И здесь мы любим Его как нашего друга, ребенка или возлюбленного».

Мы посмотрели в ту сторону, куда он показывал, и за деревьями увидели животное голубоватого цвета, похожее на дикую корову. Всё это начинало напоминать сказку. Мы затаили дыхание. «Вначале, — продолжал говорить он, — мы учимся любить Бога как всемогущего творца, разрушителя и спасителя. Но Бог может быть и самым нежным, самым совершенным возлюбленным. В Писании сказано, что игривый Кришна во Вриндаване — квинтэссенция красоты и сладости». Затем садху, возникший перед нами словно из воздуха, поднялся на ноги и сказал: «Пойдемте, я покажу вам места, которые навсегда останутся в вашей памяти».

Мы с готовностью последовали за ним через лес, потом вдоль берега реки, от одного храма к другому. Местные жители и храмовые жрецы почтительно приветствовали нашего гида. Вдруг Асим спросил: «Куда он делся?» Я посмотрел по сторонам — садху исчез, оставив нас одних в древнем храме. Асим поинтересовался у пожилого священнослужителя: «Скажите, кто этот садху, что был сейчас с нами?»

Священнослужитель широко открыл глаза и рот. На его лице появилось благоговейное выражение: «О, вы не знаете?» Он увел нас

из толпы в уединенную каморку и зашептал: «С вами был Шрипад Баба́. Никто не знает, сколько ему лет и где он живет. У него нет дома, и он скитается повсюду в трансе любви к Богу, то появляясь, то исчезая».

Почти каждый день, когда мы гуляли вместе с Асимом, рядом таинственным образом возникал Шрипад Баба́. Непонятно, как он находил нас. Он никогда не затруднял себя приветствием и не заботился о том, чтобы попроситься. Иногда нам казалось, что он постоянно находится рядом — зримо или незримо.

Когда Шрипад Баба́ водил нас по Вриндавану, создавалось ощущение, что ему известно всё о каждом холме, скале, камне, бульжнике или даже песчинке во Вриндаване и его окрестностях. Мы бродили с ним много дней, и случалось, что наши экскурсии продолжались всю ночь. В одну из холодных зимних ночей я видел, как Шрипад Баба́ зашел по плечи в ледяную воду и простоял там до самого рассвета, вознося молитвы.

Однажды утром в одном из вриндаванских закоулков меня и Асима окликнула незнакомая пожилая вдова, одетая по обычаю в белое сари: «Я видела, как вы гуляли по лесу со Шрипадом Баба́й. Пойдемте, я расскажу вам кое-что». Каждый шаг давался ей с трудом. Она горбилась, опираясь всем своим грузным телом на бамбуковую трость. Женщина ковыляла впереди нас к своему жилищу и по дороге рассказывала о мало кому известном прошлом Шрипада Баба́й. Асим переводил мне с хинди ее слова. «Давным-давно, когда Баба́ был маленьким и ходил в школу, он со своим приятелем любил на переменах запускать воздушных змеев». Она резко остановилась, сморщила и без того морщинистое лицо, оперлась палкой о землю и, насупив брови, стала громко говорить: «За это учитель надавал им пощечин и отрутал их последними словами». Ее голос и все тело дрожали от возмущения: «Бедный малыш не мог понять, что сделал не так. Он стал думать: „Чего ради мне учиться в школе, если учитель, освоивший все школьные предметы, так и не научился любви?“ Он бросил школу, ушел из дома и решил впредь искать только Бога». Повернув в замке ключ, она отворила дверь своего кирпичного домика и на прощание бросила нам через плечо: «Со временем он стал учеником одного из местных святых».

Как-то поздно вечером я, Асим и еще четверо человек отправились вместе со Шрипадом Бабой в дальний лес. Было около половины десятого, и на землю опустилась тьма. Неподалеку на берегу Ямуны сидел какой-то садху; за спиной у него виднелся ситар, украшенный резьбой. Шрипад Баба представил его как мастера игры на ситаре и ученика того же учителя, у которого занимался легендарный Рави Шанкар. «Однако, в отличие от Рави, этот человек стал садху».

Грациозно склонив голову, ситарист поприветствовал нас, а затем закрыл глаза. На чернильно-черном небе сияла серебристая луна, звезды по-особому переливались, и все эти лучезарные самоцветы танцевали в искристом потоке Ямуны. Где-то поблизости, невидимые в ветвях кадамбы, пели ночные птицы, издали доносились крики павлинов, и легкий ветерок, напоенный ароматом ночного жасмина, ласкал наши тела. И посреди этой идиллии нежно зазвучал ситар. Звуки протяжного плача древней раги вплелись в симфонию вриндаванского леса, и в каждой ноте мне слышалась тоска, с которой музыкант взывал к Богу.

Непривычные чувства охватили меня. Я ощутил себя оторванным от Кришны. Даже следа любви не было в моем сердце. Нищий, я искал этой любви, рыдал по ней и умолял прийти ко мне. Внезапно вся вселенная показалась мне пустой без этой любви. В ночной тишине ситар стонал и плакал, выдавая сокровенные тайны моего сердца.

Для меня Вриндаван был полон чудес — больших и маленьких. Однажды днем, когда я в одиночестве бродил по лесным тропинкам, я увидел прямо перед собой гигантского разъяренного быка. Вокруг его могучего торса клубилась пыль, а из ноздрей хлопьями вырывалась белая пена. В бешенстве поглядев мне в глаза, он широко разинул пасть и испустил устрашающий рев. Неистово роя землю копытами, он готовился растоптать меня. Прежде чем я смог что-либо предпринять, бык замер, наклонил голову и резко боднул меня, вонзив свой рог мне прямо в живот. Одним движением головы он подкинул меня в воздух, так что я перелетел через его тело и рухнул на землю. У меня свело дыхание. Корчась от боли, я уже стал прощаться с жизнью, а он продолжал в нетерпении рыть копытами землю, фыркая и готовясь к новой атаке.

Тут на тропинке появился худенький аккуратный старичок в пилотке а-ля Неру. Он выкрикнул несколько слов на местном наречии, отчего бык вдруг послушно опустил голову и побрел прочь. Необычный человек помог мне подняться и спросил: «С тобой всё в порядке? Бык выглядел весьма раздраженным».

Успокоившись, я стал осматривать себя. На удивление, я был цел и невредим, и даже боль прошла. Но с первым же шагом мне пришлось вскрикнуть: глубоко в стопу вонзилась какая-то колючка, и это оказалось намного неприятнее, чем удар бычьего рога. Нагнувшись, чтобы извлечь колючку, я подумал, что по доброте Своей Кришна заменил бычий рог этим шипом. «Все в порядке, — ответил я. — Благодарю Вас, Вы спасли мне жизнь».

«Это не я спас тебя, — улыбнулся пожилой господин. — Кришна тебя спас. Я был просто инструментом в Его руках». Его голос задрожал от волнения: «Любовь — это всё, чего хочет от нас в ответ

Кришна». Старик осмотрел меня со всех сторон, проверив, не ранен ли я, и отряхнул пыль с моей одежды. «Откуда ты родом и как здесь оказался?» — спросил он. Я рассказал, и старик, взглянув на солнце, объявил: «Я опаздываю на встречу. Если хочешь, пойдём со мной».

Мы шли по лесным песчаным тропам. Сняв пилотку со своих аккуратно причесанных седых волос, старик сказал: «Я веду тебя к одному редчайшему святому, великому знатоку писаний. Он неизвестен широкой публике, но все духовно возвышенные люди в этих местах почитают его. Смею предположить, что по-английски вы назвали бы его „святым среди святых“».

Мы вышли к плоскому камню, служившему мостом через открытую сточную канаву. Густая черная жижа стоков пузырилась и булькала под нами. Задыхаясь от зловония, я осторожно переправился на другую сторону. В этот самый момент семейство свиней кубарем скатилось в канаву. Радостно похрюкивая и с жадностью поглощая смердящий черный нектар, они не могли нарадоваться своей удаче. По их мордам стекали фекалии, и они фыркали от удовольствия.

Спустя всего несколько минут мы оказались в раю — среди зеленых деревьев, душистых цветов, жужжащих пчел и разноголовых птиц. Пройдя еще немного, мы свернули в какой-то дворик, где стоял маленький *кутир* — место для поклонения. «Пожалуйста, проходи», — сказал мой провожатый и взял меня за руку. Внутри на деревянном настиле сидел садху. Голова и лицо его были чисто выбриты. К этому времени я уже знал, что обритая голова символизирует стремление жить жизнью, свободной от корыстных желаний. На затылке был оставлен маленький пучок волос — знак преданности и покорности Богу. Мне сказали, что ему уже за семьдесят. Мягко улыбнувшись, он поднес сложенные ладони ко лбу, приветствуя меня, и склонил голову: «Добро пожаловать в нашу семью». Это был Вишакха Шаран Баба́.

У его стоп сидело пять старцев, которые с жадностью внимали его словам. Вишакха Шаран Баба́ внимательно посмотрел на меня и, обращаясь ко мне, сказал несколько слов. Мой провожатый, которого все называли Пандит-джи, переводил мне с хинди на английский: «Если кто-то молит Бога о любви так же, как голодный

молит о пище, то Господь одарит человека этим редчайшим сокровищем». Он взял меня за руку: «Позвольте угостить Вас».

Мне понравилось его общество, и я стал каждый день в четыре часа пополудни приходить в его кутир. Всякий раз Вишакха Шаран Баба сам протягивал мне соломенную подстилку и угощал домашними лепешками, роти, с кусочками *гура*, тростникового сахара. Это была стандартная еда нищих людей во Вриндаване. Последователи Вишакхи Шарана, желая послужить своему почтенному учителю, много раз предлагали готовить для него разнообразные блюда, но он неизменно отказывался. Взрачивая в себе смирение, он даже в своем преклонном возрасте просил милостыню, ходя от двери к двери. И все, что он собирал — как правило, это были сухие роти и гур, — он с радостью делил со мной. Этот «святой среди святых», признанный знаток писаний, который по возрасту был вчетверо старше меня, относился ко мне с таким состраданием, что я не знал, как благодарить его в ответ.

Вишакха Шаран впервые пришел во Вриндаван как странствующий садху в 1918 году, да так и остался здесь на всю жизнь. О его прошлом было мало известно, и сам он редко говорил о себе. В Гималаях я жил среди отшельников, которые совершали суровые аскетические подвиги, и своими глазами видел проявления их сверхъестественных способностей. Но Вишакха Шаран Баба никогда не показывал никаких чудес и не занимался самоистязанием. Он просто с любовью служил Богу. Когда он говорил о любви Шри Радхи и вечных играх Господа Кришны, он становился похожим на невинного ребенка, забывая в том, что обладает властью и авторитетом не меньшим, чем у царей. Будучи очень застенчивым, он тщательно прятал свои духовные эмоции и просто служил всем вокруг. Однако находясь рядом с ним, я ощущал в своем сердце необычную, ничем не объяснимую любовь.

Как-то раз я обратился к нему с просьбой: «Прошу Вас, дайте мне наставление, которое, на Ваш взгляд, мне необходимо услышать».

Сидя на своем деревянном настиле, он прикрыл глаза и вошел в состояние транса. Из уст его непрерывным потоком полились слова, отвечавшие на мои сомнения, незаданные вопросы и пламенное желание стать ближе к Кришне. Пандит-джи тоже прикрыл глаза и переводил мне, а я сидел и слушал.

«Тело Господа Кришны абсолютно духовно. Его образ вечен, исполнен знания и блаженства. Ведические писания и бесчисленные святые одинаково описывают Его облик, в котором Он предстает перед обитателями духовного мира. Хотя Его красоту невозможно выразить в словах, опирающихся на наш материальный опыт, в священных трактатах приводятся описания Его облика, доступные человеческому разумению. Что сказать про Него? Он — изначальный источник всего прекрасного.

Тело Его цветом напоминает свежее грозное облако, а ладони и стопы розовые, как лотос. Его всевидящие глаза похожи на лепестки распустившегося лотоса. Его нос нежен и изящен, как цветы *кунжута*, а красноватые губы напоминают плоды *бимба*. Зубы Его — ряд жемчужин, а щеки и лоб затмевают красоту полной луны. Его всеслышащие уши украшены дорогими серьгами в виде акул. Локонь Его волос — словно блестящий черный шелк; украшенные гирляндами из крошечных цветов и драгоценностей и увенчанные павлиньим пером, они обрамляют Его луноподобное лицо. Линии на Его шее — словно завитки морской раковины, и все части Его тела мягче свежесбитого масла. Однако иногда Он может резать, как удар молнии.

Он безграничен и абсолютно независим. Все материальные и духовные миры — Его энергии, и сам Он входит в сердце каждого живого существа и постоянно пребывает там как наш вечный доброжелатель и свидетель всех наших поступков.

Он наблюдает за материальным творением и порой бывает строгим отцом. Но в высшей обители духовного мира Кришна — верховный наслаждающийся. Там, через Свои чудные игры, шуточные слова и озорные проделки Он делится со всеми Своим блаженством. Когда Он стоит, изящно изогнувшись в трех местах, и играет на флейте, Он завораживает наши сердца, насылая на нас чары Своей неотразимой любви».

Все больше и больше воодушевляясь, Вишакха Шаран Баба продолжал свой рассказ, а я, затаив дыхание, слушал его:

«Шри Радха — женская ипостась Господа — сияет, как расплавленное золото. Милосердная Мать всего сущего, она своей красотой пленяет Самого Кришну. Я недостоин того, чтобы даже начать говорить о ее красоте. Ее любовь — это всеохватывающая реальность, наполняющая духовный мир бесконечным блаженством».

Я слушал его, боясь пропустить даже слово, а он тем временем перешел к детальному философскому обоснованию этого описания самых сокровенных проявлений Бога, проливая бальзам на мое зараженное рационализмом западное сердце: «Некоторые считают подобные описания Бога антропоморфизмом, попыткой наделить Бога человеческими качествами. Но все обстоит совсем иначе: это люди в ничтожной степени наделены качествами, исходящими от Бога. Как говорится в Библии, человек создан по образу и подобию Божьему».

Его видение единого Бога было в высшей степени личностным. В его описаниях Бог-Личность предстал не просто аллегорией или символом, но духовной истиной, недоступной нашему чувственному или интеллектуальному восприятию. Он объяснял, что приблизиться к Богу можно только посредством непритворной преданности. Слушая его, я стал глубже понимать причину, по которой все эти люди повторяли имена Бога, смиренно служили другим и возносили молитвы божествам в храмах.

Однажды я застал Вишакху Шарана Бабу и старцев столпившимися вокруг радиоприемника, аппарата 30-х годов с полукруглым верхом, металлическими переключателями и выдвижной антенной. Из динамиков, сквозь треск помех, раздавался голос диктора, и мой друг, спасший меня от быка, принялся переводить мне новости: «Между Индией и Пакистаном началась война». Он помрачнел. «Армии вступили в сражение, вражеские самолеты бомбят индийские города, многие тысячи людей уже втянуты в битву; никакое место нельзя считать безопасным. Правительство просит затемнять окна. В целях защиты населения от бомбежек по ночам будет отключаться электричество». Он вновь принялся вслушиваться в хриплые звуки радиоприемника: «Америка рекомендует всем своим гражданам незамедлительно покинуть пределы Индии».

С некоторых пор я ощущал себя больше индийским садху, чем американцем, поэтому не сразу понял, что это предупреждение касается и меня. Однако новость о войне могла встревожить моих родителей. Чтобы успокоить их, я написал письмо. На письме стояла дата: 7 декабря 1971 года – мой двадцать первый день рождения.

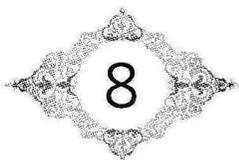
Мои родные,
 все войны на земле — отражение битвы,
 происходящей в человеческом уме.
 Мы ввязываемся в битву в тот
 момент, когда забываем о Боге.
 Война идет во Вьетнаме, в Израиле, и вот теперь
 война началась между Индией и Пакистаном.
 Пока мы остаемся узниками страстей своего ума,
 мы всегда будем находиться на полях сражений.
 Но за меня не волнуйтесь — я в безопасности.

Благословите меня,
 ваш Ричард

Вьетнамская война косила моих сверстников в одной части света. Избежав ее, я неожиданно для себя оказался в другой зоне вооруженного конфликта. Почему разгорелась эта война? В 1947 году Индия распалась на несколько государств. С обеих ее сторон образовались Западный и Восточный Пакистан. 3 декабря 1971 года западно-пакистанские военные самолеты вошли в индийское воздушное пространство. Это был ответ Западного Пакистана на помощь, оказанную Индией политическим силам, ратовавшим за отделение Восточного Пакистана. Так между Индией и Западным Пакистаном началась полномасштабная война. Жестокие сражения шли на земле, в воздухе и на море, в результате чего погибли тысячи людей, а десятки тысяч получили ранения. Через две недели непрерывных сражений Западный Пакистан капитулировал, а Восточный Пакистан стал независимой страной — Бангладеш.

Вишакха Шаран Баба́ вместе со старцами собирались по вечерам вокруг радио и, узнав о новом кровопролитии, плакали. По окончании выпуска новостей они выключали радиоприемник и вновь погружались в беседы о Господе. Проходило две-три минуты, и они опять сияли от переполнявшей их радости. Поразительно: оплакивая страдания людей в этом мире, они в то же время могли испытывать блаженство духовной реальности, находящейся по ту сторону рождения и смерти.

Это был урок душевного равновесия — искусства, в котором главную роль играют зрелость и богатый духовный опыт. Глядя на Вишакху Шарана Бабу́ и его последователей, я понял одну важную вещь: можно чутко реагировать на мировые проблемы и людские беды и не забывать при этом о духовной реальности. Это открытие поразило меня. Я своими глазами увидел, как любовь к Богу наделила этих людей лучшими человеческими качествами и пробудила в их сердцах сострадание ко всем живым существам.

С тая огромных озлобленных обезьян с воплями и визгом окружила недавно родившуюся телочку. Малышка дрожала, плакала и беспомощно мычала, призывая мать. Проходя мимо, я стал свидетелем этой сцены. Пока я искал крепкую палку, чтобы прийти на помощь, появилась корова-мать. Громко заревев, она стремглав кинулась к месту происшествия. В порыве любви она стала бесстрашно бодать обидчиков рогами и обратила их в бегство. После этого, сияя глазами, полными нежности, корова стала вылизывать свою дочку, пока та, наконец, не успокоилась и не принялась сосать молоко из ее вымени.

Наблюдая за ними, я вспомнил о наставлениях Господа Чайтаньи. Он учил, что имя Бога следует повторять в смиренном состоянии ума, призывая его так же, как ребенок зовет мать. Мне, воспитанному в обществе, где смирение, как правило, считалось слабостью, трудно было понять, что такое подлинное смирение и как себя ведет по-настоящему смиренный человек. Я не подозревал, что очень скоро получу урок по этой теме, который запомню на всю жизнь.

Однажды Шрипад Баба́ привел нас с Асимом к какому-то древнему храму из красного песчаника. Заглянув внутрь, мы увидели пустой, похожий на пещеру зал с высоким куполообразным потолком. Наверху, под самым куполом этого давно заброшенного святилища, вниз головой висели огромные черные летучие мыши. На каменном полу были видны их экскременты. Тут же, в полумраке, спали обезьяны. Мы обогнули храм и пошли по старой, осыпающейся пешеходной дорожке. Вдруг дорожка резко оборвалась, и мы очутились у кромки открытого канализационного стока. Шрипад Баба́, посмеиваясь, подтолкнул нас: «Давайте-давайте, я хочу показать вам особенный храм». По камню посередине

стока мы переправились на другую сторону и вскоре оказались в простом, ничем не выделявшемся доме. По всему дому прыгали и бегали ребятишки, а их мать, сидя на корточках, готовила обед на низком очаге. *Какой же это храм?* — недоумевал я.

Каково же было мое удивление, когда в обычном чулане этого дома я увидел алтарь, на котором были установлены большие, сантиметров шестьдесят в высоту, божества Кришны и Радхи. Изваяние Кришны из черного камня, а Радхи — из сияющей бронзы. Божества, по видимому, были древними. Странно, но семейство, как мне показалось, не обращало особого внимания на своих лучезарных гостей. Подойдя ближе, мы заметили невысокого, худого старика лет семидесяти. Он обмахивал божества опахалом, и в его кротких глазах стояли слезы любви. Голова и лицо его были обриты, а сам он выглядел неправдоподобно хрупким. Выбежав нам навстречу, он стал кланяться в ноги каждому. Не поднимаясь с коленей, он вновь и вновь приветствовал нас со слезами благодарности.

«Я ваш покорный слуга, — смущенно говорил он. — Пожалуйста, благословите меня». Он жестом показал на божества: «Прошу вас, подойдите к Радхе и Кришне. Кришна позвал вас сегодня сюда, потому что вы — Его дорогие друзья. А я Его ничтожный слуга. У меня есть только одно счастье в жизни — служение. Прошу вас, позвольте мне послужить вам». Так я впервые встретился с Ганашьямом.

Шрипад Баба рассказал ему, из какой дали мы приехали во Вриндаван, и Ганашьям пришел в восторг: «Кришна позвал вас из далекой страны, и вы, откликнувшись на Его зов, пересекли океаны и континенты. Он так долго ждал вас, и вот теперь вы пришли». Его голос дрогнул. «Да, теперь вы пришли». Сухое, старческое лицо Ганашьяма светилось кротостью, а его маленькие, затуманенные глаза, закругленный нос, тонкие губы и сеточка морщин придавали его лицу печальное выражение. Даже в его тихом голосе ощущалась грусть. Но сердце его и душа были переполнены экстатической любовью, которую ощущали все, кто находился рядом с ним. Мы почтительно стояли перед его божествами. Одного этого было достаточно, чтобы привести Ганашьяма в восторг.

С того дня я стал проводить много времени с этим святым человеком. Каждое утро в девять часов я сворачивал на знакомую

тропинку и направлялся к нему в чуланчик, превращенный в храм. Меня тянуло к нему, как магнитом. Всякий раз он радостно приветствовал меня одной и той же фразой: «Я – твой покорный слуга». И это были не просто слова. Он был готов с радостью отдать мне последнее, не ожидая ничего взамен. Как же я хотел стать похожим на него!

Однажды поутру, когда мы с Ганашьямом сидели одни, я спросил его, как он впервые попал во Вриндаван. Он опустил голову и произнес: «Какой смысл слушать историю моей жизни?» Но тут же лицо его просветлело: «Впрочем, наверное, стоит послушать о том, как Кришна пролил Свою милость на этого грешника». Своим тихим голосом он стал рассказывать о том, как рос в богатой семье. «Когда я был юношей, наша семья совершила падомничество во Вриндаван. Здесь мое сердце попало в сети милости Бога. Я не смог уехать отсюда». Рассказывая о себе, Ганашьям весь сжался от смущения. Он поведал о том, как вся его семья была ошеломлена его твердым решением отказаться от многообещающей карьеры и остаться во Вриндаване. «Они угрожали лишить меня наследства, но мне было все равно. Кришна уже похитил мое сердце», – говорил Ганашьям. Он спал на голой земле, ел сухие лепешки, которыми угощали его ваджабаси, и ему ни разу не пришлось в голову пожалеть о своем былом богатстве. «Я был благодарен, что могу служить Кришне у Него дома».

На этих словах Ганашьям, смущаясь, отвел в сторону свои темные глаза, как это делают застенчивые дети: «Долгое время я мечтал поклоняться божеству. И вот пришел день, который я никогда не забуду. Сидя под деревом в саду неподалеку отсюда, я написал пальцем в пыли на земле имя Шри Радхи. Весь день я поклонялся ее имени, начертанному на земле; моими дарами были цветы, песни и молитвы. Под конец, на закате, я стал стирать ее Имя ладонью».

Ганашьям замолчал. Влюбленными глазами глядя на божества, он пытался совладать с чувствами. После долгой паузы он заговорил вновь: «Стирая буквы, я увидел, что прямо на том месте, где было имя Радхи, блеснуло что-то золотое. Мне стало интересно. „Что бы это могло быть? – подумал я. – Дай-ка я вернусь сюда, когда вокруг никого не будет“. Рано утром на следующий день я принялся

рыть руками землю в том месте, куда пришла Радха в образе своего святого имени».

Ганашьям сдался: он больше не мог сдерживать себя — слезы хлынули у него из глаз и голос стал дрожать, пока он рассказывал историю своей любви. «Золотой предмет, проступивший из-под земли, оказался макушкой головы моей Радхи. Так ее божество явилось ко мне. А рядом с ней, там же, под землей, находилось черное божество — Кришна. На его постаменте значилось: „Гопиджана-Валлабха“ — „Возлюбленный пастушек“».

Его голос сорвался: «Но у меня не было ничего, ровным счетом ничего. Что мог я сделать для них?» С любовью взглянув на божества, Ганашьям чуть слышно продолжал: «Не знаю почему, но они верили себя моим заботам. Я стал служить им день и ночь. Вначале прохожие подавали мне немного еды, чтобы я мог покормить божества. Долгое время я поклонялся им под деревом. Но так случилось, что предки этой семьи прониклись сочувствием к бездомным Радхе и Гопиджана-Валлабхе и предложили им чуланчик в своем доме, где я поклоняюсь им с тех пор уже пятьдесят с лишним лет».

Недели пролетали одна за другой, а я все больше и больше восхищался качествами Ганашьяма. «Я — твой покорный слуга, я — твой покорный слуга», — всякий раз повторял он, пытаясь отдать мне все, что у него было. Мы пели вместе для Гопиджана-Валлабхи или омахивали божества веером из павлиньих перьев. Каждый день он настаивал, чтобы я поел прасада от Господа — три простые пшеничные лепешки, враджа-роти. Это самая распространенная пища у жителей Вриндавана. Хотя, с обычной точки зрения, враджа-роти — это просто сухая лепешка из грубой муки, для тех, у кого есть вера, они становятся бесценным благословением. Сделанные из зерна, выросшего на святой вриндаванской земле, испеченные и предложенные Кришне руками Его верных слуг, враджа-роти считаются у местных жителей своего рода святым причастием, и я с благодарностью съедал все враджа-роти, которыми кормил меня Ганашьям.

Однажды днем, когда я омывался в реке, к берегу подошел один мой знакомый садху. Обычно этот Баба благословлял меня, поэтому, услышав вместо приветствия ругань, я не на шутку испугался. «Изда тебя, — кричал он мне с берега, — Ганашьям голодает!»

«О чем Вы? Я не понимаю!» — прокричал я в ответ.

Он вперился в меня взглядом: «Каждый день враджабаси приносят ему три роти. Это вся его еда. А ты съедаешь все его лепешки. Как тебе не стыдно!»

«Что?! — задохнувшись от ужаса, я стал выбираться на крутой берег. — Этого не может быть! Прошу Вас, поверьте, я этого не знал!»

На следующий день Ганашьям, как всегда, усадил меня на полу своего простого жилища, поставил передо мной тарелку из листьев и с любовью положил на нее три враджа-роти. Я отодвинул тарелку: «Спасибо, я не голоден. Сегодня я не буду есть».

Лучше бы я этого не говорил. Ганашьям аж побледнел: «Ты должен есть. Это пища Гопиджана-Валлабхи. Он специально оставил их для тебя». Я отказался. Тогда, сложив дрожащие ладони, он взмолился: «Это из-за моих грехов ты не принимаешь моего служения? Я прошу тебя, съешь мои роти!»

У меня разрывалось сердце. Я попытался уговорить его: «Ганашьям, ты голодаешь, потому что я съедаю все твои роти. Я могу поесть роти где угодно, а ты никогда не выходишь за порог!»

«Но у меня полно роти! — вскрикнул Ганашьям. — С чего ты взял, что я голодаю?» И он опять поставил тарелку передо мной: «Пожалуйста, я умоляю тебя, съешь это, угощайся!»

Я вновь отодвинул тарелку и сказал: «Хорошо, если у тебя есть много роти — покажи их мне».

«Зачем? Зачем это тебе? — произнес он высоким, дрожащим от отчаяния голосом. — Они там, в другой комнате».

«Я отказываюсь принимать твою единственную пищу, пока ты не покажешь мне, что у тебя есть еще».

В ответ на мои возражения он повторил еще громче: «Зачем? Зачем это тебе?»

Я вскочил и осмотрел комнату, но, конечно же, ничего не нашел. «Ганашьям, нет здесь никаких роти. Из-за меня ты голодаешь. Пожалуйста, прошу тебя, съешь сам эти роти!»

Из глаз Ганашьяма полились слезы: «Ты — друг Гопиджана-Валлабхи, я же — всего-навсего слуга Его слуг. Единственное счастье моей жизни — это служение вайшнавам. Умоляю тебя — съешь эти роти!» Сложив руки, он взмолился: «Прошу тебя, не лишай меня

единственного счастья, ради которого я живу». Я заплакал, пораженный его бескорыстной любовью и благородным сердцем. Чтобы порадовать моего дорогого Ганашьяма, я съел все его роти.

На следующий день я пришел на пару часов позже обычного, надеясь, что к этому времени он уже съест свои роти. Ганашьям возликовал: «Кришнадаас, Ратхин-Кришнадаас, наконец-то ты пришел! Гопиджана-Валлабха заждался тебя». Я не мог поверить своим глазам: роти все еще лежали на алтаре. Ганашьям объяснил: «Мой Господь не принимает от меня подношений, пока не придет Его друг. Кришна оставил эти роти специально для тебя!» С этими словами он поставил тарелку с роти передо мной. «Только когда ты ешь, Шри Радха признаёт меня своим слугой». Я снова был побежден.

Однажды какой-то доброжелатель подарил Ганашьяму новую одежду. Он застенчиво отвел взгляд в сторону и признался: «Это тело принимает только обноски от вайшнавов». Ганашьям считал бесценной старую одежду, потому что до него ее носил какой-то садху.

В один из вечеров я застал его поющим дивные раги под аккомпанемент маленькой фисгармонии. Поглощенный мыслями о Боге, Ганашьям даже не заметил, как я вошел. Слова песни я не понимал, но все было ясно и так. В каждой ноте звучали его любовь и преданность. Его голос то взмывал вверх, звеня от радости, то наполнялся невыразимой грустью от разлуки со своим возлюбленным Господом. Я вспомнил, что мне рассказывали, будто в юности Ганашьям был придворным музыкантом. Прошел час, прежде чем Ганашьям, поглощенный пением, заметил мое присутствие. Обнаружив меня, он просиял от радости: «Кришнадаас, ты пришел!» Он спросил, не хотел бы я ему помочь. В течение пятидесяти лет он каждый вечер укладывал божества на отдых, однако, состарившись, стал слишком слаб, чтобы самостоятельно поднимать их. Я с радостью согласился, почитая за честь помочь ему.

Когда я уже собрался уходить, он спросил: «Кришнадаас, где ты сегодня ночуешь?»

«На берегу Ямуны, как всегда».

Он взял меня за руку и, словно заботливый отец, погладил по голове:

«Уже холодно. Зима на дворе. Сегодня ты должен переночевать здесь».

«Но, Ганашьям, я сплю там каждую ночь».

«Сегодня поспи у меня. Пожалуйста».

Мы вышли в узкий коридорчик. Ганашьям спал здесь прямо на полу, и хозяева дома, когда им надо было пройти, перешагивали через него. Как только я улегся, Ганашьям укрыл меня своим единственным одеялом.

Этого еще не хватало! Перехватив старенькое одеяло, я вернул его Ганашьяму со словами: «Это твое одеяло. Ты сам должен накрываться им».

«Зачем? Не надо! Не надо!» — высоким голосом запротестовал он, отказываясь принять одеяло обратно.

«Ты — старый, а я молодой. Ты должен накрыться», — и я снова попытался вернуть ему одеяло.

Он отпрянул в сторону: «Не надо. Не надо».

Завязался спор. Он продолжал настаивать, и в конце концов я пригрозил пойти спать на берег Ямуны. Отбросив одеяло, я решительно направился к двери.

«Не надо! Не надо!» — смирился он и взял одеяло. — Хорошо, я накроюсь сам».

Я лег возле него, свернувшись калачиком, чтобы сохранить тепло в холодную зимнюю ночь, и так уснул. Через какое-то время меня разбудило странное ощущение: мне было тепло. Я посмотрел на Ганашьяма: он дрожал всем телом, как осинный лист на ветру. Одеяла на нем не было. Тут до меня дошло, что под одеялом лежу я. Он дождался, пока я засну, и незаметно укрыл меня одеялом. Стараясь не шуметь, я укрыл одеялом спящего Ганашьяма.

Но стоило одеялу коснуться его, как он вскочил на ноги и закричал: «Не надо! Не надо! Ты друг Кришны. Ты должен хорошо выспаться».

«Понятно. Я иду на Ямуну!» — в сердцах прокричал я и ринулся к двери.

И вновь он согласился накрыться своим штопаным одеялом, но какое-то время спустя я снова проснулся от ощущения тепла и уюта, а рядом мой дорогой Ганашьям трясся от холода всем своим хрупким старческим телом. И вновь я попытался укрыть его, чтобы опять услышать от него: «Не надо! Не надо!»

Ганашьям любил служить всем, кто бы к нему ни пришел. За долгие пятьдесят лет он отлучался из своего маленького храма только для того, чтобы принести воды для своего Господа. Он и в мыслях не мог допустить, чтобы куда-то уехать от своих божеств, служению которым посвятил всю свою жизнь.

Как-то ранним утром я возвращался с реки и в одном из пустынных переулков заметил согбенную фигурку Ганашьяма. Он спотыкался и падал, из последних сил неся ведро воды из Ямуны для своих божеств. Через каждые несколько шагов он в изнеможении останавливался, переводя дух. Я бросился ему на помощь.

«Ганашьям, пожалуйста, позволь мне донести воду!»

Строго взглянув на меня, он отвечал: «Не надо! Не надо!»

Мне было невыносимо видеть, как он надрывается. «Прошу тебя, пожалуйста, я же молодой. Мне совсем не трудно отнести воду в твой храм — это дело пяти минут. А ты уже старенький и слабый. Тебе для этого понадобится не менее получаса. Ну, пожалуйста, позволь мне понести ведро».

В ответ маленький пожилой Ганашьям одарил меня лучистой улыбкой невинного младенца. «Ты — юный друг Гопиджана-Валлабхи, — сказал он. — Ты должен наслаждаться. А я — Его старый слуга. Моя жизнь — это служение. Иди и наслаждайся Вриндаваном. Так ты сделаешь меня счастливым».

Его смирение одновременно растопило мне сердце и взволновало ум: «Прошу тебя, я буду необычайно рад отнести это ведро». Я ухватился за ручку ведра и потянул его к себе, но в ответ Ганашьям напрягся всем телом и одеревеневшими руками вцепился в ручку изо всех сил. Он держался за нее, как сорвавшийся со скалы альпинист держится за спасательную веревку.

В отчаянии Ганашьям заглядывал мне в глаза: «Я — бедный старик. Единственное мое богатство — это служение». Глаза его покраснели от слез: «Если ты забереешь мое служение Господу, ты лишишь меня жизни. Пожалуйста, позволь мне жить. Прошу тебя».

У меня оборвалось сердце. Мне не оставалось ничего другого, как вместе с ведром вернуть ему жизнь. Но, заметив, что я расстроился, он великодушно предложил нести ведро вдвоем и, пока мы шли к дому, каждую минуту спрашивал, не тяжело ли мне.

Однажды вечером Ганашьям посоветовал мне посетить соседнюю деревню Варшану, обитель Радхи. Он тихо воскликнул: «Кришнадас, после того как ты ощутишь атмосферу Варшаны, твоя жизнь станет другой». Заметив вспыхнувший в моих глазах огонь, он застенчиво добавил: «Когда ты придешь туда, пожалуйста, скажи Шри Радхе, что ее ничтожный слуга Ганашьям очень хочет увидеть ее».

Этот маленький старый человек, живший в безвестности, глубоко тронул мое сердце. Он не был великим знатоком писаний, знаменитым гуру или йогом-мистиком. Но это ничуть не умаляло его святости — его неподдельная любовь к Богу проявлялась в его крайнем смирении и кротости.

Было время, когда я, подобно многим другим людям Запада, считал, что смирение — это акт самоуничужения, слабость, указывающая на недостаток уверенности в себе и отсутствие самоуважения, или даже болезненное самоотрицание, приводящее к комплексу неполноценности и депрессии. Но рядом с такими людьми, как Ганашьям, я стал понимать, что настоящее смирение не имеет с этим ничего общего. Подлинное смирение — это качество, соединяющее нас с неиссякаемым источником милости, из которого мы можем черпать силы, превосходящие все наши возможности. Истинное смирение — это безоговорочная гордость величием Бога и способность по-настоящему ценить чужие достоинства.

Я начал понимать, что смирение не означает трусливого бегства от проблем реальной жизни. Наоборот, подлинное смирение призвано помочь мне мобилизовать все свои силы на то, чтобы преодолеть любые трудности, не поступаясь своими идеалами, не теряя уважения, благодарности и любви, и таким образом стать, насколько это вообще возможно, инструментом божественного промысла.

В настоящем смирении куда больше величия, чем в нашей прискорбной потребности ставить себя выше других. Смирение оберегает нас от высокомерия и презрительного отношения к тем, кого мы привыкли считать ниже себя. Оно же защищает нас от зависти к тем, кто в чем-то превосходит нас. Смиранный человек не приписывает себе никаких заслуг — за все свои достижения он благодарит Бога и тех, от кого получал поддержку.

Смирненное сердце позволяет легко признавать свои ошибки и открывает сердце навстречу новому. Взрачивая в себе смирение, мы не уничтожаем наше «я», а, наоборот, высвобождаем свое подлинное «я», вечно излучающее любовь к Богу и всему сущему.

Мне стала открываться одна из самых глубоких тайн: чем больше человек развивает в себе эти возвышенные качества, тем яснее он ощущает себя крошечной частицей Бога, слугой всех и вся. Единственной радостью Ганашьяма была возможность бескорыстно служить другим. Ганашьям Баба́ был одним из самых счастливых и самых богатых людей, повстречавшихся мне на моем пути, — простой человек, который просто любил Бога.

Вечерело. Под темнеющим небом на берегу реки гудели комары. Вдруг из-под камня, на котором я сидел, бесшумно выползла черная змея, то и дело стреляя блестящим языком. Мне стало страшно. Поймав себя на этом, я стал размышлять. *Страх повелевает нами. Страх заболеть, потерпеть неудачу, разориться, разочаровать других. Мы боимся врагов, воров, мошенников и даже сомнений в правильности жизненного пути.* Почувствовав, как комар впился мне в лодыжку, я подумал, что любое из этих крошечных насекомых может убить меня, заразив малярией. И куда подевалась та змея? *Конечно, — думал я, — нужно заботиться о своей безопасности, но чрезмерный страх может либо стать преградой на моем пути, либо ввергнуть ум в пучину беспокойств.* На руках у матери ребенок избавляется от всех страхов. Он верит, что здесь ему ничто не угрожает. Одни развивают в себе подобную веру через научное познание мира или философию, другие верят по простоте душевной. Но, в любом случае, вера приносит покой и умиротворение. *Настоящая вера, — продолжал размышлять я, — возникает либо от соприкосновения с высшей реальностью, либо от общения с теми, у кого такая вера уже есть.* Вскоре меня ждало очередное приключение, которое подтвердило эту истину и стало важной вехой в моем путешествии вглубь себя.

В один прекрасный день Кришнадаас Бабаджи с Бон Махараджем и Асимом порекомендовали мне съездить на Варшану. Я тут же вспомнил просьбу Ганашьяма. Обычно Ганашьям ничего не просил у других. Это было не в его правилах. Поэтому, когда Ганашьям попросил меня посетить Варшану, я понял, что таким образом он, со свойственной ему деликатностью, просто хотел указать мне дорогу к более глубоким тайнам духовного пути.

Кришнадас Бабаджи посоветовал мне остановиться у одного святого человека, живущего в затворничестве на холмах Варшаны. Варшана — небольшой город, расположенный километрах в тридцати от Вриндавана. Это место связано с именем Радхи, и все многочисленные озера, сады, дворцы и храмы Варшаны посвящены ей. Чтобы попасть к отшельнику-садху, мне сначала пришлось долго карабкаться по широкой лестнице, вившейся вокруг горы. На вершине стоял храм со множеством куполов, шпилей и арок. Дорога вела дальше, и я, переведя дух после крутого подъема, пересек храмовый двор и вышел к утопающему в цветах саду. Затем я миновал еще один храм, по виду больше напоминавший дворец, и спустя несколько минут очутился на тропинке, пролетавшей через лес. В лесу бегали мартышки, важно расхаживали павлины и пели диковинные птицы.

Я шел, тихо повторяя мантру Харе Кришна. Воздух, насыщенный духовной благодатью, казалось, обнимал меня, и мантра звучала в каждой клеточке моего тела. Блаженство охватило меня изнутри и снаружи, и прекрасное, неведомое прежде чувство заполнило мое сознание. Здесь, в лесу Радхи, яркая вспышка духовной любви впервые озарила мое сердце. Я почувствовал, как по всему телу разливается пьянящий нектар. К глазам подступили слезы, и, зажмурившись, я словно увидел, как Радха с Кришной одаривают меня своей любовью и зовут на встречу с ними в моем сердце. Дрожь восторга пробежала по моему телу. Лес, в котором я сейчас стоял, находился в ином мире, за миллиарды километров от Земли.

Преисполнившись благодарности, я продолжал свой путь, медленно повторяя мантру Харе Кришна. Я понимал, что мне просто позволили на мгновение заглянуть в божественный мир и что всё это вскоре исчезнет. Страстное желание удержать и усилить этот духовный опыт охватило меня. В тот день в лесу Радхи я понял, что желание духовной любви, разбуженное мантрой, принесло мне переживания куда более яркие и глубокие, чем всё, что я испытал до этого.

Тропинка, петлявшая по волшебному лесу, в конце концов привела меня, переполненного счастьем, к священной горе, на которой обитал садху. Вечерело, и я долго вглядывался в открывшийся

передо мной крутой подъем. Из последних сил я стал взбираться по плохо обтесанным красным каменным ступеням к жилищу отшельника на вершине горы.

Наверху я обнаружил заброшенный, обветшавший храм. В течение некоторого времени я сидел у входа в храм, пока любопытство не заставило меня заглянуть внутрь. Как только я перешагнул за порог, в нескольких сантиметрах от меня проползла длинная змея и исчезла в лазейке в стене. Я сделал еще шаг, пытаясь рассмотреть хоть что-то в полумраке. Когда глаза понемногу привыкли к темноте, я разглядел деревянный алтарь, на котором стояла выцветшая литография. Глиняная штукатурка на стенах почти везде отвалилась, обнажив кирпичную кладку. Откуда-то из темноты вдруг раздался тихий голос: «Ты пришел сюда издалека по зову сердца. Добро пожаловать».

Я обернулся. В темном углу среди развалин сидел человек лет сорока с бритой головой и большим круглым животом, плохо завязавшимся с его тонкими руками и ногами. На нем не было никакой одежды, кроме набедренной повязки. С отрешенным видом он смотрел куда-то вдаль, как будто созерцал иной мир, недоступный нашему зрению.

Я представился и спросил: «Не могли бы Вы мне рассказать, что это за место?»

Он закрыл глаза и углубился в себя. Несколько минут спустя он произнес: «Ты поднялся на Ман-Гарх, гору любовного гнева. В этом лесу Шри Радха делает вид, что сердится на Кришну. Так она выражает свою особую любовь к Нему, и Кришна приходит сюда в поисках этой любви». Глаза отшельника просвечивали меня насквозь. «Любовь покоряет Господа. Он Сам, по Своей воле, желает быть покоренным. Когда Радха будет довольна нашей искренностью, она одарит нас божественной любовью». Похлопав по пыльному полу, он предложил: «Присаживайся, пожалуйста».

Он говорил на безукоризненном английском. «Радха Чаран Дас», — представился мой собеседник. Это был тот самый мудрец, которого я искал. «Но люди зовут меня Рамеш Баба́», — добавил он. Мы еще немного поговорили и вышли наружу. Солнце садилось, и пылающее закатное небо заливало холмы и долины золотисто-малиновым сиянием. Когда на безоблачном небосклоне

появились звезды, а воздух стал прохладным, примерно с десяток ребятишек из соседней деревни собрались на развалинах этого древнего святилища. Маленькие и худенькие, в изодранной одежке, они со всех сторон обступили Рамеша Бабу́, а он взял фисгармонию и под ее аккомпанемент запел классические раги. Божественные звуки полились из его уст, и дети принялись подпевать и безудержно танцевать, подчиняясь все убыстрявшемуся темпу музыки. Один мальчуган двумя деревянными палочками стучал в какой-то народный инструмент, типа барабана, другой ударял в металлический гонг деревянным молотком, а остальные отбивали ритм на латунных тарелочках. Они танцевали под звездным небом на этом пустынном холме и высокими, звонкими голосами славили Господа. Когда их энтузиазм достиг наивысшей точки, Баба́ поднялся со своего места и тоже принялся грациозно пританцовывать. Было видно, что он находится в трансе. После того как киртан подошел к бурному финалу, Рамеш Баба́ сел и запел медленную, бередящую душу песню. Последние звуки ее растаяли в темноте, но все молчали в оцепенении, боясь нарушить священную тишину.

Мальчик лет семи ухватил мою руку своей маленькой ручонкой и потащил на крышу, где они вместе с приятелями соорудили собственный алтарь, похожий на небольшой шалаш из вязанных пучков соломы. Внутри стояла картинка: Господь Кришна обнимает теленка. Черные, как смоль, глаза малыша радостно блестели в лунном свете. Горделиво улыбаясь, он объявил мне дрожащим от восторга голосом: «Это — мой Бог!» Я поразился тому, с какой убежденностью были произнесены эти слова. Шутливо дернув меня за руку, он убежал играть с другими мальчишками, а я остался стоять, потрясенный. Слова этого мальчугана шли из самого сердца, и в них не было ни тени тщеславия, ревности или высокомерия. Даже редкие души, посвятившие всю свою жизнь духовной практике и изучению священных писаний, могут только мечтать о такой вере. Я вспомнил слова Иисуса: *Если не станете, как дети, не войдете в Царствие Небесное.* Рядом с этим ребенком я ощущал себя, в лучшем случае, агностиком. Пристыженный, я смотрел на изображение Кришны и молился: *О мой Господь, суждено ли мне когда-нибудь обрести такую же веру?*

Сакхи Шаран Баба́, единственный сосед Рамеша Баба́, рассказал мне о его жизни. Рамеш Баба́ родился в Аллахабаде, в городе, где проводится Кумбха-мела. Еще ребенком он прекрасно изучил санскрит и философию, а в двенадцать лет получил национальную премию на Всеиндийском музыкальном конкурсе, покори́в всех своим голосом. Но, несмотря на блестящие перспективы, тяга к духовному побуждала его убежать из дому и пытаться вести жизнь садху. Каждый раз, когда он сбегал, родственники находили его и возвращали домой. В подростковом возрасте он уже так хорошо знал писания и мог так интересно говорить, что послушать его проповеди приходили тысячи людей. «Но он оставил все, чтобы поселиться в этом безлюдном месте», — завершил свой рассказ Сакхи Шаран.

В один из тихих вечеров, когда мы сидели при мерцающем свете керосиновой лампы, я спросил у Рамеша Баба́, почему он оставил свою столь успешную карьеру проповедника. В ответ он лишь возвел глаза к небу, всем своим видом давая понять, что ему неинтересно говорить о себе. «Но раз уж ты спросил, — сказал он, — мне следует ответить». Он потупил взор: «Мои проповеди посещали тысячи людей, но сердце мое тосковало по любви к Шри Радхе. Она звала меня». На лицо Рамеша падали мерцающие отблески золотистого пламени лампы. Вглядываясь в пламя, он продолжил: «Поэтому я оставил карьеру проповедника и отправился во Вриндаван, где на холме Говардхана обрел гуру. Потом я пришел сюда. Это было в 1950 году. Мне тогда только исполнилось шестнадцать лет. В те времена здесь были джунгли, населенные дикими зверями, а на вершине той горы, где мы сейчас сидим, прятались убийцы и воры. Двадцать один год я живу здесь, медитируя на имя Шри Радхи».

С годами к Рамешу Баба́ пришла слава. Люди стали почитать его как одного из самых святых людей во всем Вриндаване. Его мать, овдовев, переселилась в хижину у подножия горы, чтобы быть поближе к единственному сыну. Она вела суровую жизнь подвижницы, посвятив всю себя поклонению Богу.

На горе, где жил Рамеш Баба́, не было ни электричества, ни канализации, ни водопровода, ни пищи. Воду мы с Сакхи Шараном набирали внизу из пруда. Обратный путь с полными ведрами под палящим солнцем вверх по крутому склону требовал невероятных

усилий, и на каждой ступени мы останавливались, чтобы перевести дух. Затащив ведра на вершину, мы обычно спускались вниз с обратной стороны горы в небольшую деревушку Манпур, где ходили от дома к дому, прося подаяние.

Однажды, когда мы постучались в какой-то дом, мать семейства стала трубить в раковину, созывая всю семью вернуться с полей, где они трудились. Вскоре вся семья была в сборе, и в нашу честь они хором исполнили прекрасный киртан. Отец играл на фисгармонии и вел киртан, его сын лет десяти искусно стучал в *долак*, двусторонний барабан, другой мальчиш подыгрывал на ручных тарелочках, а вся женская половина хлопала в ладоши и радостно пела. Спустя двадцать минут, когда киртан кончился, они поместили перед моим напарником священное писание и потребовали прочитать что-нибудь из этой книги. Сакхи Шаран Баба говорил около пятнадцати минут на местном диалекте, в то время как вся семья внимала ему, ловя каждое слово. Потом мать семейства положила в наши чаши для подаяния толстые враджа-роти, и мы возвратились наверх, чтобы разделить трапезу с Рамешем.

Но мир так устроен, что, чем больше нас почитают и любят одни, тем больше ненавидят другие. Неподалеку орудовала шайка жестоких бандитов, и несколько местных жителей, которым не нравилась растущая популярность Рамеша Бабы и его громкие киртаны, натравили бандитов на него. В одну из тихих ночей мы сидели на крыше, как вдруг я заметил крадущихся по горе людей. Все они были вооружены ружьями и ножами и направлялись прямо к нам. Я знал, что в таких безлюдных местах человеческая жизнь не стоит и ломаного гроша, а на закон никто не обращает внимания. С искаженными злобой лицами бандиты окружили нас, недвусмысленно давая понять, что готовы на месте перерезать нам горло. Их главарь вышел вперед — лохматый, утрапачающего вида верзил в засаленных одеждах. Довершали картину его черный шарф, обмотанный вокруг головы, густые усы и гнилые зубы.

«В этих местах мы — закон, — прорычал он. — Прекращайте петь или прощайтесь с жизнью! Убить вас — все равно что раздавить комара!»

Баба продолжал спокойно сидеть, не проявляя никакого интереса к происходящему, пока шайка не убралась восвояси. На следующий

вечер один из последователей Баб́и из соседней деревни рассказал нам, что бандиты угрожали уничтожить и его семью. Я знал, что убийства в этих глухих лесах — дело обычное. Но Рамеш Баб́а не проявлял никакой тревоги. «Я повторяю имена Бога и пою киртан, исполняя волю святых людей и писаний, — сказал он мне. — Главное, чтобы Господь был доволен мною. А так, мне все равно, что со мной сделают». Баб́а, как ни в чем не бывало, продолжал каждый день петь киртаны. Я понял, что подобная убежденность — это качество, которое необходимо взрастить мне, чтобы сердце мое стало сосудом, способным вместить все то, о чем я молился. Да, у Рамеша Баб́и был идеал, ради которого он жил и за который готов был умереть.

Мы спали прямо под звездным небом на цементной площадке возле храма. Однажды я обратил внимание, что Рамеш лег спать, положив рядом палку длиной с метр. Обуреваемый любопытством, я сел и спросил: «Раньше я никогда не видел, чтобы Вы спали с палкой, Баб́а. Что-то случилось?»

Невозмутимым голосом он отвечал. «Да, из деревни передали, что неподалеку объявился леопард-людоед. Он уже загрыз несколько коров и местных жителей». Затем, слегка нахмурился, он приподнял палку. «Этим вечером люди видели, как леопард поднимался на нашу гору. Вот я и держу эту палку для защиты». Все это он говорил с таким выражением, словно речь шла о прогнозе погоды на завтра.

Опять пришла моя очередь удивляться: «А как может защитить от дикого леопарда эта маленькая палка?»

«Да никак, Кришнадас. Защитить может только Господь, — он сладко зевнул и уже с закрытыми глазами в полудреме закончил свою мысль. — Тем не менее наша обязанность — показать Кришне, что мы делаем все, что зависит от нас». Успокоенный его верой, я крепко спал той ночью. И Господь действительно защитил нас.

Вскоре я покинул Ман-Гарх, однако время от времени я возвращался туда, чтобы пожить с Рамешем Баб́ой. Во время жаркого индийского лета температура воздуха на вершине горы, где обитал Баб́а, доходила до пятидесяти градусов по Цельсию. Зима же была холодной, с заморозками. У Рамеша Баб́и не было ни вентилятора, ни обогревателя, однако он продолжал спокойно повторять святое

имя Бога, медитируя на Кришну днем и ночью. На горе не было никаких удобств, и отправление естественных потребностей предполагало прогулку в лес с небольшой железной чашей с водой. Присев на корточки, мы справляли нужду, а затем омывались принесенной водой. Завершался весь процесс полным омовением в пруду. Так отправляли свои естественные потребности практически все садху, с которыми мне доводилось встречаться в моих странствиях по Индии. В большинстве случаев местные свиньи, своего рода представители санитарной службы, жадно накидывались на свежие испражнения и с удовольствием пожирали их.

Одним осенним днем, страдая от приступа дизентерии, я присел на корточки в кустах, чтобы ответить на жестокий зов природы. Меня лихорадило, и болезнь подтачивала мои силы, а тут, ко всему прочему, я вдруг увидел огромную змею, которая ползла из кустарника прямо на меня. Змея — желтая с зелеными пятнами — была около двух метров в длину и сантиметров пять в диаметре. По треугольной форме ее головы я понял, что она ядовита. Рептилия немигающим взглядом уставилась на меня и, немного подумав, обвила свое холодное тело вокруг моей ноги. Расположившись на отдых, она замерла. Замер и я. Боясь сделать вдох, я говорил себе так: *Конец может прийти в самый неожиданный момент. Но неужели я умру такой бесславной смертью?* В отличие от Рамеша Бабы, который не испытывал страха перед смертью, я боялся ее. Бешено колотящееся сердце и мечущийся ум показали мне, насколько мне еще далеко от того, чтобы по-настоящему предаться Господу.

Мысленно я вернулся к тому дню, когда мощное течение Ганги неумолимо влекло меня навстречу гибели. История повторялась. Собравшись с духом, я стал тихо повторять: *Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе / Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе*. Молитва сама лилась из моего сердца. И тогда, так же, как в тот день, когда меня уносила Ганга, я постепенно начал ощущать спокойствие, исходившее из непостижимой силы мантры, и внутри пробудилась отрешенность. Я обрел способность взглянуть на эту змею не как на врага, а как на своего брата. Имя Бога рассеяло все мои страхи. Я обрадовался. Прошло несколько минут. Змея посмотрела мне в глаза, а затем, медленно отвернув голову, скользнула назад в кусты. Пристыженный, я подумал:

Сегодня Господь показал мне, что в духовном смысле я еще крохотный младенец. Когда ребенок в опасности, он может лишь звать мать или отца. Сегодня мать и отец этого маленького ребенка пришли в образе своих святых имен и спасли меня.

Вечерами мы с Рамешем Бабой сидели при тусклом свете фонаря на пыльном полу и ели роти. Как-то раз он спросил меня: «В каком городе в Америке ты вырос?»

«В маленьком городке под Чикаго», — ответил я.

Он перестал жевать, и глаза его наполнились слезами сострадания: «О, Кришнада! Чикаго — это город, где убивают коров!» Глубоко вздохнув, я прикрыл глаза, с грустью вспоминая картины из детства: зловоние и рев животных, доносившийся с боен, мимо которых мы проезжали на машине. Непонятно, как об этом узнал Рамеш Баба, живший в полной изоляции на своей горе и оторванный от всех событий этого мира в течение нескольких десятков лет. Но это было правдой. До начала семидесятых годов двадцатого века Объединенные скотобойни (United Stockyards) на юге Чикаго оставались самыми крупными мясоперерабатывающими заводами в мире и самыми большими американскими поставщиками мяса. Сочувствие Рамеша Бабы к коровам, находившимся от него на расстоянии десятков тысяч километров, глубоко тронуло мое сердце.

Рамеш Баба на всю жизнь стал моим другом и источником вдохновения. Его поступки и слова никогда не расходились с теми идеалами, в которые он верил, и ему было все равно, что думают о нем люди. Он жил в тех же условиях, в которых живут гималайские мудрецы, но при этом ни разу не выезжал за пределы Вриндавана. Меня очень привлекало в нем сочетание аскетичности и глубочайшей образованности. Всю свою жизнь он просил подаяние, как нищий, и постоянно молился о том, чтобы стать инструментом божественной любви Радхи и Кришны. Когда он пел раги или служил Богу, эта любовь становилась очевидной. Да, — размышляя я, — путь бхакти очень глубок. Такие милосердные души, как Рамеш Баба и другие, направляют и ведут меня все глубже и глубже в моих поисках истины, раздувая в моем сердце искру желания обрести своего гуру. Теперь я искренне верил, что мой учитель появится именно в тот момент, когда я буду готов.

В одном из вриндаванских садов дети играли спектакль по играм Кришны. В блестящих коронах, в переливчатых костюмах, убранные с ног до головы украшениями, они пели, танцевали и изображали героев, демонстрируя свое знание мельчайших нюансов драматического искусства перед сотней местных жителей. Подобные театральные постановки проходили во всем Вриндаване, и мы с Асимом иногда посещали эти представления. Сегодня Кришна и Его друзья-пастушки, изображая из себя сборщиков податей, преградили путь Радхе с ее подругами-гопи, которые несли на головах глиняные горшки с маслом. Асим переводил мне с местного диалекта хинди.

Очаровательный маленький мальчуган, игравший Кришну, сказал Радхе: «Вы не можете пройти, не заплатив нам налог с вашей красоты, обаяния и сладчайшей любви. Платой будут горшки с маслом, что вы несете на головах».

Красивая девочка, которая играла Лалиту, подругу Радхи, отвечала: «С какой стати мы должны платить вам налог? Моя Радха — царица Вриндавана. Это вы должны платить ей налог за всю ту траву, что каждый день едят ваши коровы!»

Во всех шуточных стычках любовь Шри Радхи одерживала верх над озорным Кришной, и мы, затаив дыхание, следили за игривыми пререканиями влюбленных, пронизанными юмором, радостью и духовными эмоциями. Это были известные истории, но песни и танцы придавали им необыкновенное очарование. Во время своих странствий я смог понять, что суть йоги — полностью сосредоточиться на Всевышнем, и теперь не переставал удивляться, как много для этого существовало способов.

Первые лучи рассвета легли на просторный внутренний дворик, окруженный высокой кирпичной стеной. Стена была увита пышной лианой, вокруг которой деловито жужжали пчелы. Позади возвышался древний храм из песчаника. Птицы, невидимые среди ветвей, запели разом, приветствуя восходящее солнце. Местные садху любили сидеть в этом священном месте и тихо молиться. Кришнадас Бабаджи рассказал мне когда-то, что в центре этого дворика стоит *самадхи* (усыпальница) великого святого по имени Рупа Госвами. Он и его старший брат Санатана занимали посты первых министров при мусульманском наместнике в Бенгалии. Эти молодые, красивые и прекрасно образованные аристократы жили во дворах и владели несметными сокровищами. Все любили братьев за щедрость, однако те мечтали о том, чтобы одарить людей величайшим богатством — любовью к Богу. По зову сердца они раздали все свои деньги нуждающимся и пришли во Вриндаван, где поселились в лесу, под деревом. Вдохновленные учением Господа Чайтаньи, они написали множество книг, в которых открыли миру тайны духовной любви. Будучи олицетворением этой любви, они уже без малого пять столетий служили источником вдохновения для своих бесчисленных последователей. Преданность Рупы и Санатаны настолько поразила меня, что я мог часами слушать о них.

Опустившись на колени перед усыпальницей Рупы Госвами, я тихо молился. Над тем местом, где покоилось тело святого, было построено небольшое квадратное сооружение с куполообразной крышей, увенчанной шпилем. В книгах различных религиозных традиций, которые я прочитал, объяснялось, насколько могущественна энергия святых в местах их захоронения. Но ничто из прочитанного мною ранее не подготовило меня к опыту, который я получил в этот день. Произнося слова молитвы, я внезапно почувствовал какую-то энергию — неземную, но отчетливо ощутимую. Она лилась на меня из усыпальницы. Мне показалось, как будто невидимое, безгранично доброе существо обняло меня и наполнило любовью. Я перестал ощущать свой вес — мое тело и ум оказались далеко от меня. Руки и ноги задрожали, по спине побежали мурашки, и внутри поднялись волны благодарности. Опустив взгляд на пыльную землю, я подумал, что недостоин таких откровений.

Был ли это очередной проблеск той божественной любви, по которой я так тосковал? Проблеск, который был призван заставить меня тосковать по этой любви еще больше? Что-то внутри подсказывало, что так оно и есть. Мой Господь подталкивал меня сделать еще один шаг навстречу моей судьбе.

Внезапно я с удивительной отчетливостью понял, что именно бхакти станет моим путем и что со временем имя Кришны откроет мне Его любовь ко мне. Все мои сомнения ушли, больше ничто не мешало мне принять этот путь, однако я сознавал, что мне нужно будет следовать ему со всей искренностью, найдя прибежище у настоящего гуру, учителя, к которому, как я надеялся, Кришна скоро приведет меня.

Бхакти. Путь преданности. Мой путь был открыт мне. Наконец я принял его всем сердцем.

За все хорошее в нашей жизни нужно платить таким же, если не большим, количеством трудностей. В справедливости этой истины я убеждался множество раз на протяжении года, проведенного мною в Индии. Несколько месяцев назад я послушно посетил офис иммиграционной службы в Матхуре, чтобы продлить визу. Чиновник переслал мое заявление в Нью-Дели, сказав, что, пока не придет ответ, официальным документом, дающим мне право на пребывание в Индии, будет квитанция о подаче заявления.

Прошла осень, наступила зима. Ответа все не было. По крайней мере, я так думал. На самом же деле из матхурского офиса пришло уведомление, в котором мне предписывалось незамедлительно связаться с иммиграционными властями. Письмо это попало в какой-то ашрам, где его благополучно потеряли, а мне не сказали ни слова. Через некоторое время чиновник, занимавшийся моим делом, не на шутку рассердился, посчитав, что я отказываюсь выполнить его распоряжение. А я продолжал жить обычной жизнью, не подозревая, какие тучи спускаются надо мной.

Однажды на улице я встретил знакомого священнослужителя; он бросился ко мне со всех ног, и вид у него был встревоженный. «Тебя разыскивает правительственный чиновник, — сообщил он, — он считает, что ты игнорируешь его».

«О чем ты говоришь? — испуганно отвечал я. — Что я такого сделал?»

«Не знаю. Он приходил сюда утром и разыскивал тебя. Визжал, как бешеный пес, угрожая тебе всевозможными карами».

На лице у священнослужителя появилась гримаса отвращения, и он понизил голос: «Я знаю этого человека. Он жестокий и очень испорченный. Мы боимся его больше, чем местных бандитов. Он способен на всё».

«Что же мне делать?» — у меня бешено заколотилось сердце.

«Будь осторожен».

Всюду, куда бы я ни шел, люди сообщали мне, что чиновник иммиграционной службы разыскивает меня. Многие враджабаси и садху стали молиться, чтобы Господь защитил меня.

В те дни мы со Шрипадом Баббй и Асимом иногда посещали собрания в доме у одной состоятельной женщины из Дели по имени Йогамайя. Во Вриндаване у нее была маленькая двухкомнатная квартира, где по вечерам вайшнавцы пели киртан, а она готовила на всех ужин. На одном из таких вечеров я познакомился с человеком из Нью-Дели, которого все звали Инженером. Высокий мужчина средних лет с аккуратно расчесанными темными волосами и подстриженными усами, он действительно работал инженером-механиком и, как и все остальные гости в доме Йогамайи, был доброй душой и искренним вайшнавом. Услышав о моей беде, он заверил всех, что через свои связи в Дели попробует уладить мой иммиграционный статус. Все собравшиеся стали уговаривать нас, чтобы мы отправились туда немедленно.

Под покровом ночи, узкими вриндаванскими улочками мы с Инженером пробрались к автобусной станции. Готовясь купить билеты, мы стояли в очереди, как вдруг раздался громовой голос: «Арестовать его!» Над автобусной станцией воцарилась тишина. Прежде, чем я что-либо понял, чья-то рука схватила меня за шиворот и ударила о кирпичную стену.

Я оказался лицом к лицу с тем самым правительственным чиновником. «Ты прятался от меня! — закричал он. — Но теперь тебе не убежать!» Его глаза сверкали от ярости. Инженер тронул его за рукав и попытался объяснить, что произошло недоразумение. Но доводы на чиновника не действовали. Он понимал только язык силы. Несколько раз ударив Инженера по лицу, он прижал его

к стене рядом со мной. «Как ты смеешь перечить мне?! — прорычал он. — Еще одно слово, и я изобью и арестую тебя, так же как и его!» Тут поднялся неимоверный гам: женщины заголосили, мужчины стали браниться, а дети — плакать. Двое полицейских прикрывали чиновника с обеих сторон, держа наготове дубинки, чтобы никто не вмешался. Инженер вжался в стену, а чиновник схватил меня за шею и потащил прочь. Местные жители, с ужасом наблюдавшие за происходящим, закричали: «Он — садху! Не обижайте его! Не трогайте этого юношу!»

Чиновник поволок меня за собой и запихнул в автобус на Матхуру. В дверях он обернулся к полицейским: «Дальше обойдусь без вас. Преступник в моих руках». Он швырнул меня на переднее сиденье, а сам уселся рядом. Теперь я мог хорошенько разглядеть его: взъерошенные волосы, короткая бородка и крепкое телосложение, как у военного. Встряхнув меня за плечи, он стал орать, брызгая слюной прямо мне в лицо: «Я тебя отлуплю розгами и заморю голодом! Ты пожалеешь, что вообще родился на свет!» Я утер лицо. *Похоже, что я попал в руки к садисту. Этот человек сумасшедший. Что мне теперь делать?* Я закрыл глаза и стал тихо повторять мантру, а битком набитый автобус рывками двинулся вперед.

Мы проехали какое-то расстояние, как вдруг в задней части автобуса началась какая-то возня. Два крестьянина чего-то не поделили и затеяли драку. Мой мучитель решил не упускать этой возможности проявить свою доблесть. Сорвавшись с места, он приказал водителю приглядеть за мной, как будто я мог выпрыгнуть на ходу из автобуса, а сам, рыча, стал проталкиваться сквозь толпу в конец салона. Нырнув в самую гущу потасовки, он принялся безжалостно колотить затеявших ссору крестьян. Тем временем мне пришла в голову мысль: *Эти несколько секунд — мой единственный шанс на спасение.* Я взмолился, чтобы Господь подсказал мне, как это сделать.

Неожиданно меня осенило. Вскочив со своего места, я закричал водителю: «ГПани*, пани, пани!» — имея в виду, что мне необходимо справиться нужду. Водитель махнул рукой, велев мне вернуться

* Пани (хинди) — вода.

на место, но я не унимался. Вместо этого я стал подпрыгивать, словно ребенок, который вот-вот наделает себе в штаны: «Пани! Пани!» Он опять приказал мне сесть. Единственная возможность сбежать ускользала от меня. В этот миг я обратил внимание на то, что водитель был босым. То, что я сделал затем, должно быть истолковано как исключительная мера в чрезвычайных обстоятельствах. Я присел на корточки возле водительского места и стал мочиться прямо на пол автобуса, тщательно прицеливаясь, чтобы струя отрикошетила на его босые ноги. Теплая моча потекла по его ногам. Такого он явно не ожидал. Глаза его округлились, челюсть отвалилась, он ударил по тормозам, отворил двери и заорал: «Делай это там!»

Я помчался, словно ветер. К моему удивлению, автобус поехал дальше. По всей видимости, водитель был только рад навсегда избавиться от меня. Добежав до поля, я спрятался за кустами и стал наблюдать за дорогой. Проехав еще метров сорок, автобус резко остановился и подал назад. Я мог только догадываться, каким подзатыльником мой конвоир огрел водителя! Чиновник выскочил в темень и стал метаться по дороге с фонарем в руках, но, конечно же, ничего, кроме безлюдного шоссе, не обнаружил. Обозленный, он потопал обратно к автобусу и укатил в Матхуру. А я тем временем пробирался — сначала полями и лесами, а затем глухими переулками — к дому Йогамайи.

Инженер был там. Все собравшиеся, услышав от него о том, что я схвачен, молились и пели весь вечер, прося Кришну защитить меня. Они не знали, чем еще помочь мне. Когда я появился в дверях, все повскакивали со своих мест и кинулись ко мне с расспросами.

«Как тебе удалось сбежать?»

«По милости Кришны». Я не стал вдаваться в подробности. Мне было неловко рассказывать им о нестандартном способе освобождения, к которому я прибег.

Позже другие пассажиры из автобуса рассказали мне, что произошло после моего побега. Чиновник рвал и метал, и одна пожилая вдова подняла его на смех: «Кто тут похвалялся, что он такой важный и сильный? Ха-ха-ха! Тебя победил этот маленький, тощий садху!» Все пассажиры захохотали. Глубоко уязвленный, он торжественно поклялся, что во что бы то ни стало отомстит мне. С той

самой ночи он все свое время посвятил только одному делу — выслеживанию своей жертвы, то бишь меня.

Враджабаси направляли его по ложному следу, а я изучил буквально каждый переулок во Вриндаване, не осмеливаясь появляться на главной дороге. Я жил, словно беглый каторжник, которого по пятам преследует представитель закона, одержимый жаждой мести.

Как-то раз, в полпятого утра, молясь в храме Радха-Рамана, я представил свою непростую ситуацию на суд Кришны: «Если я попытаюсь уехать из Индии с просроченной визой, мне никогда не позволят снова въехать в эту страну. Если же я останусь здесь, то меня все равно рано или поздно арестуют и вышлют из Вриндавана навсегда. Пожалуйста, сделай со мной то, что Тебе угодно».

В предзакатных сумерках я вышел из храма и шагнул в узкий переулок. Внезапно во тьме послышался леденящий душу вой. В испуге я застыл на месте, и тут же в мою правую ногу вонзились клыки какого-то зверя. Огромные челюсти вцепились в меня, заставив упасть. Я приготовился к худшему, но неожиданно челюсти разжались. Я огляделся по сторонам, но не увидел ничего, кроме темного переулка. Неведомая тварь растворилась в ночи так же неожиданно, как появилась. Нога горела от боли. Ковыляя впотьмах, я вдруг потерял равновесие и упал прямо в сточную канаву. Кое-как выбравшись из густой черной жижи, я дошел до храма Радхи-Валлабхи, где был радушно встречен главным священнослужителем и его сыном, Радхешем Лалом Госвами. Они помогли мне омыться, и в обществе этих замечательных людей, ощущая на себе их любовь и заботу, я стал забывать о боли в ноге.

Позже тем же утром я сидел вместе с Ганашьямом и двумя другими садху в его храме, и Ганашьям заметил, что из моей ноги сочится кровь. Встревоженный этим, добросердечный старик поднял брови и своим высоким голосом спросил: «Кришнада, что с тобой?» Я объяснил. Все сочувственно качали головами, слушая мой рассказ. Один из старых садху охнул: «Кришнада, собаки, которые без причины набрасываются на человека, больны бешенством. Тебе нужно немедленно отправляться к врачу».

Я хмуро ответил: «Лучше я умру во Вриндаване, чем уеду отсюда».

Они засуетились и стали наперебой уговаривать меня: «От бешенства ты сойдешь с ума. Мы настаиваем, чтобы ты лечился!»

Пункт бесплатной медицинской помощи представлял собой деревянную будку на обочине главной дороги. Чиновник по-прежнему охотился на меня, поэтому появляться там было очень опасно, но я все же рискнул. В очереди стояло несколько десятков бедняков, вокруг жужжали назойливые мухи. У врача практически не было лекарств и инструментов. Я видел, как он делал укол одному больному, а затем, ополоснув иглу в блюде со спиртом, колол этой же иглой следующего больного, затем — следующего, потом еще одного. Настал мой черед. Доктор обследовал рану и озабоченно нахмурил брови: «Похоже, что Вы заразились бешенством. Можете описать животное, которое укусило Вас?»

«Нет, доктор, было темно, — ответил я, — понятия не имею, кто это был».

Он попросил меня лечь спиной на деревянный стол. Порывшись в железном ящике, он достал оттуда огромную иглу — кривую и ржавую. На моих глазах он заточил ее напильником. Затем стал медленно набирать сыворотку в шприц. «Вы уж не злыщите, но укол очень болезненный, он делается в живот», — с этими словами врач ткнул тупой иглой мне в живот, но игла не вошла. Он пытался снова и снова, изо всех сил стараясь ввести иглу поглубже, а я корчился на столе на глазах у затихшей толпы. Расстроившись от своих неудачных попыток, он сорвался на крик: «Если я не введу эту сыворотку, Вы умрете! В чрезвычайных ситуациях обычные методы не годятся». С этими словами он с силой всадил иглу мне в живот так, что мое тело подпрыгнуло на столе. Боль была невыносимой. Зато игла вошла. Мне показалось, будто меня разрывают пополам. Врач медленно вводил сыворотку в кровоток через мышечные ткани, а мой живот распухал от боли.

Мне отчаянно хотелось убежать оттуда и никогда больше не возвращаться. Когда я, пошатываясь, уже уходил, доктор объявил: «Вы должны приходить сюда на уколы каждый день в течение следующих тринадцати дней».

Я понял, что еще одной такой попытки я не перенесу.

«У меня нет такой возможности», — сказал я.

«Если Вы не продолжите курс лечения, то заболаете бешенством. Вас скрутят судороги, и Вы умрете».

Я объяснил ему свою щекотливую ситуацию: «Если я каждый день стану появляться на главной дороге, меня наверняка поймают и посадят в тюрьму».

Чем дальше я рассказывал, тем больше он проникался ко мне чувством. В конце концов он сказал: «Я — врач на государственной службе. Я напишу письмо, заверенное официальной печатью. Вы сами отвезете его в Дели, и они обязаны будут продлить Вам визу».

На следующий день мой живот распух, превратившись в один сплошной фиолетово-зеленый синяк. Однако отменить уколы было никак не возможно. Любой ценой я должен был проходить через ту же самую мучительную процедуру в течение следующих тринадцати дней. Бедный доктор искренне пытался сделать все, что мог, теми средствами, что имелись в его распоряжении. Он даже обещал мне к следующему разу найти иглу получше. Последовав его советам, я добрался до Министерства внутренних дел в Дели, где меня провели к какому-то высокопоставленному чиновнику. Мое дело рассматривалось как особый случай, и только он мог принять решение. Чиновник, насупившись, читал записку от врача, в которой говорилось, что у меня бешенство и без надлежащего лечения я умру. Далее мой врач ходатайствовал о срочном предоставлении мне действующей визы, чтобы он мог продолжить лечение.

Закончив читать, чиновник иммиграционной службы строго посмотрел мне в глаза и сказал: «Я не смогу спокойно спать, если стану причиной Вашей смерти». Он велел принести мои документы и тщательно оформил мой иммиграционный статус. «Всё. Теперь Вы находитесь в Индии абсолютно легально. Больше нет проблем», — с этими словами он вклеил в мой паспорт новую визу.

Я возвратился во Вриндаван, чувствуя, что прошел через еще одно необходимое испытание, которое очистило меня и подготовило к дальнейшим событиям. Чиновник же из Матхуры больше не беспокоил меня — в отношении него проводилось служебное расследование, и вскоре он был уволен за превышение полномочий. Отныне я мог спокойно оставаться в том месте, которое так сильно полюбил. Меня не покидало ощущение того, что скоро со мной должно произойти что-то поистине замечательное.

Одним холодным вечером в последних числах ноября я сидел под кадамбой на берегу Ямуны, внимательно вслушиваясь в плеск и журчание реки. Вокруг не было ни души. Лунный свет танцевал на поверхности воды, и ночные птицы нежно пересвистывались. Мой ум превратился в проектор, а воды Ямуны — в экран кинематографа, на котором кадр за кадром передо мной стали проплывать все события моей жизни. Перед моим мысленным взором проплыли радости и горести далекого детства и бессмысленные выходы подросткового возраста. Я увидел Гэри и себя, с юношеским задором покидающих родные края в поисках смысла жизни. В наших странствиях по Европе мы осматривали достопримечательности, заводили новых друзей и жадно впитывали в себя все, что выпадало на нашу долю. Но через все это красной нитью проходило настойчивое стремление отыскать Бога, переросшее чуть ли не в одержимость. Откуда взялось это стремление? Ответа у меня не было.

В своих поисках я изучал различные религии и философии. С самого детства я молился Богу — сначала в синагогах, затем в монастырях, соборах, мечетях, храмах. Вглядываясь в воды реки, я мысленно вернулся к тому судьбоносному закату на острове Крит, когда я твердо решил отправиться в Индию. Я пересек Ближний Восток, где получил множество уроков, поменявших мою жизнь. Опасности и болезни подстерегали меня на каждом шагу, но путешествие это дало мне возможность изучить Священный Коран. Глубже заглянув в речные воды, я увидел величественные, сияющие Гималаи. Великие риши, мистики, отшельники, йоги и ламы, у которых я учился с таким рвением, прошли перед моим мысленным взором. Все они были добры ко мне, и я в своем сердце тихо поблагодарил каждого. Затем передо мной предстала картина удивительной встречи с Гэри посреди рисовых полей в Непале. Мне очень хотелось узнать, где он сейчас и почему мы опять разлучились. Здесь, на берегу реки, я снова услышал все свои настойчивые молитвы, в которых просил Бога открыть мне мой духовный путь. Я вспомнил, как Господь Рама явился во сне Рама-севаке Свами и сказал про меня: «Этот юноша — бхакта Кришны. Вриндаван станет местом его поклонения». В то время я не обратил внимания на эти слова, но теперь, прожив

во Вриндаване пять месяцев, я понял, что мне хочется искренне предаться Кришне. Здесь я окончательно принял бхакти своим духовным путем.

Однако сердце мое по-прежнему было пустым. Я знал, что мне нужно принять гуру, которому я посвятил бы всего себя без остатка. И традиция, которой я следовал, и слова священных писаний побуждали меня к этому. С незапамятных времен просветленные души наполняли свою жизнь смыслом, служа наставлениям гуру, и я, глядяываясь в темные волны Ямуны, молил Бога дать мне знак.

Была уже глубокая ночь. Погруженный в эти мысли, я лег на берегу и заснул. Странный сон мне приснился. Во сне я очутился в Америке, в каком-то уютном доме. На заднем плане вещал телевизор, а люди вокруг меня вели пустые беседы. Испуганно вздрогнув, я проснулся. *Зачем я уехал из Вриндавана?* — вскрикнул я. Спросонья я стал кататься по берегу, всхлипывая в темноте и задавая себе один и тот же вопрос: *Зачем я уехал из Вриндавана? Зачем я уехал из Вриндавана?* Постепенно память вернулась ко мне, и я узнал Ямуну и дерево кадамба. *Я во Вриндаване! «Я все еще во Вриндаване!»* — вырвался из моей груди ликующей крик. Я обнял холодную землю, на которой лежал, чувствуя, что никуда не хочу уезжать отсюда. Немного успокоившись, я стал размышлять. *Этот холодный и пыльный берег вриндаванской реки гораздо дороже для меня, чем роскошный особняк в родной стране.*

Позже тем же днем в одном из узких переулков я наткнулся на спящую корову, которая вольготно разлеглась, перегородив дорогу. Осторожно обойдя священное животное, я поднял голову и вдруг заметил метрах в пятидесяти молодого человека европейской наружности, одетого в шафрановые одежды индийских монахов. Он быстро шел ко мне, размахивал руками и кричал: «Ричард! Ричард!» Похоже, мы были знакомы. Когда он подошел поближе, я узнал в нем того самого вайшнава, которого встретил девять месяцев назад на фестивале «Харе Кришна» в Бомбее. До этого я ни разу не видел во Вриндаване западных учеников Шрилы Прабхупады. Сказать, что я обрадовался такой встрече, значит ничего не сказать. Я был вне себя от счастья.

«Завтра приезжает Шрила Прабхупада!» — воскликнул он, и необъяснимое волнение охватило меня. Солнце клонилось к закату. В небе резвились и чирикали птицы. Корова лениво поднялась, стряхнула с себя остатки дремоты и, цокая копытами по дорожке, пошла куда-то, протяжно мыча. «Ты, наверное, не знал, что Шрила Прабхупада — житель Вриндавана. Сейчас, распространив по всему миру религию бхакти, он возвращается сюда». Хлопнув меня по спине, он улыбнулся: «Прабхупада будет рад увидеть тебя здесь. Мы вспоминали о тебе, гадали, где ты сейчас. Так что, пожалуйста, приходи!»

26 ноября 1971 года. Я стоял на обочине дороги, когда автобус индийского производства с шумом въехал во Вриндаван и остановился. Двери распахнулись, и по ступенькам спустился невысокий пожилой человек в шафрановых одеждах, с деревянной тросточкой в руке. Это был Шрила Прабхупада, посол Вриндавана во всем мире. Со всех сторон к нему с приветствиями кинулись старики и молодые. Снова увидев этого человека, который когда-то отнесся ко мне с такой добротой, я почувствовал, как сердце мое тает от радости.

То, что произошло дальше, вызвало еще более бурный восторг местных жителей. Из того же самого автобуса вышло человек сорок бхакт Кришны — женщины и мужчины самых разных национальностей и рас: европейцы, американцы, латиноамериканцы, африканцы, азиаты, индийцы. Впервые за всю историю Вриндавана сюда приехала такая большая группа иностранцев. Когда они выходили из автобуса, храмовые служители и паломники восхищенно качали головами, детвора восторженно улыбалась, а простые крестьяне с удивлением взирали на все это.

Сотни миллионов индийцев поклоняются Кришне и считают Вриндаван самым святым местом на Земле. Видя, что представители самых разных народов разделяют их сокровенные верования, жители Вриндавана буквально раздулись от гордости. Началась церемония, во время которой высокопоставленные лица, включая мэра, правительственных чиновников, священнослужителей и глав религиозных общин, приветствовали возвращение Шрилы Прабхупады домой. Когда-то этот пожилой садху, ведомый своей мечтой, уехал из Вриндавана без гроша в кармане. Теперь же он возвратился сюда всемирно известным учителем.

Шрила Прабхупада родился в 1896 году в Калькутте. Его нарекли Абхай-Чараном. Отец и мать его были глубоко верующими людьми. В 1922 году молодой Абхай встретился со Шрилой Бхактисиддхантой Сарасвати, который стал его гуру. Об этом я читал еще в Бомбее. Во время их первого разговора Шрила Бхактисиддхантa сказал: «Ты образованный молодой человек. Почему бы тебе не распространять по всему миру учение Господа Чайтаньи?»

Абхай подумал, что ослышался. Они едва были знакомы, а садху уже поручал ему миссию всей жизни! В то время Абхай принимал активное участие в движении Махатмы Ганди за независимость Индии. «Кто станет слушать нас? — возразил Абхай. — Как мы будем распространять индийскую культуру, если нами самими правят англичане?»

Шрила Бхактисиддхантa ответил: «Любая власть временна. Вечная истина заключается в том, что мы не имеем ничего общего с названиями, которые носит наше тело. Мы — вечные души, исполненные блаженства. Если мы хотим принести благо человеку, обществу или стране, мы должны помогать людям восстановить их вечные отношения с Высшей Реальностью — Господом Кришной».

Слова Бхактисиддханты были логичны и вместе с тем исполнены сострадания. Слушая, как он объясняет священные писания, Абхай признал себя побежденным. Всем сердцем он принял Бхактисиддханту Сарасвати своим духовным учителем и посвятил исполнению его воли всю свою жизнь.

«Дружище!» — вдруг донеслось до меня. Я оглянулся и увидел улыбающегося здоровяка в белых одеждах, спешащего ко мне с распростертыми объятиями. Это был Гурудас. Именно он девять месяцев назад в Бомбее привел меня на помост, где я впервые вблизи увидел Шрилу Прабхупаду. Восторженно сверкая своими зелеными глазами, он обнял меня: «Мы снова встретились, да еще в таком святом месте!» Позже в этот день он повел меня по узким улочкам. Пройдя через ворота, мы вышли к средневековому храму. Там, в тесной боковой комнате, он стал рассказывать мне о жизни Шрилы Прабхупады.

«В 1954 году Шрила Прабхупада отошел от дел и обосновался во Вриндаване. В той самой маленькой комнатке, где мы сейчас

сидим, он провел шесть лет, готовясь к своей миссии». Сидя на каменном полу, я внимательно рассматривал крошечное помещение. Проворная зеленая ящерица, быстро виляя длинным хвостом, что-то проверещала и стремглав побежала по кирпичной стене, обмазанной глиной. Низкий столик и деревянная рама кровати с веревкой крест-накрест для матраца были единственной мебелью в комнате. «Прямо здесь, — сказал Гурудас, — он переводил с санскрита на английский язык священные писания».

Я кивнул, подтверждая свое желание слушать.

«В 1959 году он принял монашеский сан, стал свами. Ему присвоили титул „Бхактиведанта Свами“, — говорил Гурудас. — А в 1965 году, в возрасте шестидесяти девяти лет, он покинул свой дом во Вриндаване, чтобы исполнить миссию своей жизни. Получив бесплатный билет, он отправился на грузовом судне „Джаладута“ к берегам Америки. В кармане у него было примерно семь долларов в индийской валюте. Судно не раз попадало в шторм, и в пути он перенес два сердечных приступа. Свой семидесятый день рождения он встретил в открытом море. Первым портом, где пришвартовалась „Джаладута“, был Бостон, после чего корабль приплыл в Нью-Йорк».

Порыв прохладного зимнего ветра пронесся по комнате. В храме начиналась служба: зазвонили колокола, и священнослужители стали бить в медный гонг деревянными молотками: бом-бом, бом-бом, бом-бом. Пока толпы людей заполняли храмовый двор в ожидании начала службы, Гурудас продолжал рассказывать: «Шрила Прабхупада высадился в порту Нью-Йорка. В Нью-Йорке он не знал ни единой души, и поначалу ему приходилось сражаться в одиночку. Он поселился в трущобах на Бауэри-стрит, потом в Нижнем Ист-Сайде. Мало-помалу его удивительные качества и глубокие познания привлекли к нему искренних искателей из числа хиппи. Он преобразил сердца многих молодых американцев и европейцев. Я стал его учеником в 1967 году в Сан-Франциско. Мы с любовью называем его Шрила Прабхупада, что означает „тот, у чьих стоп сидят великие учителя“. Проведя за пределами Индии всего несколько лет, он основал всемирное Движение и вот сейчас впервые привез группу своих учеников в свой родной дом — во Вриндаван».

Я в удивлении покачал головой. Я тоже прошел в одиночку по многим странам — без денег, без знакомств. Но я был молодым и здоровым девятнадцатилетним парнем. Он же начал свое путешествие в семидесятилетнем возрасте и прибыл в чужую страну, не имея ни средств к существованию, ни знакомых, и всё только для того, чтобы стать инструментом сострадания Бога.

Вечером я вернулся в тот же храм, чтобы послушать лекцию Шрилы Прабхупады. Я сел на полу в переполненной зале, где под потолком дребезжали вентиляторы. Собравшиеся стали петь религиозные песни, а за окнами заливались птицы. Едва в зал зашел Шрила Прабхупада, как воцарилась тишина. Ученики почтительно склонились, старые друзья стали обниматься с ним, а остальные гости уважительно замерли. На нем было монашеское одеяние шафранового цвета — безупречно чистое, с аккуратными складками. Он сел, скрестив ноги, в дальнем конце зала на возвышении, обтянутом красной тканью. Сквозь многочисленные окна закатное солнце заливало своими мягкими лучами его темно-золотистое лицо. Он с любовью обвел аудиторию взглядом своих карих глаз — мудрых, но одновременно невинных, как у младенца. Он был невысокого роста — не больше метра семидесяти, но от него исходила необычайная сила. Он склонил голову и молитвенно сложил руки у груди, приветствуя всех, а затем откашлялся и глубоким голосом заговорил в микрофон.

«Главным законом жизни является потребность любить кого-то, — начал он. — Невозможно жить, никого не любя. Эта потребность присутствует в каждом живом существе. Но есть одно упущение: мы не знаем, на кого должна быть направлена наша любовь, чтобы она охватывала всех и приносила всем счастье». Он замолчал, серьезно глядя на своих слушателей: «В наше время общество учит человека любить родину, семью или самого себя, но никто не знает, куда должна быть направлена наша потребность любить, чтобы счастливы стали все».

Его голос слегка задрожал от нахлынувших чувств. Он не просто поучал нас. Казалось, что он умоляет каждого из присутствующих постараться понять всю важность того, что он хотел до них донести. Его желание помочь было настолько очевидным, что все жадно ловили

каждое его слово: «Мы потерпели неудачу в своих попытках создать мирное и гармоничное общество. Ни Организация Объединенных Наций, ни экономическое развитие, ни научный прогресс не принесли людям мира и счастья — а все потому, что мы упустили из виду самое важное». Он говорил так, как будто ощущал страдания всего мира. Прикрыв увлажнившиеся глаза, он продолжал говорить как бы в состоянии транса: «Это упущение может быть восполнено, если мы пробудим в своих сердцах изначальную любовь к Кришне. Научившись любить Кришну, мы полюбим и каждое живое существо. Любить Кришну — все равно, что поливать водой корень дерева; все остальные части дерева тоже получают питание. Отправляя пищу в желудок, мы тем самым питаем и все органы нашего тела. Если мы твердо усвоим этот урок, жизнь наша исполнится блаженства».

К этому времени мои духовные поиски стали настолько интенсивными, что его слова о срочной необходимости восстановить нашу некогда утерянную любовь к Богу тронули меня до глубины души.

Ученики Прабхупады предложили, чтобы я поселился вместе с ними, но я вежливо отказался. Я предпочитал спать под деревьями на берегу Ямуны. Однако каждое утро, после омовения и медитации, я шел по пустынному Вриндавану, чтобы послушать его лекцию. Надо признаться, ученики Прабхупады производили на меня не самое лучшее впечатление. У многих из них были фотоаппараты и магнитофоны — вещи, которых я никогда не видел у садху. Однако меня все больше и больше очаровывала глубина познаний и удивительные человеческие качества Шрилы Прабхупады. Поражало, с какой простотой и легкостью он объяснял самые сложные философские истины. Каждое утро после лекции Шрила Прабхупада сам водил нас по Вриндавану. Мы приходили в места, где я уже бывал много раз, но в его присутствии у меня появлялись иные чувства и мысли, словно он открывал мне какой-то более глубокий пласт реальности. Когда он рассказывал историю того или иного места, я словно видел все, о чем он говорил. После обеда я, как правило, проводил в его комнате несколько часов, слушая, как он непринужденно беседует на разные темы со своими гостями. Я очень робел в его присутствии и сам не задавал никаких вопросов, но с радостью слушал все, о чем он говорил с посетителями.

Однажды, когда я сидел в комнате, вошел один из старших учеников Шрилы Прабхупады и со строгим видом направился ко мне. «Здесь имеют право находиться только гости, — сказал он. — Пожалуйста, на выход. Все вайшнавцы сейчас заняты каким-то служением. Нечего бездельничать». Хотя я, в отличие от учеников Прабхупады, носил длинные волосы, я оказался единственным западным человеком в комнате. Очевидно, что меня приняли за своего.

Я показал ему длинную прядь своих волос и произнес: «Посмотри! Какой же я вайшнав?»

Возмущенный отказом, ученик стал смотреть на Шрилу Прабхупаду, ожидая, что Прабхупада рассудит нас. Мне непременно хотелось остаться, и я с тревогой ждал решения моей судьбы. Подняв брови, Шрила Прабхупада с улыбкой посмотрел на меня, а затем и вовсе рассмеялся: «Пусть остается. Он не вайшнав». Ученик ушел раздосадованный, а Шрила Прабхупада, обратившись ко мне, очень серьезно и проникновенно сказал: «Мне нравится твое горячее желание слушать». Он как бы вступал в разговор со мной, и от его теплых слов сердце мое растаяло.

На следующий день я случайно встретил на улице Кришнадаса Бабаджи. «Харе Кришна!» — крикнул он мне, и я, ответив на его приветствие, сообщил о приезде Шрилы Прабхупады. Он просиял: «Неужели! Пожалуйста, возьми меня с собой, я хочу увидеть своего дорогого духовного брата». Мы пошли вместе с ним по узким улочкам, уворачиваясь от сигнализирующих рикш и огибая развалившихся на дороге буйволов. Взойдя по лестнице на второй этаж, мы вошли в комнату, где жил Шрила Прабхупада. Сидя на полу за низким столиком, Шрила Прабхупада разговаривал с десятком гостей. Глаза двух великих душ встретились, и лица их расцвели от счастья. Кришнадас Бабаджи расплылся в улыбке и закричал: «Харе Кришна!» Лицо Шрилы Прабхупады озарилось таким блаженством и восторгом, каких я не видел еще ни на одном человеческом лице. Широко улыбаясь, со слезами на глазах, он тоже закричал: «Харе Кришна!» — и вскочил со своего места, чтобы поприветствовать Бабаджи. Они заключили друг друга в объятия, и по щекам обоих полились слезы радости. Затем Шрила Прабхупада подвел Бабаджи к подушкам, на которых сидел сам, и усадил его рядом.

В течение следующего часа они смеялись и разговаривали на родном бенгали, так, как будто в комнате, кроме них, никого не было. Я находился всего в нескольких метрах от них и восторженно наблюдал за этой картиной. Какие поразительные духовные отношения связывали этих двух людей! Никогда в жизни я еще не видел такой любви и такого уважения, какие эти два человека проявляли друг к другу. В какой-то момент мне показалось, что я смотрю прямо в духовный мир.

Не прошло и недели, как некоторые ученики Шрилы Прабхупады стали настаивать на том, чтобы я определился с выбором. «Это неправильно, что ты живешь во Вриндаване, — говорили они. — Тебе нужно примкнуть к нашему Движению и путешествовать вместе с нами». Хотя мне уже не раз приходилось сталкиваться с подобным отношением, подстегивание с их стороны огорчало меня. Если когда-нибудь сердце мое и выберет учителя, которому я посвящу всего себя, то мое решение будет продиктовано исключительно глубочайшей верой и вдохновением, а не чьим-то давлением.

Однажды днем я торопился в сад, где должен был говорить Шрила Прабхупада. Но я опоздал. Стадо коров мирно щипало траву, в густой листве сладко пели птицы, и несколько сот враджабаси, выстроившись в шеренгу под тусклым зимним солнцем, провожали Шрилу Прабхупаду. Люди с почтением кланялись ему, и я тоже поклонился, дотронувшись лбом до пыльной земли. Подняв голову, я в нескольких сантиметрах от себя увидел его стопы, обутые в простые холщовые шлепанцы. Оставшись стоять на коленях, я посмотрел вверх и встретился с его серьезным взглядом.

«Сколько времени ты живешь во Вриндаване?» — спросил он.

У меня все похолодело внутри: я испугался, что он тоже станет ругать меня за то, что я живу здесь. Я ответил: «Без малого полгода, Шрила Прабхупада».

Его большие темные глаза пристально смотрели в мои. Казалось, вокруг ничего нет, кроме этого взгляда. Я вдруг понял, что ему известно обо мне всё: мои сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки, все, к чему я стремился, и все то, от чего я молил Бога меня избавить. Я молчал. Так прошло, наверное, около

минуты. Неожиданно его лицо осветилось великодушной улыбкой. «Очень хорошо, — сказал он, нежно потрепав меня по голове. — Вриндаван — замечательное место».

В его взгляде и в этой краткой реплике я почувствовал любовь вечного друга, заботливого родителя, любовь Самого Бога. Медленно повернувшись, он пошел по дорожке, шаг за шагом втыкая в землю свою деревянную трость, а я закрыл глаза и погрузился в размышления.

Он занятой человек: десятки тысяч людей во всем мире ждут, когда он уделит им хотя бы минуту внимания. Почему он остановился поговорить со мной? Мне нечего ему предложить, я нищий бродяга, который ночует под деревом.

Этот небольшой знак внимания с его стороны очень сильно подействовал на меня — гораздо больше, чем многие из чудес, которые я видел до этого. Я не мог ни понять, ни объяснить свои ощущения. Возможно, — думал я, — *служить проводником доброты и есть самое чудесное из всех чудес.*

В течение долгого времени мне не давал покоя один философский вопрос: является ли Бог, в конечном счете, личностью или же Он безличен? Некоторые йоги и философы утверждали, что в Своем высшем проявлении Бог безличен, что у Него нет формы, однако, приходя в материальный мир как *аватара*, Он на время принимает материальную форму. Исполнив Свою миссию, Он вновь растворяется в Своем бесформенном бытии. Форма и индивидуальность, согласно учению имперсоналистов, являются временным порождением материальной иллюзии. В своем высшем состоянии освобождения душа избавляется от этой иллюзии и сливается с Богом, погружаясь во всепроникающее духовное бытие.

Другие йоги и философы утверждали, что Бог — это Верховная Личность и что Его духовная форма вечна, исполнена знания и блаженства. Получая освобождение, душа вступает в царство Бога, где вечно с любовью служит всепривлекающему Господу.

Я часто размышлял над этим противоречием. *Одна из этих точек зрения должна быть ошибочной. Бог может быть либо личностью, либо безличным бытием.* Я уважал всех своих учителей, и мне не хотелось считать кого-то из них неправым. Некоторые из них непримиримо отстаивали свою точку зрения, другие, наоборот, воздерживались от споров, ограничиваясь туманными фразами. Я обнаружил, что многие духовные учения в Индии не расходились друг с другом до тех пор, пока не затрагивался этот вопрос.

*К какой цели я должен стремиться? — недоумевал я. —
Нужно ли мне подняться над двойственностью,
чтобы слиться с безличным и бесформенным
Богом, или же я должен очищать свое сердце,
чтобы служить с безоговорочной любовью
Богу-личности в Его вечной обители?*

Как-то раз один из гостей задал Шриле Прабхупаде тот же самый вопрос: «Является ли Бог бесформенным и безличным или же у Него есть форма и индивидуальность?» Щебет птиц, визгливые крики обезьян и сигналы рикш за окном — всё разом смолкло в моем сознании. Я весь превратился в слух, ожидая ответа. Шрила Прабхупада сидел, скрестив ноги, на полу. Перед ним стоял низкий столик, на который он опирался локтями, подпирая подбородок сцепленными пальцами. Услышав вопрос, он немного подался вперед; его лицо с опущенными вниз уголками полных губ излучало абсолютное спокойствие. С серьезным взглядом он процитировал стих из Вед и стал объяснять: «Прежде всего, надо понять, что природа Бога непостижима. Верховный Господь сочетает в Себе черты личности и безличного бытия. Вечная истина заключается в том, что Он не имеет образа и формы и в то же время у Него есть вечная, всеблаженная форма».

По моей груди разлилось теплое умиротворение. Шрила Прабхупада поднял указательный палец и продолжал: «Безличная вездесущая энергия Господа называется *Брахманом*. А Его личностная форма — это *Бхагаван*, источник всех энергий, который Сам никогда не попадает под влияние иллюзии. Возьмем, к примеру,

солнце. Солнце в виде планеты и бесформенный солнечный свет невозможно разьединить — они существуют одновременно. И то и другое — аспекты одного и того же солнца. Точно так же существуют две школы трансценденталистов. Они сосредоточиваются на разных аспектах одной и той же истины. Имперсоналисты стремятся к безличному освобождению в бесформенном сиянии Господа, в то время как персоналисты хотят вечно и с любовью служить всепривлекающей форме Господа. Тут нет никаких противоречий. Подобно этому, душа является неотъемлемой частицей Господа, одновременно единой с Богом и отличной от Него. В качественном отношении мы едины с Богом: мы вечны, полны знания и блаженства, как и Он. Но количественно мы — всего лишь Его частицы, подобно лучу солнца, который представляет собой всего лишь крошечную корпускулу света, хоть и обладает теми же свойствами, что и солнце. Мы одновременно едины с Богом и отличны от Него. Бог — независимый повелитель, но, когда душа злоупотребляет дарованной ей Богом независимостью, она забывает о своих отношениях с Богом и попадает под власть иллюзии, обрекающей ее на страдания».

Откинувшись к стене, он слегка наклонил голову и пристально посмотрел прямо мне в глаза: «Эти две школы — персоналистов и имперсоналистов — описывают разные аспекты одного и того же Бога». Он продолжал объяснять, что Кришна, Его форма, качества, личность и обитель — безграничны, что все истинные религии мира поклоняются одному и тому же Единому Богу и что Бог просто по-разному открывал Себя разным людям в разные времена.

Какой красивый ответ! Несколькими простыми, но мудрыми словами Шрила Прабхупада примирил две, на первый взгляд, противоположных точки зрения. Я слушал его, и слезы благодарности навернулись мне на глаза. *Да, теперь все ясно.* Сомнение, стоявшее на моем пути, ушло безвозвратно. Я радостно и счастливо заулыбался, и Шрила Прабхупада улыбнулся в ответ — мудро и безмятежно.

Кто-то из гостей спросил: «А правда, что Вы — гуру всего мира?»

Шрила Прабхупада кротко потупил голову и, глядя в пол, ответил: «Я — слуга каждого. Просто слуга».

Я изумился. В этих словах и вообще во всем, что говорил и делал Шрила Прабхупада, не было ни тени притворства. Он всегда оставался абсолютно непринужденным и естественным. Мне вспомнилось смирение моего любимого Ганашьяма, в течение пятидесяти лет жившего в коридорчике рядом с чуланом. Шрила Прабхупада был высокообразованным ученым, блестящим оратором и могущественным йогом; он основал всемирное Движение с тысячами последователей, и каждый день к нему на поклон приходили высокопоставленные лица. Тем не менее он обладал тем же самым неподдельным смирением: «Я — никто. Бог — всё». Самое удивительное заключалось в том, что это смирение наделяло его безграничной уверенностью и решимостью.

После встречи я подошел и протянул Шриле Прабхупаде розу. Он понюхал ее и в знак благодарности склонил голову. Выйдя на улицу, я направился к Ямуне. Простые слова Прабхупады разрешили головоломку, примирив в моем сознании персонализм и имперсонализм. Я не переставал восхищаться его качествами и поступками. *Интересно, кто этот удивительный человек? —* размышлял я. — *Какой он в обычной жизни?*

В декабре дни становились все короче, и после захода солнца было по-настоящему холодно. Как-то раз вечером, покрыв голову куском ткани, я отправился к Ямуне по дороге, проложенной паломниками. Вокруг кипела жизнь: павлины и другие птицы пели свои предзакатные песни, крестьяне возвращались с полей домой, а женщины-враджабаси в оранжевых, зеленых и желтых сари плавно скользили по тропинке, неся на головах огромные горшки с водой. Внезапно впереди я различил очертания знакомой фигуры. Это был Шьямасундара — тот самый вайшнав, что накормил меня освященной пищей в Амстердаме, а потом заботился обо мне в Бомбее. Даже со спины я распознал этого высокого американца, личного секретаря Шрилы Прабхупады. Его правая рука была опущена в мешочек с четками — он повторял мантру, идя к реке. Я ускорил шаг, чтобы догнать его, и окликнул по имени.

Он обернулся и, узнав меня, расплылся в улыбке:

«А, это ты, Ричард! Или как теперь тебя зовут?»

«Некоторые называют меня Кришнадасом».

Он обнял меня за плечо своей длинной рукой: «Кришнадас, я слышал, что ты уже несколько месяцев живешь во Вриндаване. Я так рад увидеть тебя снова».

Пока мы стояли с ним на тропинке, обмениваясь любезностями, у меня возникло предчувствие, что через какое-то время этот человек займет в моем сердце особое место. Мне казалось, что мы знакомы с давних пор. «Ты очень понравился Шриле Прабхупаде, — сообщил Шьямасундара. — Он часто о тебе спрашивает».

«Как тебе повезло, что ты путешествуешь вместе с ним! — восхитился я. — Каждый день рядом с ним — мне трудно даже представить себе...»

«Да, — чуть смущенно рассмеялся он. — Иногда я щиплю себя, чтобы удостовериться, не снится ли мне все это. Я нахожусь рядом с ним почти четыре года, но с каждым днем он словно становится все моложе и красивее. Он всегда свеж и бодр, но я ни разу не видел, чтобы он спал!»

«А как вы встретились?» — поинтересовался я. Мне очень хотелось узнать о Прабхупаде как можно больше, чтобы понять, почему другие решались так кардинально изменить свою жизнь и идти за ним.

Мы сели на берегу реки, и Шьямасундара, скрестив ноги и медленно раскачиваясь всем телом, стал рассказывать: «Это произошло в Сан-Франциско, на Хейт-Эшбери, в январе 1967 года. Мы с друзьями устроили грандиозную вечеринку в танцполе „Авалон“. Мы назвали это представление „Мантра-рок-данс“. Народ собрался, чтобы поприветствовать Свами в честь его приезда на западное побережье. В „Авалоне“ в тот вечер играли буквально все: Grateful Dead, Дженис Джоплин, Jefferson Airplane, Canned Heat, Quicksilver, Moby Grape. Пришли даже Аллен Гинсберг, Тимоти Лири и Кен Кизи. Короче, собрались все герои хиппи». От возбуждения Шьямасундара стал раскачиваться еще сильнее: «Представь себе: всё вокруг озаряется пульсирующими вспышками света, гремит рок-н-ролл, зал набит битком, кругом дикие длинноволосые ребята, большинство из них — под кайфом. И вот, ближе к полуночи, на темную сцену тихо поднимается Шрила Прабхупада. Он садится на специальный помост и поджигает под себя ноги. Весь народ затихает. А Шрила Прабхупада смиренно начинает петь мантру Харе Кришна. Проектор находит его, освещает, и мало-помалу вся толпа начинает ему подпевать. Тогда, одна за другой, на сцену поднимаются все эти рок-группы и присоединяются к нему. В течение двух часов Прабхупада вел самый невероятный киртан, какой только можно себе вообразить. А когда он встал и принялся танцевать с воздетыми руками, сердца тысяч людей были покорены. Как он выразился потом: „Я из хиппи сделал хэппи“*».

Я попытался представить себе Шрилу Прабхупаду на Хейт-Эшбери — в мировой столице движения хиппи. В 1968 году мы

* Игра слов: англ. happy означает «счастливый» (примеч. переводчика).

с Гэри провели там некоторое время. Это был свой особый мир, населенный хиппи-пацифистами, мечтателями с горящими глазами, торговцами наркотиками, наркоманами, туристами, антерпренерами и байкерами — «Ангелами Ада», которые с грохотом носились по всей Хейт-стрит на своих хромированных «харлеях». Как я ни старался, я не мог себе представить почтенного садху из Вриндавана живущим в этом бедламе. «И как долго он там пробыл?» — спросил я.

«Четыре месяца. Он жил с нами, молодыми американцами. Мы почти не понимали, о чем нам толкует Свами. Единственное, что нам было ясно, — это то, что мы в полном восторге от этого замечательного человека, который сидит у себя в крохотной квартирке под прачечной самообслуживания и с радостью приветствует каждого, кто заходит к нему. Особенно меня покорило в нем то, что он постоянно шутил. Иной раз он смеялся так, что по щекам его начинали течь слезы».

На речном берегу начинало темнеть. Становилось холодно. Из деревни потянуло дымом от очагов, на которых местные жители готовили ужин. Я предложил пройтись вдоль реки в сторону Кеши-гхата.

Мы поднялись, и Шьямасундара отряхнулся от пыли. Пока мы шли, он рассказывал, как Прабхупада покорила сердца «битлов», в особенности Джорджа Харрисона. Бхакты так близко подружились с этими кумирами пубрики, что месяцами жили в доме у Джона Леннона. «Разве без вмешательства высших сил такое могло произойти?» — спросил Шьямасундара.

В ответ я просто улыбнулся.

«Главное, что Прабхупаде ничего не надо было от этих ребят. Он просто хотел раскрыть им тайну жизни. На первой же встрече с Джоном и Джорджем Прабхупада заглянул им прямо в сердце. Невозможно было устоять перед ним, когда он очень просто рассказывал, что Кришна — это Верховная Личность, описывал, как Он выглядел, что Он говорил и делал, как Кришна любил музыку, песни и танцы. А потом Шрила Прабхупада пообещал им, что в один прекрасный день они тоже встретятся с Кришной лицом к лицу».

Мне сложно было поверить, что здесь, во Вриндаване, гуляя по берегу Ямуны, я слушаю рассказы о «битлах». Мне оставалось только рассмеяться.

Шьямасундара, разволновавшись, остановился, чтобы рассказать еще одну историю. Слезинка скатилась по его щеке, и, запинаясь, он продолжал: «Помню, как у входа в комнату Прабхупады, перед самой первой встречей с ним, Джордж шепнул мне, что волнуется сильнее, чем когда выходил на шоу Эда Салливана или встречался с Элвисом. Но вот он открывает дверь и кланяется. И Прабхупада радушно приветствует его. Со стороны казалось, будто встретились два старых друга и продолжили свой давний разговор. После встречи я провожал Джорджа, и он, обернувшись ко мне, сказал: „Да, Прабхупада — это что-то!“»

В последний раз я слышал рок-н-ролл больше года назад. Живя в тысячах километров от дома, в далекой индийской деревушке, я почти забыл, что это такое. Но мне очень понравилось, что Джордж Харрисон с такой серьезностью отнесся к духовной жизни. Я сразу же проникся к нему симпатией, как к брату, с которым у нас были одни и те же идеалы. *Как тесен этот мир и как прекрасен*, — подумал я.

Сидя на ступенях Кеши-гхата со своим новым другом, я увидел, как по небу на севере пронесся метеор. Шьямасундара возвел глаза к небу и принялся рассказывать мне о поездке Шрилы Прабхупады в Россию. В те годы никто не мог проникнуть за «железный занавес», но Кришна вновь проторил дорожку для Своих верных слуг, откликаясь на их желание.

«Мы не знали, как все сложится. У нас не было даже нормальной еды. Мы остановились в тесных, тускло освещенных гостиничных номерах, и все вокруг было пропитано страхом. Люди ходили подавленные и мрачные. Я думал: „Что тут делать целых пять дней?“»

Шьямасундара продолжал вспоминать, как бродил возле Красной площади и прямо на улице познакомился с сыном индийского посла и русским юношей Анатолием, который согласился прийти в гостиницу, чтобы увидеться с гуру.

«Анатолий провел с Прабхупадой три дня, с утра до вечера впитывая, словно губка, все то, чему его учил Прабхупада. Прабхупада с присущим ему очарованием и мягким юмором рассказал Анатолию о практике сознания Кришны. При этом он не упустил даже малейших деталей. Потом мы с Прабхупадой уехали

из Москвы. Но посеянное им семя начало давать всходы, и сейчас учение Кришны, словно лесной пожар, распространяется подпольно за „железным занавесом“».

Глядя на горизонт, из которого к нам текла река, я вспомнил, как в Америке нас с детства учили бояться русских. В нашей школе практиковались учебные боевые тревоги, во время которых мы прятались под партами, на тот случай, если Россия нападет на Америку. Некоторые из наших соседей, те, что побогаче, построили у себя во дворах настоящие бомбоубежища с запасом продуктов. Люди в Америке в любой момент ожидали нападения со стороны СССР. И вот, в самый разгар холодной войны, Шьямасундара со Шрилой Прабхупадой едут в Москву, где, как ни в чем не бывало, рассказывают русскому юноше о пути бхакти-йоги.

«А зачем Шрила Прабхупада привез вас, своих западных учеников, в Индию?» – спросил я.

Перед тем как ответить, Шьямасундара задумчиво посмотрел вдаль: «Прабхупада часто говорил нам, что истинная религия в этой стране исчезает; люди здесь больше не стремятся к Богу, им нужны телевизоры и автомобили. (Я сразу вспомнил того лжегуру из Джанакпура, который мечтал стать богатым американцем.) Поэтому, как мне кажется, Прабхупада вернулся сюда с несколькими учениками, чтобы сказать жителям Индии: „Смотрите, у этих западных юношей и девушек есть всё – и телевизоры, и автомобили, да в таких количествах, что вам и не снилось. Но они не были счастливы, пока не нашли Кришну. У вас же есть Кришна, и это то, что им нужно. Поэтому дарите Кришну всему миру“. Прабхупада часто говорит, что индийская философия в сочетании с американским богатством могут принести благо всей планете. Он называет нас, своих западных учеников, „танцующими белыми слонами“!»

Я рассмеялся и задумался об этой удивительной идее: соединить восточную философию с западными капиталами и технологиями. Я понял, что до этого момента мои собственные поиски Бога настолько занимали меня, что мне даже в голову не приходило делиться духовными сокровищами с другими людьми. Я спросил: «И как же индийцы воспринимают вас?»

«Здесь, в Индии, куда бы мы ни приехали, нас везде встречают с распростертыми объятиями. Но не все понимают Шрилу Прабхупаду. Кто-то осуждает его или даже грозит убить за то, что он дает духовное посвящение жителям Запада, игнорируя кастовую систему, или за то, что Шрила Прабхупада позволяет женщинам служить на алтаре в храмах».

Эти слова произвели на меня сильное впечатление. Во время своих странствий по Индии я с грустью видел, что выходцы из низших каст и женщины часто подвергаются здесь унижениям. Поэтому борьба Шрилы Прабхупады с этими пережитками прошлого восхитила меня.

Шьямасундара заключил: «Шрила Прабхупада — настоящий революционер». Зачерпнув из реки пригоршню воды и освежив лицо, он поднялся и потянулся: «Кришнадас, я так рад нашей встрече. Скажи, что я еще могу сделать для тебя?»

«Мне ничего не надо, — ответил я и тоже поднялся, — я очень благодарен тебе». Я положил руку ему на плечо: «Но я отнял у тебя так много времени. Увидимся завтра на лекции».

Шьямасундара улыбнулся: «Спасибо. Ты прав. Мне пора возвращаться». Он нагнулся и взял меня за руки: «Шрила Прабхупада будет очень рад узнать о нашей встрече».

Провожая его взглядом, я ощутил внутри огромную благодарность и, вместе с тем, все возрастающее любопытство.

В бесценные тихие мгновения перед самым рассветом на берегу Ямуны само собой приходило ощущение близости Бога. Поднявшись, я отправился на утреннюю лекцию.

«Все вокруг нас может быть одухотворено, — начал Шрила Прабхупада, как будто угадав мои мысли при пробуждении. — Всё есть энергия Господа. Но когда мы забываем о связи какого-то объекта с Богом — это называется материальным сознанием. А когда мы видим, что все связано с Богом, и используем все в служении Ему — такое сознание называется духовным». Чтобы проиллюстрировать свои слова, Прабхупада постучал по микрофону: «Возьмем, к примеру, этот микрофон. Если использовать его для исполнения песен о мирской любви, он материален. Но, если использовать его для прославления Господа, он одухотворится. Это вопрос сознания. Мы хотим использовать всё окружающее нас в духовных целях. Бхакти-йога — это искусство преобразования материальной энергии в духовную. Бхакти, преданность Богу, превращает материю в дух».

Слова Прабхупады до основания сотрясли мой мир. Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног. *Это настоящая революция*, — изумился я. — *Его идеи опровергают привычный для меня взгляд на отречение от мирского.* Я полагал, что отречься от мира — значит отказаться от всего и довольствоваться лишь самым необходимым для жизни. Но, честно заглянув в свое сердце, я вынужден был признать, что там незаметно поселилась гордыня. Я гордился тем, как жил все это время в Индии, и втайне считал свой образ жизни заведомо лучше всего того, чем жили люди на Западе. *Неужели все мое отречение от мира было всего лишь очередным порождением эгоизма, который заставляет человека обманывать самого себя, помогая ему ощущать превосходство*

над другими? У меня словно выбили почву из-под ног. Конечно же, легко считать духовной красивую природу Вриндавана или храмы с божествами. Но микрофон? Я вспомнил, как осуждал западных учеников Прабхупады за то, что они пользовались фотоаппаратами и магнитофонами.

Как же глупо было с моей стороны смотреть на них свысока и считать себя лучше только из-за того, что я вел аскетичный образ жизни. Теперь я понимаю, что отречение от мира подлинно лишь в той степени, в которой оно пробуждает в человеке смирение, уважение и любовь.

Всего несколькими словами Шрила Прабхупада разбил мою иллюзию. Мое эго было расплющено, но я чувствовал благодарность.

Говорится, что святой человек может быть нежнее лепестков розы, но иногда он разит, как удар молнии. В то утро один из гостей начал оправдываться, защищая собственную безнравственность и духовную слабость. Шрила Прабхупада долго слушал, а затем возвысил голос, так что тот зазвучал, как гром: «Если ты слаб, стань сильнее! Без решимости человек становится тряпкой. Чем ты лучше животного?» Гость сдулся, как проколотый воздушный шарик. Склонившись перед Прабхупадой, он заверил его, что отныне не будет делать дурных вещей. Когда было нужно, Шрила Прабхупада мог говорить очень резко. При этом все видели, что им движет желание помочь человеку исправиться. Его слова, острые, словно скальпель в руках опытного хирурга, резали только для того, чтобы исцелить. Сам он говорил об этом так: «У духовного учителя должна быть отвага британского полковника и сердце бенгальской матери».

Шрила Прабхупада продолжал говорить, обращаясь ко всем собравшимся, и голос его зазвучал почти умоляюще: «Падающая из облаков капля прозрачна. Но, соприкоснувшись с грязью, она теряет свою прозрачность. Вернуть воде ее первоначальную чистоту можно, отфильтровав от нее грязь. Подобно этому, наше сознание изначально чисто, но, соприкоснувшись с материальной энергией,

оно утратило свою прозрачность. Повторяя имена Бога, мы можем восстановить наше естественное, блаженное состояние». Он объяснял, что мы должны отказаться от сектантских взглядов и понять, что у Бога есть много имен, в каждое из которых Он вложил Свои божественные энергии. «Имя Кришна означает „всепривлекающий“, — объяснял Прабхупада. — Он всепривлекающий, потому что Он — изначальный источник красоты, знания, силы, богатства, славы и самоотрешенности. Если у человека есть хотя бы крупица одного из этих качеств, его считают великим. Бог — велик, потому что Он — источник всех этих достояний и обладает ими в безграничной степени. Вот что значит быть Верховной Личностью Бога».

Затем он объяснил, что путь бхакти очень естественен. Чем больше мы слушаем о Кришне, тем сильнее в нас пробуждается дремлющее влечение к Нему. Основу практики бхакти составляет слушание рассказов о Кришне и воспевание Его святых имен. В той степени, в какой в нас пробуждается любовь, в той же степени у нас возникает и стремление служить. Я часто слышал слова: «Бог велик», — но объяснение Его величия, данное Шрилой Прабхупадой, так поразило меня, что у меня по всему телу забегали мурашки.

Вечером я сидел на холме у подножия храма Мадана-Мохана. Глядя сверху на Ямуну, я читал молитву, написанную Шрилой Прабхупадой в тот день, когда он пришел на грузовом судне к берегам Америки. Ему было почти семьдесят лет. Во время плавания он перенес несколько тяжелых сердечных приступов. При себе у него было всего семь долларов в индийской валюте, и он никого не знал за пределами Индии. После тридцати дней плавания корабль причалил в порту Бостона. Там, в бостонской гавани, Шрила Прабхупада написал молитву, обращенную к Кришне. Спустя несколько лет его ученики случайно нашли эти записи в старом чемодане.

На вершине холма, где я сидел, было тихо. Шелестела листва деревьев на ветру, издали доносилась переключка лодочников, где-то мычали коровы. В глубоком сосредоточении я медитировал на несколько строф из этой молитвы, которая стала называться «Молитвой на „Джаладуге“»:

Мой дорогой Господь Кришна, Ты необыкновенно
 добр к этой никчемной душе, но я не знаю,
 зачем Ты привел меня сюда. Теперь можешь
 делать со мной все, что пожелаешь.
 Я догадываюсь, однако, что здесь у Тебя есть какое-то
 дело, иначе зачем бы Ты привел меня в это место?
 Так или иначе, о Господь, Ты привел меня сюда,
 чтобы я рассказал о Тебе этим людям. И теперь,
 мой Господь, только от Тебя зависит, чем закончится
 эта попытка — успехом или неудачей. На все Твоя воля.
 О духовный учитель всех миров! Я могу только
 повторять Твои слова. Сделай же, если Ты
 того желаешь, так, чтобы люди поняли меня.
 Только по Твоей беспричинной милости слова
 мои обретут чистоту. Я уверен, что, проникнув
 в сердца людей, это духовное послание наполнит
 их радостью и избавит их от всех страданий.
 О Господь, я — марионетка в Твоих руках. И раз уж
 Ты привел меня сюда танцевать, так заставь,
 заставь меня танцевать, о Господь, заставь же
 меня танцевать, как Ты того хочешь.
 У меня нет ни преданности, ни знаний, но я твердо верю
 в святое имя Кришны. Меня назвали Бхактиведантой,
 и теперь, если будет на то Твоя воля, Ты можешь
 оправдать истинный смысл этого имени.

Самый злополучный и ничтожный нищий,
 А. Ч. Бхактиведанта Свами,
 на борту корабля «Джаладута»,
 пирс Содружества,
 Бостон, штат Массачусетс, США.
 18 сентября 1965 г.

С вершины холма я наблюдал, как Ямуна несет свои воды
 по равнине. Размышляя о словах Шрилы Прабхупады, я неволь-
 но стал проводить параллели между моим нелегким путешестве-
 ем из Америки в Индию в поисках учителей, которые могли бы

открыть мне знание о Боге, и невероятным плаванием Шрилы Прабхупады из Индии в Америку — в поисках учеников для того, чтобы передать им знание о Боге.

Похоже, — думал я, — что Бог раскрывает миру настоящую любовь через тех, кто любит Его. В молитве Прабхупады сквозило смирение, идущее из сердца человека, который оставил всё ради духовного блага других. Пожилой человек, перенесший сердечные приступы, без денег, один в чужой стране — он просил Бога только об одном благословении: быть инструментом Его милосердия.

Ранним утром следующего дня, разбуженный перезвоном далеких храмовых колоколов, я долго лежал на берегу реки, глядя на утреннюю звезду и вспоминая строки, прочитанные мною прошлым вечером. Сегодня наступал восьмой — последний — день пребывания Шрилы Прабхупады во Вриндаване. Как обычно, я вошел в ледяную воду и, стоя по самые плечи, стал произносить молитвы. В мягком лунном свете были видны силуэты шпилей отдаленных храмов. Небеса, будто укутанные пуховым одеялом, хранили глубокое молчание. Одиночество было моим единственным спутником в этот час. Дрожая от холода, я сложил ладони и стал молиться, прося Шри Радху и Кришну помочь мне. Затем я выбрался на берег, отжал воду из одежды и, продолжая дрожать от холода, опять надел ее на себя. Сев, я стал повторять на деревянных четках святые имена Бога, все время размышляя о предстоящем отъезде Шрилы Прабхупады из Вриндавана.

Часом позже я шел по темным вриндаванским переулкам, горя желанием услышать последнюю лекцию Прабхупады. Повсюду, разгоняя предрассветную тишину, звонили храмовые колокола. Из каждого храма доносилось пение верующих. Торговцы открывали свои лавки. Придя на место, я сел на пол. Зал был полон учеников и гостей, которые негромко пели Маха-мантру под аккомпанемент глиняных барабанов и ручных тарелочек. Люди ежились от холода. Некоторые были одеты в шерстяные шапки и свитера, другие кутались в пледы. В помещении курились сладкие сандаловые благовония, но их сладость не могла перебить витавшей в воздухе горечи предстоящей разлуки: никому не хотелось, чтобы Шрила Прабхупада уезжал из Вриндавана.

Когда Шрила Прабхупада вошел в зал, киртан зазвучал было громче и быстрее, но резко оборвался, как только он сел на свое место на возвышении. Лучи восходящего солнца проникали в окна и заливали мягким светом его фигуру. Снаружи попугаи выводили свои рулады, и к этой птичьей симфонии добавился перезвон небольших латунных тарелочек, которыми Шрила Прабхупада стал отбивать ритм. Прикрыв глаза, он зашел красивую молитву: «Джая Радха Мадхава Кунджабихари, Гопиджана-валлабха Гиривар-адхари». Он пел о любви между Богом и душами, предавшимися Богу, а я вслушивался в голос своего сердца. *Любовь Шрилы Прабхупады к Богу побеждает меня.*

Голос Шрилы Прабхупады вливался мне в уши и проникал в самое сердце. Я вдруг понял, что все события моей жизни вплоть до сегодняшнего дня предназначались только для того, чтобы подвести меня к этому моменту. В глубине сознания окрепла уверенность: да, Бог наконец показал мне моего гуру. Я почувствовал, как душа моя поднимается и кружится на огромной волне веры, а затем стремительно летит в океан благодарности. Такого со мной еще никогда не было. Радость затопила мое сердце.

Я вспомнил о своей первой встрече со Шрилой Прабхупадой в Бомбее. Уже тогда внутренний голос шепнул мне: «Это твой гуру!» Но в тот момент у меня еще не было ни уверенности, ни готовности подчиниться этому голосу. Поэтому, пока ум мой боролся с сердцем, я отогнал от себя это чувство и продолжил свои поиски. В конце концов поиски привели меня во Вриндаван, к Кришне. И вот сейчас сила, бесконечно превосходящая силу моего ума и сердца, примирила их между собой. *Да, да* — громко билось мое сердце. Мои поиски, начавшиеся на другом конце Земли — в Хайленд-Парке, штат Иллинойс, — наконец привели меня к стопам моего гуру. В этот момент я понял, что в жизни моей не может быть никакой другой цели, кроме желания помогать Шриле Прабхупаде распространять любовь Бога по всему миру. Мне захотелось стать пусть самым ничтожным, но инструментом этой миссии любви и сострадания.

В уме стали всплывать другие события моей жизни. Мне вспомнился египетский мистик в Гималаях, который предрек: «Терпеливо продолжай свои поиски. Высшие силы помогут тебе

узнать того, кого ты ищешь. Верь мне. Это судьба. Твой учитель обязательно придет к тебе». Теперь его предсказание сбылось.

Бог вложил в меня семя веры в моего учителя, и я ощущал себя плывущим в волнах блаженства. Но в какой-то момент мне пришлось вернуться на землю и честно посмотреть в лицо действительности.

Смогу ли я остаться верным учению моего гуру? В мире бесконечное множество соблазнов. Опозорить своего учителя было бы актом черной неблагодарности. А кроме этого, у меня так мало общего с его западными учениками, хоть я и начал с уважением относиться к ним. Смогу ли я жить с ними? У меня есть сильная вера в Шрилу Прабхупаду, но в себя я верю мало. Могу ли я со всей искренностью сказать, что достоин стать его учеником?

На глаза навернулись слезы, ноги стали ватными, а сердце тревожно забилось. Я понял, что не достоин, однако решил во что бы то ни стало обрести со временем необходимые качества.

Солнце, прогоняя холод зимнего утра, освещало огромную толпу людей, которые, как и я, собрались, чтобы проводить Шрилу Прабхупаду и его учеников. Неожиданно толпа подхватила меня и понесла. Не успел я опомниться, как оказался лицом к лицу со Шрилой Прабхупадой. Я смотрел в его бездонные карие глаза, а он — в мои. Мистическое чувство нахлынуло на меня — мне показалось, что Сам Господь через глаза Шрилы Прабхупады вглядывается мне в душу. Все вокруг исчезло. Шрила Прабхупада спокойно стоял и ждал, пока я заговорю. У меня перехватило дыхание, голова закружилась от переполнявшей меня благодарности. Смущаясь, я произнес: «Шрила Прабхупада, я хочу отдать Вам свою жизнь».

В наступившей тишине время как будто остановилось. Мгновения тянулись долго, как века. Наконец легким движением он прикоснулся кончиками своих пальцев к моим сложенным ладоням и мягко улыбнулся. Глаза его, влажные от слез, были глазами

отца, дождавшегося возвращения блудного сына после долгих лет разлуки. В его взгляде я увидел безграничное море мудрости, неподвластной времени. Я почувствовал любовь — бездонную, но очень личностную, и меня охватило ощущение покоя и уюта, которое я не испытывал никогда прежде. Слегка кивнув, он промолвил: «Да, ты вернулся домой».

Поднявшаяся, словно прилив, волна благодарности вырвалась из моих глаз в виде слез, и я, изо всех сил стараясь сдержать нахлынувшие чувства, поклонился. Шрила Прабхупада передал свою трость моему другу Шьямасундаре и, пригнувшись, сел в автомобиль. Он улыбался и кивал головой своим друзьям и почитателям, и все разом стали плакать, махать руками и что-то громко кричать. Автомобиль, в котором ехал Прабхупада, тронулся с места, а провожавшие продолжали плакать и махать руками, пока он не скрылся за горизонтом.

Я стоял неподвижно, вглядываясь в ясное утреннее небо. Сегодня, чувствовал я, из-за темных туч моего ума вышло солнце веры. И солнце это, как я надеялся, уже не зайдет никогда.

Потоки благодарности лились из моего сердца. Ради этого благословения я перенес все трудности и опасности своего пути. Ради этого сокровища и было предпринято все мое путешествие. По этому волшебному мигу плакала моя душа. Бог раскрыл мне мой путь. Туман сомнений и страха рассеялся, и вот я оказался перед духовным учителем — настоящим просветленным гуру, которому могу посвятить свою жизнь. Произошло то, о чем я тысячи раз молился и ради чего проливал потоки слез. Чудо, которого я так ждал, свершилось!

Моя радость не знала границ. Личность Шрилы Прабхупады олицетворяла собой заповеди всех традиций, которые я изучал за время моих поисков. Его слова открывали мне бесконечную любовь и мудрость целого сонма святых и рассеивали все мои сомнения. Он принес с собой учение, хранимое веками и бережно передаваемое по непрерывной цепи учителей, учение о том, как развить близкие отношения со всепривлекающим Возлюбленным. В сердце моем зажглась вера в то, что этот скромный садху, невысокий и хрупкий, на самом деле бесконечно любит Кришну, и Кришна, Верховный Господь, бесконечно любит его.

Во время своих поисков я никогда не сравнивал между собой моих учителей и не считал кого-то из них лучше остальных. Я просто впитывал в себя, словно губка, их наставления и опыт общения с ними, веря, что Бог укажет мне мой путь и моего гуру. В Бомбее Шрила Прабхупада посадил в моем сердце семя наших духовных отношений. Та первая встреча была чем-то вроде моего духовного зачатия. Посаженное им семя незаметно проросло, а я тем временем пришел на землю Кришны, во Вриндаван, который стал моим домом. Теперь, спустя ровно девять месяцев после моего духовного зачатия, плод наших отношений родился здесь, на этой святой земле. Оглядываясь назад, я начинал видеть, как незримая рука Господа все время вела меня.

Каждая ступень моей жизни предстала передо мною чудесным благословением. Я вспоминал все пережитые радости и печали, одержанные победы и обидные поражения, понимая, как все это подталкивало меня вперед на моем пути. Я вспоминал тех, кто окружал меня любовью и заботой, как Кайлаш-баба, и тех, кто презирал меня или хотел убить, как стамбульские бандиты. Все они сыграли свою роль в удивительной драме, написанной рукой невидимого творца. Как воды реки в конце концов вливаются в океан, так и внутренний зов привел меня в итоге к стопам моего Кришны и моего дорогого гуру. Я плакал слезами благодарности, словно слыша, как Бог говорит мне: «Я здесь, это Я привел тебя сюда, и перед тобой — тот, кому ты принадлежишь!»

Погруженный в свои мысли, я отправился в маленькую комнату в древнем храме, где в течение шести лет жил отшельником Прабхупада. Сев на пол в крохотном помещении, там, где Прабхупада готовил себе еду, я посмотрел в окно и не поверил своим глазам: всего в нескольких метрах от жилища Шрилы Прабхупады находилась усыпальница Рупы Госвами, возле которой на меня снизошло откровение и где мне был явлен мой духовный путь.

Я вернулся к своему пристанищу на берегу реки, переполненный всем тем, что я пережил в этот незабываемый день. Была уже глубокая ночь. В ночной тишине, озаренной светом луны, я стал думать о том, почему на протяжении всего моего путешествия меня так влекло к берегам рек. Каждая из них питала меня своей

мудростью и давала мне прибежище. Глядя внутренним взором в воды Ямуны, я различил в них ручей в Геттисбурге, амстердамские каналы, речку в Люксембурге, лондонскую Темзу, Тибр в Риме и могучую Гангу. Нашептывания каждой из этих рек помогли мне принимать важные решения и приходили на помощь в минуты нужды.

Сейчас, вглядываясь в тихие воды Ямуны, я представлял себе, как она начинает свой долгий путь с вершин Гималаев, освящая лесные обители йогов и мудрецов, и в конце концов, повинувшись неведомой силе, приходит во Вриндаван. Так и я, прибыв в Индию, начал свое путешествие с Гималаев, откуда река моей судьбы подхватила и понесла меня через лесные обители йогов и мудрецов во Вриндаван — на землю бхакти, к стопам моего гуру.

Глядя на освещенную луной реку, я заметил на ее зеркальной глади собственный силуэт. Все эти месяцы Господь хотел показать мне мое собственное отражение в жизни. Лежа на песчаном берегу, я вспомнил, как молился Богу в своей спальне в Хайленд-Парке, и с улыбкой прошептал: «Да, все это время Ты слышал меня».

Наступил апрель 1972 года. С отъезда Шрилы Прабхупады из Вриндавана минуло почти четыре месяца. Все это время я был погружен в духовную практику в тиши лесов, общался с дорогими моему сердцу людьми или посещал полюбившиеся храмы.

Конечно, я хотел бы остаться здесь навсегда, но срок моей визы истекал. Неумолимо приближался день моего отъезда из Вриндавана и из самой Индии. Казалось, прошли годы с тех пор, как по пути в Гималаи я загадочным образом очутился в этом святом месте в день явления Господа Кришны. Все, к чему я так стремился, — открыть для себя мой духовный путь и обрести гуру, — произошло именно здесь.

Последние дни перед отъездом я провел, принося поклоны лесу Вриндавана, храмам и людям, которые покорили мое сердце. Каждое оставшееся мгновение моего пребывания здесь я рассматривал как незаслуженную милость.

Однажды утром, за несколько дней до отъезда, я пришел к Ганашьяму в его чуланчик, превращенный в храм. Он и несколько наших общих друзей, также собравшихся там, принялись говорить мне слова напутствия и дарить подарки в память о Вриндаване. Одна женщина из Австралии по имени Радха Даси — ученица Шрипада Бабы и единственная западная женщина во Вриндаване — зарисовала для меня в блокноте различные виды Вриндавана, чтобы я чувствовал себя дома, даже находясь вдалеке отсюда.

Накануне отъезда мы с Асимом посетили одно из самых дорогих нам мест — холм Говардхана. Здесь Радха и Кришна проводили Свои самые сокровенные игры, и тысячелетия спустя паломники и святые по-прежнему обходят вокруг Говардхана, считая священным даже маленький камушек с этого холма. Кришна, когда Ему

было всего семь лет, с легкостью поднял Говардхан и удерживал его на мизинце в течение семи дней, защищая им, словно зонтиком, Своих любящих слуг от проливного дождя. Все двадцать три километра пути вокруг Говардхана, пока мы шли мимо мирных рощ, селений, водоемов, пасущихся коров и сотен паломников, радость и грусть боролись в моем сердце: завтра мне предстояло уезжать.

Возвратившись с Говардхана, я отправился бродить по тем местам, которые были мне особо дороги. Набрал пыли с каждого из этих мест, я насыпал ее в маленький полотняный мешочек, чтобы всегда носить с собой Вриндаван, куда бы меня ни забросила судьба. Я молил Кришну: *Всюду, куда приведет меня жизнь, позволь мне всегда хранить Тебя в своем сердце.* Последнюю ночь я провел, сидя под звездным небом на берегу Ямуны и повторяя мантру.

На следующее утро на рассвете мы с Асимом проследовали к вриндаванскому вокзалу и сели в поезд на Матхуру. В вагоне мы изливали друг другу душу и делились нашей любимой едой — враджа-роти с гуром. При мысли о том, как мне будет не хватать этой простой крестьянской пищи, у меня защемило сердце: «Один Бог знает, когда я в следующий раз увижу враджа-роти и гур».

Асим улыбнулся и протянул мне полотняную сумку: «Будь добр, открой». Заглянув внутрь, я увидел штук двадцать толстых враджа-роти и большой кусок гура.

В Матхуре мы сошли и остались стоять на платформе в ожидании поезда, который должен был увезти меня из Индии в Непал. Пришло время прощаться с моим другом и братом, с которым мы прожили незабываемые дни. Поезд с грохотом приближался к станции, и я изо всех сил старался не разрыдаться. Я не мог поверить, что должен покинуть столь дорогое моему сердцу место, где Кришна откликнулся на мои молитвы. Слезы ручьем потекли у меня по лицу. Асим сжал мне руку, стараясь успокоить. Улыбаясь сквозь слезы, он произнес свое напутствие: «Кришнада, там, где ты будешь помнить о Кришне, там и будет Вриндаван. Я стану молиться, чтобы ты вернулся сюда».

Я не в силах был вымолвить ни слова, подавленный горечью расставания. Мы попрощались, приложив к груди сложенные ладони. «Спасибо тебе за всё», — тихо сказал я и зашел в вагон.

Я попрощался с Вриндаваном, своим духовным домом, и локомотив, выпуская клубы пара, уносил меня все дальше и дальше.

По дороге в Катманду я гадал, ждет ли что-нибудь меня в местном отделении «American Express». Оказалось, что ждет. Хотя я и написал отцу, что могу добраться домой самостоятельно, он, желая поскорее увидеть меня, перевел на мое имя триста пятьдесят долларов на авиабилеты. В индийском посольстве в Катманду мне выдали двухнедельную транзитную визу в Индию, чтобы я мог сесть в Дели на самолет до Бельгии, а оттуда улететь в США.

До отъезда из Катманду я совершил ностальгическую прогулку к Свайямбхунатху, где снова увидел те судьбоносные рисовые поля, посреди которых мы встретились с Гэри после долгой разлуки. Я скучал по своему старому другу. С того момента, как судьба развела нас, в моей жизни произошло столько драматических событий, что мне не терпелось рассказать ему обо всем. *Я по-прежнему живу как бездомный странник. А он?* Встреча с ним была бы очередным чудом.

Я побрел по берегу Багмати в сторону Пашупатинатха. Сидя вечером при свете луны у реки, я вспоминал, сколько слез я пролил здесь год назад, пытаясь найти свой путь, и сколько благословений получил с тех пор. Наутро я простился с этими местами. Привычка к странствиям не позволила мне удержаться от соблазна: я запрыгнул в кузов грузовика, который направлялся в долину Похар — один из самых красивых маршрутов из Непала в Индию.

Со всех сторон долина была окружена заснеженными вершинами гималайских гор. Местом для ночлега я выбрал скрытую от посторонних глаз пещеру на крутом утесе, высоко над рекой. В течение всей следующей недели я на каноэ доплывал до середины озера Пхевала, где медитировал с восхода и до заката. За все эти дни я не встретил там ни души — разве что случайного крестьянина или рыбака. С наступлением седьмого дня, за пару дней до истечения срока моей непальской визы, я тихо сказал горам, небу и воде: «До свидания, прекрасный Покар. Завтра мне надо уезжать». Причалив к берегу, я положил весло на дно каноэ и в предзакатных лучах солнца пешком отправился через поля.

Перейдя через темное, пустынное шоссе посреди джунглей, я начал спускаться обратно к своей пещере. Мимо, дребезжа, проехал автобус. Я сделал первый шаг вниз по горе, как вдруг услышал какой-то странный крик. В удивлении я обернулся. Автобус затормозил метрах в двадцати от меня и тут же рванул дальше, а из сгущавшихся сумерек на меня стала быстро надвигаться призрачная фигура. *Что это? Нападение? Нужно бежать?* Призрак неумолимо приближался, и я напрягся, пытаюсь различить в темноте, кто это такой. Постепенно очертания силуэта прояснились. *Не может быть! Господи, это он!*

«Гэри!» — я подпрыгнул и помчался к нему навстречу. Обезумев от радости, которую невозможно описать словами, мы бросились друг другу в объятия. Ошеломленные, мы могли только повторять: «Это рука Бога! Это рука Бога!»

За спиной Гэри из темноты возникла еще одна фигура, показавшаяся мне знакомой. Кто это? Нет, не может быть! Хэкетт из Бруклина, наш общий друг, в чьем доме меня когда-то настиг телефонный звонок Гэри — звонок, с которого началось наше путешествие. Я вспомнил слова Хэкетта, которые он произнес, узнав, что мы собираемся ехать в Европу: «Я разыщу вас, парни, — в раю или в аду, запомните мои слова!» И действительно, он разыскал нас на высоте тысячи метров над уровнем моря, в гималайском раю. И вот теперь, почти два года спустя, мы все трое стояли на склоне горы в Непале под усыпанным звездами небом и завороченно глядели друг на друга.

Я пригласил их переночевать у меня в пещере. Показывая им дорогу, я спускался по крутому утесу к площадке перед входом в пещеру, а они следовали за мной. Оба моих друга замерли, пораженные видом моего жилища — первобытной пещеры на отвесном склоне утеса. Мы сели на каменный пол. Как гостеприимный хозяин, я предложил им рисовые хлопья, воду из ручья и несколько враджа-роти с гуром. Столовых приборов у меня не было, и моим друзьям пришлось есть руками.

Поставив на пол свою деревянную миску, Гэри сказал: «Мы выехали на автобусе из Катманду сегодня утром, чтобы пойти в горы». Он поскреб голову, все еще не придя в себя от нашей неожиданной встречи:

«Манк, Ричард или как теперь тебя называть?»

«Некоторые зовут меня Кришнадасом».

«Неплохо. Так вот, Кришнадас. Автобус едет, я сплю. Вдруг просыпаюсь, и только открываю глаза, как свет фар падает на тебя, и я успеваю заметить, что ты спускаешься по утесу. Я ору на весь автобус, чтобы водитель быстрее тормозил, и выпрыгиваю из автобуса непонятно куда». Гэри усмехнулся: «Кому рассказать — ни за что ведь не поверят!»

Хэкетт не выдержал. Грохнув миской об пол, он воскликнул: «Я видел это собственными глазами — но все равно не могу поверить!» Его глаза вспыхнули: «Думаю, вы правы — тут не обошлось без Бога».

Мы замолчали, продолжая удивляться такому чудесному стечению обстоятельств. С нашей небольшой террасы, расположенной высоко над рекой, мы мечтательно глядели на силуэты гор на другой стороне долины. Наконец я нарушил тишину: «Мне не хочется вас расстраивать, но завтра с восходом солнца мне надо уезжать».

Впереди у нас была целая ночь, залитая лунным светом. Хэкетт устал до смерти, вымотавшись в тяжелой поездке на автобусе, и, как ни бодрился, вскоре заснул. Зато мы с Гэри не могли наговориться. Он рассказывал мне, как стал вести жизнь садху, как посещал ашрамы и святые места, а я рассказал ему о Вриндаване. Услышав о моих планах, он не смог сдержать усмешки: «Кто сможет тебя, чудика, понять? Отец тебе деньги высладал, а ты поселился в лесной пещере. Удивительно!»

Я даже не подумал об этом, пока он не сказал. «Да, — согласился я, — но знаешь, Гэри, я столько времени веду жизнь странника, что уже и забыл, как тратить деньги».

Сидя в этом мистическом месте, глядя сверху на долину, где протекала река, мы делились друг с другом своим опытом и сокровищами, которые нашли на духовном пути. Всю ночь напролет мы любовались долиной и луной, заливавшей своим серебристым светом соседние горы, а где-то далеко внизу безумолчно пела река.

Гэри был свидетелем всех перемен в моей жизни. Мы дружили с детских лет, вместе играли, потом вместе ходили в школу, вместе попадали в переделки. Став подростками, мы вместе восстали против общепринятых социальных норм и вступили в мир хиппи.

В Европе мы вместе изучали искусство и культуру других стран. Гэри наблюдал, как мои духовные поиски ведут меня по жизни. Мы путешествовали вместе, и я, следуя внутреннему зову, молился в синагогах, монастырях и соборах, а позже медитировал в пещерах и горах. По велению внутреннего голоса я покинул нашу пещеру на острове Крит. Спустя год мы повстречались посреди рисовых полей Непала, где перед Гэри предстал заядлый аскет, закаленный жизнью среди йогов и лам. В то время я еще искал свой путь и своего гуру. Этой ночью он обнаружил, что его старый друг наконец посвятил себя пути, который ему указал Единый Бог. Господь привел меня к моему духовному отцу — Шриле Прабхупаде, чья божественная милость вселила в меня веру и любовь. Теперь я всем сердцем жажду развить в себе смирение, а также любовь к Кришне и подлинный дух служения людям.

Солнце начало подниматься из-за гор, и по щеке Гэри скатилась слезинка. Он прошептал: «Я так рад за тебя, брат мой. Бог ответил на твои молитвы». Улыбнувшись, Гэри добавил: «Это было удивительное путешествие».

Прикрыв глаза, я глубоко вздохнул. Снова пришло время расставаться. Мы крепко обнялись и пожелали друг другу доброго пути. Улыбнувшись, я повернулся и стал взбираться по крутому холму, чтобы выйти на дорогу.

«Брат мой!» — закричал мне вслед Гэри.

На поддороге от нашей пещеры я, ухватившись для равновесия за выступ, взглянул вниз, на площадку, где остался Гэри. Его лицо выражало растерянность, а в глазах стояли слезы. Теребя бороду, он выкрикнул: «Встретимся ли мы с тобой когда-нибудь еще?»

Я посмотрел на гималайскую пещеру, давшую мне приют, и еще раз прислушался к завораживающей песне реки подо мной. Расстроганный, со слезами на глазах, я прокричал в ответ: «Мы обязательно встретимся! Обязательно! Надо только слушать свой внутренний голос!»

В аэропорту Нью-Дели я сел на самолет индийских авиалиний до бельгийского Астона. В одеждах нищего странника, без багажа (если не считать полотняной сумки и металлической чаши), я представлял собой довольно странное зрелище среди

иностранных туристов и бизнесменов. Ирландец, сидевший рядом со мной в экономклассе, непрерывно курил одну сигарету за другой. Дым разъедал мне глаза, я задыхался, но курильщика это нисколько не волновало. Возвращение на Запад началось.

Наблюдая, как стюардесса раздает пассажирам еду, я вспомнил, что в моей сумке лежит сокровище, которое могло превратить этот самолет в оазис духовного мира, — враджа-роти и гур, подарок моего дорогого брата Асима. Они немного зачерствели, но для меня не было пищи более роскошной. И вот, на высоте десять тысяч метров, я торжественно развернул мешок с враджа-роти и погрузился в воспоминания о своем духовном доме.

Из Бельгии я автостопом добрался до Голландии, чтобы навестить первых друзей, с которыми мы с Гэри познакомились в Европе. Приехав в Абкуде, где жил Космос, я узнал от его матери, что он переехал в Амстердам. Когда я без всякого предупреждения возник в дверях их квартиры, Космос, Чуч и их друзья вскочили и кинулись ко мне обниматься. Громко ревел рок-н-ролл, кто-то потягивал пиво, другие курили марихуану, и в облаках дыма пылко обнимались незнакомые парни с девушками.

Сердце мое сжалось.

Всего пару дней назад я жил с мудрецами в святом лесу Индии, а теперь очутился здесь, на вечеринке, в одеждах садху, с четками и чашей для подаяния в руках. Растерявшись, я пытался понять, *что случилось с моими дорогими друзьями?* Затем мне припомнилась моя встреча с Шоном на Коннот-плейс, и я понял, что на самом деле я должен задать себе другой вопрос: *Что случилось со мной?* Мы поговорили с ребятами пару часов, а затем я вежливо откланялся.

Выйдя на улицу, я стал прогуливаться по Амстердаму, не переставая изумляться, насколько все вокруг было чуждым для меня. Одежда людей, их отношения друг с другом — все казалось мне странным. Наступил вечер, и я устроился на ночь в молодежное общежитие, где мне выделили нижнюю койку в общей комнате. *Может, — думал я, — пока я буду спокойно отдыхать в постели, мой ум как-то подстроится и привыкнет к этой перемене.*

Всего день назад я сидел в тихом святом месте на берегу священной реки. Теперь же я ночевал в Амстердаме. Утомленный

поездкой, я незаметно заснул крепким сном. Внезапно посреди ночи моя кровать стала раскачиваться и трястись. Подскочив от неожиданности, я сперва подумал, что началось землетрясение. Очень скоро я понял, что ошибся. Со второго яруса кровати прямо надо мной доносились страстные стоны какой-то парочки. Подстраиваться под это я был явно не готов. *Где я? Зачем я здесь? Куда подевалось то место на берегу священной реки, где я обычно ночевал?* Я выбежал из общежития и до самого утра бродил по улицам. На рассвете я сел на скамейку в маленьком парке и позавтракал оставшимися враджа-роти с гуром. Позже в этот день я написал письмо родителям, объясняя, почему я пока не лечу домой. Мне необходимо было время, чтобы адаптироваться к западному миру.

В Амстердаме я питался арахисом, смешанным с йогуртом. Я не знал, как можно быть вегетарианцем на Западе, но эта простая диета приглянулась мне по душе.

В один из вечеров я заглянул в ночной клуб «Космос». Именно там я впервые встретился с человеком необычной внешности — с бритой головой и «конским хвостиком», — который щедро налил мне прямо в подставленные ладони целый ковш фруктового салата с йогуртом. С этим человеком, которого, как позже выяснилось, звали Шьямасундара, мы встречались вновь и вновь — сначала в Бомбее, а потом во Вриндаване. В конце концов он стал моим близким другом. Все перипетии моих странствий прошли перед моим взором, и я почувствовал, как круг этих событий постепенно замыкается.

Субботним вечером, часов в одиннадцать, я вышел прогуляться и по неосторожности забрел в злачный район Амстердама. По улицам, залитым неоновыми огнями рекламы, шатались сотни американских моряков. С обеих сторон раздавался шум из переполненных дискотек, баров, ночных клубов и борделей. Живая музыка редела со всех сторон, и в воздухе витал запах алкоголя и жареного мяса. Я все еще был в одежде садху. Сильно надушенная проститутка с ярко-красными губами и толстым слоем туши на ресницах ухватила меня за руку, пытаясь затащить к себе, но я кое-как вырвался. Меня окружила ватага пьяных американских матросов. Они наперебой орали: «Это что за чучело?» — и пихали меня взад-вперед

друг к другу. Один из них стал трясти меня за грудки, а другой засмеялся и со словами: «Ну-ка, выпей, приятель» — вылил мне на голову банку холодного пива. *На какую планету я приземлился?* В конце концов они отпустили меня.

Я бесцельно брел по джунглям, в которых водились дикие животные пострашнее гималайских леопардов, слонов и змей. В отчаянии блуждая по большому городу, я оказался в узком переулке района красных фонарей. Бордели выстроились по обеим сторонам улочки, по земле в темноте шмыгали крысы. В стеклянных витринах полуобнаженные проститутки принимали обольстительные позы, пытаясь привлечь клиентов. На одной из витрин большими буквами светилась реклама «Секс-шоп». Слева от этого заведения виднелись ворота какого-то гаража, в которые была врезана меньшая по размеру дверь. Надпись над ней гласила: «Храм Радхи-Кришны».

Неужели у меня начались галлюцинации? Я постучался. Дверь открыл бхакта и с улыбкой воскликнул: «Заходи, пожалуйста. Чувствуй себя как дома!» Приняв душ, я сел, чтобы немного прийти в себя. Тихо звучала красивая духовная музыка. Стены помещения были украшены изображениями игр Радхи и Кришны во Вриндаване. В воздухе витал аромат мускусных благовоний. «Хочешь горячего молока?» — спросил бхакта. Я кивнул. Молоко оказалось с бананами и кардамоном. С огромным облегчением я осмотрелся по сторонам. Ощущение было такое, словно после путешествия по бесконечной выжженной пустыне я попал в оазис. И тут на стене я увидел картину с изображением Шрилы Прабхупады, который глядел на меня с ласковой улыбкой и, казалось, еще раз приветствовал меня с возвращением домой. Я безмолвно вознес ему благодарственные молитвы за то, что много лет назад он приплыл на том грузовом судне из Индии на Запад. Благодаря его усилиям сотни подобных духовных оазисов появятся вскоре повсюду в мире.

Из Амстердама я поехал в Лондон, где провел некоторое время в ашраме неподалеку от Британского музея. Затем я сел на самолет в Нью-Йорк. В американской службе иммиграционного контроля чиновница дотошно изучила все страницы моего

паспорта, затем позвонила куда-то по телефону и только после этого поставила на одной из страниц штампы. Только я шагнул вперед, как дорогу мне преградили два здоровяка в штатском. Они сунули мне под нос удостоверение, и я сразу понял, что шутки с ними плохи.

Первым делом они конфисковали мой паспорт. «Мы агенты ФБР. Пройдемте с нами». Они завели меня в отдельный кабинет и стали пристально рассматривать меня, так что я в смущении отвел глаза. Один агент сказал: «Вы задержаны за попытку контрабандного ввоза наркотиков в Соединенные Штаты. Если Вы добровольно сдадите их и станете с нами сотрудничать, срок Вашего наказания будет сокращен».

«У меня нет никаких наркотиков», — чуть слышно ответил я.

«Нам доподлинно известно, что есть. Сдайте их или мы найдем их сами, — он грохнул кулаком по столу. — Я Вас предупреждаю, лучше не злите нас».

Они перетряхнули всю мою сумку и возликовали, обнаружив маленький мешочек с коллекцией пыли Вриндавана. Поднеся его близко к моему лицу, агент торжествующе спросил: «А это что такое?»

«Это пыль из святых мест».

Агент тщательно исследовал содержимое мешочка, растерев пыль между пальцами и понюхав, а затем разочарованно завязал обратно и отложил в сторону.

Другой агент обыскивал меня. Внезапно его глаза вспыхнули, и он возбужденно захопал в ладони: «Я нашел! Я нашел! Наркота у него здесь!» Он нащупал жесткий комок чуть пониже моей спины. «Что это?!» — закричал он.

«Это набедренная повязка». Было ясно, что они никогда в жизни не видели набедренную повязку садуху.

«Разденьтесь», — потребовали они. Я снял с себя все, кроме набедренной повязки. «Что это такое?!» — завопил агент. Его начальник, захваченный врасплох, насмешливо процедил: «Уж точно не фирменные трусики от „Fruit of the Loom“». Они изучали мою застиранную набедренную повязку, в которой я купался в многочисленных реках и озерах. «Одевайтесь», — наконец сказали они.

Затем один из агентов объяснил, что визы Афганистана, Пакистана и Непала в моем паспорте являлись своего рода сигналами о возможном ввозе наркотиков. Он извинился: «Мы сожалеем о доставленных неудобствах, но просим понять, что наша обязанность — защищать Америку». Вернув мне паспорт, они сопроводили меня до выхода из таможенной зоны.

Я оставил свой дом учеником-подростком, поехавшим на летние каникулы в Европу. Два года спустя я возвратился на родину аскетом-отшельником, последователем древнего духовного пути. К тому времени родители продали наш дом в Хайленд-Парке и купили квартиру в Майами-Бич во Флориде. В международном аэропорту имени Джона Кеннеди я сел на самолет внутренних авиалиний и долетел до Майами. Отец, несмотря на сломанную ногу, пришел на костылях встречать меня в аэропорт. С ним был и мой младший брат Ларри. Они увидели меня сидящим на полу и медитирующим с закрытыми глазами; из вещей у меня была только выцветшая полотняная котомка и металлическая чаша для сбора подаяния. Отец прерывающимся от волнения голосом воскликнул: «Слава Богу, сынок, ты наконец-то вернулся домой!»

Я вскочил и кинулся в его объятия. Он обхватил меня, крепко крепко сжал и заплакал, выдохнув так, словно его отпустила боль, что сжимала его сердце все эти месяцы. Взволнованный младший брат Ларри, которому исполнилось семнадцать, заулыбался, когда я по-братски сильно сжал его в своих объятиях. Не отрываясь, он глядел на меня, как на героя, который возвратился домой с победой.

Едва мы зашли в нашу новую квартиру, как в прихожую выбежала мать и громко воскликнула: «Ричард, как же мы соскучились по тебе!» Обливаясь слезами, она обнимала меня и целовала в лоб. Я никогда не забуду ее слез. «Ты так похудел! — сказала она. — Знаешь, я тут специально для тебя изучаю вегетарианскую кухню!» На кухонном столе я увидел целую библиотеку вегетарианских поваренных книг. Горя желанием угодить мне, мать тут же подала к столу суп, салат, жареные овощи, запеканку с рисом, а на десерт — яблочный штрудель.

Зазвонил телефон: мой старший брат Марти, который учился в колледже в Аризоне, хотел поздравить меня с возвращением. Я поразился любви своих родителей и их готовности устроить все, только бы я был счастлив. Несмотря на то что им тяжело было смириться с моим духовным выбором, они стремились понять мой образ жизни. Я изо всех сил пытался выразить свою любовь к ним, одновременно придерживаясь своих священных принципов. Хотя между нами пролегла пропасть, любовь и уважение друг к другу оставались в наших отношениях главным. Через свою духовную практику, через преданность Богу, я пришел к пониманию, что для сохранения любви в отношениях требуются такие качества, как способность прощать, умение слушать, терпение, благодарность и смирение. Чтобы возрастить в себе смирение, надо в первую очередь научиться принимать других такими, какие они есть, не обращая внимания на различия. Пребывание в родном доме снова заставило меня задуматься над тем, что привычка осуждать других — это зачастую признак неуверенности в себе, эгоизма или незрелости. Мне очень хотелось изжить в себе это качество. *Каждый из нас — дитя Бога. Бог любит всех своих детей. Если я хочу полюбить Бога, мне нужно научиться любить тех, кого любит Он.*

Все понимали, что я недолго пробуду дома. Хотя мать подготовила для меня чудесную комнату, я предпочел лечь спать на цементном полу широкой террасы. Оттуда, в тихий предрассветный час, с высоты пятого этажа я задумчиво глядел на залив, вдоль берега которого росли пальмы и эвкалипты. На ветру деревья медленно раскачивались, и я, прислушиваясь к шепоту моря, чувствовал, как терраса превращается в мой излюбленный камень посреди Ганги. Тихо повторяя божественную мантру, которую в свое время мне открыла река, я представил, как Ганга стремительно втекает в то самое море, что раскинулось сейчас передо мной. Я ощутил, что Вриндаван вместе с моим гуру и моим Господом незримо находится здесь, рядом — вне времени и пространства. Полной грудью я вдохнул соленый воздух, и благодарность заполнила мое сердце. Я улыбнулся, сложил ладони и прошептал: «Это было невероятное путешествие, и Ты ответила-таки на мои молитвы. Везде, где я помню о Тебе, я чувствую себя дома».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло почти сорок лет с тех пор, как я совершил свое путешествие на Восток. За эти годы я понял одну важную вещь: если наша жизнь будет проникнута преданностью Богу, то, где бы мы ни жили — в святом месте в Индии или в густонаселенном городе Америки, — мы везде будем ощущать себя дома.

Вскоре после возвращения к родным я решил переехать в один американский ашрам. Мне два раза предлагали принять посвящение у моего гуру, но я отказывался, полагая, что еще не заслужил этого. Остальные монахи брили голову, но я решил не стричься до тех пор, пока не почувствую себя абсолютно готовым к принятию посвящения. Весной 1973 года мы праздновали день явления Господа Чайтаньи — воплощения Кришны в этот век — и постились до восхода луны. Я уединился на темном чердаке, который напоминал мне пещеры, где я когда-то медитировал, и дал обет повторить имена Бога на своих деревянных четках сто тысяч раз. По прошествии примерно шести часов я почувствовал какое-то необыкновенное вдохновение. Я стал молиться: «Мой дорогой Господь, что я могу подарить Тебе в Твой день рождения?» Миновал еще один час моей медитации на Маха-мантру. Пока я повторял «Харе Кришна... Харе Рама», казалось, что мой вопрос неотступно звучал в уме: «Дорогой Господь, что я могу подарить Тебе в Твой день рождения?» Когда я заканчивал повторять последний круг мантры, из сердца прозвучал голос с ответом на мой вопрос: «Подари Мне свои волосы».

Я знал, что это значит. Давным-давно я твердо решил, что расстанусь с волосами только в том случае, если буду готов принять посвящение у духовного учителя. Я верил, что сейчас во мне звучал голос Бога, подтверждавший мою готовность получить посвящение, которое я отказывался получать от множества великих душ, встреченных мною на моем пути. Летом 1973 года я дал обеты и получил посвящение. Шрила Прабхупада, приняв меня в ученики, дал мне

духовное имя — Радханатха дас, «слуга Господа Кришны, возлюбленного Радхи».

Чтобы этот особенный день навсегда остался в моей памяти, один мой друг подарил мне фотографию в рамке. Ни он, ни я не ожидали того, что последовало за этим. Бросив один взгляд на фотографию в рамке, я задрожал всем телом и раскрыл рот, не веря своим глазам. Это была фотография с задней обложки той самой брошюры, которую мне вручили на фестивале рок-музыки в Нью-Йорке. На следующий день после фестиваля раздался телефонный звонок от Гэри, перевернувший мою жизнь. Бритоголовый монах вручил мне эту брошюру всего за день до того, как судьба вытолкнула меня из привычного окружения в мир, где все должно было измениться. Я вспомнил, как несколько недель спустя, путешествуя автостопом по Англии, я впервые внимательно рассмотрел брошюрку и был поражен фотографией пожилого человека на задней обложке: «Если кто-то в этом мире и знает, что такое духовное блаженство, так это он», — подумал я. Брошюра куда-то затерялась, и я больше о ней не вспоминал. И вот сейчас, после долгого перерыва, все это снова всплыло в моей памяти. Человеком с фотографии оказался мой гуру — Шрила Прабхупада. Круг замкнулся. Все встало на свои места. В самом начале моих духовных поисков Господь дал зашифрованный ответ на мой невысказанный вопрос: кто поведет меня по жизни и каким путем? Головоломка была полностью разгадана в день моего посвящения.

Следующие шесть лет своей жизни я провел в США, в аскетичном ашраме, расположенном на вершине холма. Местность была безлюдной, и добраться до монастыря можно было только по грунтовой лесной дороге. Зимы там были снежными и холодными, а монастырь не обогревался. Чтобы помыться, мы по утрам камнем разбивали лед в проруби и окунались в ледяную воду. Канализации не было; мы просто спускались с холма с лопатой в руках и закапывали отходы нашей жизнедеятельности в землю. Мой образ жизни в ашраме в чем-то походил на жизнь, какую вел у себя Ганашьям: днем и ночью я служил богам, стараясь углубить свою духовную практику, и ухаживал за коровами.

После нескольких лет медитации на сострадание, живущее в сердце моего гуру, я почувствовал непреодолимое желание поделиться полученными дарами с другими. Моим служением в течение следующих восьми лет стало чтение лекций в колледжах и университетах, в основном в штатах Огайо и Западная Пенсильвания. Преподаватели колледжей приглашали меня читать лекции по философии, религии, социологии, межконфессиональному диалогу и Бхагавад-гите. Также время от времени я проводил кулинарные курсы для вегетарианцев.

Мой дорогой Гурудев Шрила Прабхупада покинул этот мир во Вриндаване 14 ноября 1977 года. Мне никогда не забыть этот день. Все опустело вокруг. Мое терпение было смыто потоками слез, а из сердца вырвался крик: *Куда мне теперь идти, когда мой самый дорогой друг и вожатый оставил меня одного в этом противоречивом и запутанном мире? Как я теперь буду жить без его любви, его улыбки и его мудрости?* Я понял, что теперь мне нужно научиться ощущать присутствие своего гуру в сердце. Моя искренность должна пройти проверку на то, как в его отсутствие я буду следовать его священной воле, приказавшей мне полюбить Кришну и стать инструментом этой любви. Если ученик искренне следует наставлениям своего духовного учителя, гуру всегда находится рядом, направляя ученика и защищая его. Служение в разлуке — это проверка нашей благодарности и любви. И такая разлука, как я постепенно понял, приносит ощущение самой сладкой близости.

В 1982 году мои духовные братья стали настаивать на том, чтобы я дал обеты свами — монаха, хранящего целибат и посвятившего свою жизнь исключительно служению Богу. Я всячески сопротивлялся этому, так как понимал, что почитание и поклонение, которые приходят вместе с титулом «Свами», могут заслонить от меня высшую цель. Кроме того, я не чувствовал себя достойным такого титула. Но просьбы и настоятельные требования не прекращались. *Как быть?* В своих молитвах я обращался к Шриле Прабхупаде и к Господу. В последовавшие за этим месяцы старшие вайшнавны и голос моего гуру в сердце подсказали мне, что в своем выборе я должен руководствоваться одним-единственным соображением: как я могу лучше служить Богу. В мае 1982 года я принял санньясу. С этого дня меня стали звать Радханатха Свами.

В 1983 году я снова приехал в Индию — впервые за одиннадцать лет. Я летел на самолете из Лондона в Дели. Тот же самый путь, который я когда-то проделал автостопом за полгода, самолет преодолел меньше чем за девять часов. Однако я ни за что не променял бы опыт, который я обрел во время своих сухопутных странствий и который перевернул мою жизнь, на скорость и надежность этого быстрого способа передвижения. Под конец своей поездки я совершил паломничество в свой родной дом — Вриндаван. Безграничная радость возвращения была омрачена горечью многих утрат: почти никого из дорогих моему сердцу людей уже не было в живых. Я бродил от ашрама к ашраму — только для того, чтобы узнать, что еще один мой добрый друг покинул этот мир.

Особенно мне хотелось увидеть одного близкого мне человека, и я шел к нему, моля Бога, чтобы застать его в живых. Рядом с полуразрушенным древним храмом из красного песчаника моим глазам предстала картина, тронувшая меня до слез. На голых каменных ступенях в полнейшем одиночестве сидел человек, слава которого была сокрыта от мира, но вечно сияла у меня в сердце. Это был мой дорогой Ганашьям. Он сильно постарел с тех пор, как я видел его в последний раз. Он стал таким худым и хрупким, что сильный порыв ветра, казалось, мог свалить его с ног. Его слезящиеся глаза были опущены, и он медленно повторял имена Радхи и Кришны. Я тихонько подсел к нему. Плача от охватившей меня радости, я прошептал: «Ганашьям Баба, помнишь ли ты меня? Я вспоминал о тебе каждый день своей жизни».

Скосив на меня свои детские, невинные глаза, он взглянул мне в лицо, пытаясь вспомнить незнакомца, сидящего рядом с ним. После нескольких долгих мгновений он нарушил молчание изумленным шепотом: «Кришнадас?» Слезы брызнули из его глаз и покатались по щекам. Весь дрожа от волнения, он воскликнул: «Кришнадас, неужели это ты?» Трясущейся рукой он гладил меня по щеке, заглядывая мне в глаза. Все мышцы на его старом лице напряглись от охвативших его чувств. «Да, это ты, Кришнадас! Это ты!» — плакал он. С огромным трудом он склонил голову к самой земле, благодаря Бога. Потом медленно поднялся и робко взял меня за руку. Его голос срывался от радости: «Пойдем, Кришнадас, пойдем! Гопиджана-Валлабха

заждался тебя. Прощу тебя, пойдём!» Ганашьям медленно повел меня по переулку, который снился мне столько раз, и привел к крошечному храму в чуланчике. Что за дивный праздник наступил для моих глаз и для души: еще раз встретиться лицом к лицу с Радхой, Гопиджана-Валлабхой и Их дорогим слугой, Ганашьямом! Он, как всегда, стал предлагать мне свои враджа-роти и все остальное, что у него было. Я просидел с ним несколько часов, пролетевших, как одно мгновение. В сердце моем не было ничего, кроме благодарности: я был дома.

Однако мои обязанности звали меня обратно в Америку. На следующий год я снова приехал во Вриндаван, предвкушая встречу с моим Ганашьямом. Дрожа от нетерпения, я перешагнул через канализационную канаву и вошел в знакомый дом. Но храм Радхи Гопиджана-Валлабхи превратился в обычную кладовку. Божества ушли. Более шестидесяти лет эта убогая комнатка была обителью Господа, который явился из земли, чтобы принять служение Своего любимого Ганашьяма. Теперь же там стояли только веники, ведра, кухонная утварь и висела какая-то одежда. Мать семейства вышла из кухни, чтобы узнать, что мне нужно.

«Где Радха и Гопиджана-Валлабха?» — спросил я.

«Они нашли себе другой дом».

«А где Ганашьям Баба?» — вырвалось у меня.

Махнув рукой в небо, она ответила: «Ушел к Кришне».

В оцепенении я вышел наружу. Взглянув на небо Вриндавана, я заплакал. Я шептал: «Ганашьям, ты навеки поселился в маленьком чуланчике моего сердца. Там я всегда буду согрет одеялом твоего смирения и накормлен лепешками твоей бескорыстной любви».

В 1985 году я вел группу из двадцати человек вокруг холма Говардхана. Не помышляя ни о каких сюрпризах, я вдруг столкнулся лицом к лицу с Асимом, своим давним другом. На радостях мы обнялись, охваченные чувством глубочайшей благодарности друг к другу. Четырнадцать лет назад, в последний день моего пребывания во Вриндаване, мы вместе обошли вокруг холма Говардхана. Было ощущение, что мы встретились на том самом месте, где расстались. Он очень обрадовался, узнав, что я принял обеты санньяси и стал свами. Найдя тихое место, мы сели и стали беседовать.

За эти годы Асим защитил докторскую диссертацию по санскриту в Колумбийском университете. В ученых кругах он носил свое имя — Алан Шапиро. Известные профессора, изучающие санскритские источники, обращались к нему за помощью. Но Вриндаван по-прежнему оставался его родным домом.

Асим заулыбался: «Подожди-ка меня здесь, Сваמידжи». Через несколько минут он вернулся с полотняной сумкой в руках. Я не мог сдержать улыбку, ибо знал, что было в сумке. Восхищенные милостью Господа, снова сведшего нас вместе, мы любовались красотой холма Говардхана и отмечали нашу встречу праздничным пиром из враджароти и гура. Наша дружба продолжалась вплоть до 1998 года, когда, по воле Господа, он ушел из этого мира.

Титул санньяси требовал от меня все более частых поездок — я стал выступать с лекциями для все более широкого круга людей.

Летом 1988 года один приятель взялся отвезти меня на машине из Лос-Анджелеса в Биг-Сур на встречу с особым другом — отцом Беде Гриффитсом, католическим монахом и автором нескольких книг, в которых он проводил параллели между христианством и индуизмом. Отец Гриффитс пригласил меня провести семинар в монастыре бенедиктинцев. Мы неслись по шоссе, опустив в машине окна и наслаждаясь ветром с Тихого океана. Мой друг остановился у бензоколонки, чтобы заправиться, а я решил тем временем сделать один важный звонок из телефона-автомата на обочине. Уже вешая трубку, я заметил внизу на полке телефонный справочник. Справочник был раскрыт на странице с буквами «Лис» в строке указателя наверху. Я сразу же вспомнил, что Гэри, мой старый друг, носил фамилию Лисс. Любопытства ради я провел пальцем вниз по колонке и, к своему немалому удивлению, обнаружил имя «Гэри Лисс». *Не может быть! Я не видел его с 1972 года, когда мы растались у пещеры в Непале. С тех пор минуло семнадцать лет!* В справочнике значился и адрес: Малибу-роуд в Малибу-Бич. Подняв голову, прямо над телефонной будкой я увидел уличный указатель. На нем было написано: *Малибу-роуд*. Посмотрев дальше на дорогу, я увидел небольшой домик с тем же адресом, что и в справочнике. Однако я рассудил, что в Америке, наверное, живут тысячи людей с именем Гэри Лисс. К тому же мы должны были приехать в Биг-Сур

до наступления темноты. Разум доказывал мне, что шансы увидеть моего старого друга невелики, и доводы рассудка победили нахлынувшие на меня чувства. Тем не менее я записал адрес и решил когда-нибудь вернуться в Малибу-Бич и поискать Гэри.

Год спустя, летом 1989, по дороге из Индии, я взял напрокат автомобиль и отправился из Лос-Анджелеса в Малибу-Бич. Не тут-то было. Небольшого домика по адресу, указанному в телефонном справочнике, больше не существовало — на его месте была пустая площадка. Я спросил соседа: «Не знаете, что случилось с этим домом?»

«Его снесли в прошлом месяце».

«А кто там жил, как звали хозяина?»

«Я не знаю».

Озадаченный, я стоял, раздумывая, что делать дальше. Позади пустого участка виднелся теннисный корт, а за ним, прямо на берегу Тихого океана, — великолепный особняк. В этом шикарном районе я со своей бритой головой и шафрановыми одеждами монаха, наверное, был зрелищем непривычным, ибо в следующий момент из особняка за кортом вышел спортивного вида человек средних лет, с могучей шеей и телосложением культуриста. Он смерил меня подозрительным взглядом и решительно направился через теннисный корт прямо ко мне. *Наверное, здесь нельзя стоять*, — подумал я. Когда он подошел ближе, из-под всей этой груды мускулов проглянуло что-то родное и знакомое, неистребленное неумолимым временем. Вне себя от радости я закричал: «Гэри, это я, садху из пещеры! Ты помнишь меня?»

«Братишка, это ты! — закричал он в ответ. — Глазам своим не верю!»

Незримая рука Господа снова свела нас вместе.

Прошло восемнадцать лет, и нас обоих было не узнать. Я был таким же худым, как и прежде, но вместо длинных волос у меня теперь была бритая голова и одет я был в шафрановые одежды свами. У Гэри тоже больше не было ни длинных волос, ни бороды. Его лицо было чисто выбрито, а короткие волосы аккуратно расчесаны на пробор. Его некогда костлявое, тощее тело бугрилось теперь холмами накачанных мышц. Было очевидно, что пути наши разошлись. Смутное опасение шевельнулось в сердце каждого из нас. *Осталось ли у меня что-то общее с этим человеком?*

Гэри спросил: «Как теперь тебя называть: Ричардом, Манком, Кришнадасом или как-то еще?»

«Люди называют меня Радханатха Свами, но ты можешь называть меня просто Свами».

«Так вот, Свами, — продолжал он, — многое изменилось за эти восемнадцать лет. Не жди от меня, что я остался прежним».

«Конечно, Гэри. Давай просто поговорим, как мы жили все эти годы».

Как выяснилось, он снес свой старый дом на том участке, где мы стояли, и собирался строить новый. Он пригласил меня в гости — в элегантный особняк на побережье, принадлежавший его тете и дяде. Сев, мы стали взахлеб рассказывать друг другу о том, что произошло с нами за эти годы.

После Индии, рассказал мне Гэри, он проехал автостопом через всю Африку, Южную Америку, Центральную Америку и вернулся в Штаты через Мексику. Он провел в путешествиях почти семь лет. Вдохновленный примером Махатмы Ганди, Гэри решил стать адвокатом. Учась на юриста, он одновременно с этим старался восстановить пошатнувшееся за время путешествий здоровье. Чтобы вернуть себе форму, он решил заняться бодибилдингом. За прошедшие годы он успел получить диплом юриста и жениться, однако не бросал своих занятий и стал чемпионом штата по бодибилдингу. Позже ему предложили место тренера в престижном спортзале Малибу, и он решил серьезно заняться тренерской карьерой. С тех пор он стал профессиональным тренером для богатых людей из Малибу, Голливуда и Лос-Анджелеса.

«Гэри, — воскликнул я, — никогда в жизни я бы не поверил, что ты станешь жить в Малибу-Бич и тренировать богачей и знаменитостей! Не перестаю поражаться поворотам нашей жизни». В особняке с видом на океан, под шум волн, набегающих на морской берег, мы проговорили с ним весь день и всю ночь. Сидя со скрещенными ногами на устланном коврами полу, я, откинувшись спиной к стене, заметил: «Знаешь, Гэри, хотя и твое тело, и твой социальный статус очень сильно изменились, я вижу, что внутри ты остался таким же, как прежде, — добрым и верным искателем истины». Все наши опасения о том, что нам не о чем будет говорить друг с другом, развеялись той ночью, когда мы стали делиться своими переживаниями

и сокровенными мыслями. Нам казалось, что та пещера в гималайских джунглях незаметно превратилась в роскошный особняк в Малибу-Бич. Мы говорили так, как будто никогда не расставались. После восемнадцати лет разлуки мы чувствовали, что связь между нами стала еще крепче.

Когда Гэри слушал мою историю, глаза его блестели от слез: «Свами, я столько раз думал о тебе! Я не сомневался, что ты занимаешься чем-то в этом роде. Все время вспоминаю тот вечер на Крите, когда ты услышал зов. Столько лет уже прошло, а ты все продолжаешь следовать этому зову. Поразительно!»

Воспоминания накатывали на нас волнами, чтобы снова вернуться в океан наших благодарных сердец.

«Свами, — сказал Гэри, — наши жизни такие разные. Что у нас теперь с тобой общего? Я тренер, и мое дело — убедить людей, что они будут счастливы, имея здоровое и красивое тело. А ты — свами. Ты убеждаешь их, что они будут счастливы, если осознают себя вечными душами, которым не нужно тело».

Я улыбнулся ему в ответ и сказал: «Господь обитает в сердце каждого из нас, и наше тело — это храм Бога. Мы с тобой вполне можем сотрудничать. Ты объясняешь людям, как они могут сделать лучше свой храм, я же попытаюсь учить их, что они должны делать внутри него».

Гэри засиял от радости: «Точно! Наше путешествие начинается вновь!»

Все эти годы я чувствовал себя в неоплатном долгу перед Индией и ее людьми. Я часто вспоминал, как, будучи нищим юношей, в отчаянии пообещал на индийской границе пожилому пограничнику-сикху: «Когда-нибудь, клянусь, я сделаю что-то хорошее для вашего народа».

В 1986 году я поселился в Индии. Я чувствовал, что там, где люди больше нуждаются в помощи, открываются особые возможности для служения. С этой мыслью я обосновался в одном из районов Бомбея. В качестве служения своему гуру и прекрасному народу Индии я помог построить несколько храмов и ашрамов, в которых люди получают духовное знание и учатся жить чистой жизнью. Мне посчастливилось участвовать в строительстве больницы, в которой используются

достижения как западной, так и традиционной индийской медицины, чтобы помочь людям оздоровить тело, ум и душу. Врачи этой больницы организуют бесплатную медицинскую помощь в бедных районах Индии, как в обычное время, так и в чрезвычайных ситуациях, помогая жертвам террористических актов, землетрясений или цунами. Вместе с моим давним другом Рамешем Бабой и его последователями мы ежегодно организуем специальный лагерь глазной хирургии во Вриндаване, где проводятся шестьсот-семьсот операций в год по устранению катаракты. За эти годы у меня была возможность основать несколько школ, где дети вместе с академическим образованием получают нравственное и духовное воспитание, а также приют для детей-сирот и ферму, где сельское хозяйство ведется без нарушения экологии и где коровам не грозит гибель на бойне. В Бомбее мы открыли несколько кухонь, которые в настоящее время ежедневно кормят полноценными обедами сто пятьдесят тысяч голодающих детей в школах, расположенных в трущобах. Борясь с безнравственностью и межконфессиональной нетерпимостью, мы проводим в начальных и средних школах специальные курсы для детей из семей индусов, мусульман, христиан, иудеев, джайнов, буддистов и прочих, преподавая им на основе притч и историй общие для всех религий универсальные этические ценности. Для студентов — будущих лидеров общества — мы каждую неделю проводим культурные программы в тридцати колледжах Бомбея и его окрестностей, стараясь привить молодому поколению высокие нравственные принципы и идеалы.

Однако должен признаться, что все это малость по сравнению с теми сокровищами, что я получил от индийского народа — как садуху, так и обычных людей. Благодаря им в мою жизнь вошли Кришна, мой любимый гуру и бесчисленные возможности служить им и делиться этим благословением со всем миром.

В 1989 году мои родители впервые приехали ко мне в Индию. Эта поездка стала переломным моментом в их жизни. Они были очарованы бомбейскими вайшнавами, а с некоторыми из них подружились на всю жизнь. Когда же в 2004 году в Чикаго моя дорогая мать покинула этот мир, отец с братьями попросили меня произнести прощальную речь и отвезти ее прах в Индию. Они сказали: «Мама гордилась всем тем, что ты там делаешь, и очень сильно полюбила твоих индийских друзей и последователей».

Во время церемонии на берегу Ганги, где без малого две тысячи вайшнавов искренно возносили молитвы и пели мантры, я опустил ее прах в мать-Гангу. Со слезами благодарности я вспоминал, как тридцать четыре года назад принял Гангу своей матерью.

Когда поток подхватил пепел, я со слезами на глазах зашептал молитву: «Сегодня здесь соединились обе мои матери: мать, давшая мне материальное тело, и мать, помогшая мне возродиться духовно. Теперь они, слившись вместе, достигнут моря. Прошу Тебя, дорогой Господь, пожалуйста, сделай так, чтобы душа моей матери влилась в безбрежный океан Твоей вечной милости».

Этот момент был глубоко символичен для меня. Йога означает союз с нашей духовной сущностью, а религия призвана вернуть нас к этой сущности. Бхакти-йога — это наука о том, как преобразить материю в дух. Когда преданность Господу освещает все, что у нас есть, — отношения, таланты и все остальное, — духовная любовь пробуждается у нас в сердце. Так наше тело и душа объединяются в стремлении к одной цели, а любовь, которую мы проявляем друг к другу в этом мире, одухотворяется и становится вечной. Бхагавад-гита открывает эту тайну, называя ее совершенством йоги и высшей целью жизни.

Оглядываясь назад, я чувствую себя в неоплатном долгу перед всеми, кого встретил во время своего путешествия, перед всеми людьми, которые помогли мне духовно расти на этом пути. Я не имел ни малейшего представления о том, куда ведет меня незримая рука судьбы. Пройдя через множество испытаний, я понял одну истину: если мы неуклонно следуем своим священным идеалам, не позволяя успехам или неудачам сбить нас с избранного пути, то можем почувствовать удивительную силу, которая, будучи неизмеримо могущественней нас самих, проверяет нас, защищает и наделяет способностью сделать что-то хорошее.

Я молюсь о том, чтобы эта непритязательная история воодушевила читателей и подарила им надежду. Наш настоящий дом, где вечно царит покой, ждет нас в конце нелегкого путешествия нашей жизни. Надежда вернуться домой вечно манит нас и помогает преодолеть любые трудности на нашем пути — пути, ведущем туда, где нас ждет потерянная некогда любовь.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА

Все эти годы многие люди настойчиво уговаривали меня опубликовать эту историю. Я сопротивлялся, считая дурным тоном писать книги о самом себе. Но внезапно произошло событие, заставившее меня пересмотреть это решение. В мае 2005 года мне позвонил мой дорогой друг Бхакти Тиртха Свами. Он был смертельно болен и хотел видеть меня. Бхакти Тиртха Свами по происхождению был афроамериканцем; он прошел непростой путь от безвестного мальчика из кливлендского гетто до духовного наставника самых известных людей планеты: в числе тех, кому он помогал, значились, помимо многих прочих, Нельсон Мандела, Мухаммед Али и Элис Колтрейн.

Я приехал на ферму в Пенсильвании, где в небольшом доме умирал от рака Бхакти Тиртха Свами. Он взглянул на меня, лежа на постели, и промолвил с лучезарной улыбкой: «Я хочу умереть у тебя на руках. Прошу, будь со мной до конца». В течение следующих двух месяцев я сидел возле его кровати, разговаривая с ним о духовных тайнах и чудесах и читая ему истории из священных санскритских писаний.

Лучше, чем Бхакти Тиртха Свами, меня не знал никто. Он был посвящен во все подробности моего духовного поиска и знал о моих сомнениях по поводу написания книги. В один день, глядя мне в глаза, он сжал мою руку и произнес: «Это не твоя история. Это рассказ о том, как Бог повел одного юношу в удивительное путешествие на поиск тайн, хранящихся внутри каждого из нас. Не будь скупцом. Поделись тем, что было даровано тебе». Его голос сорвался, а по черной щеке скатилась слеза. «Обещай мне, — сказал он, — здесь, у моего смертного одра, что опубликуешь эту историю». Несколько дней спустя, 27 июня 2005 года, он покинул этот мир. Эта книга — моя попытка исполнить его последнюю волю.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я выражаю свою самую искреннюю благодарность всем моим друзьям, которые помогли этой книге увидеть свет. В первую очередь мне хочется поблагодарить Джошуа Грина, моего любящего брата, который вложил в эту книгу весь свой опыт и помог понять этапы, через которые должна была пройти подготовка этого издания. Его поддержка стала поистине бесценным даром. Огромное спасибо доктору Маргерит Реган и ее супругу Дэвиду Картеру за подготовку рукописи, за их изыскания, писательский и редакторский талант, а также за их любовь и юмор, с которыми они пытались научить меня писательскому ремеслу. Я также очень признателен их гуру — Тамал Кришне Госвами, который благословил меня на эту работу. Отдельная благодарность Кире Раян, редактору высочайшей квалификации, которая буквально вытягивала из моей памяти давным-давно забытые мною детали и подробности. Ее опыт и мудрость сделали из моей рукописи то, чем она сейчас является. Я в огромном долгу перед ней за ее чуткость и советы.

Я также очень признателен Сатсварупе дасу Госвами, Шачинандане Свами, Гирираджу Свами, Ниранджане Свами, Девамрите Свами, Бхакти Вигьяне Госвами, Шьямасундаре, Гурудасу, Гаура Вани Бухвальду, Радха-Валлабхе, Ягья-Пуруше, Гададхару Пандиту, Каустубхе, Рагхунатху Капшо, Атмананде, Стивену Розену, Кристине Дорниг, Айришу Физи, Гэри Лиссу, Ваджа Лиле, Джамбавати, Джая Гурупаде и моей добросердечной духовной сестре Рукмини Деви за их неоценимую поддержку и высказанные ими предложения.

Моя сердечная благодарность индийской общине храма Радхи-Гопинатхи в Мумбаи, особенно Радживу Шриваставе, Нарендре Десаи, Кушалу Десаи и Хришикеше Мафатлалу за их энтузиазм и всестороннюю помощь. Я выражаю свою благодарность также Говинде, Гауранге, Гаура-Гопалу, Гаура-Говинде,

Радхе Шьяму, Чайтанье Чарану, Радха-Кунде, Джаганнатха-прие, Радхе-Гопинатху, Девананде Пандиту, Шьямананде и Санат-Кумару за их вклад. Отдельное спасибо Джаганнатхе Киртану за составление карт, Гопинатхе Чарану за фотографии и Арджуне Мехре за создание вебсайта.

Мне также было очень приятно работать с моим добрым другом Раулем Гоффом из издательства «Mandala Publications», вложившему в эту книгу не только свой высокий профессионализм, но и сердце. Я также благодарен Арджуне ван дер Коидж, Эшли Николаусу, Джейку Герли, Крису Маасу и Расикананде.

Огромное спасибо Аркадию Зильберману и Адриану Крупчанскому, благодаря которым русский перевод этой книги увидел свет.

Отдельная благодарность моему отцу Джерри Славину, покойной матери Адели и двум братьям Марти и Ларри с их семьями. Их любовь и горячее желание увидеть эту книгу изданной придавало мне уверенности в работе над ней.

И наконец я хочу выразить свою искреннюю благодарность всем вам, моим читателям, которые так любезно раскрыли свои сердца, позволив мне смиренно послужить вам рассказом о своем путешествии домой.

*«Я всем сердцем молюсь о том, чтобы
в Москве появился Центр ведической культуры,
где любой человек мог бы открыть для себя
сокровенные тайны ведического знания.
Моя искренняя благодарность всем, кто
участвует в этом грандиозном проекте».*

Радханатха Свами

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

В последние десятилетия интерес западных людей к Индии и ведическому знанию вырос как никогда. Во всех крупных городах Нового и Старого Света открылись многочисленные клубы йоги и медитации, вегетарианские рестораны и центры изучения ведической философии. Наряду с этим, в некоторых столицах мира начали возводиться большие центры ведической культуры в виде настоящих ведических храмов, построенных в соответствии с канонами древнеиндийского зодчества. В ближайшем будущем такой Центр ведической культуры появится и в Москве.

Автор этой книги, Шрила Радханатха Свами, — один из духовных лидеров проекта строительства Московского центра ведической культуры. Он регулярно приезжает в Москву, читая лекции, касающиеся разных аспектов ведической философии и культуры, а также лично перечисляет в фонд строительства часть пожертвований, получаемых от учеников и друзей.

Центр ведической культуры в Москве — это международный проект, призванный авторитетно представить древнейшую на Земле ведическую культуру в ее изначальной форме. В Центре любой желающий сможет посещать курсы и семинары по всем аспектам ведического знания: философии, *аюрведе* (ведической науке о здоровье), *джьотишу* (ведической астрологии), йоге, мантра-медитации, вегетарианской кулинарии и многим другим. Также в Центре планируется открытие ведического театра и библиотеки

ведической литературы, в которой будут представлены древние священные писания на санскрите с переводами на русский, английский и многие другие языки мира, включая языки народов бывшего СССР. Для многочисленной индийской общины в Москве и российских последователей бхакти-йоги в Центре предусмотрен храмовый зал с алтарем, где будут регулярно проводиться традиционные обряды и службы.

Покровителями проекта являются многие видные политические и общественные деятели России и Индии, включая главного министра Дели г-жу Шейлу Дикшит, президента Ассоциации индийцев в России г-на Санджита Кумара Джха и многих других.

Более подробную информацию о проекте и способах участия в нем можно получить на сайте www.veda.ru.

Благодарим за внимание!